

НОВЫЙ Журнал

НЬЮ-Йорк

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)

Г. Андреев, Л. Ржевский

1976 – 1981 редактор Роман Гуль

1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Е. Магеровский

1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Ю. Кашкарров, Е. Магеровский

1986 – 1990 Редакционная коллегия

1990 – 1994 редактор Юрий Кашкарров

1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Семьдесят седьмой год издания

Главный редактор – Марина Адамович

Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах, Марина Гарбер, Елена Дубровина, Мария Рубинс, Владимир фон Цуриков.

Ответственный секретарь – Наталья Бернадская

Редакция: Владимир Гандельсман, Наталья Гастева, Рудольф Фурман

The New Review, Inc.:

T.Bobrinskoy; T.Chebotareva; S.Hollerbach; G.Glinka; M.Jordan;
P.Khlebnikov; V.Kreyd; G.Mesniaeff; A.Nebolsine; A.Neratoff;
I.Sikorsky; P.Tcherepnine; V. von Tsurikov; M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW

№ 297, декабрь 2019

© 2019 by THE NEW REVIEW

Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» он-лайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly
by The New Review, Inc., 1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y.
10001. Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No.
596680. POSTMASTER: send address changes to The New Review,
1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y. 10001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

<i>Исаак Розовский – Волшебный дар Сандалетова. Повесть</i>	5
---	---

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Марина Гарбер – Мертвый час. Стихи</i>	41
<i>Джудит Мок – В Сибирь. Стихотворение</i> <i>(Предисловие и перевод М. Меклиной)</i>	47
<i>Александр Немировский – Стихи</i>	51
<i>Елена Улановская – Город, где цвели абрикосы. Повесть</i>	59
<i>Татьяна Вольтская – Стихи</i>	99
<i>Александр Бараш – В долине великанов. Стихи</i>	103
<i>Иван Волосюк – Стихи</i>	106
<i>Виталий Рахман – Стихи</i>	108
<i>Каринэ Арутюнова – Цвет Боннара. Рассказы</i>	112
<i>Ара Мусаян – Год 2019. Миниатюры</i>	125

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

<i>Б. П. Каретников – Два фельетона Юрия Фельзена</i>	139
<i>Юрий Фельзен – Два фельетона</i> <i>(Публ. – Б. П. Каретников)</i>	142
<i>Переписка М. А. Алданова и С. С. Постельникова</i> <i>(Публ. – Станислав Пестерев)</i>	156
<i>В. П. Павлович – Митавский «Сфинкс» (Публ. – Ю. Сандулов)</i>	258
<i>Юрий Мандельштам – Три статьи</i> <i>(Публ. – Е. Дубровина)</i>	290
<i>«Меря жизнь гармонией небесной...»</i> <i>Письма Бориса Чичибабина к Полине Брейтер</i>	302

КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ

<i>Елена Дубровина – Русская литературная диаспора</i> <i>во Франции</i>	336
<i>Ренэ Герра – Апокалипсис Гражданской войны</i>	347

ЭССЕ. ЗАМЕТКИ

<i>Олег Заславский – От темы к структуре.</i> <i>Об одном стихотворении Б. Чичибабина</i>	356
--	-----

<i>ОБ АВТОРАХ</i>	361
-------------------------	-----

Издательство «Новый Журнал» / The New Review Publishing

предлагает следующие книги:

«Гражданин мира. Лауреаты Премии им. Марка Алданова. 2007–2016». Сборник прозы. – 2017. 474 с.;

Сергей Голлербах. Нью-Йоркский блокнот. Книга воспоминаний. – 2013, 246 с., иллюстрации автора;

Сергей Голлербах. Вспоминая с улыбкой. – 2019. 172 с., иллюстрации автора;

Сергей Голлербах. Размышления недовопплотившегося человека. – 2020. 176 с., иллюстрации автора;

Serge Hollerbach. New York on My Mind. Memoirs of a Displaced Person. – 2015. 160 p., ill.;

Serge Hollerbach. From a Personal Point of View. – 2016. 112 p., ill.;

Роман Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. III. «Россия в Америке». – 1989. 400 с., фотографии. Первое издание. (В хорошем состоянии, нераспроданные остатки тиража.);

Валентина Синкевич. При свете лампы. Стихи разных лет / Серия «Современная литература Зарубежья». – 2016. 136 с., фотографии.

Старые номера «Нового Журнала». 1950–2000 (отдельные книги).

А также – специальные номера НЖ в проекте «Русская эмиграция на культурных перекрестках XX–XXI столетий»: Болгария, Китай, Сербия, США, Франция, Чехословакия.

За справками обращаться в редакцию НЖ:

newreview@msn.com; 212-353-1478

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

Исаак Розовский

Волшебный дар Сандалетова

Все мы вышли из гоголевской шинели

Несмотря на свою летнюю и даже отчасти легкомысленную фамилию, Аркадий Аркадьевич Сандалетов был, скорее, человеком осенним, то есть тусклым и пасмурным, как ноябрьский денек. Да и с чего ему веселиться? Даже во времена мятежной юности страсти, влюбленности и прочие безумства как-то обходили его стороной. И в последующие годы ничего примечательного на любовном, трудовом и прочих фронтах с ним не случилось. Он к тому же родился не просто в високосном году, что считается дурной приметой, но как раз 29 февраля – в лишний день. Так что, если по-честному, отмечать свое рождение должен был бы раз в четыре года. И этот факт стал точной метафорой его жизни. Не суть важно, что сердобольная регистраторша в роддоме записала ему в графе «дата рождения» 1 марта. Пока другие проживали четыре года, Сандалетов – только один. А значит, и событий, достойных упоминания, на его долю выпадало в четыре раза меньше, чем у остальных.

В свои 40 лет Сандаля, как звали его немногочисленные знакомые, мира не посмотрел, себя ему не показал и тихо трудился в какой-то канцелярии совсем уж мелким клерком. По месту работы его давно записали в «бесперспективные» и терпели больше из милости, благо начальник канцелярии считался (и был) человеком с добрым сердцем и истинным либералом. Так что ни о какой карьере, а с нею – о прибавке к зарплате, думать не приходилось. Сослуживцы Сандалетова почти не замечали, а если вспоминали, то лишь в тех случаях, когда надо поручить кому-то совсем уж скучную работу.

Ближе к тридцати он, как положено, обзавелся супругой, столь же мало примечательной. У них и сынок родился – под стать родителям – тихий, золотушный и блеклый.

Свои вечера Сандалетов с женой обыкновенно коротали перед телевизором. Предпочитали передачи юмористические, особенно, если с Петросяном, но не чурались и информационных программ.

Тем паче, в них сообщали прогноз погоды, которым маниакально интересовалась жена, хотя этот ее интерес ничем не был оправдан. Жизнь семьи Сандалетова от природных катаклизмов мало зависела. Хоть снег, хоть дождь – до метро всего минута ходу (в этом им повезло!). В крайнем случае, зонтик захватить. А летом? Увы, упоительное время летних отпусков и в дождливые лета, и в ведро, они проводили не на Лазурном берегу и даже не в Коктебеле, а у тетки жены под Кинешмой, где, правда, был пруд, а в нем водились караси.

Отсутствие событий – ни тебе радостей, ни (хотя бы) горестей – сказывалось. Супруги как-то незаметно, но быстро состарились – не по паспорту, а по жизни. Не сказать, что сам Сандалетов был в восторге от своего скучного бытия, но привык, притерпелся и начал получать известное удовлетворение от ощущения «стабильности». Любых авантур он всегда сторонился – мол, куда нам? Мы люди маленькие. Эту присказку за ним привычно повторяла и супруга. Но порой она вздыхала, пугливо оглядываясь на Сандалетова. Из чего он сделал вывод, что она за ним не так уж счастлива, – и огорчился.

Конечно, о себе как о человеке маленьком многие говорят. Но ведь говорят больше из скромности, а в тайных мечтах и сновидениях видят себя не иначе как Бонапартом или, на худой конец, олигархом средней руки. А вот если искренне, как Сандалетов, считать себя существом ничтожным и малозначащим, то тут большая, доложу вам, разница.

Конечно, в молодости мечты Аркадия посещали. Но были они какие-то несуразные и совсем не героические. Ведь как обычно бывает? Юный человек, обдумывающий жите, задается вопросом: делать жизнь с кого? И находит в литературе или в кино некий идеальный образ себе под стать. Кто выбирает Чапаева, кто Остапа Бендера. А его любимым героем был, стыдно сказать, Петр Иванович Бобчинский. Да, тот самый – из «Ревизора». Может, и не любимым, но тем, про кого мгновенно понимаешь – это же про меня! Когда этот комический персонаж просил Хлестакова передать государю – дескать, «в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский», весь класс покатились со смеху, но сердце Сандалетова вдруг сжалось от внезапного сочувствия, от тоски и печали, а глаза его наполнились слезами, ибо он *понял*, что хотел выразить своей нелепой просьбой милый Петр Иванович. А хотел тот очень простой вещи: чтобы на самом верху узнали, что и он, Бобчинский, существует. И не за-ради какой-то выгоды и амбиций, а чтобы просто услышали, что, дескать, и *Аз есмь*.

Вот и Сандалетов тоже – как Бобчинский. Мечты его не простирались дальше вполне бескорыстного желания, чтобы мир узнал, что и «аз есмь».

Он помнил, как в детстве ему бабка по отцовской линии говорила: «Запомни, Аркашка, у каждого человека в жизни бывает свой звездный час.» – «И у меня будет?» – с замиранием сердца спрашивал внук, прижимаясь к ней. – «Обязательно будет. И главное – его тогда не упустить.»

И Сандалетов терпеливо ждал своего часа, хотя уже начал сомневаться, что тот наступит. Куда больше было похоже на то, что остаток дней суждено ему коротать в рутине и безвестности, как вдруг...

2 марта, на следующий день после его формального сорокалетия, у Аркадия внезапно открылся дар. И дар, надо сказать, удивительный.

Кстати, упомянутая выше бабка, которую он часто вспоминал со светлой печалью, ему о чем-то в этом роде рассказывала. Мол, в древних и секретных еврейских книгах – то ли в Каббале, то ли в Протоколах сионских мудрецов – сказано, что у праведников открываются неожиданные способности. Начинают они предсказывать будущее, исцелять безнадежно больных, находить клады и так далее. Не сразу, конечно, а когда к этим особым людям приходит мудрость. Вот только Аркадий смутно помнил, когда она приходит, – то ли в сорок лет, то ли в пятьдесят. Ну, будем считать, что в сорок.

Нет, он не начал пророчествовать. И целителем тоже не стал. А вот насчет клада – это еще вопрос. Прочитав на каком-то спортивном сайте, что некий российский бизнесмен приобрел в княжестве Монако местный футбольный клуб, Сандалетов привычно возмутился: «Вот гад! Умыкнул, небось, народные денежки, а теперь шикует. В тюрягу бы его, а не клуб!» А на следующий день они с женой смотрели по телевизору последние известия. И вдруг в разделе «Криминальная хроника» сообщают, что на того самого бизнесмена заведено уголовное дело, а сам он взят под стражу до окончания следствия. Даже фотографию его крупно показали. «Надо же! – воскликнулся Аркадий Аркадьевич. – Наконец-то у нас, кажется, всерьез занялись коррупцией. Но я-то каков!? Как в воду глядел! И дня не прошло, а он уже сидит.» Случайность, конечно, но ведь приятно.

А через пару дней он прочел, как группа российских бизнесменов и общественных деятелей отправилась в Израиль в паломничество «по моисеевым местам». Ну, в смысле, походить по пустыне, где Моисей свой народ сорок лет водил, чтобы причаститься духовности, отринуть ежедневную суету, подумать о вечном. Безымянный автор статьи с подобострастием описывал, как эти бизнесмены маршируют за духовностью. Они сами в бурнусах и «арафатовках», а за ними

караван верблюдов со снедью и кавалькада джилов с кондиционерами, шатрами, музыкантами и «девочками». Интересное, однако, паломничество! Особенно Сандалетова возмутило, как их главный, который эту потеху выдумал, вещал, как важно в нашем беспокойном мире припасть к своим духовным истокам и чего-то там испытать. И вот на тебе! – Вечером в новостях сообщили, что этот самый банкир задержан вплоть до выяснения. И снова супруги со сдержанным злорадством отметили такое совпадение.

Но когда через неделю Сандалетов прочел в какой-то либеральной газетке очередное расследование махинаций известного олигарха и не на шутку разгневался, а на следующий день телевизор рассказал, что тот задержан (на этот раз в Лондоне) и диктор прозрачно намекнул, что это всё «англичанка гадит», его потрясению не было предела. Ведь как ни крути, первый раз – случайность, второй – совпадение. Но третий раз – уже закономерность? И жена удивилась: «Ты, Сандаль, прям старик Хоттабыч. Даже волосок из бороды выдирать не надо. Р-раз! И справедливость торжествует...». Посмеялись и спать легли. Завтра же на службу.

Но мысль о странной закономерности весь день не давала Сандалетову покоя. За ужином он сказал жене:

– Слушай, Кать, может, мне того... К Навальному обратиться?

– Зачем тебе Навальный?

– Как же. Стоит мне повозмущаться, а их назавтра под белы ручки – и в кутузку. А он тоже ведь борец с коррупцией.

– Чудак ты, Аркаша! Чудак на букву «м», – ответила жена. Так быстро ответила, что ему стало ясно, что и она этот странный феномен весь день обдумывала. – На фиг тебе этот Навальный сдался? Во-первых, он на Госдеп работает, сам знаешь. А во-вторых, в кои-то веки нам счастье привалило, а ты со своим Навальным...

– Чего-то я, Кать, не понимаю. Какое счастье? О чем ты?

– Говорю же – чудак. А что если у тебя и вправду способности открылись, дар сверхъестественный? Конечно, это еще проверить надо. Но если всё так и окажется? Тогда, понимаешь, дурья башка, какие перспективы открываются?

– Какие перспективы? Чегой-то не врубаюсь я. Устал на работе, – сказал Сандалетов, стараясь не замечать словечек, которых она раньше применительно к нему не употребляла.

– Да уж, заработался. И много тебе твоя служба дала? А тут вот письмецо – и сразу в дамки.

– Какое письмецо?

– А такое. Пишешь: глубокоуважаемый олигарх. Так, мол, и так. Вы, дай бог каждому, завидного положения достигли. И теперь може-

те на всю катушку наслаждаться радостями жизни. Только для наслаждений свобода нужна, а не тюрьма, которая по вам давно плачет. Вот так и напишешь. И скажешь этак невзначай: мол, у меня интересный дар открылся. Я, конечно, со всем уважением, но если завтра к вечеру *не соблаговолите* перевести на мой счет миллион, то сядете как миленький. Понимаешь теперь?

– Так это же получается шантаж?!

– Да, шантаж, – не моргнув глазом, отвечала супруга.

Вот тебе и тихая! Вот тебе и серенькая мышка!

– Кать, ты что? Я честный человек. Это нехорошо – то, что ты предлагаешь.

– Хорошо, нехорошо... Завел шарманку. С волками жить – по-волчьи выть. Ты на них посмотри. Яхты у них, дворцы, клубы, вишь, футбольные. А на нас, маленьких людей, поплеывают. Словом, хватит! На-до-е-ло. Хочу быть, как старуха в сказке о золотой рыбке. Тем более, я ведь не старуха еще. Хочу пожить по-человечески. Чтобы не в Кинешму, а на курорт. Хоть в ту же Турцию.

– Зря ты про золотую рыбку. Сама знаешь, чем там кончилось.

– Так всё из-за жадности. Но нам-то много не надо. Миллион-другой вот так хватит, – тут Катя провела ребром ладони вдоль макушки. – Еще и Павлику оставим, чтобы он всю свою жизнь не мыкался. А ведь будет мыкаться. Весь в тебя пошел...

«Миллион-другой!» От слов жены у Сандалетова заныло в животе. Он был ошеломлен. А ведь и вправду. Она же дело говорит. Только вот...

– Только вот, – сказал он, – кто ж нам поверит, что у нас такие способности есть, что мы любого по щучьему велению можем в тюрьму засадить? А если, допустим, поверят, так ведь шлепнут за милую душу. Киллеров наймут. И не за миллион, а тысяч за пять. Мы ведь люди маленькие, недорого стоим...

– И ничего не шлепнут, если по-умному сделать. Я тут всё обдумала. Они же не дураки... в отличие от *некоторых*. Небось, понимают, что потерять один-два миллиона лучше, чем сразу всё, и чтоб небо в клеточку. Еще и в ножки тебе поклонятся, что так дешево отделились. Да и что для них миллион? Так, тьфу... А про киллеров скажешь, чтобы даже не думали. Ибо дар такой особенный, что всё схвачено.

– Так ведь не поверят... – слабо возражал смятенный супруг, более всего страшась, что у жены не найдется удовлетворительного ответа на его сомнения, и ее безумный, но такой, чего греха таить, соблазнительный план рухнет, еще не начавшись. Но зря он боялся.

– Правильно, не поверят. Они же не как *некоторые*, – снова

снисходительно усмехнулась жена. – Но их никто и не заставляет верить. Ты прикинь. Письмо-то ты кому пишешь?

– Олигарху.

– А вот и нетушки. Сразу трем олигархам. И прямо так заявляешь: знаю, мол, что вы мне не верите. Думаете, еще один шантажист наши денежки на шару заграбастать хочет. Но обращаю ваше внимание, что письмо это я не только вам отправил, а еще двоим. Можете копии посмотреть, там их фамилии. Спросите, зачем? А затем, что если от вас ответа не будет, то вечером в воскресенье гляньте в телевизор, если, конечно, вам повезет и вы сможете в него глянуть. Потому что один из вас троих, кому я письмо послал, будет к тому времени арестован. А кто этим неудачником окажется, это мне решать. Вот и всё. Как говорится, «конец сообщения»...

– Да, звучит, вроде, разумно, но...

– Никаких «но». Ответа сразу не жди. А вот на следующий день двое точно объявятся.

– Почему двое? А третий где?

– А третий в кутузке сидеть будет. На кого твой праведный гнев падет, того и задержат. Понял, голова?

– Да это ты у нас голова... Просто государственный, оказывается, ум. Ах ты, моя умница-разумница, – восхищенно сказал Сандалетов, встал и, пошатываясь от кружащих голову перспектив, отправился в сортир, а потом в спальню. Поздно. Пора делать ночь, как говорила его бабушка.

О, это была удивительная ночь! Настоящая ночь любви! Его вялая прохладная жена, с первых дней замужества отбывавшая супружеский долг и принимавшая его поползновения (тоже не сказать что слишком уж пылкие) с унылым и недовольным видом, в эту ночь вдруг преобразилась. Она была страстной. Она была властной. И дерзкой она была. Велела называть себя владычицей морскою и, взгромоздясь на Сандалетова, издавала такие охи и ахи, что ему с непривычки они казались чем-то неприличным, и он не на шутку тревожился, что соседи будут этими новшествами неприятно удивлены.

* * *

Наконец Катя уgomонилась и позволила истомленному супругу уснуть. Всю ночь ему снился огромный жук. Или таракан? Он недовольно шевелил усиками и явно был настроен агрессивно. Сандалетов попытался его согнать, но жук шмыгнул куда-то под одеяло, а потом выскочил и забегал по груди, больно царапаясь колючими лапками. Он задохнулся от омерзения и страха, но насеко-

мое вдруг перебралось на Катю. «Ну и пусть. Пусть по ней бегают», – предательски подумал Сандалетов, но Катя жука не испугалась, а, наоборот, обрадовалась. Она стала ловить его руками, поймала наконец и приложила к груди. Жук вдруг резко поменял цвет с черного на золотой и застыл там, аккурат в ложбинке, словно брошка. На нем и цепочка появилась. Тоже золотая. Внезапно из темных глубин подсознания всплыло слово из школьной программы по истории. Скарабей! Ну, конечно, скарабей! Священный жук древних египтян. Катя тут же подтвердила его догадку, нежно глядя жука и мурлыча: «Скарабеюшка ты мой, родненький...»

«Видно, к деньгам», – подумал Аркадий и попытался забрать у нее драгоценность. «Отдай, отдай!» – заверещала алчная супруга и стала молотить Сандалетова кулаками. Тут он проснулся, потому что Катя энергично его расталкивала и тормошила.

«Фу ты, всего лишь сон», – подумал Сандалетов. Ему смутно припомнился вчерашний с Катей разговор. Но он решил, что и разговор ему привиделся, и повернулся на другой бок. Но не тут-то было. Катя наяву трясла его за плечо и приговаривала: «А ну, вставай. Садись письмо писать». – «Какое письмо?» – пробормотал Сандалетов, внутренне холодея, ибо всё вспомнил. И испугался.

– Щас, щас, встаю уже. Что за спешка? Письмо подождет.

– Нет уж, не подождет. У нас жизнь не резиновая. Чем скорее напишешь, тем лучше.

– Ну, Кать, дай хоть в субботу отоспаться. А может, повторим? Ну, как ночью... Помнишь? Снова будешь владычицей морскою, – сказал он и засмутился с непривычки.

Супруга на секунду задумалась и плотоядно облизнулась. Но алчность взяла верх над похотью, и она, отбросив колебания, отвергла это заманчивое предложение. Правда, отвергла не до конца.

– Вот напишешь – тогда и подумаем. Может, днем, когда Павлик гулять пойдет...

Делать нечего. Наскоро позавтракав, Сандалетов сел за компьютер и стал выписывать фамилии, которые то и дело мелькали в расследованиях либеральной прессы. С самим письмом оказалось сложнее. Письменной речью супруги владели не шибко. Кате никакие варианты не нравились, и она всё браковала. Так они сидели и шушукались. Даже Павлик заметил.

– Что-то вы, шнурки, сегодня какие-то не такие. Чудные какие-то, – сказал он.

– И вовсе не чудные, а самые обычные, – сказала Катя.

Павлик недоверчиво пожал плечами, но возражать не стал и ушел в свою комнату.

Наконец письмо, хоть и корявое, было вчерне составлено. Слово «соблаговолите» там фигурировало.

– Так что, будем отправлять? – ужасаясь столь отчаянному шагу, спросил Сандалетов.

– Куда отправлять? Ты что, адрес знаешь?

– Не-ет. Да как узнать-то? У них, небось, всё засекречено.

Катя на секунду задумалась, но тут же просияла и сказала:

– Это не проблема. На адрес их главной фирмы пошлем. Посмотри, чем они там владеют. Лучше всего, чтобы нефть, газ или алмазы.

– Так там же секретарши, референты, консультанты. Всё тут же станет известно. Слухи пойдут...

– И пусть станет известно. Нам-то что? Мы – люди маленькие, – ухмыльнувшись, будто кого передразнивая, супруга. – Так даже лучше. Тут же *наверх* доложат. В общем, я в магазин, а ты ищи адреса их офисов. Понял? Только вот чего я опасаясь – раньше ты бескорыстно гневался, а теперь с корыстью. Вдруг дар твой в этих случаях не действует? Во всех сказках про это написано.

И снова Сандалетов испугался. А вдруг правда, не подействует, если с корыстью? А потом обрадовался:

– А, может, да ну его? К лешему. А то ведь и впрямь дар исчезнет.

– Да на кой он тебе нужен тогда? Для морального удовлетворения? Нет уж. Прошу тебя, Господи, не отбирай ты у него дар. Дай хоть немного пожить по-человечески. А? А я вот Тебе за это свечку поставлю. Прямо сейчас в церковь забегу, – запричитала Катя, уставившись в потолок, но потом жестко взглянула на мужа и сказала: – А ты – чтоб когда я вернусь, все письма были отправлены.

Надо же! Жена долгие годы была его бессловесной тенью. Вернее, словесной. Всегда ему поддакивала, охотно соглашалась с его решениями в тех редких случаях, когда надо было хоть что-то решать. Даже какого цвета куртку купить Павлику. И вдруг в эти последние два дня Сандалетов почувствовал, что распределение ролей в их семье меняется с головокружительной скоростью. Это было странно и несколько обидно. Ведь дар-то обнаружился у него. А вот поди ж ты...

* * *

Роковой шаг был совершен – кнопка «send» нажата. Теперь, когда путь назад отрезан, Аркадий стал сам не свой. Беспокойство и тревога нарастали с каждой минутой, а воображению его рисовались всякие ужасы. Он поминутно подбегал к окнам и в сотый раз прове-

рял, плотно ли задернуты занавески. Ну как на чердаке дома напротив уже засел киллер? Притаился и дожидается момента, когда в квартире злоумышленника мелькнет тень, чтобы нажать курок ружья с оптическим прицелом. Он представлял себе, как что-то типа укуса осы вдруг обожжет его грудь и он, так и не осознав до конца, что это было, начнет валиться на пол, хватаясь и сдергивая со стола полиэтиленовую скатерку, а с нею сахарницу, чашку и кофейник с горячим кофе. А потом ему в голову пришла еще более страшная мысль: а вдруг это не он будет, а та же Катя? Или, не дай бог, Павлик? Такого он не переживет. Да, Сандалетов уже раскаивался в содеянном. Похоже, и Катя переживала нечто подобное. Она тоже то и дело одергивала занавески и вздрагивала, покрываясь мертвенной бледностью при каждом звонке телефона (к счастью, у них он звонил не часто) или в дверь (как нарочно, в субботу трижды забежала соседка – сначала за мукой, потом за сахаром и маслом для пирога). Они оба избегали разговоров о ее плане, словно на него кто-то наложил табу. Только однажды, ближе к вечеру воскресенья, она спросила:

– Сандаль, ты уже повозмущался?

– Да, – ответил он. – Еще вчера.

Он и вправду накануне долго размышлял, кого из троих адресатов его письма первым засадить в назидание другим, и рассматривал в интернете их фотографии. Наконец выбрал самого несимпатичного с блиноподобным лицом и стал возмущаться несправедливо нажитым тем состоянием. Хотя делал это как-то неискренне, не от души, и опасался, что на этот раз не сработает.

Весь уикенд Сандалетов маялся, в душе проклиная Катю и себя за то, что пошел у нее на поводу. Лишь одна минутка отрадная выдалась, когда телевизор сообщил, что этот, с блином вместо лица, задержан по подозрению. Все-таки получилось! – подумал он, немного удивляясь, что арест произведен не в рабочие дни, а в воскресенье, но потом сам же себе и объяснил: – Ведь у органов не бывает выходных!

Но все их уикендовские волнения были ничто по сравнению с понедельником, когда уж наверняка злополучные письма получены и прочтены секретаршами и референтами. Катя приболела (то ли простудилась, то ли от волнения) и на работу в свой телемаркетинговый центр не пошла. Зато перед самым выходом Сандалетова на службу она протянула ему газовый баллончик, черт-те когда купленный. «Зачем это?» – как бы удивился он, хотя сразу всё понял. – «На всякий случай...» – «Глупости!» – севшим голосом сказал он, но баллончик в карман положил.

На службе Сандалетов места себе не находил, только для виду

перекладывая стопки бумаг и циркуляров, которые все кому не лень скидывали на его стол. В течение дня он трижды звонил домой, якобы интересуясь самочувствием супруги. Она сухо отвечала на его вопросы. Но о главном – ни слова. Каждый раз в конце он прямо ее спрашивал как бы максимально безразличным тоном: «А так, вообще, никаких новостей?» – «Никаких...» – отвечала жена и вешала трубку.

На ватных ногах Сандалетов доплелся до дома и ничего не спросил, а лишь вопросительно взглянул на Катю. Она в ответ отрицательно покачала головой. Да, телефон молчал. Уже отходя ко сну, Аркадий был взбудоражен безумной мыслью: «А вдруг письма не дошли?» Ведь редко, но бывает же такое! При этой мысли его охватило радостное волнение, хотя и смешанное с известным разочарованием. Однако радость все-таки преобладала. Но что, сразу троим не дошли? А, глупости всё это! Еще как дошли, были прочитаны и стерты как спам. Разве что посмеялись над ним, чудачком на букву «м».

* * *

С утра во вторник он уже почти не сомневался, что идея была дурацкая, и письмо его пустили в игнор. Но все-таки мешкал, всё чего-то ждал, намеренно долго натягивая башмаки в прихожей и прислушиваясь. А вдруг? Но нет, ни звука. Он уже открыл входную дверь, чтобы отправиться на службу. И тут раздался звонок. Он вернулся с лестничной площадки и слушал, как Катя в телефон тараторила:

– Аркадий Аркадьевич? Ох, он, кажется, ушел. Сейчас посмотрю... Ах нет, еще не ушел. Щас дам его.

Она протянула ему трубку, одновременно сжала кулачки и несколько раз опустила их вниз жестом, каким одергивают свитер – дескать, соберись. Он дрожащей рукой прижал трубку к уху и тут же услышал приятный мужской голос – бархатный и какой-то осанистый, с богатыми обертонами:

– Господин Сандалетов?

– Да, я.

– Это вы нам пару дней назад письмецо отправили... э-э... любопытное?

– Да, я... – снова, как попка, повторил он, внутренне заиндевел.

– Очень хорошо. По этому поводу NN... – тут собеседник с елеемым в голосе назвал имя, заставившее Сандалетова невольно изогнуть поясницу. – Да, так он велел осведомиться у вас, не могли бы вы сегодня часиков этак в двенадцать к нам подъехать, чтобы ваше предложение обсудить... Да, прямо в офис. Сейчас дам адрес... Ах, знаете? Вот и славно... Тогда до встречи, уважаемый Аркадий Аркадьевич.

– Ну что? – спросила Катя, испуганно глядя на прислонившегося к входной двери супруга, который, кажется, медленно начал по ней сползать.

– На встречу приглашают. Сегодня в двенадцать, – прошептал он, наконец догадавшись нажать кнопку, чтобы отключить это раздражающее пиканье в телефоне.

На службу он, понятно, не пошел, сказавшись больным. Катя заахала и бросилась к шкафу осматривать не слишком обширный гардероб супруга, чтобы он выглядел показистее. Выбор был сделан в пользу тройки, до того лишь дважды в жизни надеванной. Правда, жилетка топорщилась, и пиджак чуть жал в плечах – все-таки в последние годы Сандалетов несколько прибавил в весе.

Катя вновь и вновь критически оглядывала супруга, стряхивая с его плеч несуществующие пылинки, но наконец вынесла окончательный вердикт:

– Что ж, не бог весть, но вполне прилично.

Перед выходом она заставила его вместо любимой, хотя изрядно поизносившейся куртки, натянуть тяжелое, добротного коричневого цвета, дермантиновое... тьфу ты, габардиновое пальто.

– Да что ты, Катя? – пытался возражать он. – Оно же немодное. Такое сейчас никто не носит.

– Ничего, ничего, еще как носят! Наденешь, чтобы выглядеть серьезным человеком, а не как шелкопер какой. А хочешь, я с тобой поеду?

Сандалетов так робел, что был бы страшно рад, если бы она поехала с ним, но, колебавшись, мужественно отказался:

– Нет, я уж сам...

Всё оставшееся до выхода время Катя давала ему инструкции – как держаться, что говорить.

– Миллион, конечно, не дадут, но если хоть что-то предложат, ты соглашайся и бери, – в сотый раз повторяла она и даже выбежала за супругом на лестничную площадку и сдавленным шепотом, чтобы соседи не услышали, снова напомнила: – Бери, что дадут.

Наконец он вышел на воздух, ощущая себя в этом габардине неповоротливым, как шкаф, погрузился в метро и поехал.

* * *

Зеркальные двери центрального офиса, который он дважды видел по телевизору, сверкали. Время еще оставалось, и Сандалетов начал прохаживаться туда-сюда, уважительно поглядывая на входящих и выходящих из этих дверей небожителей. Он закурил, но от

волнения сделал всего несколько затяжек, выбросил сигарету, пошатываясь от робости, толкнул дверь и... уткнулся головой в живот величественного охранника.

– Мне бы к господину NN, – искательно пролепетал он. – Мне назначено...

– Назначено? – охранник удивленно вскинул брови и с некоторым пренебрежением оглядел посетителя. Видимо, габардиновое пальто не произвело на него должного впечатления. – Паспорт давай-те.

Сандалетов протянул паспорт. Охранник долго и испытующе его изучал, потом стал проглядывать длинный список фамилий на листке, лежавшем перед ним. Наконец нашел, что искал, и лицо его расплылось в почтительной улыбке.

– Ах, Аркадий Аркадьевич, вам на третий этаж. Да куды ж вы по лестнице? Сейчас я вам лифтик вызову.

Лифтик оказался таким просторным и «навороченным», что Сандалетов совсем растерялся и долго не мог понять, на какую кнопку нажать. Потом он неверными шагами плелся по длинному коридору и, шевеля губами, читал таблички на дверях, пока в самом его конце у огромного во всю стену окна, где журчал небольшой декоративный водопад и стояла кадка с пальмой, не отыскал нужный кабинет с табличкой, на которой готическим шрифтом было выведено: NN, гендиректор.

Сандалетов постучался, заглянул и увидел стол, за которым восседала строгого вида дама.

– Аркадий Аркадьевич? – сразу догадалась она, заулыбалась ему всеми морщинками своего полувекового лица и мелодичным голосом пропела в селектор: – Господи-ин Сандалетов прибыли-и...

– Проси, – раздался в селекторе громкий и низкий бас. – Только минутку, я людей отпущу.

Тут же за спиной секретарши распахнулась дверь, которую он от волнения лишь сейчас заметил, и из нее гурьбой стали выходить щеголеватые молодые люди, все как один – в прекрасно сидящих костюмах неброского синего цвета, и ослепительной красоты девушки с прижатыми к груди блокнотами для записей. Они с любопытством оглядывали гостя, ради которого шеф в самом разгаре прервал столь важное совещание.

– Входите, – ободряюще улыбнулась секретарша, и он стал, едва приоткрыв дверь, сквозь эту щелочку протискиваться. Завидев его, человек, чье лицо он хорошо изучил по фотографиям, когда письмо писал, просиял, словно внезапно встретил много лет не виденного лучшего друга, вскочил со своего кресла и опрометью кинулся гостю

навстречу. NN оказался еще выше ростом, чем рисовалось воображению Сандалетова. Просто исполин. Своими большими руками он стал пожимать вспотевшую ладошку шантажиста и долго ее не выпускал.

– Проходите и располагайтесь. Сердечно рад нашему знакомству, – продолжал басить хозяин. – Ах, позвольте я вам пальтишко снять помогу. О, редкая вещь. Чистый габардин, как я понимаю? Хм-м, и тяжести преизрядной.

С этими словами NN аккуратно и даже с нежностью уложил «пальтишко» на одно из пустующих кресел и, потирая руки, будто жаждал благой вести, сказал:

– Ну, рассказывайте.

– О чем рассказывать-то? – опешил Сандалетов.

– Как то есть о чем? О вашем предложении и об этом вашем необычном даре.

Тут в кабинет вплыла секретарша, неся серебряный поднос, на котором стояли изящные чашки с горячим и густым кофеем и вазочка с крендельками.

В ходе всего путаного рассказа NN внимательно слушал, восхищенно покрывая. Внезапно Сандалетов осознал, что выкладывает жертве собственного шантажа всё как на духу. Словно ему вместе с кофеем подсунули и таблетку правды. Не утаил даже саму идею слупить с него деньги за, так сказать, недонесение. Тут он осекся и, смутившись, спросил:

– Вы не сердитесь?

– Да полно вам! Какое «сердитесь»? Напротив, слушаю с истинным наслаждением. Редко, увы, встретишь человека с такими удивительными, э-э, свойствами. Так вы хотите миллион?

– Два, – выпалил Сандалетов, чувствуя, что не способен совладать со своими прыгающими губами.

– Хорошо, пусть будут два, – неожиданно легко согласился NN и стал рыться во внутреннем кармане пиджака. – Сейчас я вам чек выпишу.

Все поплыло перед глазами Аркадия Аркадьевича, и он только сумел выдать:

– Но если сразу всю сумму вам трудно, то я могу и частями. Хоть на десять платежей.

– Право, какие пустяки! Пусть уж будет все целиком. Деньги, в сущности, небольшие за честь познакомиться с таким человеком, – чарующе улыбнулся NN и вдруг задумался.

«Он что, издевается? – лихорадочно думал Сандалетов. – Похоже, издевается. Вот застыл с ручкой в руке и не подписывает. Сейчас вызовет полицию. Точно. Вот уже и кнопку нажимает.»

Но NN вызывал не полицию, а секретаршу.

– Сонечка, мы тут пока беседуем, ты оформи договор между фирмой и Аркадием Аркадьевичем и выпиши ему чек на два миллиона зеленых.

Секретарша выслушала не моргнув глазом и лишь спросила: «А какой договор оформлять?»

– Договор? – на мгновение задумался NN. – А за консультационные услуги. Самое милое дело.

Секретарша неслышно удалилась выполнять распоряжение.

– Да, господин Санд... А можно просто Аркадий? У нас тут без церемоний. В последний момент осенило меня, что расходы можно на счет фирмы записать. Для фирмы это так, безделка. А у меня же ничего своего. Можно сказать, гол как сокол.

NN задал гостю еще несколько вопросов, потом взглянул на часы и вздохнул:

– Ба, уже два часа, а я и не заметил за приятнейшим разговором. Пора мне. Дела, знаете. Еще раз сердечно рад знакомству. Если что, обращайтесь. Всегда буду счастлив помочь. Есть у меня приятное предчувствие, что мы с вами не раз встретимся и, глядишь, друг мой, еще поквитаемся. У меня же есть право на реванш?

Сандалетов от неожиданности вздрогнул. «Вот оно! Это же, похоже, угроза? И угроза неприкрытая. Конечно, а ты, дурак, думал, что он два лимона выложит за дружбу? Они ведь такое не прощают.»

Видимо, эти тревожные мысли отобразились на его лице, потому что NN поспешил его успокоить. Он благодушно улыбнулся и сказал:

– Ха-ха, милейший Аркадий. Не берите в голову. Это я просто пошутил. Как, кстати, вы смотрите на то, что при случае и я к вам обращаюсь с просьбой задействовать ваш уникальный дар? А то конкуренты просто замучили.

– Разумеется, я и сам рад, если в чем-то... смогу... быть полезен, – взволнованно и благодарно залепетал Сандалетов, прижимая руку к груди.

– Вот и отлично, – улыбнулся NN. – Секретарша, верно, всё подготавлила. Так что идите к ней, договор подпишите, заберите чек и будьте мне здоровеньки.

Сандалетов так и сделал, ошалело взял из рук секретарши чек и, кажется, забыв попрощаться, первым делом кинулся в туалет. Там он проверил, нету ли соглядатаев, и только убедившись, что все кабинки пусты, заперся в одной из них и решился, наконец, чек развернуть и поднести к глазам, хотя все равно видел, как в тумане. Однако цифру 2 и шесть нулей после нее заметил. И значок доллара рядом. Дрожащими руками он засунул чек в глубокий карман пальто, но

счел, что и там не слишком надежно, переложил во внутренний карман костюма и для верности застегнул его на пуговичку. Лишь после этого он покинул туалет, затем – здание офиса и в состоянии, близком к обмороку, нырнул в метро. Домой он неся на крыльях мечты, не уставая повторять: «Вот ты, Сандалетов, и миллионер! И как всё просто! Нет, все-таки приятно иметь дело с деловыми людьми – быстро и без бюрократии. Может, зря я ими возмущался?»

* * *

Найдется ли в целом мире перо, способное описать сцену, что разыгралась в квартире Сандалетовых сразу после его возвращения? Если и найдется, то явно не моё. Поэтому лишь вкратце изложу последовательность событий.

Не успел новоиспеченный миллионер вставить ключ в замок, как входная дверь сама собой распахнулась. Это Катя уже больше часа томилась в прихожей, дожидаясь его прихода. Топталась в страшной тревоге, перемежаемой временами сладкой надеждой.

– Ну что? Дали что-нибудь? – спросила она, вглядываясь в его лицо в надежде определить, хорошие или плохие (ах, должно быть плохие!) вести принес он с собой.

Вместо ответа Сандалетов медленно, нарочито медленно, снял пальто, потом стал хлопать себя по карманам пиджака и брюк, как бы испуганно вопрошая: «Где же он? Куда подевался? Неужели потерял?», – хотя прекрасно помнил, куда положил чек. И только потом достал и протянул его супруге.

Та схватила его и бросилась на кухню рассматривать, потому что в прихожей было темно. А он пошел следом, скромно, но торжествующе улыбаясь.

Катя бросилась ему на шею, повторяя, как безумная:

– Боже ты мой, два миллиона! Два миллиона, боже ты мой!

Потом отстранилась и, наморщив лобик, стала подсчитывать:

– Два миллиона. Это же... Это же по нынешнему курсу если, то двадцать... нет, тридцать тысяч долларов. А-а! Спасибо тебе, Господи!

По всему было видно, что она на радостях на долларový значок внимания не обратила. Сандалетов внешне спокойно, хотя сердце его от восторга взмыло вверх и сейчас болталось где-то в области гортани, указал ей на неточность. Катя долго не могла врубиться. А когда врубилась, глаза ее расширились, и вдруг последовала совсем неожиданная и даже парадоксальная реакция. Лицо супруги сморщилось, из глаз ее брызнули слезы. Она ничком рухнула на кухонный диванчик, и только ее худенькие плечики ходили ходуном, сотрясаясь от

безудержных рыданий. Супруг присел рядом и стал неловко гладить по плечам и спине, приговаривая «Ну, полно, Катя. Будет тебе плакать, когда радоваться надо». И, понятно, эти поглаживания вскоре переросли в нечто большее, и прямо на этом неудобном диванчике они зашлись от внезапно нахлынувшей страсти. Катя при этом ликуяще кричала: «Я ли не владычица морская?!», а Сандалетов подтверждал: «Ты, ты! Ты вообще у меня умница». Хорошо еще, что они вовремя вспомнили, что с минуты на минуту Павлик с гитарного кружка должен вернуться. То-то он удивится, застав своих тихих родителей в таких позах на кухонном диванчике. Едва они успели привести себя в относительный порядок и прибраться, он и явился и сразу стал приставать:

– Мам, а мам? У всех ребят эта приставка есть. Только я, как последний.

Павлик уже два месяца просил купить ему приставку для электронных игр. Стоила она около ста долларов, так что он и сам понимал, что в ближайшее время ему этой приставки не видать как своих ушей. А донимал их этой просьбой больше из вредности.

– Приставка, говоришь? – неожиданно переспросила Катя всё еще запыхавшимся голосом. – Погоди...

С этими словами она выскочила из кухни, но через минуту появилась, держа в руках купюру достоинством в десять тысяч рублей, видимо, хранившуюся только в одной Кате вedomой записке. Она эти записки называла «схронами».

– Вот тебе, только не канючь, – сказала она, протягивая сыну купюру.

Павлик, глядя на нее не верящими, но счастливыми глазами, прошептал:

– Нет, это слишком много. Мне бы пять тысяч.

– Да бери всё. Сдачу потратишь на что-нибудь, чего душа пожелает, – сказала Катя.

– Спасибо, мама! Я этого никогда не забуду, – прошептал потрясенный такой невиданной щедростью Павлик и поспешил убежать из кухни, видимо, страшаясь, что она передумает.

– Катя, ты даешь! – присвистнул Сандалетов. – Помни, деньги-то на счет еще не поступили...

– Поступят, Аркаша! Обязательно поступят. И не сомневайся.

* * *

Они долго сидели рядом, размышляя, как лучше распорядиться этим несусветным богатством. И если раньше все вопросы, в том числе и денежные, решал глава семьи, то теперь верховодила Катя.

Миллион и девятьсот тысяч в банк положим. Надо узнать, на какие вклады наилучшие проценты. А сто тысяч на себя потратим. Шубу себе куплю и это... можно я подтяжку сделаю? А то ведь совсем старуха стала.

– Можно. Конечно, можно, – ответно ворковал Сандалетов. – И не только подтяжку, но и операцию пластическую. Если пожелаешь.

А Катя в ответ на эти щедрые слова нежно пожимала ему руку.

Сами того не заметив, они уже начали привыкать к мысли, что стали миллионерами. И ближе к вечеру при упоминании сегодняшнего куша лица их уже не расплывались в блаженно-идиотических улыбках, и обсуждение необходимых трат шло спокойно, по-деловому. Но этот бурный и, как казалось, самый счастливый день их жизни был далек от завершения. Судьба готовила им еще один сюрприз.

* * *

Было около одиннадцати, когда Сандалетов услышал особенно пронзительно прозвучавший в ночной тишине звонок в дверь. Он похолодел и сразу всё понял: «Это они того... по мою душу. Убивать меня пришли!» Он несколько мгновений стоял у двери, пытаясь унять биение норовившего выскочить из груди сердца и раздумывая, открывать или нет? Мол, мы уже спим. Но потом все-таки открыл. Да, теперь все сомнения отпали – они пришли его (нет, всю их семью!) убивать. Не успел он снять дверную цепочку, как в квартиру вломились люди с автоматами в руках. Они отпихнули хозяина, заорали «На пол! Руки за голову!» – в точности, как в кино во время задержания бандитов, или наоборот – как бандиты, грабящие банк. Он послушно пал ничком прямо в прихожей, а они стали шнырять по комнатам. Двое ворвались к Павлику и выволокли его в прихожую. Увидев отца лежащим на полу, но махавшим ему рукой, мол, всё нормально, я жив, а на полу лежу просто так, для удовольствия, он стал белым, как полотно, и только пролепетал:

– Па... папа, кто это?

– Не волнуйся, сынок. Это гости... – отвечал Сандалетов, сам понимая, что его слова звучат не слишком убедительно.

– А ты иди, иди, мальчик, не мешайся под ногами, – грубо сказал один из автоматчиков, втолкнул Павлика обратно в его комнату и закрыл за ним дверь.

Тут из ванной выскочила до смерти перепуганная Катя в своем стареньком халатике из-под которого торчала ночная рубашка, на голове банное полотенце, накрученное в виде тюрбана, а лицо лоснится от крема «Лореаль Париж», собственноручно подаренного ей Сандалетовым на восьмое марта. С тех пор она каждый вечер перед

сном втирала в кожу этот чудодейственный крем, чтобы уж наверняка вернуть себе вторую молодость. Втирала, нараспев повторяя полюбившийся ей слоган фирмы «Ты этого достойна!» Да, тот еще был у нее видок! И сейчас она была не только испугана, но и смущена, ибо знала, что ежевечерний дамский косметический туалет – дело слишком интимное, чтобы его могли лицезреть посторонние мужчины. Тем более, с автоматами.

– Аркаша, ты почему на полу лежишь? Тебе плохо? – кинулась она к супругу.

– Не волнуйтесь, гражданочка, ему хорошо, – хрипло загоготал один из автоматчиков, а потом распахнул входную дверь и тихо отпартовал: – Всё чисто. Можете заходить.

Послышались шаги, отдававшиеся в голове у Сандалетова, будто кто бил его деревянным молотком по темечку, а затем в проеме двери нарисовалась неправдоподобно огромная фигура. Ну, да. Он ведь смотрит снизу вверх, лежа почти рядом с входной дверью и утыкаясь носом в коврик для ног. Но фигура была еще и неправдоподобно широкой. Всмотревшись, он решил, что сошел с ума. Потому что это был не человек!.. Вернее, человек, но не наш, а... японский. Вернее, японка, но очень странная. Таких в природе не бывает. Роста гренадерского, а толщиной, как борец сумо. Одета в цветастое и узкое кимоно, поэтому мелко семенит. А на ногах, правильно он подумал про молоток, – деревянные туфли на высоченной подошве. Он такие видел в театре, как он назывался-то? Кажется, Каблуки. С ударением на «у». Как-то так... И лицо у японки было накрашено, как у актеров из этого театра. Словно штукатурку на лицо налепили, и брови черным нарисованы. А в довершение всего у нее в руке яркий, не по сезону, зонтик от солнца. Нет, точно сошел с ума. Какая японка? Зачем?

Между тем эта женщина через него переступила и на чистом русском языке укоризненно обратилась к автоматчикам: «Что ж вы, ребята? Велено же было – поделikatнее». Они стали хором оправдываться, дескать, всё деликатно было, и они никого пальцем не тронули. «Ладно, ждите меня внизу. Я скоро», – сказала фантастическая японка. Они на цыпочках вышли, осторожно прикрыв за собой дверь. «Аркадий Сандалетов, насколько я понимаю? – спросила японка, как ни в чем не бывало осматривая хозяина, распростертого перед ней. – Вы бы поднялись, а то вам, должно быть, неудобно так лежать?» Сандалетов начал вставать. Удалось это ему не сразу. Сначала он встал на четвереньки, что было особенно унижительно, и только потом, опершись о тумбочку для домашних тапочек, с трудом поднялся на ноги. Японка теперь не казалась такой уж огромной, хотя и оставалась крупной и широкой. Да и женщина ли это? Может, гей

переодетый? – мелькали мысли в спутанном сознании Аркадия. А гипотетическая японка продолжала, слегка запинаясь, ибо явно была под сильным шофе:

– Вы уж меня простите за позднее вторжение. Знаю, знаю, непрошенный гость хуже татарина. Но мы тут проезжали неподалеку, смотрим, свет в окошке горит, вот и решили этак по-свойски заскочить на пару минут.

Он продолжал молчать, раздумывая, когда и как его будут убивать. В том, что это случится, он не сомневался, несмотря на то, что автоматчиков удалили. А японка сказала, обращаясь уже к Кате:

– Что, хозяйшка. Так и будем в прихожей стоять? Может, чайку попьем?

– Ах, да! Конечно, чайку... – засуетилась Катя и опрометью бросилась на кухню ставить чайник.

– А вы, Аркадий (запамятовал, как по батюшке), меня не узнаете? «Ага, запамятовал, значит все-таки мужчина. Гей», – сверкнуло в голове, и он выдал из себя: – Н-н-еет..

Это было первое слово, им произнесенное с момента появления японки.

– А я, между прочим, тот самый... – японка назвала имя, которое мы упоминать всуе не станем, а обозначим его инициалами LL. – Да, тот самый, кому вы изволили послать письмо угрожающего содержания.

«Нет, точно убьют», – окончательно уверился в скорой своей кончине Сандалетов. Да, теперь всё стало ясно, это же тот, второй, которого он намеревался шантажировать.

– Вот я и подумал, дай-ка взгляну на храбреца, который мне решился угрожать. Вам по неопытности, может, и простительно, а то бы знали, что тот, кто LL обидит, и трех дней не проживет. А сегодня как раз третий день, как я вашу писульку получил. Смекаете?

Холодный пот выступил на лбу Сандалетова. Он готов был упасть на колени и просить непрошеного гостя о прощении, но тот продолжал говорить и, что странно, голос его звучал вполне добродушно:

– Вам, Аркадий, должно быть, любопытно узнать – к чему весь этот маскарад? Кимоно, зонтик от солнца? Так я вам скажу – чтобы когда хладные ваши трупы наутро обнаружат, то подумали на японскую мафию, на Якудзу. Понятно теперь?

Сандалетов при этих словах затрясся всем телом.

– Да не дрожите вы как осиновый лист. Это я так сказал, для острастки. Это я шучу. Розыгрыш это, дорогой Аркадий. Шутка юмора. Чтoб вам впредь неповадно было. А на самом деле знакомиться к вам приехал и предложить вечную дружбу. Что, не верите?

– Нет, что вы! Конечно, верю... Только тогда кимоно зачем?
– Сейчас всё объясню. Эй, хозяйюшка. Чаек поспел?
– Да, разливаю, – ответила из кухни Катя.
– Тогда айда на кухню. Супруге вашей тоже интересно будет послушать.

* * *

Сандалетов, как и подобает гостеприимному хозяину, поплелся на кухню впереди LL, оглушительно топавшему своими деревянными башмаками. Катя к этому моменту успела стереть с лица все следы крема. LL уселся на табуретку из румынского гарнитура и стал прихлебывать чай, нахваливая домашний пирог, выставленный Катей (она мастерица печь пироги), а хозяева, не решаясь присесть, застыли в позах официантов.

– Да садитесь вы, будьте как дома, – хмыкнул LL, уписывая второй кусок пирога, и стал рассказывать. Вскоре все странности прояснились.

– Мне ведь и вправду взглянуть на вас, Аркадий, захотелось. А давай на «ты»? Не возражаешь? Вот и хорошо. Я тут неподалеку корпоратив устроил по случаю Нового года.

– Новый год? Март же на дворе, – несмело удивилась Катя.

– Вот именно что март. Новый год по японскому календарю. А японцы – мои главные партнеры. Вот я каждый год по случаю ихнего Нового года корпоратив в японском стиле устраиваю. Отсюда и маскарад. Впрочем, хватит лирики. Время позднее, пора к делу переходить. Значит, ты, Аркаша, утверждаешь, что любого посадить можешь?

– Любого не пробовал, – ответил Аркадий, внезапно испытав невероятное облегчение, ибо, глядишь, обойдется, и LL его убивать не станет. – Только когда возмущение захлестывает.

– А возмущение отчего? Из-за грязных делишек богатеньких?

– В общем, да.

– И возмущение твое разит таких без промаха? Какой у тебя, однако, талант оригинальный. Нет, с тобой надо дружить. Так сколько ты за свою дружбу просишь?

– Два миллиона.

– Один, – с внезапной твердостью произнес LL, строго посмотрев на Сандалетова. Катя за спиной гостя делала супругу отчаянные жесты, дескать, соглашайся.

– Хорошо, пусть будет миллион, – сказал он, учитывая обстоятельства.

– Молодец, умница, широкий человек! – одобрил LL, достал

откуда-то из-под кимоно чековую книжку и лихо расписался в ней, поставив в конце широкоую закорючку. – Вот, держи.

Схема была та же, что несколькими часами раньше у NN, – в оплату консультационных услуг, оказанных господином Сандалетовым.

– Пойду, пожалуй, а то засиделся, – сказал LL, дожевывая пятый или шестой кусок пирога.

С этими словами он поднялся, галантно поцеловал ручку Кати – и был таков. Хозяева еще некоторое время слышали стук его деревянных шагов, но вскоре и они стихли.

– Надо же, а оказался вполне милый, – сказала Катя.

На этом завершился этот бесконечно долгий день, принесший в семью первые три миллиона. Согласитесь, неплохо?

* * *

С утра Аркадий забежал в банк, чтобы вложить оба чека на свой копеечный и давно не пополнявшийся счет. Отстояв полчаса в общей очереди, он добрался до окошка и протянул чеки сидевшей за стеклом юной особе. Особа, всем своим видом выражавшая беспредельную скуку и жалость к себе, тратящей драгоценные годы на обслуживание мелких сошек, мельком взглянула на чеки. Вдруг сонные глаза ее расширились, челюсть отвисла, она пристально взглянула на их подателя, убедилась, что он мелкая сошка и есть, и пробормотала: «Тут какая-то ошибка... Подождите минуточку, мне надо проверить». С этими словами она нырнула в банковские глубины. Не было ее довольно долго, но наконец она появилась. Да не одна. За ней поспешал представительный мужчина, уже заранее почтительно выгибающий спину. Оказалось, что это директор банка, который внезапно ощутил неодолимую жажду тут же с клиентом познакомиться. Он уважительно, как швейцар, надевающий на посетителя пальто в надежде на чаевые, полуобнял Сандалетова и увлек его в свой кабинет. Там он долго распинался о режиме наибольшего благоприятствования для вип-персон, к каковым, несомненно, принадлежит его дорогой гость, и живописал, какие кредитные коврики и высокопроцентные ништяки в этом своем новом статусе Аркадий получит, а вернее, уже получил. Он проводил клиента до самого выхода из банка и долго махал ему вслед пухлой ручкой. А ближе к вечеру лично позвонил по телефону, чтобы сообщить, что «денежки на ваш, Аркадий Аркадьевич, счет благополучно прибыли» и интересовался, не будет ли по этому поводу особых распоряжений. Сандалетов поблагодарил любезного директора и сказал, что особых распоряжений пока нет.

Уже на следующий день муж и жена уволились со своих работ.

Сослуживцы были удивлены, но Сандалетов им намекнул, что наследство получил. Начальник-либерал долго жал ему руку на прощание и приговаривал, что «всегда в тебя, Аркадий, верил и ждал чего-то этакого».

А потом они с Катей пустились во все тяжкие. Сначала неумело – робея и с оглядкой. Первым делом Катя в соответствии со своими представлениями о роскоши кинулась в магазин мехов осуществлять свою заветную мечту и Сандалетова с собой взяла. Они долго бродили по разным отделам. Катя даже дважды решилась примерить какие-то умопомрачительные шубы. При этом продавщица смирила ее таким взглядом, что у жены всё лицо пошло пятнами. В итоге выбор ее пал на самую недорогую шубку из обрезков лисьих шкур. Шуба выглядела красиво, но, по сути, дешевка – тыща долларов всего. Потом, когда у нее появилось еще несколько шубок (последняя и вовсе из шиншиллы), эта – лисья – так и висела на вешалке в прихожей, и Катя накидывала ее, когда мусорное ведро выносила. Пошла она и подтяжку себе делать, но пластический хирург сказал, что лучше уж сразу всё – и подтяжку, и пластическую операцию, если она желает и деньги есть. Катя желала, но очень боялась, как бы потом еще хуже не выглядеть.

– Да хуже некуда! – заверил ее наглый доктор. В общем, уговорил. Потом была кошмарная неделя, когда всё лицо и тело супруги были покрыты какими-то эластичными бинтами. Она перед тем, как их должны были снять, ночь не спала, дрожала. Но зато когда домой явилась, Сандалетов просто ахнул и глазам своим поверить отказывался. Всё, что надо, подтянули, где надо – жирок удалили, где надо – добавили. Востренький ее носик укоротили на два пальца, впрыснули силикону в грудь и в губки... И стали те губки – прежде тонкие и будто бескровные – пухлыми и призывно полуоткрытыми. Даже глаза умудрились увеличиться чуть ли не вдвое. Так что она не просто помолодела, а, по правде сказать, после пластики стала выглядеть куда авантажнее и соблазнительнее, чем даже в первые недели их романа. Словом, топ-модель! Хоть сейчас на подиум выпускай на Неделе высокой моды!

Они и в Турцию съездили, проведя неделю в Анталии в скромном номере четырехзвездочного отеля, ибо на большее количество звезд не решились. Но и от этого путешествия муж и жена пребывали в полном восторге. Лишь спустя несколько месяцев, побывав на Лазурном Берегу, на Мальдивах и альпийском горнолыжном курорте под Давосом, они поняли, какое же убожество – эта ваша Анталия, и с тех пор более в Турцию ни ногой.

Вообще, очень скоро они осознали, что опыт и навыки роскош-

ной жизни усваиваются на удивление легко, и «все тяжкие» пошли не в пример лучше. Даже походка и выражение глаз четы Сандалетовых как-то неуловимо изменились. Теперь они уже не ловили на себе недоуменно-презрительных взглядов. Напротив, и продавщицы в знаменитых бутиках и ювелирных магазинах, и официанты в элитных ресторанах, и портье в семизвездочных зарубежных отелях каким-то шестым чувством безошибочно определяли, что эта роскошная дама и сопровождающий ее внешне ничем не примечательный господин «право имеют», и обслуживали их по высшему разряду.

* * *

Но не это главное. Наконец-то у Сандалетовых появились настоящие друзья. И какие! И сколько! Слухи об удивительном даре быстро распространились по Москве и даже выплеснулись за ее пределы. И каждый мало-мальски видный бизнесмен или высокопоставленный чиновник за честь почитал завести с этой парой крепкую и бескорыстную дружбу. Да, именно что бескорыстную. Конечно, Аркадий понимал, что не все полюбили его просто так, за красивые глаза. Заявки на устранение конкурентов путем их посадки к нему иногда поступали, и денежки в оплату этих специфических услуг лились широкой рекой. Но подавляющему большинству людей его круга (да, теперь он именно так их называл) ничего от него нужно не было, а просто приятно числиться в друзьях у «такого человека!», находиться рядом с ним, как с какой-нибудь эстрадной звездой. Много позже Сандалетов узнал, что у него среди друзей и прозвище появилось – «киллер». Прозвище лестное, хотя не совсем точное – ведь он никого не убивал, а просто сажал.

Теперь приходилось пересмотреть свои былые и, как выяснилось, ошибочные представления о жизни. Он на собственном примере убедился, что удача может улыбнуться не только мошенникам и ворам, но и кристально честным людям. Просто так карта легла. Конечно, не все и не всегда были кристальными. Возможно, кое у кого в биографии числились и не вполне безупречные поступки, а то и темные делишки. Не без того. Но ведь и злодей Варавва, раскаявшись, был прощен и взят Иисусом с собой на небеса! Вот и те, кто, повторяю – возможно – были в прошлом не вполне безгрешны, уже давно ступили на путь исправления и теперь совершали множество добрых и, не побоюсь этого слова, богоугодных дел. Они не только щедро жертвовали на церкви и храмы, особо почитая при этом Николая Угодника (да, покровителя воров, но ведь и мореплавателей тоже). Они открывали разные детские фонды и занимались меценатством, помогая художникам и прочим бедным людям свободных про-

фессий донести их шедевры до широкой публики. А как они разбирались в искусстве! Сандалетов, который сам знаниями и вкусом в этой области, увы, не обладал, не уставал восхищаться первоклассными коллекциями живописи, редчайших книг и ювелирных изделий, которыми они украшали свои виллы и особняки и с гордостью ему показывали. По совету одного из них Аркадий приобрел две работы какого-то безвестного ныне художника (на его вкус – чистая мазня!), которые, по словам этого знатока, через пару лет будут стоить десятки миллионов.

Вообще, Сандалетова приводил в восторг дух товарищества, который утвердился и стал нормой среди людей его круга. Они всегда готовы были прийти на помощь в мало-мальски затруднительных ситуациях. И не в надежде на вознаграждение, а просто так – по зову сердца. Так, например, когда он несколько раз проваливал экзамены на водительские права, его друг, начальник районного УВД, быстро этот вопрос урегулировал, и вскоре Аркадий разъезжал на новеньком «Лексусе». Потом у них появилась и вторая машина с личным шофером для Кати, потому что у нее с координацией были проблемы, и супруг опасался, что, сядь она за руль, непременно врежется в первый же столб. Другой друг помог ему (и тоже совершенно бескорыстно) подготовить все необходимые бумажки для регистрации консалтинговой фирмы «Сандалетов и сын». Но мало этого! Он же поручил своей бухгалтерской службе вести счета этой фирмы, следить, чтобы всё было в порядке и готовить годовые отчеты, ибо сам глава фирмы в этом деле был не в зуб ногой. А еще один друг фактически подарил ему пентхауз в новом элитном небоскребе. Об этом чуть подробнее, ибо Аркадий в душе чувствовал перед ним вину. Дело в том, что пару лет назад он услышал по телевизору, как тот заявил: «А у кого нету миллиона долларов, пусть идут в ж...» Услышал, возмутился и страшно обиделся. К счастью, тогда у него дар не прорезался, а то бы тот сел как миленький. А на проверку оказалось, что этот «отвратительный тип» – милейший человек и филантроп. Вот как бывает, когда делаешь скоропалительные выводы. Сандалетов долго отказывался от пентхауза и все норовил за него заплатить по рыночной цене, но тот в ответ лишь взглянул на него своими небесно-голубыми глазами и спросил: «Аркаша, ты меня обидеть хочешь? Мы же друзья, чтобы такие пустяки обсуждать». И голос его дрожал от обиды. Пришлось соглашаться.

Катя не могла нарадоваться на свое новое гнездышко и тут же начала его обустраивать. Сначала она, конечно, перевезла туда всю прежнюю рухлядь, но постепенно та оседала в бесчисленных чула-

нах и прочих подсобных помещениях и потихоньку выкидывалась. Так что в конце концов из прежнего в чулане оставался лишь их старенький телевизор, с которым было связано столько ностальгических воспоминаний, и практически пришедшая в негодность стиральная машина, которую просто забыли выкинуть. Чтобы обставить все комнаты на двух этажах, пришлось приобрести несколько мебельных гарнитуров и плазменных телевизоров. Да еще музыкальный центр. И оборудовать домашний кинотеатр для просмотра новых шедевров. Действительно, «гнездышко» оказалось целым гнездищем, и он, прежде чем освоиться, несколько месяцев забредал не туда. Шел, например, в сортир, а попадал в гостиную; хотел попасть на кухню, а выходил на балкон размером с пол футбольного поля, с которого как на ладони видна была вся Москва.

* * *

Сам Сандалетов тоже изменился, хотя эти перемены были куда менее разительны, чем у Кати. Он словно бы вырос на целую голову и теперь поглядывал на всех, кроме, разумеется, друзей, сверху вниз, в движениях его появилась некая вальяжность и та особая грация, по которой сразу можно определить подлинного хозяина жизни. И, вообще, властные флюиды будто исходили от него. Оттого прислуга, которой они обзавелись, – две горничные, повар, экономка, уже упомянутый выше личный шофер Кати и массажист, который заодно царствовал в небольшом, но прекрасно укомплектованном тренажерном зале, – ходили на цыпочках и старались угадать любые желания Хозяина, хотя тот никогда голоса не повышал. Словом, иногда, глядя в зеркало, он не сразу себя узнавал.

Приобрел он и несколько новых привычек. Так, будучи дома, он хаживал исключительно в полюбившемся ему шлафроке брусничного цвета. Катя предпочитала пеньюары, обшитые кружевами, – шелковые или муслиновые, в зависимости от погоды. Вместо сигарет он теперь посасывал импозантную и придававшую ему значительности трубку. Правда, набивал ее редко, ибо стал уделять внимание собственному здоровью. Так он мог часами полулежать в креслах, посасывая то трубку, то легкий коктейль, который его повар великим мастер был готовить, и лениво просматривая прессу или старинный альбом в стиле ню. Он, кстати, и бачки себе отрастил – тоже для солидности.

Фирму «Сандалетов и сын» он посещал редко, раза три в месяц от силы. Просто необходимости не возникало. В первое время заказы на устранение конкурентов еще поступали, но всё реже и реже. В первых, почти все, кого заказывали, иногда предлагая умопомрачительные суммы (однажды предложили аж 20 миллионов), уже числи-

лись в списке его новых друзей. А он, к чести его будь сказано, друзей сажать не хотел – ни-ни, и всегда от таких заказов отказывался. А во-вторых и в главных, даже когда дружба не являлась препятствием для исполнения заказов, они всё равно давались ему со всё большим трудом. И вот настал день, когда Сандалетов, как ни пыжился, заказа исполнить не смог. Покинул его удивительный дар.

* * *

Такое бывает и, увы, нередко. Вот живописец, привыкший изумлять мир творениями кисти своей, или поэт, сотрясавший сердца читателей и сами небеса небывалыми доселе метафорами, просыпается однажды не самым добрым утром и вдруг обнаруживает, что не способен выжать из себя ни мазка, ни строчки. Ушел дар, ушел невозвратно...

Это подлинная драма, а то и трагедия. Творец впадает в многолетнюю депрессию, а иные и руки на себя накладывают. Вот и Сандалетов, испытав такое неожиданное и сокрушительное фиаско, поначалу был сражен. Нет, он не проводил аналогий с творцами, да и дар его в прямом смысле творческим не назовешь. А сравнил он себя почему-то с Дон Жуаном, который после своих ослепительных любовных подвигов на очередном тайном свидании вдруг оказался несостоятельным. То бишь, импотентом. Но и это сравнение хромо-ло, ибо если со слабостью в половом вопросе человечество научилось как-то справляться – афродизиаки всякие или та же виагра, то утрату уникального дара никакими лекарствами не компенсируешь. А ведь и вправду – пока верил Аркадий, что все бизнесмены и чиновники сплошь мошенники и воры, легко вскипал его разум возмущенный. А теперь что? Ни гнева, ни возмущения. Словом, если воспользоваться скабрёзным, но в данном случае уместным эвфемизмом, у Сандалетова больше на них не стояло. Он был близок к отчаянию. Ведь не просто дара лишился, что само по себе трудно переносимо, но эта потеря неизбежно скажется на финансовом благополучии семьи. И кому было поведать об этом внезапно случившемся горе? Кто мог бы это горе с ним разделить? Ну, конечно, Катя, верная спутница его жизни. Ей он всё честно рассказал и, кажется, даже плакал. Но Катя отнеслась к этому на удивление хладнокровно. Она сначала утешила его по-женски, а потом сказала – вот ведь мудрая женщина! – ты погоди горячку пороть. Может, перетрудился? Отдохни, глядишь, дар твой и вернется. А если и нет, тоже невелика беда. Помнишь, когда мы первые шантажные письма посылали, я подозревала, что если из корысти, может и не получиться? Главное, Сандалетов, ты об этом не трепись на каждом углу, не плачься. Авось, никто и не заметит. И снова она в самую точку попала...

К счастью, не только заказами на посадку жива была его консалтинговая фирма. Она еще занималась абонентским обслуживанием. Добрый приятель ему в свое время, когда дар еще действовал безотказно, этот вид услуг посоветовал. Мол, пусть абоненты платят тысячу по пять в год за то, чтобы ты свой дар против них в ход не пускал. Заплатят взнос и могут спать спокойно, с гарантией. А если все-таки случится беда и кого-нибудь из абонентов посадят, тогда они вправе требовать неустойку. Обладатель дара от этой идеи, помнится, был не в восторге. Во-первых, чего из пушки по воробьям стрелять? А во-вторых, с неустойкой, пусть и чисто гипотетической, связываться не хотелось.

Но все-таки он ввел абонентское обслуживание, чтобы разнообразить деятельность фирмы. Неожиданно этот вид услуг всем понравился, и нынче число постоянных абонентов перевалило за пятьсот. Кстати, хотя нескольких из его клиентов таки посадили, но они знали Аркадия как человека с принципами, понимали, что к их посадке он уж точно не причастен и что характеризует их с самой лучшей стороны, даже разговору не заводили о выплате неустойки, хотя имели полное право ее требовать. И вот сейчас, с утратой дара, эта мелочевка ох как пригодилась. Да, на всё про всё от абонентской платы набегало миллиона два с половиной в год. Но хоть что-то. Главное, чтобы про потерю дара никто не узнал.

Катя по этому поводу резонно заметила, что пусть денег в обрез, но нам же не впервой? Придется затянуть пояса, но ничего – как-нибудь проживем, перебьемся.

Вот так всё и шло. Утрату дара и вправду никто не заметил, а потому репутация Сандалетова нисколько не пострадала. Верно говорят: сначала ты работаешь на свое имя, а потом имя работает на тебя. И если кого-то сажали, все были уверены, что без него тут не обошлось. Так и говорили: «Опять наш киллер развлекается». Некоторые и напрямую спрашивали, но он неопределенно хмыкал, загадочно улыбался и быстро переводил разговор на другие темы.

Словом, да, затянуть пояса пришлось. В целях экономии отказались от планов приобретения уже присмотренного участка на Рублевке (просто не потянули бы) и даже уволили одну из горничных. Но худо-бедно, жить было можно. И оглядываясь назад, Сандалетов смело мог сказать, что три года, с тех пор как обнаружился его дар, пронеслись как один упоительный миг, как дивный сон, как волшебная сказка.

Увы, даже самые лучшие сказки имеют обыкновение заканчиваться.

И здесь я приступаю к описанию финальных событий этой прав-

дивой повести. Приступаю, надо сказать, с тяжелым сердцем, ибо искренне желал, чтобы всё у Сандалетовых кончилось хорошо, без всяких огорчительных коллизий, без крутых поворотов сюжета. Хочется ведь, чтобы ничем вроде не примечательный герой оказался просто по-человечески счастлив и чтобы чаша страданий его миновала. Увы, но в жизни так редко бывает. Да и читателю, должно быть, изрядно наскучил рассказ о безоблачном счастье, вдруг неожиданно-негаданно, а главное, непонятно, за какие заслуги выпавшему супругам. «Хватит уж этой благодности и елсея,— воскликнул, должно быть, читатель. — Пора и этой семейке горюшка хлебнуть.» Хотите горюшка? Что ж, извольте...

* * *

Судьба в качестве своего гонца выбрала нарочного, явившегося в пентхауз с письмом, уведомляющим, что Аркадию Аркадьевичу надлежит прибыть завтра в полдень по такому-то адресу в такой-то кабинет для дружеской беседы с самым главным генералом. Хотя при упоминании известного учреждения, располагающегося на знаменитой площади, у Сандалетова привычно засосало под ложечкой, он отнесся к приглашению вполне спокойно. Ему в последние годы пришлось неоднократно бывать и там, и в других правоохранительных органах в качестве эксперта и консультанта. Он к этому времени был на дружеской ноге со многими сотрудниками. Правда, с этим конкретным генералом знаком не был, ибо тот лишь недавно получил назначение на высокую должность. Знал только со слов друзей, что генерал тот — человек деловой, сметливый, но нрава свирепого.

Уже идя по коридору к искомому кабинету, он наскоро обменялся парой рукопожатий со знакомыми, спешащими куда-то по своим неотложным чекистским делам. «Какими судьбами? — спрашивали они, на миг замедляя бег. — Ты к кому?» Когда Аркадий называл имя генерала они, словно сговорившись, произносили один и тот же текст: «Смотри, он крутой. Если что не по нем, так распекает, что мама не горюй. Одного на днях инфаркт хватил. Так что будь с ним поаккуратнее». И как вскоре выяснилось, предупреждали его не зря.

Не успел он войти в кабинет, как генерал, стоявший посреди комнаты и задумчиво ковырявший в носу, с места в карьер кинулся его распекать.

— Ты кто?! Штиблетов? — рыкнул генерал.

— Сандалетов я, — поправил Аркадий Аркадьевич.

— Он еще огрызается! — воскликнул генерал, воздев руки, словно обращал внимание небес на такую неслыханную наглость. — Сказал

Штиблетов, значит будешь Штиблетов. Распустились, понимаешь! Ты на часы посмотри. Сколько сейчас время?

— Двенадцать ноль шесть, — промямлил вконец опешивший посетитель, давно отвыкший от такого с собой обращения.

— А я тебя на когда вызывал? Ты меня шесть минут ждать заставил. Как твоё фамилие? — завопил он, багровея и вращая глазами.

— Санд... То есть, Штиблетов, — пискнул Аркадий, окончательно смешавшись.

— То-то же, — удовлетворенно произнес генерал почти человеческим голосом. Аркадий было обрадовался, что самое страшное позади. Но он ошибался. Генерал вдруг начал топтать ногами и кричать, размахивая какой-то бумажкой у самого носа гостя: — Ты за что честных людей шантажировал? За что их в тюрьгу содил? Отвечай, поганец!

— Я... я... — только и смог выдать из себя Сандалетов, вдруг утратив способность к членораздельной речи. У него закололо в области селезенки, потом защемило сердце, а генерал продолжал кричать:

— Ты, тварь, так бы и продолжил гадить нашу святую землю. К счастью, сигнал поступил. Нашелся один равнодушный и бдительный человек. Даже два. Не желаешь ли взглянуть?

С этими словами генерал чуть ли не насильно всунул в руку Сандалетову бумажку, которой только что размахивал. Все прыгало и расплывалось в глазах Аркадия Аркадьевича, так что он долго не мог вникнуть, что в той бумажке написано. А когда вникнул, всё расплылось окончательно. Это был донос на него! Писавший просил принять меры и оградить добропорядочных граждан от преследований и угроз злостного шантажиста. А внизу стояли две подписи: NN — того самого, кто выписал ему первые два миллиона и LL, фальшивой японки. «Вот и поквитались, гады», — вспомнил Сандалетов слова, сказанные NN как бы в шутку. А ведь они дружили после этого. И совсем недавно на венецианском биеннале чокались шампанским за эту дружбу. А LL даже просил Аркадия быть крестным его двенадцатого ребенка. Ох, беда!

А генерал не унимался:

— Надо же? Два года сигнал этот лежал без движения. Небось, дружки тебя покрывали! Но ничего, я материалы поднял и всю твою подноготную, сучонок, узнал. Вот он, список лежит. 18 человек. И каких! Честнейшие, благороднейшие и все патриоты, каких поискать! И в тюрьме томятся. А этот стоит передо мной — ни стыда, ни совести! Ты должен был на колена пасть и в ногах у меня валяться. А он, вишь, глазенками своими наглыми посверкивает. Тьфу! Но теперь настал конец твоим художествам, Штиблетов. У меня разго-

вор короткий – уку за Можай! Так что скоро станешь ты осужденный, Штиблетов. Понял?

– Так я... того... А как же презумпция?.. – неожиданно выпалил Сандалетов. Ох, лучше бы он ее не поминал.

– Чего-чего? Повтори! – взвыл генерал. – Презумпция? Так ты либерал?

– Ну я, то есть, того...

– Ма-а-лчать! В глаза глядеть, падла! – продолжал вопить генерал, но вдруг неожиданно скинул обороты и заговорил нормально и по-деловому.

– Значит, так. Безвинно от тебя пострадавших я личным приказом нынче уже освободил. Принес им извинения за бесцельно прожитые годы. Они и компенсацию за них получают из конфискованного у тебя имущества. А ты по этапу пойдешь. Или я тебя сам из нагана пристрелю. Ишь, побелел-то как? Тварь ты дрожащая! Пока можешь идти, но из дому ни шагу. Завтра с утра за тобой придут и имущество твое опишут. Понял, Штиблетов?

Голова у Аркадия пошла кругом, на глаза набежал туман, временами скрывавший от него фигуру генерала. Но он лишь щелкнул каблуками и довольно четко произнес:

– Так точно, понял, товарищ генерал. Разрешите идти?

– Идите, – медленно и раздумчиво произнес генерал и снова стал что-то извлекать из носа.

* * *

Не помня себя, Аркадий Аркадьевич выскочил из кабинета и из самого овечьего легендами здания и, как помешанный, начал бегать по кругу. Так бегал он, вероятно, часа полтора, расхристанный, в расстегнутом пальто, с волочащимся по земле роскошным шарфом, ступая во все лужи, которых не замечал. А с неба лил холодный ноябрьский дождь вперемешку со снегом. Он ходил, а в голове за всё это время не возникло ни одной мысли. Только слово «беда», какого-то насмешливо-брусничного, как его шлафрок, цвета, высвечивалось, будто на неоновой рекламе. А ветер пронизывал его до костей. В лужи он не только ступал, но и несколько раз, споткнувшись о собственный шарф, падал. На него удивленно смотрели прохожие. А он вскакивал и лицо свое механически складывал в некое подобие улыбки, долженствующей показать наблюдателям, что так всё и должно быть, ничего страшного, просто экий, мол, я неловкий. И эта жуткая, похожая на маску, улыбка уже не покидала его лица. Вдруг он вздрогнул и прошептал: «Завтра. Генерал же завтра сказал? Завтра за мной придут. И еще что-то. Да, опиши имущества». Он подумал, что надо

Катю предупредить. И бросился прочь, забыв про машину. Он побегал к метро, потом, уставшись на «Детский мир», сказал себе: «Нет, прогуляюсь по свежему воздуху». И пошел дальше. Так всю дорогу и шел пешком, а люди шарахались от этого безумца, с ног до головы покрытого грязью.

Но вот он добрал до своего небоскреба. Охранники его не узнали и долго отказывались впускать. Потом он пешком поднялся на 29 этаж. Ключи где-то обронил, поэтому пришлось звонить в дверь. Катя открыла, но увидев его, в ужасе отшатнулась. Он сел прямо на пол, дрожа всем телом и не в силах раздеться. Катя начала стаскивать с него грязную одежду, повела в ванную, собственноручно вымыла под горячим душем, надела на него пижаму, два толстых свитера и уложила под пуховое одеяло. Чаем стала отпаивать. Он начал ей рассказывать, но мысли его путались, так что она мало что поняла из его рассказа, кроме слова «беда». Но и тут она отреагировала по-своему, то есть несколько парадоксально: «Счастье, что Павлика нет!» Павлик и вправду был сейчас далеко, а именно в городе Лондон, где уже второй год учился в престижном закрытом колледже, дабы по его окончании поступить на экономический в Кембридж. Родители очень скучали по своему отпрыску и совладельцу консалтинговой фирмы, и Катя каждые два месяца отправлялась в туманный Альбион, чтобы проведать сына. Впрочем, было очень похоже, что теперь в планы относительно будущего их чада придется вносить существенные коррективы.

* * *

Между тем ни чай, ни таблетки Сандалетову не помогли. К вечеру он совсем расхворался. Температура поднялась до сорока. Он плавал, словно в ванной, в собственном поту. Говорить не мог, а только хрипел. Но большую часть времени пребывал в забытии.

К утру, как ни странно, температура не упала, а его самочувствие лишь ухудшилось. Но в десять утра явились люди в форме и его увезли, несмотря на протесты Кати, кричавшей: «Куда вы его, куда? Он же совсем больной!»

Может, для Сандалетова это было и к лучшему. По крайней мере, он не видел процедуры конфискации. А если бы видел, сердце его могло и не выдержать. Какие-то люди (очень много людей) стали выносить мебель. Катя сидела в кресле, ко всему безучастная. На нее тоже внимания не обращали. Лишь попросили пересест с кресла, которое тут же вынесли. Она села на оттоманку, но и здесь ее потренировали, а оттоманку утащили. Так повторялось несколько раз, пока Катя не отыскала в кладовке старую табуретку из кухонного румынского гарнитура. Может, ту самую, на которой когда-то восседал пья-

ный LL, изображая японку. Больше ее не трогали, ибо табуретка не представляла интереса для конфискаторов. Они вынесли мебель из всех комнат, потом телевизоры, компьютеры, а затем очередь дошла и до одежды. Они собирали в охапки костюмы, платья, куртки, шубы, набивали ими огромные черные полиэтиленовые мешки. «В каких трупы возят», – машинально подумала Катя. Вскоре все комнаты были пусты, остались лишь светлые квадраты на полу в тех местах, где прежде ковры лежали персидские. А с потолков свисали уродливые электрические провода, потому что люстры и торшеры они тоже вынесли. Они еще походили по дому, проверяя, ничего ли не забыли. В самый последний момент нордического типа женщина в погонах вдруг заметила ту самую первую, лисью шубу, одиноко висевшую на пустой уже вешалке в холле. Заметила, сорвала с крючка и собралась уже с нею в руках уходить. Только тут Катю вдруг прорвало, и она с криком: «Не отдам! Эту – не отдам!» – бросилась в холл и вцепилась в волосы правоохранительнице. Тут разыгралась поистине душераздирающая сцена – обе женщины уставились друг на друга ненавидящими глазами, стали, громко сопя, друг друга отпихивать, вырывая злосчастную шубу. Тянули ее в разные стороны, пинались ногами, как в женском кэтче, и кричали что-то бранное. Продолжалась эта дикая фантазмагория, может, несколько минут, а может, и секунды. Время никто не засекал. Наконец раздался треск, и Катя отлетела к противоположной стене, сжимая в руках напрочь оторванный рукав шубы.

– Вот и хорошо! Оставайся со своим рукавом, блядь шантажная, – шипела запыхавшаяся конфискаторша. – Можешь себе его в задницу засунуть. А я тебя еще посажу за сопротивление органам.

Катя ничего ей не ответила и снова с отсутствующим видом уселась на табуретку, непрерывно теребя темно-желтый мех рукава. Лишь потом, когда дверь окончательно захлопнулась, она зарыдала в голос, уже не сдерживаясь, стала кататься по пустому паркетному полу, пытаясь этот соленный от слез рукав запихнуть себе в рот, чтобы крик унять.

Но всего этого, повторяю, Сандалетов уже не видел. Его везли куда-то в машине с решетчатыми окнами. Та подпрыгивала на выбоинах, а Аркадию мнилось, что он еще маленький, только что закончилась елка у папы на работе, и они едут домой в метро, а он сжимает в руках подарочный кулек, где среди ирисок и двух шоколадных конфет «Белочка» и «Мишка косолапый», будто солнце, сияет большая ярко-оранжевая мандаринка.

* * *

Вечером по всем федеральным телеканалам показывали сенсационные репортажи о задержании опасного преступника, сумевшего

хитростью и наглым шантажом заработать миллионы долларов и при этом оклеветавшего и засадившего за решетку десятки ни в чем не повинных граждан. Злодей бесчинствовал много лет, но, к счастью, пойман в ходе филигранно проведенной операции органов правоохранительного ведомства под руководством главного генерала. Было показано интервью с самим генералом. Тот был немногословен, подробности операции не разгласил, вел себя скромно и на восторженные комплименты репортеров отвечал лишь: «Это моя работа...» Самого злодея показали мельком. Он лежал на нарах, щурился и, кажется, улыбался. «Еще лыбится, гад», – подумали, а то и вслух произнесли миллионы телезрителей. Репортажи про шантажиста кончались одинаково – теперь его ждет суд и суровый, но справедливый приговор, ибо «сколько веревочке ни виться, а конец у мошенников один». Фраза про веревочку фигурировала во всех репортажах, хотя их готовили разные группы тележурналистов.

Сам Сандалетов никаких журналистов и операторов не помнил, потому что по-прежнему пребывал в благодетельном для него забытии. Не помнил он и как доставили его в тюрьму, и как очутился в камере – дошел ли до нее на своих двоих, как того требовали правила внутреннего распорядка, или его внесли, чертыхаясь, дюжие тюремщики (на самом деле верно второе).

Слышал он только оглушительный лязг запоров и очень страдал от холода, ибо был накрыт лишь тонким тюремным одеялом. По счастью, надзиратель оказался сердобольным и, услышав, как выбивают дробь и лязгают почище, чем тюремные затворы, зубы злоумышленника, укутал его сверху овчинным тулупом, неведь как под рукой оказавшимся.

– Спасибо, Катенька, – благодарно шепнул Сандалетов.

– Да ты плох совсем, болезный, – только и сказал надзиратель.

Согревшись под тулупом, Сандалетов заулыбался, потому что ему снилось, как Павлик выудил своего первого караса в пруду под Кинешмой, выудил, но боялся взять в руки трепыхающуюся рыбку. Вдруг раздался топот. Сандалетов в испуге оглянулся и увидел, как из пруда, весь в бурой тине, вылезает давешний генерал. Вернее, крокодил, но в то же время и генерал с сонно-волевым лицом крокодила. «Ужо я тебя проглочу, Штиблетов! – гаркнул генерал-крокодил, щелкнув огромными острыми зубами. – И пащенко твоего тоже...» Как ни странно, но Сандалетов в своем лихорадочном сне не испугался. Напротив, им овладело бешеное негодование. «Ты?! – воскликнул он. – Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю? Быстро отправившись на нары. Ведь ты же ворует? А, отвечай как на духу!» Тут крокодил на глазах превратился в красного вареного рака и стал

пятиться и отползать, прижимая клешню к груди и проливая крокодиловы слезы: «Не погуби, брат! У меня же на лавке детки мал-маламеньше...» – «Э-э, нет, и не проси, я тебя сам укуку за Можай. Вор должен сидеть в тюрьме!», – оглушительно захохотал Сандалетов, но вдруг вспомнил, что давно уже лишился своего дара, и от бессилия заплакал.

С утра тот же надзиратель вызвал к болезному тюремного врача и несмело высказал тому свой гипотетический диагноз:

– Должно, горячка...

– Да, горячка, – подтвердил доктор.

– Видать, не жилец...

– Не жилец, – снова подтвердил доктор, но велел доставить больного в тюремный лазарет.

Там ему начали колоть уколы и, вообще, интенсивно терапевтировали. Но не помогло. И через два дня, так и не приходя в сознание, Сандалетов тихо и, хочется верить, без мучений, завершил земное поприще свое. Причем его переход в новое качество заметили не сразу, потому что обитатели лазарета самозабвенно резались в секу, и им было ни до чего. Лишь через пару часов один из картежников, которому понадобилось отлить, возвращаясь от параша к ломберному столу, глянул на уже начинающее окостеневать тело и тихо пристынул:

– А шантажист-то наш, похоже, очоурился.

Хотя Сандалетов и не мог по причине болезни вступить в полноценный контакт с обитателями лазарета, они о нем знали из того репортажа о дерзком преступнике, который пару дней назад со вниманием смотрели.

И ведь что удивительно: получается, что юношеская мечта Аркадия Аркадьевича, роднившая его отчасти с Петром Ивановичем Бобчинским, *формально* сбылась. Ибо не только насельники лазарета, но, можно сказать, вся страна узнала о его существовании, о том, что аз есмь. Вернее, был. Да, узнала, хотя представлен он был не с самой лучшей стороны, так что сам антигерой репортажа, пожалуй, был бы такой славой не слишком доволен. Но ведь с мечтами часто так случается. Не зря же мудрая его бабка говорила: мол, пустое это дело – мечты. Если иногда и исполняются, то и не поймешь – во благо они или в наказание. Так что лучше бы и не сбывались.

И еще в одном оказалась права бабка-покойница. Когда внучок в слезах прибежал домой, чтобы поделиться своими детскими обидами, она прижимала его к теплой и надежной груди, гладила его вихры своими заскорузлыми, но такими ласковыми пальцами и вздыхала, словно прозревая будущее:

– Эх, невезучий ты у меня, Аркаша. Да и откуда везению взяться с такой обувной фамилией?

* * *

Повесть моя, в сущности, подошла к концу. Однако не могу не упомянуть об одном странном событии, случившемся аккурат на следующий день после сенсационного репортажа о задержании мошенника и афериста Сандалетова. Диктор в телевизоре сухо сообщил, что бравый генерал, что руководил той самой операцией и столь понравился телезрителям, задержан после обыска, молниеносно проведенного в его загородном доме. Группа захвата обнаружила там несколько килограммов драгметаллов, среди которых была и пресловутая «красная ртуть». Всё это было уже упаковано и готово к отправке за рубежи родины. Даже страшно представить, что могло случиться, когда бы не бдительность правоохранительных органов, заметил диктор. Разумеется, эти два последовавших один за другим репортажа вызвали великое брожение и, так сказать, когнитивный диссонанс в душах и умах многомиллионной зрительской аудитории. Да я и сам смущен, ибо не знаю, то ли мгновенно последовавший арест генерала был всего лишь совпадением, то ли напоследок к Сандалетову, когда тот пребывал в горячке и ему привиделся генерал в облике крокодила, вновь вернулся и сработал его удивительный дар? Хочется думать, что к истине ближе второй вариант.

И, конечно, прежде, чем поставить последнюю точку, надо еще ответить на вопрос, который наверняка возник у части читателей: «Что дальше было?» Понятно, что вопрос этот не про Сандалетова – с ним как раз всё ясно, а относится к Кате и Павлику. Тут я могу интересующихся порадовать, да мне и самому не хотелось бы завершать повесть на совсем уж грустной ноте.

Катя, конечно, сильно переживала после кончины любимого супруга и подолгу сидела перед давно не действующей старенькой стиральной машиной – единственной вещью, оставшейся у нее после конфискации. Но потом всё сложилось благополучно. Через год после кончины Аркадия Аркадьевича она вышла замуж за его друга. За того, что им этот пентхауз подарил. Друг давно на Катю глаз положил, но при жизни мужа опасался открыть ей свои чувства. А ну как тот, охваченный порывом ревности, забудет об их дружбе и засадит его, воспользовавшись своим даром? А тут путь к ее сердцу оказался открыт. И скоро в пустом после конфискации доме вновь появилась мебель и прочие гаджеты, еще более роскошные, чем прежде. Но в гостиной на самом видном месте висел портрет Сандалетова в траурной рамке, ибо Катя, несмотря на свое новое счастье, о нем не забывала.

У Павлика тоже всё хорошо. Он продолжает жить в Англии и уже поступил на первый курс Кембриджа. Понятно, что отчим взял на себя все расходы по его жизнеобеспечению. Каждый год вся семья собирается вместе и поминает Аркадия Аркадьевича. Обычно 1 марта, но сейчас, поскольку год выпал високосный, поминали в самый день его рождения, 29 февраля.

Иерусалим

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Марина Гарбер

Мертвый час

* * *

Это еще не Венеция, это Падуя,
как настоящая, стоит лишь приглядеться,
на авансцену свет театрально падает,
жар-петушки стайно штурмуют небце.

Маленьким людям к Богу – семь пядей по снегу,
липнут к стене джогтовские стремянки,
путник игрушечный мчится к обеду позднему,
скрыв под пальто крылышки голубянки.

Роспись, эмаль – сколько всего намешано!
Ловкий левша, вооружившись лупой,
выточил пятаццу да лилипута пешего,
если точней, паяца с улыбкой глупой.

Этот фантош, снег бороздящий истово,
хватко подцеплен Мастером многооком,
перепоясан нитями серебристыми,
поднят, подвешен, взвешен и найден легким.

Что ж, он не против, нет, ему даже нравится
плыть налегке, жить в новостройке хлипкой
и по ночам в спальне родную карлицу
шепотом величать золотою рыбкой.

Очень давно, когда ничего на веру
не принималось, он с инфантильной страстью
всех уверял, что вырастет Гулливером,
и наплевать, что там задумал Мастер:

ниже травы, детям читать нотации,
тише воды, следить за порядком в доме,
помнить, что – мал, Падуя – декорация,
Мастер живет в Венеции, он – огромен.

* * *

Здесь нет тебя – и в этом что-то есть,
есть тихое присутствие того, что
названия не имеет – как нарочно,
словарь пустует, будто вышел весь.

Есть месье вещей: разложены, цветны,
отмечены то складками, то штопкой,
то вдруг инициал мелькнет, и робко
качнется тень, отпрянув от стены.

Обычный цвет и отцвет, но чужой
у этого тряпья, тревожный запах,
чудовище на театральных лапах –
шкаф дверцей стонет, будто под вожжой.

В его всепоглощающем нутре –
рожденья, свадьбы, именины, будни,
и чем вместительней, тем беспробудней
сон памяти на платяном одре.

Случайный высверк, всплеск, ничтожный взмах,
как будто что-то сжалось и разжалось –
кулак? пружина? время? Просто жалость
и тяжесть в опустевших руках.

Так пусто, если нет тебя, что мне
теперь гадать во тьме на грани света:
вот эта синь внутри и склянь вовне –
зачем всё это?

ПОЭТ

Ирине Евсе

Человек, который принял жену за шляпу,
был когда-то живцом, а теперь, умерев от горя,
вышел из дому, взял такси, улетел в Анапу
и лежит пластом на песке у седого моря.
Надрываются чайки-чрезвычайки, с дока
им кивают смиренные голуби – *pro u contra*,
пустота принимает форму бутылки кока,
но лежащему виден абрис, обвод и контур.

В расписном шапито ларька над пивною кружкой
 ворожит, растворяясь в мареве, продавщица,
 а чудака дрожит, присыпанный желтой стружкой,
 как зимой в снегу погребенная рукавица.
 И уже не в силах сказать, где граница между
 чьим-то телом и льном, где шея, где в шерсти выем,
 и какой портной превращает людей в одежду,
 человек — момент, ловко схваченный *carpe diem*.

Он, еще бельмо в глазу протереть пытаюсь
 рукавом невидимым, но голубым на ощупь,
 ощущает движение где-то внутри — не зависть,
 а скорей, сострадание — к дачникам, что полощут
 языки на верандах, пляжные полотенца
 в бельевых корытах с янтарным песком в осадке,
 и ему иголки солнце вонзает в сердце,
 лучезарной нитью пронизывает лопатки.

Будто северной музыки ветер — неожиданно, летом,
 посреди тарарама изнеженной южной жизни,
 человек возвращается — песней, слепцом, поэтом,
 а точнее, умирает, легкий и неподвижный.
 Потому что тот, кто на звук угодил в ловушку
 на курортном пляже, рассыпанном по феншую,
 превращается морем в свернутую ракушку,
 абсолютной речи раковину ушную.

* * *

Свет еще не зажжен — это брод между светом и светом,
 сумасброд у ворот — верти-ветер стучит сапожком,
 и гудит, и густеет пловец тополиный, при этом
 распрямляя картонную спину, как перед прыжком.

Наше время согласных — домов, пешеходов, предметов,
 наше бремя безгласных — откуда нам взять голоса?
 Только выдох на выходе облака из вапоретто —
 то пунктир, то сплошная, от сих и до сих полоса.

В междуусмертье (такого не сыщется слова, я знаю,
 в словарях — ушаковых и дальних — значений прямых)
 я люблю тебя так, как божественный первенец, рая
 одинокий жилец, несвободу — от сих и до сих.

Я держусь на повторах, на рифмах – свои и чужие
атакуют, кружа над косматой моей головой,
и покуда цитаты крыла под форзац не сложили,
говорю: между смертью и смертью труднее всего

обойтись без анафор, без аллитераций, без «алле,
алле-оп» – этот фокус волшебное сводит на нет.
Но пока мы в потемках блаженное слово искали,
опускается ночь. И вот тут – зажигается свет.

* * *

Гроза закончилась, и нам от грозы
осталось мокрое пятно, а в окне –
двоится взмах ее тяжелой косы
в двух сантиметрах от пятнистых ранет,

распахнут света балахон – капюшон
всё норовит сползти на летний витраж,
орех маньчжурский одинок и смешон –
так спину выпрямил, как будто не наш,

как будто плыл сюда из дальних краев,
снил по-китайски о волшебном, а тут –
всего лишь речка с молоком до краев,
да в речке рыбы, аки птицы, поют,

всего лишь в травах шелестит пацанва,
цок за губами на прозрачном замке,
покамест платя, разметава рукава,
нагих купальщиц отпускают к реке.

О, если сила в этом фокусе есть,
то – где-то рядом, на открытых лугах,
где сивый гений этих двойственных мест
ждет-не дождетсЯ своего дурака,

где половина бакалейной стены
ложится под – в закатной ржавчине – нож,
и возвращаются домой пацаны
с кульками, полными лягушечьих кож,

где мы растем, не вырастая, где я,
точнее, дочь моя по воду идет,
под нею корни расплетает земля
и безвозвратно уплывает вперед,

и всё, что видится, в слова не облечь,
не оценить, не положить на весы,
а можно только покориться и лечь —
под речь, под взмах ее тяжелой косы.

МЕРТВЫЙ ЧАС

Через больничный коридор,
в крахмальной лодке через море
отправишься — и по нему
пройдешь на свет, минуя тьму;
а нынче взгляду твоему
доступен кованый забор
да изолированный дворик.
Как зверь, бегущий на ловца,
в конце концов, заплатит кровью,
так вглядываешься во мрак;
«жизнь это текст», — писал мастак
писать, и если это так,
то начинай читать с конца,
с пространнейшего послесловия.

Здесь время отменить — труда
тебе не стоит, не счастливый
часов не наблюдает, а —
лежащий; с ближнего поста
следит за стрелкой медсестра,
чтоб ровно в полночь без следа
отсюда выбыть торопливо —
в другую, кукольную жизнь,
в ее хрустальные заторы,
вплывь огибающие нас;
больница — остров про запас,
где тихий нескончаем час,
и тот, кто в мертвый час лежит,
не станет спрашивать: «Который?..»

Микрорайон трубит в окно,
заката поднимая прапор,
игрушечный закрыт завод,
и пусть у проходных ворот
тебя никто уже не ждет, —
как хорошо, что ты давно
обучен языку метафор!
Из проруби тугого льна,
ленивой, книжной, неподвижной,
еще хватаешься крылом —
за край, за нянечку с ведром,
за мысль нехитрую о том,
что час — подробен, смерть — длинна,
и только жизнь — скоропостижна.

Лас-Вегас

Джудит Мок

В Сибирь

ПО НОТАМ ПАМЯТИ

«Моя бабушка была одесситкой и говорила по-русски», – Джудит Мок сидит у себя дома в Портобелло, живописном районе Дублина, и рассказывает мне про мультикультурные хитросплетения своей судьбы. Стеклопакеты ее квартиры обращены на канал. Здесь родились Бернард Шоу и Леопольд Блум, герой романа Джеймса Джойса. В этом районе Дублина, также называвшемся «Маленьким Иерусалимом», в начале двадцатого века селились евреи, прибыв сюда, в Ирландию, в основном из Литвы.

Но еврейские предки поэтессы и певицы Джудит Мок эмигрировали из Одессы не в Ирландию, а в Бельгию, а потом и в Голландию. Бережнее, чем ювелирные изделия, русский язык был вывезен за границу в драгоценном ларце по имени «сердце». Джудит восклицает: «Наша квартира в Голландии была обставлена романами вместо кресел!» И действительно, стихотворения важнее столов, а ямб и хорей – ячменной каши и хлеба. Родители Джудит, Мауриц Мок, видный голландский поэт, и ее мать, говорящая с Джудит по-русски, познакомили дочку с книгой «Надежда против надежды». Эта книга воспоминаний с английским названием «Hope Against Hope: A Memoir»*, написанная женой Осипа Мандельштама Надеждой, вышла на Западе в 1970-м году. Нидерландская интеллигенция бурно обсуждала события этой книги на кухне – в отличие от советских интеллигентов, ни от кого не таясь, – а Джудит, которая была тогда подростком, внимала.

Со слов самой Джудит: «Уже в семнадцать лет я зачитывалась его стихами. Как-то мне нужно было выступить в Риге, и мы поехали с мужем, кстати, тоже поэтом, на курорт в Юрмале... Это волшебное место! Там высятся те же березы, что росли там извечно... и те же домики в югенстиле... и роскошный, деревянный, концертный зал, где мне довелось выступить с классическим репертуаром... И тут меня осенило: ведь тут бывал Мандельштам!»

В «Шуме времени» Мандельштам пишет о Юрмале:

«Рижское взморье – это целая страна. Славится вязким, удивительно мелким и чистым желтым песком (разве в песочных часах такой песочек!) и

* *Nadezhda Mandelstam. Hope Against Hope. A Memoir / Intr. by Clarence Brown; transl. by Max Hayward («Vospominaniya»). – New York: Izdatelstvo Chekhova). – Atheneum. 1970.*

дырявыми мостками в одну и две доски, перекинутыми через двадцативерстную дачную Сахару. Дачный размах Рижского взморья не сравнится ни с какими курортами. Мостики, клумбы, палисадники, стеклянные шары тянутся нескончаемым городищем, все на желтом, каким играют ребята, измолотом в пшеницу канареечном песке.

Латыши на задворках сушат и вялят камбалу, одноглазую, костистую, плоскую, как широкая ладонь, рыбу. Детский плач, фортепианные гаммы, стоны пациентов бесчисленных зубных врачей, звон посуды маленьких дачных табль-д'отов, рулады певцов и крики разносчиков не молкнут в лабиринте кухонных садов, булочных и колючих проволок, и по рельсовой подкове, на песчаной насыпи, сколько хватает глаз, бегают игрушечные поезда, набитые 'зайцами', прыгающими на ходу, от немецкого чопорного Бильдерлингсгофа до скученного и пахнущего пеленками еврейского Дуббельна. По редким сосновым перелескам блуждают бродячие оркестры: две трубы калачом, кларнет и тромбон – и, выдувая немилосердную медную фальшь, отовсюду гонимые, то здесь, то там раздражаются лошадиным маршем прекрасной Каролины.

Всю землю держал барон с моноклем по фамилии Фиркс. Землю свою он разгородил на чистую от евреев и нечистую. На чистой земле сидели бурши-корпоранты и растирали столики пивными кружками. На земле иудейской висели пеленки и захлебывались гаммы. В Маойренгофе, у немцев, играла музыка – симфонический оркестр в садовой раковине – «Смерть и просветление» Штрауса. Пожилые немки с румянцем на щеках, в свежем трауре, находили свою отраду. В Дуббельне, у евреев, оркестр захлебывался патетической симфонией Чайковского, и было слышно, как перекликались два струнных гнезда».

Да, всё так и есть. До 1920-го года евреям запрещалось жить в определенных населенных пунктах Юрмалы, например, Ассарне (Асари), Маойренгофе (Майори). Но в Дубулты – или, как тогда говорили, в Дуббельне, у них не было никаких ограничений...

Джудит Мок продолжает: «И вот, посреди всех этих природных красот, я представила, как Мандельштам навещает своих рижских бабушку с дедушкой, ведь его отец был родом из Риги... и как мальчиком отправляется на Рижское взморье... пляж... березы... и, конечно, украдкой проникает и в концертный зал!»

Да, да, скорее, всё так и было. Теперь послушаем самого Осипа: «Широкие, плавные чисто скрипичные места Чайковского я ловил из-за колючей изгороди и не раз изорвал свое платье и расцарапал руки, пробираясь бесplatно к раковине оркестра».

Джудит говорит: «Ведь его мама, Флора Овсеевна, была музыкантшей. Она играла на фортепиано и учила музыке сына. А еще она постоянно водила своих детей на музыкальные вечера и собирала автографы! И вот, в

Как позже напишет Надежда Мандельштам о своем муже: «Перед смертью он лежал на нарах, и вокруг него копошились другие смертники. Вероятно, он ждал посылки. Ее не доставили, или она не успела прийти... Посылку отправили обратно. Для нас это было вестью и признаком того, что О. М. погиб. Для него, ожидавшего посылку, ее отсутствие означало, что погибли мы».

А может быть, когда он доживал свои последние дни на нарах, ему виделось рижское взморье, палисадники, мама, слышались фортепианные гаммы, «речь матери, ясная и звонкая, без малейшей чужестранной примеси, с несколько расширенными и чрезмерно открытыми гласными, литературная великорусская речь».

Маргарита Меклина

TO SIBERIA

In the train my memories are written on glass
Maybe my head will never touch a cool window again
Or my eyes see a landscape as it was
Painted over the blank one rushing by me
How fast white goes, how still snow stays....
To tap on the birches would cause the silver to sing in their leaves
Parents & sisters playing ball with the soft hands of youth
Mother, making up ghosts while hanging out the sheets
With late spring blossoms raining down on us
And hundreds of stars stuck to our evening skies
We'd out run the sea on long, yellow Jurmala beach.
At the grand wooden hall a glittering crowd
 in their concert afterglow.
Earlier on we had spied on the music,
 our skinny legs shaking when we got caught.
What is your name said the man in tails.
Osip, my name is Osip Mandelstam
 I remember I said when he pulled my ears...

Judith Mok

В СИБИРЬ

В вагоне поезда моя судьба писана вилами по стеклу:
кто знает, прислонюсь ли снова к окну,
увиджу ли опять этот пейзаж,
намалёванный поверх пустого холста,
что проносится мимо меня.
Ах как застыли сугробы, как спешит белизна...
Стоит только коснуться ствола,
как в листьях березы начинает звенеть серебро,
зазывая на представление памяти.
Простыня исполняет роль привидения в руках матери,
когда она сушит белье под буйной осыпью поздней весны.
Мы с сестрами берем верх над гребнями волны,
играя в догонялки на желтом юрмальском пляже
без конца и без края.
Взлетая, мяч падает на песок,
сразу отряхнутый нежными пальцами детства.
К вечернему небу льнут звезды. В деревянной зале
еще остается сиятельная публика в нимбах концерта.
Мы подсмотрели за музыкой. Когда нас поймали,
мои тощие коленки тряслись.
«Ну берегись!» – какой-то господин во фраке пожелал узнать мое имя.
«Осип. Меня зовут Осип Мандельштам», – я сказал глухо,
когда он схватил меня за ухо.

Перевод с английского – Маргарита Меклина

Александр Немировский

АВСТРИЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Ноябрь. Вена. Здание музея. Старший Брейгель.
Наряженная елка.
Зачем я здесь?
Гениальные панели,
взвесь
мороси, что воздуха барокко
легла на спесь
фасадов, на кафедральных башен стебли.
Весь город разукрашен
к Рождеству, что длится месяц
из обветшалых дней.
Как пряна ночь искусственных огней,
когда над улицами люстры светят,
когда ступени лестниц,
не стыдись граффити,
нарядных девочек ведут на пьедестал.

Дождь перестал.
В зените
красный шар — как есть намек.
Полотна площадей, холсты дворцов.
Под козырек
парадного подъезда забился фэтон.
Зажаты тормоза.
Возница что-то мямлит —
немецкого стаккато сухота.
Кариатиде мокрое лицо
поможет вряд ли,
где каменных орлов отбеленный жетон
всё стережет
еврейского квартала воздух
от побега. Барух Ата..
Прижата глыбой память Холокоста
на Юденплац.
Давно ли Питер рисовал те кости?
Почти полтысячи годов тому назад.

СЛЕДЫ

Я научусь читать слова Святой земли.
Вот дерево, проросшее сквозь камень,
котенок, копошащийся в пыли.
Над ним, в велосипедной раме
перебирает смуглыми ногами
на бизнес наостренный бедуин,
так что рука моя спешит в кармане
потрогать кошелек.
Иерусалим
шумит вокруг и равно безразличен
к прохожему или к пророку.
Вниз глядя с высоты веков, — они похожи.
Но кто же
сумеет посмотреть на это сбоку?

Так неприлично,
маскируясь под чужую душу,
я, прикрываясь то кипой, то шляпой,
шагаю за молящимся и трушу,
что не смогу, не подчинюсь порогу,
перешагну. Что клапан
времени, впускающий туда,
уже не выпустит обратно,
что, как бы ни хотелось на попятный,
уже не смочь.
Людская человечества руда
так переходит в дух, в молитву и в отвалы прочь.
так в ней встречаются слова — святые пятна.

ГАВАЙСКИЕ ОТКРЫТКИ

1

Развалины русского форта Елизаветы.
Крики диких петухов, клюющих по кромке пляжа.
Островок Кауаи. Дым твоей сигареты
по правилам — криминальная часть пейзажа.
Влажность
такая, что подъем по тропе
мало чем отличается от посещения парной.

Лиана, как популярное канопе,
преобладает и в архитектуре пивной,
где за стойкой ставни на раскрытом окне.
Картинка: вид на школьное футбольное поле,
сбоку обрезанное стеной,
на поле памятник победе в японо-русской войне.
Больно.

2

Я смотрю на огонь первобытной душой в обрамлении страха.
Он течет, не спеша, и по капле спадает на пляж.
Закипает волна, исчезая, мешается с прахом
вулкана.
Остров движется в море. И растет остывающий кряж.
Панорама
из пальм и древесных хвощей,
где шумит водопадом река,
неизменна.
Лишь теряется ценность привычных вещей,
когда время – синоним песка.

3

Полвека спустя после окончания большой войны
посреди бухты – полузатопленный корабль
стоит памятником ее началу.
Но говорит больше о ее тщете.
Посетители Oahu, в основном, влюблены
друг в друга. Судя по толпе у причала,
очень многие вообще
из Японии.
Медовый месяц.
Широченный песчаный пляж.
Зеленоватый теплый океан.
Если
каждая семья, как ветка, пускает свой корень,
то кто здесь чужой, кто наш?
Баньян.
переживший войну, растущий с эпохой вровень.

* * *

Мы спорим о птицах,
как будто свобода – синоним полета.
Помню, трамвай мерзлым утром везет на работу
мою повседневную тень,
чтоб вечером темным обратно вернуть.
И жизнь утекает меж пальцев. Меняются лица.
На завтра отложено счастье. Оно непременно случится.
Чуток пережди дребедень,
потом позабуди.

Не кончается вальс,
лишь природа сменяет мгновенья.
Вот рождается Слово, встает с колыбели и курит в окно.
Собираются гости. На раз
на столе накрывают соленья
и, кажется, больше другого уже не дано.

От снов
разноцветных к эпохе помятых бессонниц
по ветру вращается лист, представляя, что путь выбирает.
Его дерево сохнет,
да служат мишенью
для молний залысины кроны.
И кто его знает?
Он счастлив короткий отрезок движения,
что делит с вороной.

ПОСТИМПРЕССИОНИЗМ

Река Рона. Утонувший корабль,
зацеплен лохматым канатом
за корму и притянут к причалу.
Сентябрь
погоняет туристов дождем из ваты
облаков, кое-где, нечаянно,
обшитой солнцем по кромке.
Городок Арль,
в бесконечной печали
по Винсенту, заполнен коммерцией
из памятников его полотнам.

Остальное – обломки
Рима. Когда-то стоившие сестерции,
сегодня бесценны, судя по толпам,
их обступившим плотно.

Сувенирная лавка. –
остов Европы,
обираемый на продажу,
помещен в рамку
природы вдоль горной дороги к пляжу,
где постоянны: цвет воды
в Колюрской бухте под скалой замка,
чаек восходящий крик,
укравших
недоеденное рагу,
трамонтана, причесывающая сады
ветра гребнем,
чтобы утром снег, запудривший Канигу,
сверкал, как масштабный штрих
на времени,
заодно замечая его следы.

ШОТЛАНДСКАЯ СЮИТА

Здесь богу гор поставлен обелиск.
Здесь богу ветра поднята волна.
О бесконечном мысль
отчетливо видна
с закатом солнца за далекий мыс.
Тут звери разные когда-то
бороздили лесов просторы;
теперь из фауны – лишь чаек разговоры
над рекой,
многоголосьем в окна, ночь насквозь
летающих толпой по улицам, над мостовой,
вдоль стен собора
на бреющем полете,
чтоб врозь
рассыпаться в начале подворотни.

Из флоры – есть на обороте
стесанного камня синий мох,
на памятниках – он же, коих сотни
расставлены – пойдя, прочти кому.
Аванс Малькольму ли за смерть, что ждет Макбета?
Прили-отливом дышит океан в корму
парома, что пыжится на нем оставить след и потому
пока еще плывет. Под ветром
времени так движется волна, вздымая пенный перст,
то вверх, то вниз, как якобитский бунт.

Здесь в летописи нету плоских мест,
где можно встать, подумать, осмотреться.
Земле ли выбирать – кого в нее кладут?
Какая разница, какую форму примет крест,
когда уже не бьется сердце?
Утес, отвес,
да памятник сраженью.
Дворец, сожженный, как бы по ошибке.
Убийством красится эпоха совершений,
и, зритель, я, в ошейник
памяти засунутый по шею.
Я жидким хлебом упиваюсь, чтоб не казаться взрослым –
жить без милосердия трудно.
А так, чуть спотыкаясь, – легка прогулка,
по следам вождя
былого клана.

Шотландский остров
в бесконечности дождя
над маяком, над серыми волнами,
вздымающими брызги в кручах рифов.
Ишак, коровы, пони, щиплющие криво
растущую круглогодично зелень. Здание
разрушившейся фермы,
за поворотом у, наверное,
заброшенной дороги.
Отроги
гор, сбегające в пляжи,
чуть тронуты кустами вереска – цветет межа.
Так с розовым узором зелено-черная на холм одета пряжа
в полоску белых лёсок ручейков, что водопадами спешат
к большой воде в порыве вноса.

Песок, обломки вёсел,
 части сети –
 всё моет дождь, но, странно, без тоски.
 Вот альбатрос,
 какую дичь приметил,
 ныряет камнем. Стекают белые виски
 прибоя по щекам скалы у входа в бухту.
 И светит мягкий свет, что долго так не тухнет.

Я жил бы здесь, когда б к какому роду
 принадлежал. Или в другой эпохе родился.
 Быть может, в менее паршивой.
 Молился б
 на рассвете, любил подругу,
 мерил время с точностью недели,
 глотая скотч иль воду,
 но больше греясь ожиданьем солнца на панелях,
 поставленных на небольшой вершине
 и обращенных к югу.
 Тогда, в конце несметного количества
 забот, вдруг всё, что медлили
 обнять своей любовью,
 как этот край, под кожу б пробиралось.
 Ни электричества,
 ни интернета. Фонарик в изголовье
 шаткой койки. И красота, смывающая старость.

ЖИВОПИСЬ

Я пишу твои руки,
 и чернила бросает в жар.
 Зарубки
 на памяти – кляксы коротких встреч –
 оттеняют черты лица.
 Математически бесконечный,
 но ограниченный земной шар,
 хранит наши тени образца
 прошедшего века.

За концом перешейка
 из черного снега между весенних луж

город дребезжит вдогонку: «не уезжай»
трамваем на конечном кольце
у метро.
Развернувшись, еще можно до него добежать.

Еще... Оказалось, что кедровые
лапы не задерживают кружево солнечных змей.
Они всё равно слепят. Я пишу твои волосы,
и ветер выкручивает из пальцев
мое перо,
и чем далее, тем больше приходится на него нажимать.

Здесь, размечен на полосы,
в перспективу точки идет фривей.
По нему поспешить и добраться до въезда в домашний рай.
Там давно решено всё, что надо еще решать.
И оттуда ровней
поверхность кажется, оборачиваясь назад.
Но обману зрения не доверяй.

Чуден сад,
что в конце лишений
явил приют.
Я дышу размеренной океанской волной,
на которой, раскинувшись, спишь.
Я пишу твои плечи, изгиб шеи,
но набегающие одна за одной
брызгами размывают
бумагу времени, покрывая
седыми хлопьями тень твою.

Woodside, Калифорния, 2014–2019

Елена Улановская

Город, где цвели абрикосы

Тот же город родной. И мотив в тишине.

Тот же город – только мы уже стали не те.

Евгений Столпер

ГЛАВА 1. ВЕСНА

Идея выкопать подвал на кухне трехкомнатной квартиры в центре Луганска принадлежала бывшей Женькиной свекрови, которой нужно было куда-то ставить бесчисленные трехлитровые банки с компотами и абрикосовым вареньем, а разрешение на строительство организовал через знакомых бывший свекор.

То есть свекор и свекровь не были бывшими – они присутствовали в Жениной жизни и в жизни ее детей: ну кто, кроме них, помог бы выкупить смежную квартиру, когда она связалась с кафе?

Еще в самом начале 90-х, как только началась перестройка, Женькины эрудиция и проницательность помогли ей понять, какую ценность представляет эта доставшаяся по наследству квартира на первом этаже с окнами на центральную улицу. В Прибалтике, например, таких кафешек пруд пруди... Кафе Женья назвала «Заря» – в честь местной футбольной команды, ставшей когда-то давно, еще в детстве, чемпионом страны. Эта давняя слава до сих пор давала жителям города право лопаться от гордости.

Может, популярность команды сыграла роль, а может, Женькина удачливость, но за пятнадцать лет трехкомнатную хрущевку удалось превратить в любимое публикой место. А вот разрешение перестроить подвал под бар так и не потафило получить, несмотря на старые партийные связи свекра... Пока здесь хранились нескончаемые запасы консерваций, в основном из абрикос, и пылились в ожидании летнего сезона складные столы и стулья.

Подвал... Кто бы мог подумать, что всего через пару месяцев ее подвал превратится в блиндаж, а само слово «подвал» приобретет совсем другое значение...*

* Если выбирать слово-символ для войны на востоке Украины, то это должен быть «подвал». «Подвалы – это импровизированные тюрьмы и камеры пыток для военнопленных и для гражданских, нарушивших законы самопровозглашенных республик.» (*Википедия*)

...Подружки задерживались. По понедельникам кафе не работало, и они собирались у Женьки позавтракать и обменяться новостями. Женьке позарез нужен был этот выходной день, а партнера, на которого можно было бы оставить бизнес, у нее не было. То есть еще недавно он был...

Со Славиком — другом детства и одноклассником — у Женьки были давние и не только деловые отношения. Он стал ее первым мужчиной, и им обоим понадобилось много терпения для этой любви. Тем не менее, любовь не помешала Славику присвоить общие деньги и открыть другое кафе — напротив, через дорогу. Точнее, открывалось оно как бы на них двоих, а оказалось Славиной собственностью и конкурентной организацией...

К счастью, вдоль проезжей части посадили аллею абрикосовых деревьев, и с середины апреля до середины июля два заведения разделяла сначала бело-розовая пена цветов, потом зеленая масса листвы, куда в июле вкраплялись оранжевые блики созревших абрикосов; до конца октября кроны постепенно желтели и редели и с приходом ноября обнажались окончательно. Зимой, когда деревья превращались в сплошную черно-белую графику, Женя вешала красные в клеточку занавески, сшитые еще бабушкой Зиной, — давно, когда это окно было окном их домашнего очага...

Женька отодвинула штору. Начинался апрель, и до цветения оставалось недели две-три... В кафе конкурента и бывшего любовника Славика зашли люди в камуфляже, человек двенадцать. Она издалека, кажется, узнала того военного, который в субботу обедал у нее в Голубом зале.

Она прикусила губу от досады... Российские военные — самые лучшие клиенты: пьют, едят, денег не считают, официанткам дают на чай и говорят комплименты... Черт, нужно открываться и в понедельник: кто знает, сколько они еще пробудут в городе?

В дверь постучали условным стуком — девчонки, наконец-то! Ввалились взъерошенные, что-то начали рассказывать, перебивая друг друга. Женька побежала на кухню делать капучино: запах свежесмолотого кофе — кого он не успокоит!

Она еще утром накрыла столик в Розовой комнате — они в кафе «Заря» разделялись по цвету: Розовая для завтраков, Голубая и Зеленая — для обедов, ужинов и корпоративных вечеринок. Конечно, в начале 90-х никаких строительных материалов еще не было. Цветовая гамма создавалась непросто — хорошо хоть, зеленая краска всегда была в достатке (все коридоры в городских школах до сих пор этого тяжелого травяного оттенка). Женьке пришлось долго колдовать, перемешивая ее с белой. То же самое и с синей краской — целая

банка ушла только на эксперименты, чтобы получить нежно-голубую. Красную и желтую прислали из Польши – шли по цене хорошего армянского коньяка! Эти цвета были нужны, чтобы получить розовый и добавить зеленому лимонный оттенок.

Сегодня – другое дело: в Розовой комнате две стены оклеены итальянскими тисненными обоями, а третья, напротив окна, покрыта панелями из новомодного полупрозрачного пластика, преломляющего дневной свет в розовый... И конечно же, огромные зеркала, чтобы визуально расширить пространство. Голубая и Зеленая выполнены в более консервативном стиле. На окнах тяжелые плюшевые портьеры, скрывающие неприглядный вид во двор, и никаких стульев – только мягкие кресла и диваны...

Рассказывать начала Лера, которая, судя по всему, и была очевидцем произошедшего вчера вечером. Она жила прямо напротив здания СБУ* на улице Советской, в одном доме и в одном подъезде с родителями Женькиного бывшего мужа, – они же и помогли ей сюда вселиться, когда она вернулась с долларами из Ливии.

Свекр со свекровью гостили у сына в Якутске – он так и остался там после развода. Честно посылал «северные» алименты, отступился от квартиры – плата за измену... Родители уехали – и слава богу, – как бы она бегала на Советскую их проверять? У свекрови проблемы с сердцем: в любую минуту может понадобиться «скорая». А там вокруг дома и в СБУ черт знает что творится!

Но еще удачнее, что дети увязались за бабушкой и дедушкой на весенние каникулы. Сначала Женя была против: чего они будут болтаться там у отца – лучше пусть в кафе помогают. Но когда сын отпрапортовал, что отец нашел ему работу на лето и он хочет на практике понять то, что он будет учить в теории, ей было нечего возразить. Сын собирался поступать в Институт нефти и газа – он земными недрами интересовался с самого детства и места разломов на тектонических плитах знал наизусть. Куда бы они ни ездили – первым делом проверял место на возможность землетрясения...

Дочка же, развитая не по годам одиннадцатилетняя девица, так умело, со слезами на глазах, притворялась, что истосковалась по папочке, так убедительно говорила о недостатке мужского влияния в ее воспитании, что Женька скрепя сердце согласилась отпустить и ее.

...Лера наслаждалась капучино. Как эта расторопная Женька ухитрилась заплатить за итальянскую кофейную машину – одному богу

* СБУ – Служба безопасности Украины. «6 апреля в воскресенье в городе Луганске прошел митинг под российскими флагами, после чего митингующие захватили здание СБУ.» (Википедия)

известно... Вообще – кто бы мог подумать, что у нее откроются способности к бизнесу? Такая правильная была, отличница, даже в комсомоле немного побывала...

Лера с Женькой – с первого класса в одной школе, а потом вместе перешли в другую, в спецкласс по математике. Кому нужна эта математика сейчас? Женьке – считать разбитые кофейные чашки? Или ей, Лере, врачу-анестезиологу, – сколько кубиков лекарства ввести? Впрочем, как говорила бабушка, знания на носу не висят и образование – это самое важное, что остается с человеком. Эту же мысль Лера старалась внушить сыну, и ее труд – уроки английского, на которые она его таскала и в дождь, и в снег, и в жару; кубок Украины по гимнастике – опять же в любую погоду, ну и золотая медаль, – все это помогло ему поступить в американский университет.

Конечно же, больше всего помогли доллары, которые Лера зарабатывала в Ливии. Ливия многое дала и ей самой: и бесценный опыт, и английский язык, и роман – ее тяжелая любовь, – как говорят по-английски, «toxic relationship», – конечно же, с хирургом, единственным хирургом в их бригаде. Так же спокойно, как он разрезал скальпелем кожу пациента в ходе операции, он исполосовал ее сердце... К счастью, она смогла с этим покончить... Три долгих года ушло на реабилитацию. Даже после самой тяжелой операции человеку нужно в два раза меньше, чтобы восстановиться...

Но теперь в жизни Леры наступила благополучная полоса. Высокая голубоглазая блондинка – чем не Мэрилин Монро? – она вдруг была вознаграждена любовью легкой и красивой, – кто бы мог подумать, что такое бывает! Цветы, подарки, шампанское, поездки в Крым... Всё, как в мыльной опере, но настоящее, – она точно знала, что настоящее. Самым настоящим и желанным был Юрочка, ее муж, – уже год как по бумажке, а два – по жизни, и с каждым днем она влюблялась в него всё больше и больше.

Лера зажмурилась, вспомнив теплые руки Юрочки и представив, как он берет в ладони ее лицо и говорит: «Доброе утро, красавица моя!» – каждое утро, каждое утро теперь, когда они официально съехались и просыпаются в одной кровати...

Прошлой ночью они вернулись из Варны, куда ездили на недельку отдохнуть от Майдана*. Победа – ее нужно было отпраздновать! Но как только они вернулись домой в Луганск, праздничное настроение испарилось. Город бурлил: повсюду прокламации, митинги, толпы

* «Майдан – массовая многомесячная акция протеста в центре Киева, начавшаяся в ноябре 2013 года и закончившаяся в феврале 2014 г. кровопролитием и сменой украинского правительства.» (*Википедия*)

каких-то сомнительных личностей, на вид – просто бомжи или уголовники, которых всё подвозили и подвозили на автобусах из области. По улице пройти невозможно: дороги завалены шинами, троллейбусы не ходят – сейчас от больницы до Женьки добиралась час, а тут ходу пятнадцать минут! И везде российские военные...

Женька подошла к окну Розовой комнаты. Из кафе напротив выходили довольные расслабленные вояки – видно было, что спешить им некуда. Тут у нее возникла идея.

– Девочки, на бордаж! Мне нужны эти клиенты: сейчас переодеваемся и выходим! Выставляем столы на улицу – весна! Там будут пить пиво. Ну как в Чехословакии!

– В Словакии, – поправила Лера, – ну и в Чехии, отдельно: это две разные страны.

– Ты о чем? – серьезно, как всегда, спросила Рената.

Женька уже тащила ворох одежды: короткие черные юбочки, белые, с плиссировкой, фартучки, накрахмаленные накладки. Это была униформа официанток для обслуживания специальных приемов и корпоративных вечеринок. Сама Женька переодевалась на ходу, сбросив спортивные штаны и воспользовавшись шикарным зеркалом в зале, только чтобы приспособить накладки.

– А колготки? С ума сошла: на улице холодина! – закричала ей вслед Милена.

– Тепло и солнце, – махнула рукой Женька, переврав Пушкина, – скорее выходите!

Она уже протискивалась сквозь входные, вернее, выходные двери со столиком на колесиках и с тремя запотевшими литровыми бутылками «Жигулевского».

– Вот вы не хотите говорить о политике, а всё будет, как в Крыму, – безапелляционно заявила Рената, – Россия приберет нас к рукам.

Она уже застегивала коротюсенькую юбочку. Колготки у Ренаты, конечно, были: она никогда не позволяла себе расслабляться и всегда была в офисном прикиде – обязательный пиджак, контрастного цвета платье; натуральные материалы, приглушенные цвета – ничего броского. Но длина – только мини.

– Ноги уж больно красивые, грех прятать, – шутила Рената, хотя это была чистая правда.

Рената в их женской компании считалась самой деловой. Училась на экономическом, на дискотеки не ходила, подрабатывала по вечерам бухгалтером. Так после выпуска и продолжила – уже в фирме мужа Леонида: практически все делопроизводство взяла на себя. Леонид, как многие в 90-х, организовал кооператив, потом про-

изводственный цех, а выкупив цех, постепенно превратил его в завод. И начинали-то с каких-то трубочек для машин, а закончили шлангами высокого давления. Работали с Германией, Венгрией и еще то ли со Словенией, то ли со Словакией – куда только Рената ни ездила! Ну и трубочки продолжали делать по специальным заказам, особенно для военных заводов. Трубочки эти, оказывается, нужны были не только для машин, но и для танков и бронетранспортеров.

Про все это Рената подолгу рассказывала... Мужа она иначе, как «Леонидом» не называла, а ведь они все учились в одном институте: девчонки иногда в ее отсутствие подшучивали, что Рената и в постели называет мужа Леонидом, а может быть даже по имени-отчеству: Леонидом Марковичем.

– Зеленые вежливые человечки*, берегитесь! – Рената придерживала длинной ногой дверь, чтобы выпустить Леру.

– Меня знает весь город, как я в таком виде появлюсь на улице? – тормозила та...

– Весь город знает тебя в хирургическом халате и в колпаке, со спрятанными волосами и в очках. Сними очки, распусти волосы: ты же блондинка! – командовала Милена.

Ее роскошные формы с трудом помещались в блузку, рассчитанную на студенток, подрабатывающих официантками, но именно она, сумев-таки застегнуть юбку, выглядела суперсексуально – просто Кардашьян номер два!

– Берегитесь, зеленые вежливые человечки! – повторила Милена за Ренатой. – Я чувствую себя участницей французского Сопротивления; им тоже приходилось кокетничать с нацистами.

Когда заходила речь о России, Милена из роскошной осетинской красоти превращалась в озлобленного политического обозревателя:

– России верить нельзя: знаем мы этих вежливых зеленых человечков! Вон Грозный с лица земли смели...

– Так осетины же сами чеченцев ненавидят! И религия другая. Русские им ближе: тоже христиане.

– Это наши дела и наши разборки, кто кого ненавидит! Мы столетиями рядом жили – и ничего! Это как в семье: чужой не суйся... А тут такое... У меня же в Грозном родственники! Вы даже представить не можете, какой это был ужас: кровь, бомбежки...

– Боюсь, что скоро представим, – Лера посмотрела в окно.

* «Зеленые вежливые человечки» или «вежливые люди» – «эвфемизм для обозначения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия, блокировавших стратегические объекты в Крыму во время присоединения полуострова к России.» (*Википедия*)

Через дорогу «вежливые зеленые человечки» смеялись, курили, сплевывали, между прочим, в урны, которые Женькин бывший предусмотрительно поставил с двух сторон от входа в кафе... Весна стояла ранняя – такое тепло, такой запах! – вон сколько ждали: всю долгую, тревожную зиму Майдана.

Судя по взглядам военных в их сторону, те наблюдали за манипуляциями Женьки, которая уже жонглировала холодными бутылками пива. Двое двинулись в направлении «Зари».

– Очень много военных в городе, не к добру это... – со знанием дела заметила Лера; проработав четыре года в ливийских госпиталях, «в горячей точке планеты» она научилась разбираться в таких вещах с первого взгляда. – Как бы Луганску не стать горячей точкой...

– Берем каждая по несколько пивных кружек и выходим! – торопила подруг Рената, – Женька там уже точно всю попу отморозила.

В дверях она столкнулась с высоким военным, которого Женька, видимо, отправила за столами.

– Где тут у вас подвал? – спросил он, протискиваясь между дверью и Ренатой и одобрительно поглядывая на расстегнутую пуговичку ее униформы.

– Там, – Рената махнула головой в сторону кухни, еле удерживая под левой рукой пачку пластиковых меню, а правой прижимая к животу пивные кружки.

– Сергей, – военный протянул руку, не вовремя решив представиться. Глаза у него были голубые-голубые. «Как русские васильки», – всплыло из закров памяти затасканное школьное сравнение. Рената машинально протянула руку, и два пивных бокала шархнулись на пол.

– Извините, но это, как говорится, на счастье, – военный наклонился за осколками.

– На счастье, на счастье! – Женька уже неслась со щеткой в руках, подметать, Рената держала дверь, смутившийся военный отправился в подвал, а с улицы задувало такой весной, что счастье было, конечно же, единственным возможным вариантом...

ГЛАВА 2. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Павлик проснулся с ощущением счастья. Сегодня 28 апреля, и сегодня ему исполняется шесть лет! Можно надеяться, что родители знают, что ему подарить. Сейчас он откроет глаза и увидит коробку. Может, коробка будет завернута в подарочную бумагу – с маленькими мишками, как в том дорожном магазине. Или с роботами! Ха-ха: «Коробка с роботом в бумаге с роботами». Ему стало щекотно от

смеха; он открыл глаза, осторожно скосил их на столик с лампой... Ничего. Он сел в кровати, огляделся вокруг... Не может быть... Неужели родители забыли? Забыли про его день рождения? Конечно, сегодня придут гости – друзья со двора и из садика, будет много детей и много подарков, но кто знает, какую ерунду они принесут?... Очередную «Монополию» или – еще хуже – шашки... А то еще одежду... Это просто отвратительно: нужно запретить дарить детям одежду на день рождения! Вообще!

Не на шутку расстроившись, Павлик соскочил с постели и полез под кровать: может быть, там сюрприз?

В этом положении, с торчащей из-под кровати попой, его и застали родители. Слава богу, с подарком! С роботом! Такой, как надо: с управлением! Без подарочной бумаги, правда...

Вчера мама и папа весь день провели у телевизора. Павлик даже заволновался – когда они в магазин-то игрушечный успеют сходить? Папа, тоже Павел, все приговаривал: «Всё – это конец света, конец света!», а мама ласково так, как ребенку, ему: «Павлик, ну что ты так переживаешь? Вот увидишь – всё еще будет хорошо...» Конечно же, хорошо – как же может быть плохо, если завтра его, младшего Павлика, день рождения!

...Вот он и пришел – его день! Торт, который украшали вчера с мамой, настаивается в холодильнике, после садика друзья придут, а до этого ему обещано мороженое в кафе «Заря» и фильм в новом кинотеатре – новый, про роботов. «Новый фильм в новом кинотеатре!» – Павлик опять рассмеялся.

– Вот, держи! – Папа уже открутил робота от коробки (и как всегда пошутил, что десять китайцев это прикручивали) и вставил батарейку. – Держи! Он будет тебя защищать! У нас тут вчера Луганская Народная Республика образовалась: теперь каждому нужен будет свой защитник. Тем более, что автоматы раздают всем, особенно бомжам и уголовникам...

– Павлик! – осадил мама отца. – Не при ребенке...

– Он уже не ребенок, ему шесть лет!

В дверь позвонили: почтальон принес извещение на посылку от бабушки. Павлик-младший даже зажмурился от счастья. Ему наконец-то исполнилось шесть лет, на почте ждала посылка, день обещал быть совершенно замечательным и, конечно же, не концом света, – а самым что ни на есть началом...

ГЛАВА 3. ЛЕТО

У Ренаты с Леонидом не было детей. Друзья шутили, что для них

ребенком стал их бизнес, их завод. Завод действительно был их общим ребенком – выношенным, выкормленным, взявшим лучшие гены от мамы и от папы... И все-таки, то была лишь полуправда. Хотя бизнес – один, они чувствовали себя многодетными родителями, потому что все люди, которым они давали работу на их предприятии, немедленно под-вергались «усыновлению»... Рената не тешила себя иллюзиями.

Да, всё было на ней: подарки детям заводчан на Новый год и огромная елка в приемной директора; собственный детский лагерь на Северском Донце и там же – летний дом отдыха (это на двести-то человек работников!); заводская столовая с современной кухней (оборудование, между прочим, из Дании), где Рената дежурила наравне со всеми. И это помимо ее непосредственной работы главным бухгалтером и финансовым директором!

Работа на их предприятии считалась самой надежной в городе, – и в этом, как и в том, что даже в самые лихие 90-е все друзья и родственники были пристроены, – во всем этом, конечно, была заслуга ее мужа – добрейшего и умнейшего в мире человека, который, между прочим, любил ее еще со школы. Подружки могли сколько угодно шутить по поводу того, что она, Рената, называет его в постели Леонидом, но после неудачного брака в Питере с сыном декана экономического, откуда ее выперли якобы за неуспеваемость, а на самом деле – за несколько аборт, – она знала точно, в чем секрет удачного замужества и удачного секса... И в постели называла мужа всякими ласковыми именами, которые никому открывать не собиралась. Теперь приходилось отстаивать свои женские бастионы на фоне молодых секретарш, программисток и даже официанток, для которых ее муж стал всемогущим Леонид-Марковичем, а не прежним бессловесным ботаником-отличником в очках да с еврейским чубчиком...

Луганская народная революция, победившая в апреле, как и всякая революция, больно ударила по их семейному бизнесу. Было непонятно, как привозить товар, как вывозить продукцию, какими деньгами платить и чем платить вообще. Сегодня Рената собиралась посетить новую администрацию, чтобы перерегистрировать бизнес и наладить личные знакомства. Наслышавшись о том, что в руководстве республики много боевых командиров, она, на всякий случай, надела приготовленный для таких особых случаев деловой костюм, с юбкой покороче... Заодно и к Женьке в кафе зайдет попить кофе... Интересно, крутятся ли еще там эти русские военные?

Не то чтобы васьковые глаза не давали Ренате покоя – но лодочки на высоких каблуках она предусмотрительно положила в сумку. С утра выйти не получилось: отчет за прошедший месяц выглядел просто устрашающе... А после обеда плохо приходиться в любую

контору – никому уже работать не хочется. Государственная служба везде одинаковая: до обеда борьба с голодом, после обеда – со сном... Но, может быть, если ты на службе у революции, то всё по-другому?

Ехать пришлось на такси – их водитель застрял на таможне. Такси припарковалось у знакомого здания, и было странно видеть новые флаги, людей в пятнистой форме... Вспоминались старые фильмы об Октябрьской революции – интересно, так же тревожно было тогда? Спокойнее? Страшнее?

Пока Рената раздумывала, надеть ли ей туфли сейчас или подождать до кафе, и выискивала на дне сумки кошелек, где-то совсем рядом страшный удар сотряс машину – дым, звук разбитого стекла. Взрыв? Мужчина на противоположной стороне сквера начал валиться набок, и у него из плеча – там, где должна быть рука, просто как в фильмах ужасов хлестала кровь... Через секунду все скрылось в дыму...

– Закрой дверцу! – заорал водитель, круто матюгнувшись. Он дернул машину так, что Рената повалилась на него; таксист отпихнул ее, продолжая материться, вывернул руль, и машина помчалась через площадь, чуть не сбив нескольких человек, бежавших от столба дыма, поднявшегося на месте взрыва... Навстречу уже неслись «скорые»... Рената оглянулась по сторонам – как раз проезжали мимо кафе «Заря».

– Остановите здесь, пожалуйста!

Таксист резко затормозил. Видно было, что он ошеломлен случившимся, но счастлив, что выбрался из переделки с целой машиной, которую тут же начал осматривать, не поленившись выйти. Подробности кровавой сцены, с которой они только что сбежали, ему с водительского сиденья видно не было.

– Счастливчик, – подумала Рената, глядя вслед отъезжающей машине. Ей пришлось прислониться к дереву, ноги не держали... Волосы? Нужно бы посмотреть в зеркало, но как его достать из косметички? – Руки дрожат: пожалуй, она и чашку кофе сейчас не удержит... Рената точно знала, что эта оторванная рука станет для нее теперь символом Луганской народной революции. Если не придется пережить чего-то похуже...

Она осмотрелась. Вокруг было тихо; абрикосовые деревья перед кафе «Заря» мирно шелестели листвой под легким июньским ветерком и хвастались друг перед другом недавно вылупившимися зелеными абрикосами. Через месяц оранжево-красные, перезревшие фрукты начнут осыпаться с веток и ковром накроют тротуары, и Женя будет ругаться, что к столикам не подойти, не поскользнувшись и не размазав пару абрикосов по асфальту. Сама же будет по вечерам

ведрами собирать ничейную собственность и варить под руководством свекрови густое абрикосовое варенье, закатывать банки с компотом и печь свои знаменитые пироги...

Немного успокоившись под прохладной аркой, Рената вошла в кафе со двора, с заднего входа. Лодочки надевать расхотелось.

Из железной двери с надписью: «Только для работников кафе» выскочил военный, на ходу заправляя форменную рубашку в брюки и затягивая ремень. Случайно зацепив Ренату плечом, он извинился, стрельнув уже знакомым васильковыми взглядом, и скрылся за углом. Вот Женька дает! И тут успела...

Та, конечно, была уже при полном параде, когда Рената вошла, – такую враспloh не застанешь...

– Ты знаешь, что случилось? – Женья встретила Ренату вопросом прямо с порога.

– Я там была... у здания администрации, – устало сообщила Рената, предвидя, что ей придется рассказывать о страшной сцене в центре города.

– Да нет же! На квартале Мирном, у Милены! Ты знаешь, что там стреляют с утра? Прямо с крыши ее девятиэтажки – в пограничников. А те не могут даже ответить – это же их дом! Ополченцы обстреливают пограничную базу, где ее муж служит! Ты себе вообще представляешь, что это значит?

– Я всё утро с отчетом возилась... Ну, знаешь, как всегда: дебит с кредитом не сходится...

– Тебе, как всегда, только дебит и кредит интересны! Тут практически война началась!

– Так уж и война... – Ренате не хотелось говорить Женьке, что война идет гораздо ближе, чем та думает: прямо здесь, на площади, в центре города.

– Сережу вызвали срочно: военная тревога, – продолжала нагнетать Женька, – я дала ему адрес Милены. Если будет там, может, сможет их вывезти...

«Это зависит от того, какой он получит приказ», – возразила про себя Рената, а вслух съехидничала:

– Быстро же он у тебя стал Сережей.

– А ты его глаза видела? – засмеялась Женька вместо ответа.

– Давай уж, вари кофе... – буркнула в ответ Рената.

ГЛАВА 4. ВОЙНА

Милена не сразу услышала телефонный звонок. Она стояла у окна, смотрела на вспышки взрывов на базе и не могла заставить себя

спуститься в подвал... Она прекрасно понимала, что если с пограничной базы ответят на стрельбу, то снаряды могут приземлиться прямо у нее в квартире. Но на базе Саша... Ее муж, ее любимый... Бежать к нему, спасти, закрыть собой!

Как же! Милена вспомнила, как Сашка всегда возмущался, когда в фильмах девушка героя бежала его спасать и, конечно же, только усложняла ситуацию, часто ставя возлюбленного на край гибели. Ну, для фильмов это было необходимо – конфликт усложнялся и усложнялся, потом всех плохих уничтожали, и герои оставались вместе...

Милена наконец-то услышала звонок. Хорошо, что они на девятом этаже: хоть мобильная связь есть. Это был Денис.

– Мама, я у Влада, у нас всё в порядке. Я знаю, что бомбили в центре, но в Восточных кварталах тихо... Что у вас? Я знаю, там стреляют в наших пограничников, в папу! Я сейчас приеду; Владу отец оставил машину.

– Нет-нет! – Милена закричала. – Нет, папа здесь, мы в подвале, мы в безопасности! – в отчаянии врала она сыну...

– Папа с тобой? – голос сына упал: – Он что, дезертировал? Они же там воюют за родину, за Украину...

Милена не знала, что сказать.

– Мама, мама! – надрывался в трубке Денис.

Милена нажала кнопку «закрыть». Просмотрела пропущенные звонки: Женька, Лера, Рената, кафе «Заря», опять Рената, Леонид... Сообщение от Леры: «Что у вас? выезжаю на «скорой»».

ГЛАВА 5. В ПОДВАЛЕ

Павлик стоял у окна и смотрел, как с крыши их дома летят снаряды к пограничникам. Смотреть было интересно – почти так же, как играть в видеоигру, где стреляют. С другой стороны, он за пограничников немного переживал: все-таки они были веселые и всегда пускали Павлика с друзьями на базу, давали посидеть в военных машинах, а летом не запрещали рвать с деревьев у ограды еще зеленые абрикосы, от которых было так кисло во рту, что выступали слезы.

Когда мама сказала, что пора спускаться в подвал, Павлик очень обрадовался. Во-первых, по радио объясняли, что в подвалах безопасно, особенно, если взять с собой еду. Во-вторых, от мамы он слышал, что папа тоже сидит в подвале, поэтому так давно не приходил домой. «А вдруг, – размышлял Павлик, – подвалы где-то там внизу соединяются, и они с папой встретятся?»

На лестнице настроение у него еще улучшилось. С соседями спускалась та самая хорошенькая девочка с четвертого этажа и

пожилая тетя с пятого, у которой кошка должна была вот-вот родить котят.

И она родила, прямо в подвале! Настоящих, живых: двух черных и одного серого.

– Слава богу, – вздыхала соседка, – только трое: меньше греха на душу...

– Про что она говорит? – Павлик попытался было выяснить у матери, но та только махнула рукой.

Из-за этих котят у Павлика не было времени проверить, есть ли здесь ход в другие подвалы, чтобы найти папу. «В другой раз, – сказала мама, – нам еще придется тут побывать, судя по всему.»

А самым главным трофеем этого замечательного дня было обещание мамы взять домой одного котенка. Серого, конечно. Зачем ему черный – плохая примета! Это все в подвале сказали, и девочка тоже. Звали ее Анна, Анечка – так называла ее бабушка. Про маму и папу ее не было понятно, где они и что с ними, но Анечка виду не подавала, что переживает...

Чтобы получить котенка, Павлик даже немного слукавил и поплакал, что соскучился по папе. Тут мамино сердце не выдержало, и они с соседкой договорились, что как только кошка перестанет кормить, серый котенок перейдет к Павлику. А пока он может его навещать на пятом этаже... И имя он котенку уже придумал – Зарёнок, как папина любимая футбольная команда «Заря».

ГЛАВА 6. КОНЕЦ ЗАСТАВЫ

Сашка впервые увидел Милену в троллейбусе. Что его поразило больше всего – ее улыбка. Улыбка у нее была нездешняя и обещающая рай...

Если по-честному, ждать этого рая пришлось очень долго: девушка с Кавказа – специальный подход требовался... Слава богу, хоть не мусульманка, а то бы в ислам заставили перейти... Милену была осетинкой, подмешалась, правда, и чеченская кровь: да вот хоть на Дениса их посмотри – чистый чеченец! Когда сын в Москву на соревнования ездил, очень они с Миленой переживали... Там «нацменов», как их презрительно называют, сильно не любят...

Правда, тогда Сашка, студент физкультурного факультета – косяя сажень в плечах, – о таких вещах, конечно, и не думал. Все годы в институте он вел секцию по дзюдо – кому угодно мог влупить по первое число, если что... Он и сына учил не давать себя в обиду... Да кому это сегодня поможет? Вон, посмотри, какого оружия напридумывали – и всё в свободном доступе! Любой подонки может

взять в руки автомат – и пиши пропало... Вот ведь какие мысли лезут в голову, когда лежишь за бетонным укрытием и отстреливаешься. Они, военные, в отличие от гражданских, знали, что это случится... Но что это случится вот так – поверить было невозможно.

Особенная подлость состояла в том, что стреляли по части из их домов – где были их жены и дети. Конечно же, пограничники просили артиллеристов не отвечать.

Еще не давала покоя мысль – а кто они, эти враги? Стреляли парни, с которыми они жили в одном городе, болели за одну команду, возможно, учились вместе, а может даже пили пиво в одной компании... Были, конечно, и русские военные, но Бог им судья...

Про Дениса Сашка знал, что после вчерашней тренировки тот остался у друга в Восточных кварталах, а вот Милена... Милена дома, и можно только надеяться, что спустилась в подвал... Скорее всего, стоит у окна и сходит с ума, а то еще мечтает, как бы кастрюльку с долмой ему принести... Ненормальная... Преданность Милены была преданностью настоящей восточной женщины, и в мирное время Сашка этим очень гордился.

Их, пограничников, оставалось не так уж много. Зеленых срочников-новобранцев он, как командир заставы, постарался отправить по домам. Родные приезжали по ночам и успели забрать пацанов до начала бойни. Женский медперсонал он тоже отослал – не до них... Хорошо, что он натренировал свою постоянную команду, не давая им покоя ни днем, ни ночью. И перевязкам тоже учил, кстати... Перевел на казарменный режим, сам жену не видел уже пару недель, – даром, что она под боком, вон в той угловой девятиэтажке. Готовы окопы, есть бетонные заграждения и продовольственный склад полон. Оружия, оружия маловато! В коротких перерывах между перестрелками Сашка названивал командованию – еще оружия!

Помощи не будет – его никто и не обнадеживал. Есть раненые... За ними ухаживает дед, из соседей: он тут летом абрикосы собирает... Вовка-балагур замолчал – неужели что-то серьезное? Для поднятия духа включили через громкоговорители украинский гимн. Невероятно, но в бинокль Сашка видел, что вдоль шоссе останавливались зеваки: посмотреть на канонаду... А если случайный снаряд залетит? Любопытству и пофигизму людей нет предела! Неужели им не страшно?

А вот ему было страшно. Хотя он и командир. Страшно всерьез. За своих ребят, за Милену, за Дениса, – да и за себя... Украина? Где она, та Украина? Где она, когда под ее гимн нас расстреливают?

...Но, видно, есть где-то Бог: прислали-таки самолеты. Всех в убежище! Раненых, раненых первыми! Вовка где? Дышит?

Самолеты сработали четко. Когда бомбы ложатся – мало не покажется, земля дыбом... Конечно, нападающие разбежались, но надолго ли? И тут раздались сирены «скорых».

...«Военный совет» собрался в квартире у Милены. Лера, анестезиолог в детской больнице, работала на «скорой» на общественных началах. Туда же напросилась и Женька – ей выдали белый халат. Рената с Леонидом вернулись – везли свою продукцию в Краснодар, а там уже русские войска, то бишь ополченцы... Развернули.

– Это уже не Украина. Куда трубочки везете?

В хорошие времена Лера всегда шутила, что им нужно газотводные трубочки для младенцев изготавливать и по всему миру продавать... Старт-ап! Простое и элегантное решение вечной проблемы колик у новорожденных! Но сейчас как-то не до шуток...

Последним подъехал Юрочка – Лера его иначе и не называла. Вся прямо таяла, когда смотрела на мужа. А Женька всё утро не отходила от окна, будто высматривая кого-то... Остальные делали вид, что не понимают, кого она хочет увидеть. За одну ночь мир разделился на своих и чужих, и слово «враг» приобрело плоть и кровь.

Юрочка, как настоящий журналист, еще успел взять интервью у нескольких очевидцев вчерашней атаки на пограничную заставу. Найти их было трудно, Сашка сразу после приказа отступать распустил всех по домам, раненых забрали «скорые»...

– Почему ты у меня ничего не спрашиваешь, возьми у меня интервью, – кипятился Сашка, размахивая руками. – Почему у этих лохов?

– Потому что ты военный, на службе... И мнение твое предвзятое: зависит от того, кто за эту службу платит. А они – свободные люди; это называется «демократия».

– Демократия, еханный бабай! Демократическое их мнение зависит от зомбоящика! От того, кто за рекламу в телике платил!

Но спор продолжать не хотелось. Не до теорий было сейчас: случилось страшное – Денис пропал. Единственный на всю их компанию ребенок, оставшийся в городе, исчез вместе со своим другом Владом. Им по 17 лет, и это еще хуже... Они, конечно же, воспользовались машиной отца Влада и поехали спасать – но кого? Родителей? Погранзаставу? Украину?

– У меня есть знакомые в отделе информации ЛНР, – снова заговорил Юрочка, – я попытаюсь что-нибудь узнать. Может, он там, в подвалах, – с типичной репортерской бестактностью сказал он то, что никому не хотелось произносить...

– Из города нужно уезжать! – не выдержала, наконец, Лера.

Никто не возражал. Будущее было неопределенным, а настоящее казалось мрачным. Когда все так же молча разошлись, поев Миле-

ниной долмы и выпив чачи, присланной родней с Кавказа, Сашка, переодевшись в гражданское, отправился попрощаться с частью.

Оказалось, не он один. Пришли ребята, которые еще вчера отстреливались с ним бок о бок в окопах. Они стояли и смотрели на свой второй дом. Склады с провиантом были опустошены, в казарме всё перевернуто, в оружейке двери выломаны, и оружие вынесено, а всё, что оставалось железного, — двери бункеров, машины, вышки, — какие-то молодцы резали на металл.

Всё закончилось, все живы — даже Вовка-балагур выкарабкался. Почему же такая тоска? Смотреть, как рушат всё, чем жили столько лет, оказалось невероятно больно...

ГЛАВА 7. ВАТНИКИ И УКРОПЫ

Денис не верил тому, что с ним произошло. Немыслимое совпадение или просто непраха? Второго июня они с Владом после разговора с родителями не поехали спасать погранзаставу. Какой смысл? — Оружия никто не даст, да и как он появится и посмотрит в глаза ребятам, если его отец, командир части, дезертировал и прохлаждается с женой в убежище? Он, его сын, должен стереть это позорное пятно с имени семьи! Решение принято, и они с Владом едут к друзьям в общагу. Надо поднимать народ!

Ничего, что все друзья старше Дениса: он и в школу раньше всех на год пошел, и в институт сразу поступил. На литейный... Выбор для семьи неожиданный. Отец был недоволен: то ли дело электроника! Но Дениса всегда завораживал вид льющегося металла. И когда их в восьмом классе возили на экскурсию на знаменитый Алчевский металлургический завод, Денис твердо решил — он будет инженером-литейщиком. Если, конечно, не попадет в профессиональный футбол.

К футболу Денис относился серьезно. И тренировки не пропускал, и болельщиком был страстным. Его группа поддержки была экипирована лучше всех: все заработанные летом деньги он тратил на флаги — флаги команды и флаги Украины. И в тот апрельский вечер, когда «ватники»* захватили здание СБУ, он был на футболе. Это, конечно, был очень умный ход со стороны организаторов этой хорошо спланированной «стихийной» революции: назначить захват на вторую половину дня, когда вся половозрелая часть мужского населения города находится на стадионе.

Момент, конечно, упущен. Тем не менее, сдаваться рано. Хотя

* «Ватники» — так первоначально звали российских ура-патриотов, Позднее «ватниками» стали называть жителей Луганской Народной республики (Прим. авт.).

перед тем, как идти к людям и поднимать их, нужно сделать что-то значительное!

Запарковав машину прямо перед центральным входом в университет, Денис с Владом стали развешивать на столбах флаги Украины и «Зари». Кто сказал, что человек не может повесить флаги своей любимой команды и любимой страны на главной площади своего кампуса!? Занятые делом, ребята не заметили, как подъехал «уазик». Опомнились только тогда, когда люди в балаклавах, выскочившие из машины, как черти из табакерки, начали заламывать им руки.

– Просто не верю, как на заказ: к открытию тюрьмы мы получили укропов-патриотов*! – мужик в форме ополченца автоматной очередью срезал несколько полураскрытых роз с университетской клумбы и театральным жестом поднес Владу и Денису, хотя руки у них были связаны за спиной.

– Это вам! Как первым заключенным новой тюрьмы Луганской Народной Республики!

Денис отрицательно покачал головой.

– Не хотите – не надо: Оленьке-секретарше подарим, – миролюбиво заключил ополченец, как вдруг, уколовшись шипом, ойкнул, как девчонка, тонким голоском; хотел было бросить цветы на землю, но передумал и, перехватив стебли со стороны бутонов, начал злобно хлестать ребят стеблями по лицу.

От неожиданного унижения и обиды даже не было больно, но когда ватник остановился, Денис почувствовал, как по щекам течет кровь.

– Смотри-ка, Фобос**, тут и машинка их: «Тойота»! Хороша... Не «Вольво», конечно, но для наших целей подойдет, мы люди не требовательные. У кого ключи?

Ребята молчали. Мучитель врезал Владу кулаком по лицу; сразу пошла кровь еще и из носа.

– У кого ключи, я спрашиваю?

– Это не моя, это отца! Он меня убьет! – заверещал Влад.

Денис старался не смотреть в сторону друга.

– А так я тебя убью, – засмеялся в сторону друга. – А папаша-то у тебя, видно, зажиточный: машинка-то новенькая! Посмотрим, какой он за тебя выкуп заплатит.

Он бросил ключ толстому детине в камуфляже.

– Фобос, ну-ка, вези их в подвал! Маньяк уже по работе соскучился: ему застаиваться нельзя. Вези на «Тойоте», потом поставишь

* «Укропами» презрительно называли сторонников Украины в 2014 году (Прим. авт.)

** Фобос, Маньяк, Луиш – позывные (Прим. авт.)

машину на инвентарный учет. А мы с Луишем еще один кружок сделаем: тут на Восточных кварталах, я смотрю, полно идиотов непуганых ходит.

ГЛАВА 8. ЮРА

Профессиональное чутье подсказывало Юрию: вот он, его шанс. Каждый журналист ждет своей минуты; некоторые выслеживают сенсацию месяцами, рискуют жизнью, преследуя «горячий» материал, живут в нечеловеческих условиях за тысячи километров от дома... Но Юрию не хотелось далеко. Теперь, когда он уже не волк-одиночка, теперь, когда появилась Лера – его Мэрилин Монро, – ему уже не хотелось надолго уезжать...

Майдан стал первой удачей. Что такое доехать от Луганска до Киева – ночь в поезде! Для военного журналиста с его стажем – как в соседний магазин в тапочках сходить... Разве это сравнить с предыдущими командировками – в Чечню, например? Но Майдан – уже затасканная новость. Там таких любителей «горячих пирожков» в политике хоть отбавляй. Впору еще один Майдан начинать.

И тут практически у Юры под носом, в его родном городе, около дома, где он вырос, около библиотеки, куда он бегал с детства, около детской больницы, где работала мама и где под окнами ее кабинета Юра играл в ножички, – происходит революция! И не просто стихийная, буйная и неуправляемая, а подготовленная, спланированная... Просто заговор! Переворот! На его глазах разворачивается сюжет, от которого захватывает дух...

Когда вскоре после захвата СБУ и штурма пограничной части Юрий поехал в Краснодон к Вовику, мимо окон которого со стороны поселка Изварино от российской границы бесконечными колоннами двигалась военная техника, картина развивающихся событий встала перед его глазами, как знакомая панорама Бородино в московском музее. Может быть, он одним из первых понял, что происходит. Его долг как журналиста зафиксировать для истории всё происходящее. Всё – не только оставить фотографии и записанные интервью с очевидцами событий, но вести подробный дневник вооруженных столкновений и обстрелов – с первой разорвавшейся в городе бомбы, и самое главное – составить список пропавших бесследно людей, который с каждым днем становился все длиннее и длиннее.

Юра говорил об этом с Вовиком. Вовик был из Краснодона, но в институте, благодаря своему умению устраиваться, легко получил в общежитии отдельную комнату. В той крошечной комнатке они прогуляли и пропили весь первый курс; Вовик, опять же, договорился с

вахтершей, чтобы к нему в общагу пропускали девушек по специальному разрешению: они, мол, делают прослушивания для набора в женский джаз-банд.

Через год пришли повестки в армию. Вовика направили в Донецк, в войска МВД, охранять порядок в городе. А Юру – в Чечню: у него не было коммуникативных способностей Вовика. И папы-генерала тоже. Зато у него было везение: в первом же бою пуля чечена прошила мягкую часть плеча; боль адская – но зато рука была правой... Дырку зашили, Юра переучился в левшу и научился стучать на компьютере левой... А тем, кто были с ним там, в Чечне, не повезло: весь взвод poleg...

Вернувшись на гражданку, Юра перевелся на журналистику. А Вовик прямо из армии подался в школу МВД – по папиным стопам... Друзья продолжали встречаться и всегда поднимали тост за свой предармейский год. Может, поэтому так гадко было Юре, когда он услышал, что в подвалах общежития Машинститута теперь будет тюрьма. В том самом общежитии, где в джазе были только девушки...

Поход в здание военного правительства ЛНР результата не дал. Юрия вежливо слушали, кивали головами, изумленно открывали глаза при упоминании о подвалах...

Когда же Юра, несолоно хлебавши, сел в машину, за ним по следу пристроился какой-то автомобиль без номеров. Поддал газ – не помог... На его счастье, начали бомбить близко, в районе детской областной... Он резко припарковался – преследователи проскочили на полном ходу, а Юра, придерживая камеру, чтоб не била по животу, побежал к Лере в хирургическое отделение. Уже на бегу Юра вдруг вспомнил, что сегодня Лера не там – она дежурит на «скорой». Это значило, что ему не дадут позвонить, хотя в больнице была своя работающая телефонная линия. Ему не терпелось обсудить с Вовиком ситуацию с подвалами и с преследованием, а мобильная связь, как всегда в эти дни, не брала. Юра остановился перевести дыхание около входа в пожарную часть. Тут можно переждать бомбежку. Он с ребятами из местного телевидения брал здесь интервью пару месяцев назад.

На бетонных ступенях пожарной части курили два пожарника; тот, что постарше, чистил автомат. Оба были черные от сажи, будто неделю не мылись. Рядом стоял готовый к выезду грузовик, мотор заведен – на случай, если где-то от фугаса загорание. Пожарник помоложе, здоровый такой бугаек, с детским взглядом, вызвался проводить Юрия на пожарную вышку.

– Ладно, пойдем: вроде поутихло... Вон, лезь... Где-то на уровне пятого этажа появится связь... Дядь Саш, правильно я говорю?

В эту минуту опять засвистело... цок-цок.

– Мины, ложись! – парень шмякнулся прямо на землю. Юра тоже бросился на асфальт, даром, что Лера ему еще вчера погладила рубашку для посещения правительства...

Мина бахнула где-то рядом... Осколки полетели во все стороны – вжимаемся в землю, руками закрываем голову, такое чувство, что обрушилось небо. Взрыв, еще взрыв.... слышны сполохи огня, и вдруг – тишина...

Они подняли голову одновременно. С характерным треском догорала пожарная машина. Вонь от паленого железа и пластмассы шлангов ела глаза...

– Огнетушители! – встрепенулся молодой пожарный, – срочно! А дядь Саша-то где? Дядь Саша! – он истошно заорал, озираясь по сторонам.

– Да не ори, – Юра толкнул его в бок. – Пойдем посмотрим: вторая в то же место не упадет...

Они бросились искать тело. Раз не стонет и не отзывается – значит ранен, оглушен, без сознания... Всегда есть надежда...

Они обошли машину и еще побегали вокруг – нету... Парень начал креститься и смотреть на небо. Взгляд Юрия упал на каменные ступени... Он положил парню руку на плечо. Тот перевел взгляд...

Тень – пепельная тень на бетоне, в которой с трудом угадывались очертания человеческой фигуры – вот что осталось от дяди Саши. Рядом валялась искореженная, закопченная, пожарная каска.

Парень закрыл лицо руками и завыл в голос. Юрий потянулся за фотоаппаратом...

ГЛАВА 9. О ЛЮБВИ

Про любовь Женька перестала думать уже давно. Не то чтобы она в нее не верила, просто относилась к этому чувству как к выигрышу в лотерею... Есть же люди, которым ни разу в жизни не выпадает счастливый билет – ну и что? Они же с голоду не пухнут. Не нужно пренебрегать малым, а на самом деле очень даже большим... влечением... ну, если вам угодно – сексуальным влечением. Ну что делать, если мы только люди?

Одним словом, в это самое влечение Женька со временем поверила даже больше, чем в любовь, – и тоже ведь, попробуй найди! Чтобы вот так: кликнуло – и всё... И думаешь о его васьковом взгляде, ищешь глазами в толпе военных, смотришь каждые две минуты в телефон – ну просто как в семнадцать лет!

Безусловно, Женька поехала бы вчера к Милене и так, даже если бы Сережина часть не стояла там неподалеку, в районе пограничной

заставы... Но заставить себя не думать – был ли Сергей вчера среди тех, кто стрелял, в кого стреляли – не могла. У Милены в доме она так ничего нового не узнала, и теперь нужно было только ждать, а это труднее всего...

Что сводит человека с ума? Поцелуи, ласки, глаза... Интересно, вспоминает ли он ее глаза? С этого места, пожалуйста, осторожнее: не заходить за рамки влечения! Может, глаза и не вспоминает, но скучает – это точно. Вон как набрасывается при встрече, даже шампанское не успевает открыть... Женат? Наверняка – такие не залеживаются... Представлять себе его жену нет смысла. Вполне возможно, что чем-то похожа на нее, Женьку: темненькая, живенькая и борщ – или что там у них в Пскове – щи с капустой знатные варит...

Женька размышляла, а руки работали: закладывали скатерти в стиральную машину, вытирали стаканы, гладили полотенца... «Уезжать», – сказала вчера Лера. Куда же уезжать? В этом кафе вся ее жизнь... И всё ее состояние...

В стеклянную дверь кафе постучали... Клиенты? Сергей?

Нет, не он – люди в форме ополченцев: предъявили какой-то ордер, потребовали занести столы и ящики с цветами внутрь, освободить проход – мол, при бомбежке эта сторона улицы опасна... Бомбежка? Неужели это не сон – в детстве ей часто снились фильмы про войну...

Женька хотела было попросить этих же ребят помочь занести столы в подвал, но что-то ее остановило... Может лучше, чтобы никто не знал о подвале: времена пошли такие... Когда она начала загружать посудомоечную машину, в дверь снова постучали... Вернулись? Женька прислушалась. Это был он, Сергей: у них был свой условный стук...

Сегодня он вел себя странно: не улыбался, не шутил – начал раздевать прямо с порога, ни тебе цветов, ни шампанского... Спешит, что ли? Куда-то отправляют? Нет, в постели Сережа перестал торопиться, стал выцеловывать каждый сантиметр ее тела, выласкивать так, будто думал, что они никогда больше не увидятся, – как будто нет завтра...

«Вот и ответ», – молнией мелькнуло в мозгу Женьки, хотя соображать она могла с большим трудом, растаяв от его ласк. Сергей прошался – это была не встреча, это было прощание. Женьке даже на минуту показалось, что лицо у него мокрое от слез. Плачет? Такой вот настоящий мужчина, просто супермужик? Может быть, это ее слезы?

Уже не оставалось времени ни на после-ласки, ни на после-сон, ни на после-любовь. В коридорчике у запасного выхода Сергей,

застегиваясь на ходу, положил на ящик с пустыми бутылками пачку российских денег и конверт с адресом.

– Это тебе на билет: езжай к моей матери в Псков, через Ростов доберешься. Дети пусть тоже туда приезжают. Я знаю, хоть ты мне и не говорила: у тебя пацан и девчонка, они сейчас у отца на Севере. Здесь тебе нельзя оставаться: здесь скоро будет ад.

– Ты бы меня еще к своей жене послал, – пыталась пошутить Женька.

– У меня нет жены. Была, конечно, но не захотела ждать... Да я и не осуждаю... У меня ведь география такая: Афган, Чечня, теперь вот Донбасс... Да не смотри на меня так! У тебя прямо на лице написано: наемный убийца. Нет, девочка моя: я – кадровый военный. Это моя работа...

– Знаешь, – Женька вдруг решила, – у меня тоже есть немного денег, гривны, правда. Хотела расшириться... Давай вместе уедем! Будет у тебя жена... Откроем ресторан... Как у Довлатова – «Заповедник». Это же у вас под Псковом? Я там была – студенткой на экскурсии... Пушкинские места... Красиво...

– Студентка ты моя... Так и осталась студенткой на всю жизнь... – Сергей как-то по-особенному нежно притянул к себе Женьку и поцеловал в лоб, так по-родственному... – Давай начнем с того, что уедешь ты. И будешь меня там ждать... Ты же умеешь ждать, я знаю... И, кстати, совсем забыл, – он достал из рюкзака бутылку шампанского и порядком помятые розы.

– Вот, тебе. Видишь, сделала из старого вояки романтика... Пошли мне сообщение, когда возьмешь билет: может, смогу вырваться к поезду... И не тяни – счет пошел на дни...

ГЛАВА 10. ЕЩЕ О ЛЮБВИ

Про любовь Павлик знал из мультфильмов и видеоигр. Обязательно после нескольких классных и веселых эпизодов с драками, супергероями, монстрами и просто пиратами появлялась какая-нибудь принцесса, супердевочка или Золушка – и все заканчивалось свадьбой.

Свадьбы, в отличие от супергероев, случались и взаправду – как, например, у маминой подруги с работы, – и в жизни они были гораздо интереснее, чем в мультфильмах, потому что там обязательно давали торт или сладкую вату, или клубнику с шоколадного фонтана. Но все равно девочки Павлика не сильно интересовали, и уж о свадьбе он точно не думал.

Однако после ночи в подвале, где Павлик с Анечкой помогали

маме-кошке ухаживать за новорожденными котятками, после их бесед шепотом о том, какая судьба ждет двух черных котят, когда кошка перестанет их кормить, и о том, где доставать молоко для серого Заренка, если соседний гастроном разбомбили, а до следующего несколько остановок на автобусе, — Павлик понял, что девочки бывают не только для того, чтобы украшать для героя конец сказки. Они еще могут понять, пожалеть и умеют хранить тайны.

Дети договорились посадить на подоконники своих больших плюшевых медведей, — у Павлика медведь был коричневый в бейсбольной кепке, а у Анечки — белый с розовым бантом. Белый медведь был гораздо заметнее с улицы: он сидел в том же окне, что и коричневый, только на пять этажей ниже...

Только видел Павлик белого медведя редко, так как теперь на улице гулять было нельзя из-за бомбежек. Павлик и Анечка иногда встречались у соседки, когда ходили проведать кошку с котятками, или в подвале, где Анечка сидела рядом и шепталась с Павликом, не обращая внимания на других пацанов, что Павлику, конечно, очень льстило.

На самом деле бомбежек, с тех пор, как стреляли в пограничников, давно уже не было, но по телевизору всё время пугали, рассказывая, что происходит в каких-то далеких городах, например, в Счастье — вот так название для города, где воюют! — или в Металлисте, что, конечно, понятнее: Терминаторы, роботы и оружие — всё сделано из железа...

Про это они с Анечкой тоже говорили. Анечка сказала, что бояться не надо: ей бабушка рассказывала, что люди не умирают, а превращаются в ангелов — особенно дети — и улетают на небо и там живут в раю.

Павлик не очень-то верил в эти бабушкины рассказы... Иметь хороший пистолет или автомат и уметь расстрелять врага — это другое дело! Но белокурая Анечка сама была так похожа на ангела с рождественской открытки, что Павлик не спорил и готов был слушать ее сколько угодно и со всем соглашаться...

ГЛАВА 11. ПСИХОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

С ночного дежурства Лера вернулась довольная. Во-первых, пострадавших от бомбежек сегодня не было и привозили только больных детей, которых было немного, так что удалось даже поспать с двух до четырех утра. Во-вторых, мины, попавшие вчера в пожарную часть совсем рядом и спалившие там пожарную машину (об этом говорил весь город), чудесным образом не заделали ее отделение. В-третьих,

Юрочка, с которым Лера не виделась уже сутки, сегодня дома, и утро обещает быть уютным. Сил еще хватит приготовить омлет (им сегодня выдали паше) и, может быть, принять вместе душ – как в старые добрые времена. Пока есть в доме свет и вода – жизнь удалась.

Звонок в дверь раздался как раз в ту минуту, когда Лера накрывала на стол, а Юрий, потянувшись, встал из-за компьютера со словами:

– Всё, список пропавших без вести готов, я уже и Вовику отправил. Большинство людей, возможно, еще живы где-нибудь в подвалах, но не все выдержат пыток: надо спешить... Представляешь, Лерка, людей забирают за пост в фейсбуке! Или за то, что провели в школе литературный конкурс на украинском языке! Есть тут группа бывших афганцев, которые занимаются обменом пленных, но это же капля в море...

Лера, не успев ответить, пошла открывать. В квартиру вошли несколько военных в балаклавах, вежливо поздоровавшись, предъявили ордер на арест – всё чинно, спокойно.

Юрий выглянул в окно: третий этаж – прыгать? Внизу стояли автомобили без номерных знаков: ребята приехали не одни. Возле БМВ какие-то чины в форме ополченцев курили, смеялись, вверх не смотрели. Фигура и жесты одного из них показались Юрию знакомыми... Впрочем, работая на телевидении, он знал многих.

Когда его усадили рядом с водителем, Юрий понял, что задержанию пытаются придать мирный характер (даром что в кузове человек пять при полной амуниции). Юрий вздохнул: придется разговаривать. Ну что ж – это он может.

На светофоре с ними поравнялся тот самый БМВ с чинами. Повернув голову, Юрий встретился взглядом с пассажиром на переднем сиденье – Вовик! Друг...

Вспомнилось название книги, которую недавно посоветовал почитать Вовик: «Психология предательства» какого-то французского философа – ирония судьбы...

Философствовать было некогда: на следующем перекрестке – долгий светофор. Вокруг на переходах, на тротуарах – люди...

– Побоятся стрелять, – решил Юрий.

Резким движением открыв дверцу, он выпрыгнул на асфальт и побежал в направлении вчерашней пожарной части. Позади раздались хлопки, спину обожгла дикая боль – и всё померкло...

ГЛАВА 12. МАМЫ БОЛЬШЕ НЕТ

Страшный гром и такая вот чечетка: цок-цок-цок – всё началось как-то неожиданно. Они бежали, как сумасшедшие, и мама еще дер-

жала на руках Заренка, за которого Павлик волновался больше всего. С мамой, конечно, ничего случиться не может; он, Павлик, очень быстро бегают; а вот если котенок, которого они только что забрали у бабушки с 5-го этажа, вывернется из рук – ищи его свищи... Лучше бы закрыли его дома... Или пошли бы все вместе в подвал – Анечка, наверное, уже там...

Позади опять грохнуло... Павлик обернулся. Угол дома с комнатой и окном, где сидел его медведь, был срезан, а несколькими этажами ниже зияла огромная дыра... Он не успел посчитать этажи... Нет, хорошо, что взяли Заренка с собой!

И тут произошло что-то невероятное: мама взмахнула руками, котенок вылетел и кубарем покатился в сторону. Павлик кинулся было за ним, но вдруг увидел, что мама лежит на спине и не двигается, и лицо у нее такое спокойное-спокойное, а под головой растекается что-то красное, как вишневый сок...

– Беги, пацан, беги, – толкнул оцепеневшего Павлика в спину какой-то дяденька в военной форме, а сам стал на колено и навел на их дом огромный и невиданный автомат или даже гранатомет. Из зеленой военной машины в их сторону бежали еще люди с оружием.

– Мама! – Павлик кинулся было к неподвижному телу.

– Беги, я тебе сказал! – заорал дядька и стал направлять автомат на Павлика. – Беги! Ей уже не больно...

Павлик испугался автомата и изо всех сил побежал к магазину, который уже месяц был закрыт, и все стекла из витрин вылетели от взрывов. Добежав до угла, он все-таки оглянулся – страшный дядька лежал на спине поперек дороги – так, что мамы было за ним не видно. Ему, наверное, тоже уже не было больно...

Павлик приложил руку козырьком к глазам: заходящее солнце слепило прямо через дыру в стене; Заренка нигде не было видно... Зря он так испугался этого дядьки... Глаза у того были голубые-голубые, как голубые цветочки из девчачьей азбуки, которую ему подарила мамаина подруга, – та самая, со свадьбы... Что за безобразие – дарить книги детям на день рождения – надо запретить...

Снова слышались страшные «цок-цок-цок».

«Мины!» – неизвестно откуда пронеслось в голове у Павлика, и он, развернувшись, побежал к остановке троллейбуса, не ходившего уже давно, почти с того дня, когда папу забрали в подвал.

ГЛАВА 13. НЕЛЮБОВЬ

Лера добежала до перекрестка как раз в ту минуту, когда раздались выстрелы. Она первая бросилась к распластанному телу мужа,

проверила пульс. Вызвала сразу две «скорые» – свою бригаду и из взрослой областной.

Минуты ожидания казались вечностью, и самым важным было отстоять раненого, не отдать убийцам в балаклавах, которые намеревались забрать его в свою машину.

Что накатило на нее, Лера не знала, – какие-то атавистические инстинкты сработали... Она призывала на их головы всевозможные темные силы и так громко и страшно кричала заклятия (вот ведь начиналась Толкина), что вояки лишь нерешительно топтались на месте. Прибытие бригады в белых халатах окончательно охладило пыл военных, тем более, народу вокруг было полно, центр все-таки... Вторая «скорая» подъехала еще через минуту, и ее Юрочку с пулей в районе сердца переправили в областную – сразу в хирургическое отделение.

– Вам страшно повезло, – обрадовала Леру дежурная сестра, – оперировать будет Андрей Анатольевич.

– Какой Андрей Анатольевич? – сердце ухнуло вниз, как на американских горках.

– Да доктор Иртеньев! Он неделю как вернулся из заграничной командировки, из Сирии... Ну вы понимаете, сколько пуль он там повинышал?

Из Сирии? Ах, Сирия – вот где он был всё это время... Ливия, Сирия – горячие точки планеты... Интересно, кого он там трахал: такую же, как она, анестезиолога, или коллегу-хирурга? На сестер, Лера знала, Иртеньев не разменивался. А может, глазного врача – врачуху то есть? Известно, что в Сирию уехало много офтальмологов: ожидались химические атаки... Она счастливо улыбнулась заботливой медсестре: Боже, как повезло...

В эту минуту подбежали два санитары и быстро покатали тележку с Юрой в операционную; она даже не успела попрощаться, шепнуть «удачи», поцеловать. За санитарями скорым шагом проследовала бригада хирургов. Коренастый, невысокий, с упрямыми затылком – Лера узнала бы его в любом месте и в любое время...

Долгое ожидание в коридорах: час, два, три, четыре... Сколько нужно времени, чтобы вытащить пулю? Лера беспомощно поглядывала в окошко приемной, проходила мимо, садилась, опять вставала... Медсестра делала вид, что не замечает ее нетерпения...

Наконец-то санитары выкатили тележку. Лера вскочила со стула, но они уже пронеслись мимо... Слава богу, лицо не накрыто – живой... Следом так же быстро прошла, почти пробежала хирургическая бригада, на ходу снимая перчатки и маски, – видно, что еле живые от усталости... Ни один не задержался и к Лере не подошел, ничего не объяснил...

По протекции бывшей однокурсницы, которая была сегодня дежурным врачом, Леру пустили как бы на минутку в реанимационную палату. На ночь знакомая сменилась, но Лера не ушла. В белом халате, волосы подобраны под шапочку для маскировки – ну, типа санитарки...

Шум мониторов, капельница; ее бездыханный, но такой любимый человек с кислородной маской на лице, опутан десятками проводов... Но на экране стабильная кардиограмма – жив! Не бездыханный, а очень даже дышанный. Дышанный и коханный – улыбнулась Лера своему каламбуру.

Скрипнула дверь, свет из коридора осветил в проеме знакомую фигуру. Доктор Иртеньев зашел в палату, повесив снаружи на ручку двери табличку: «Не беспокоить, идет обход».

Обход? Нонсенс – какой может быть обход ночью? Сейчас доктор увидит ее, Леру... Но он не просто увидел: он знал... Аккуратно прикрыв дверь палаты, Иртеньев подошел, поднял ее со стула, схватил в охапку, как когда-то в самом начале их любви, начал целовать...

Это было невозможно. Чужой – для нее он был чужим и ненавистным, как в самом конце их любви... Она оттолкнула его что было сил – Иртеньев от неожиданности отлетел к мониторам, но Леру не отпустил. Удерживая ее одной рукой – физической силы ему было не занимать – другую угрожающе положил на провода. Одно движение – и всё, что давало жизнь и возможность дышать этому распластанному на больничной койке телу, перестанет работать. Машины остановятся, и с ними остановится жизнь ее мужа.

– Ты этого не сделаешь! Ты врач: ты давал клятву Гиппократу!

– Я был врачом в операционной, и я как врач сделал всё, что мог... Хотя мог бы и не напрягаться.

– Ты не знал, кто он мне.

– О-о, я знал, еще как знал! Ты думаешь, я тебя не узнал там, в коридоре перед операционной? Да я узнаю тебя всегда и везде, в любом месте и в любое время! И фамилию пациента я прочитал... Мне про него кое-что известно: «патриот Украины»... Укроп... Слушай, и чего я действительно так дергаюсь? Вот подлечим – и сдам его в подвалы: там про клятву Гиппократу никто вспоминать не будет.

Иртеньев расслабил руку.

– Ну иди сюда, иди сама: я люблю, когда ты сама. Вспомни, как было, как всегда было хорошо... Иди ко мне... – Иртеньев тянул Леру к себе, и она не вырывалась...

Лере всё было ясно: Иртеньев здесь главный хирург и хозяин положения, а Юрочка – ее Юрочка – после операции на сердце будет гнить в подвале. И подвергаться пыткам...

Отстранив постылую руку, Лера опустила пальцы на застежку его брюк. Так легче – хоть не чувствовать на своей коже его прикосновений, объятий, поцелуев... Немилый... Чужой и немилый... Лера опустилась на колени...

ГЛАВА 14. ЗАРЕНОК

Павлик просидел на троллейбусной остановке до вечера. Он даже немного поспал, пока окончательно не замерз. Когда стемнело, он решил пробраться обратно, поискать Заренка. Может быть, рассудил Павлик, мама встала и тоже ищет его... Вот хорошо было бы, если бы все нашлись одновременно!

Мамы на дороге не было, но и страшного военного тоже. «Это даже к лучшему», – подумал Павлик и вдруг услышал мяуканье. Прямо перед ним, как из-под земли, появился Заренок и громко мяукал – ну просто орал, с показным неистовством открывая рот.

Подхватив котенка, Павлик прижал его к груди так крепко, что тот захрипел, и оглянулся на свой дом – там работали огромные подъемные краны и бульдозеры, разбирая завал на месте их подъезда. Павлик собрался было побежать поискать своего медведя – Анечка своего-то, наверное, забрала – но потом понял, что таскать и котенка, и медведя ему будет не по силам.

Понудней пристроив Заренка за пазуху, Павлик побежал к погранбазе. Спотыкаясь о поваленные и вывернутые с корнями абрикосовые деревья, Павлик добрался до забора базы и поразился темноте и тишине: стало даже страшно... Там по вечерам раньше было много света от корпусов станции и фонарей вокруг. И солдаты постоянно сновали туда-сюда и обязательно одаривали Павлика сладостями...

Вдруг он увидел свет фар маленького грузовичка и услышал голоса... Военный в маске – точно, как Человек-паук, – говорил с водителем:

– Загружаю, загружаю... Как бы еще ящики с продуктами втиснуть? Что-что: печенье, крекеры, тушенка. Куда едем? В центр, ну кафе «Заря», помнишь? Там во дворе уже базу организовали. Переезжаем... Будем пугать укропов, ха-ха... Где пиво пили с Серегой... Вот ведь он вялался: точно без ног останется, если вообще...

Павлик хорошо помнил кафе «Заря» в центре города – там было лучшее мороженое в мире, специальные детские стульчики и мультики целый день. Что такое тушенка, он не знал, но если в машине есть крекеры и печенье, то можно будет еще и покушать по дороге...

Улучив момент, когда дяденьки склонились над ящиком с какой-

то длинной железной болванкой, Павлик шмыгнул в фургон, на четвереньках пролез как можно дальше и притаился в углу. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его стук перекрывает жалобный писк Заренка.

– Где эта чертова кошка мяукает? – услышал Павлик.

Накрыв рукой усатую мордочку, мальчик застыл, зажмурил глаза и не смея даже вдохнуть.

– Хоть бы не черная, а то еще под колеса бросится, – проворчал Человек-паук, закрывая двери фургона.

Когда заурчал мотор и машина тронулась, Павлик перевел дыхание. Поехали...

ГЛАВА 15. ГОСПИТАЛЬ

Иртеньев не соврал: он сделал всё, что мог. В его возможности как хирурга Лера верила безгранично. Она не раз наблюдала, как люди вставали, казалось бы, из небытия после его операций. Вот и Юрочка ее поправлялся не по дням, а по часам. Он уже мог есть самостоятельно, начал ходить по коридору, и Лера набралась наглости купить билеты в Киев на начало августа...

После той безобразной сцены Лера больше не видела Иртеньева. То есть не то что не видела: конечно, он был на обходах, но на нее не обращал никакого внимания, хотя Лера поначалу выскакивала при его приближении из палаты и пряталась в женский туалет. И по вечерам Иртеньев больше не появлялся и не искал ее внимания. Можно было не сомневаться, что тот приступ насилия – или любви – был просто приступом оскорбленного самолюбия.

Сестрички между собой шептались, что у главного хирурга роман с длинноногой молодой особой из интернов, и Лера была уверена, что это правда. Чем старше становился Иртеньев, тем большее впечатление производил на женщин.

Перестала ли она бояться его угроз? Нет, конечно... Мог ли он отправить Юрочку в подвал? В любую минуту... Подвалы Луганской Народной Республики становились реальной угрозой: всё больше людей напрасно искали своих родственников; Дениса, сына Милены, так и не нашли... Думать даже не хотелось, что там делают с пацаном, – у Леры при одной мысли об этом холодело сердце. Ей всё мечталось, что она встретит в больнице какого-нибудь высокопоставленного чиновника и сможет так, по-человечески, к нему обратиться – они же тоже люди... Но высокопоставленных чиновников в больницу не привозили, жизнь у них была безопасная – они, наверное, очень старались не попадать под случайные пули...

По коридору в очередной раз бежали санитары, катили тележку. «На наркоз», – подумала Лера, прижимаясь к стене. Тележку поставили перед закрытой дверью: ждать, пока освободится операционная. Лера подошла поближе.

Военный в забрызганной грязью форме, возможно, прямо с поля боя, лежал, прикрытый до пояса простыней, и бредил. Ранения не было видно... Глаза его были открыты, и их васильковый цвет показался Лере очень знакомым. Она посмотрела на табличку – «Крутой». Фамилия? Позывной? К табличке с именем был пришпилен нательная иконка-талисман с разорванной цепочкой.

Лера, оглянувшись, достала из кармана мобильник... Она знала, что может за это поплатиться, но удержаться не могла... Сделав украдкой несколько фотографий, тут же отправила их на телефон Ренате: та встречала Женькиного военного чаще и пару раз, кажется, сама купилась на этот синий взгляд... Женьку страшно было пугать – а вдруг это ошибка?

Пока Лера боролась с мобильным и ждала, чтобы появилась связь, коридор опустел. Можно было только представить себе, как Иртеньев там с ног валится от усталости: по ее прикидкам это сегодня четвертая операция... Слышно было, как медсестры, выбегающие за дополнительными медикаментами, вздыхают: «Ампутация обеих ног... как жалко – инвалид на всю жизнь... такой красивый – ты видела его глаза?..»

Лера обмерла: зачем она послала эти фотографии? Если Рената Женьке проговорится, если это действительно Сергей – с той станется: пожертвует домом, бизнесом, всем имуществом и свяжется на всю жизнь с инвалидом! Женька – она такая. Глаза у этого Крутого, конечно, голубые – но стоят ли они того?

Лера вернулась в палату – Юрочка спал... Несколько ребят на соседних койках попросили пить. Лера принесла всем воды, одному помогла встать и повела в коридор в туалет. При страшной нехватке персонала ей приходилось помогать, да она бы и так это делала. Она, кстати, и областного анестезиолога несколько раз заменяла... Только не у Иртеньева: тот ее на свои операции не приглашал...

В туалет зайти, опираясь на Леру, парень постеснялся – сказал, что справится сам, пусть она его в коридоре подождет. Она только придержала ему дверь...

Мимо, снимая на ходу перчатки, плелся Иртеньев: голова опущена, что-то бормочет про себя. Ее не заметил... Лера знала это его бормотание – проговаривает свои ошибки: операция не удалась... Из операционной выкатили тележку, тело накрыто простыней с головой: нету больше голубых глаз... Лере стало стыдно за свои недавние мысли.

ГЛАВА 16. ФОТОГРАФИЯ

Рената получила фотографию от Леры в самую неподходящую минуту. Такого с ними не случалось с самого начала войны... До сих пор, как говорится, Бог берег, а сегодня их старенькую машину – самую первую, приобретенную исключительно для бизнеса, набитую под завязку коробками с товаром, – остановили эти недоумки.

Неужели хотят отжать? Да зачем она им сдалась? Товар – шланги, трубки и трубочки разного размера – не выглядел опасно, но папки с накладными, выписанными для Киева и Харькова, могли произвести эффект хуже взрывчатки...

Рыжий расхлябанный тип с пропитым рябым лицом и без нескольких передних зубов, в неряшливом полувоенном наряде, но с крутым автоматом, и рослый, криминального вида детина с наколками (тоже, конечно, с оружием) вылезли из новенькой белой «тойоты». Сопровождавший их бронетранспортер тоже остановился. Молодые солдаты, сидевшие прямо на броне, смотрели на разворачивающуюся сцену с любопытством...

За рулем была Рената. Когда вывозили товар, машину всегда вела она: почему-то женщина за рулем меньше раздражала новую власть. К тому же перед выездом в город она не красилась, надевала какой-нибудь простенький шерстяной платок и таким образом накидывала себе лет пятнадцать... Кто на такую бабу позарится?

Ситуация осложнялась присутствием военных – кто знает, как это подействует на местных «героев»? Те уже принялись вытаскивать ящики и потрошить их прямо на проезжую часть: разноцветные трубки веером разлетались по асфальту.

Вдруг Ренату осенило:

– Смотрите, смотрите: боевой командир в тяжелом состоянии!

Она совала присланное Лерой фото под нос щербатому представителю власти, но кричала так громко, чтобы ее слова донеслись до броневика.

– Мы возьмем медицинское оборудование: срочный заказ доктора Иртеньева!.. Анестезиолог на связи...

Леонид с внешним хладнокровием наблюдал из машины, как Рената мастерски разыгрывала сцену; он понятия не имел, какой фотографией она так ловко манипулирует. У Леонида был свой план.

Достав сигарету из пачки, которую их водитель Илья всегда держал в бардачке, он готовился чиркнуть спичкой и как бы случайно уронить ее на пол. Первыми начнут гореть накладные – он выскочит из машины, убедившись, что от них ничего не останется. Потом, возможно, загорится обивка, потом картонные ящики с резиновыми

трубками – вони будет.... Он успеет выскочить... Рената уже снаружи. Черт с ней, с машиной: лучше потерять ее, чем идти в подвал. Подвала он не выдержит – это Леонид знал точно: он не герой.

Тем не менее, фото, показанное Ренатой, кажется, действовало. Несколько военных прыгнули с бронетранспортера посмотреть на снимок, покачали головами и принялись собирать трубки с асфальта обратно в ящики: давай, мол, бабка – вези скорей все это в больницу, спасай нашего парня.

Рената вернулась в машину, но не двигалась с места, делая вид, что уступает дорогу «тойоте» с разочарованными представителями городской власти, которым не удалось в этот раз поизмываться, – и всё из-за военных.

На самом деле у нее просто дрожали руки. В кармане звякнул телефон: новое сообщение. Рената посмотрела на экран. Снова фото от Леры – накрытая простыней тележка и текст: «Не говори Женьке».

Леонид скосил глаза на телефон.

– Поднявший меч от меча и погибнет...

Рената подумала о Женьке. Говорить подруге жестоко, а не говорить – будет ведь ждать...

ГЛАВА 17. ЧЕЧЕНЦЫ

– Ну вот и настал твой час, Миленка, – сказал как-то утром муж, наливая чай, – твои братья-чеченцы в городе...

Чай еще был, кофе оставался только в зернах: на крайний случай. Сашка старался из дому не выходить: ему в городе показываться было нельзя. Формально его никто от службы не освобождал; он так и оставался для себя и для других командиром украинской погранза-ставы... Где его место в Новороссии?

Уехать они не могли – Дениса нужно вызывать. Милена каждый день ездила в центр, пока троллейбусы ходили: обивала пороги новой луганской власти, пытаясь найти сына. Одна сердобольная тетка в ополченской форме проговорила, что Денис арестован за пропаганду Украины, но более подробных сведений получить было невозможно.

Поездки в центр становились всё более опасными. Жизнь стала похожа на русскую рулетку: дурная мина могла накрыть в любом месте города.

Вчера на ее глазах мина ударила по остановке троллейбуса через дорогу от перехода, где Милена, ожидая зеленого, разглядывала группку девчонок в развевающихся летних платьицах, с голыми, не успевшими загореть ногами. Они болтали и хохотали так громко, что

было слышно на всю Оборонную, и Милена еще позавидовала их веселью: она много дала бы, чтобы Денис тоже стоял вот так и смеялся вместе со всеми.

От них не осталось ничего за секунду: осколки и ошметки летели во все стороны, люди на переходе так же, как и она, попадали на асфальт, закрыв руками головы. «Вот еще и помолишься, – подумала Милена, – тому, что Денис сейчас в подвале...» Она уже была наслышана о страшных подвалах Машинститута и даже ездила туда пару раз – в свою альма-матер...

Сегодня Милена опять дежурила возле дверей тюрьмы, пытаясь подкатиться к караульному.

– Иди отсюда, тетка, – страж был настроен довольно миролюбиво: видно, приложился уже с утра, – ничего тебе сказать не могу.

– Ну хоть скажи: тут Денис Коновалов? Тут или нет?

– Ты с ума сошла? – миролюбие караульного убывало на глазах. – Хочешь, чтобы я сам в этот подвал сел за разглашение?

– Ну хоть скажи: не бьют их там? Кормят?

– Ты, тетка, молись, чтобы он не у чеченцев сидел. Вон в Краснодоне Тимура Дикого бригада, так там с пленными разговор короткий: сначала пальцы поотрезают, ну а потом в расход...

К удивлению караульного, Милена, не прореагировав на эти его страшилки, зашагала прочь. В голове у нее созрел план...

«Нужно ехать в Краснодон – свои помогут. Попрошу Леонида дать машину, – размышляла Милена вечером, заваривая бледный чай из остатков, вытряхнутых со дна красивой жестяной банки с портретом Пушкина, – он не откажет...»

Мужа в свои планы она не посвящала: он с ума сойдет от волнения...

– А ты соды добавь, – пошутил Сашка, видя, как она мучается с чайником, – как когда ты в студенческом отряде проводницей работала. От этого чай чернее становится, помнишь?

Конечно Милена помнила. Сашка приходил по ночам, когда она возвращалась из очередного рейса в свой новый дом – списанный купейный вагон, где они с подружками жили на задворках железнодорожного вокзала. У Милены было собственное купе, где вдвоем с Сашкой они пили чай с содой и до отвала наедались вишней, которую она ведрами успевала покупать на Ясиноватой за копейки, – там поезд стоял подолгу, пока вагоны перецепляли к другому составу. Губы от вишни становились красными-красными, и они целовались враскоряку так долго, что непонятно было: вишневый ли это сок или кровь...

А сколько нервов Милене испортили родственники с обеих сторон: с осетинской и чеченской. Один раз ее даже пытались украсть;

она тому вору щеки отхлестала. Не те уже времена: пришло время и кавказским девушкам выходить замуж по любви...

Милена посмотрела на мужа... Сдал он сильно за этот месяц, мужик без дела быстро чахнет. Ему бы в Киев, работу найти – но мальчика, мальчика здесь нельзя оставить: пропадет он в этих подвалах...

В дверь застучали – сначала тихо, неуверенно, потом начали барабанить.

Милена посмотрела в глазок: на площадке топтались военные.

– Обыск! За тобой, – она толкнула мужа в комнату, – прячься!

Место в шкафу у них было приготовлено уже давно, на такой вот случай. Протянув пару минут, Милена налепила на лицо гостеприимную улыбку и открыла дверь.

Молодой чернобровый солдат, совсем пацан, бросился Милене на шею. Ей даже, грешным делом, на секунду показалось, что это Денис... Лампочек в подъезде не было уже давно, в темноте ничего не разберешь...

– Тетя! – кричал Руслан с характерным кавказским акцентом. – Тетя Милена! Вот тебе подарки от матери! Я приехал, так долго искал, у вас все номера с домов посбивали!

– Это для маскировки, – пошутила Милена.

– Ничего, нашли, спасибо. А это мои друзья: они тоже по дому соскучились... Так я говорю, поехали к моей тете, она шурпу сварит!

– Конечно, сварю, – засуетилась Милена, – вот завтра за мясом съезжу в центр и сварю. Вы же переночуете?

– Да нет, я пошутил: мы на час только, – засмеялся Руслан, – нам в часть возвращаться нужно, дисциплина в первую очередь...

– Русланчик, ох, как же ты вырос! – Милена начала усаживать гостей. – Я вам кофе сейчас сварю, настоящий! А вот наши осетинские хачапури: я утром готовила: как раз для вас и осталось! Давайте, давайте, располагайтесь!

Милена даже удивилась своей радости. Да, недаром говорят: кровь не водица...

Два парня-чеченца, на вид не старше Дениса, вежливо поблагодарили, усаживаясь за стол, – видно, что ребята по кавказской традиции были приучены уважать старших. Милена побежала освобождать Сашку из шкафа.

– Надо с ними насчет Дениса поговорить, – увещевала она мужа.

– Поговори с ними сама, – Сашка знал, что у него, как у чужака, авторитета у чеченцев нет, – ты мать, на них подействует.

И точно: Руслан, как только услышал, что его молодой родственник сидит в тюрьме новой республики, просто позеленел.

– Мы тут жизнью своей для них рискуем, а они братьев наших сажают! Не думай о плохом, тетя, завтра он будет дома!

Руслан не был большой шишкой в отряде Дикого, поэтому на следующий день снова отпросился – как бы помочь тете, и обещал привезти курева и мяса на шашлык. Он приехал в подвалы с теми же двумя ребятами, с которыми пил кофе у Милены, часов в десять утра, когда всех заключенных, кто мог двигаться, отправили на работы.

Денис на работы не ездил – он был привязан к вертикальной водопроводной трубе уже много дней. Его отвязывали на несколько минут похлебать баланды и сходить в туалет. Стоять самостоятельно Денис уже не мог, поэтому, когда его вталкивали в камеру с унитазом, кому-то из заключенных приходилось его поддерживать.

Когда стало известно, что Влада в тюрьме нет, что отец его выкупил, оставив Дениса на произвол судьбы, – ему стало всё безразлично. Влад его заложил, и теперь Денис проходил по делу не просто как нарушитель порядка, а как политический преступник; ему грозил смертный приговор.

Перепуганный караульный, оставшись один на один со страшными абреками, бежал вприпрыжку за чеченцами по подземным коридорам и заискивающе улыбался. Гости, морщась от запахов нечистот и немытых тел, вытащили-таки Дениса из пыточной камеры, практически сложили истощенного парня на заднее сиденье военного «уазика».

На прощание караульный, боясь наказания от своих же, попросил прострелить ему ногу, что Руслан тут же с удовольствием сделал. После чего троица устроилась в своем бронированном экипаже, где места было только на двоих из-за вертикально втиснутого пулемета, и укатила, даже не оглянувшись на кричавшего от боли караульного...

ГЛАВА 18. ЖЕНЯ

Женька весь день сидела дома. Сегодня понедельник – в кафе выходной. Да и в обычные-то дни никто почти не заходит: люди боятся выходить из дому, сидят по подвалам... У нее тоже вон есть подвал – никуда и идти не надо...

Женя поймала себя на мысли, что не хочет выходить, потому что боится, что Сергей появится именно в ту минуту, когда она уйдет. Это было как помешательство... Она точно помнит, что когда Сергей сказал: война – это моя работа, она решила, что с этим человеком ей не по пути.

Но вот прошло всего несколько дней, и она сходит с ума, он мерещится ей везде: его руки, его губы, его жаркие объятия... Черт с

ней, с его работой! Васильковый взгляд – это же просто наваждение! Ох, она уже, видно, забыла, какое это мучение, – любовь.

Решившись, наконец, часам к трем дня выйти хотя бы в магазин за молоком и хлебом – закроют ведь скоро, – Женька ахнула. Во дворе, в их дворе расположился целый артиллерийский расчет! Какая-то огромная пушка, еще не отцепленная от военного грузовика, и рядом пара длиннющих труб, устремленных в небо... Женька впервые воочию увидела минометы, и они показались ей еще более устрашающими, чем пушка...

Ну, расклад был понятен: поближе к темноте начнут стрелять, а им будут отвечать и накроют весь двор и три пятиэтажки впридачу... У нее, конечно, есть подвал – но кто будет ее вытаскивать, если здание завалится?

Вернувшись, Женька перемыла посуду, погладила полотенца... Несколько раз украдкой выглянула во двор: военные ели, пили, гоготали... Под лафетом валялась уже третья бутылка водки... Все выглядело так, будто они никуда не торопятся. «Ждут темноты», – догадалась она.

Нужно звонить Ренате: пусть заберут ее на машине... Женька на всякий случай открыла подвал: вдруг придется срочно прыгать – некогда будет тяжеленную крышку на себя тянуть. Тут Рената позвонила сама – они ждут на улице. Женька снова выглянула во двор: вокруг орудий начиналось заметное движение.

Она закрыла дверь на ключ и, выскочив во двор, скользнула к Ренате в машину. Отъезжая, они услышали, как страшно забухал миномет. В небо ночного города летели мины, неся смерть.

ГЛАВА 19. КАФЕ «ЗАРЯ»

Павлик выбрался из фургона не так удачно, как влез. Но хоть шума было меньше... Свернувшийся клубком котенок спал на руках, наевшись печенья, которое Павлик наковырял из коробки, разорвав картон зубами. Павлик знал, что младенцы и котята не могут есть твердую пищу, поэтому он тщательно пережевывал каждый кусочек и совал в рот Заренку. Так и сам наелся, да еще и набил карманы про запас. Он теперь отвечает за котенка.

Ехали очень долго, все время останавливались, и Павлик даже немного поспал... Он слышал, как водитель и второй военный громко ругались, где-то свистели мины, но здесь, между коробками с печеньем и ящиками с металлическими болванками, прикрытыми бумагой и одеялами, было довольно уютно и почти не страшно...

Когда, наконец, остановились, военный и водитель начали быстро-быстро разгружать машину, так что Павлику пришлось спеш-

но пробираться вглубь фургона, к самой стенке кабины. С улицы кто-то кричал: «Мины, мины давай!», и не было секунды, чтобы выскочить. К счастью, последние ящики были, наверное, очень-очень тяжелые, и пока эти двое, пыхтя и согнувшись, их тащили, Павлику с Заренком за пазухой все-таки удалось спрыгнуть и спрятаться под машиной, а потом между колесами пролезть и нырнуть в подъезд.

Наконец-то: вот оно – кафе «Заря» с самым лучшим в мире мороженым! Здесь даже есть свет, – не то, что у них дома... Сейчас, правда, ночь, и двери заперты, но он подождет до утра вот здесь, в подъезде у заднего входа: ему не привыкать.

Павлик уже почти расположился поспать, подстелив расплющенные картонки, сложенные в углу, как дверь отворилась. Какая-то тетя вышла, озираясь по сторонам, будто не хотела, чтобы ее увидели, и, подойдя к выходу из подъезда, с опаской выглянула на улицу...

Вдруг послышались знакомые уже звуки мин – цок, цок, цок... Павлик быстро сориентировался. Он зайцем скакнул в оставленную приоткрытой дверь и затаился в углу. Через минуту дверь захлопнулась, ключ провернулся в замке, и послышался удаляющийся стук каблучков.

...Павлик продвигался наощупь в полной темноте. Было немного страшно, но он был уверен, что где-то здесь должен быть холодильник с мороженым, в котором, конечно, осталось его любимое клубничное, ведь все любят шоколадное...

Внезапно потеряв опору под ногами, Павлик полетел в какую-то яму, от ужаса расставив руки и забыв, что нужно придерживать котенка. Он упал на руки, было очень больно; он перекатился на спину, потом на живот, и в этот момент раздался страшный гром: над ним как будто захлопнулась крышка, и он потерял сознание.

ГЛАВА 20. СПАСЕНИЕ

Женька узнала о гибели Сергея от его сослуживца. У того, оказывается, был ее номер – на всякий случай, если Сергея будут искать. Друг был одним из тех веселых военных, которые пили пиво в импровизированном уличном кафе в начале весны. Как они далеки сегодня от того дня!..

Друг позвонил, когда Рената и Леонид вывозили Женьку из-под бомбежки... Она не могла говорить толком от грохота снарядов...

Рената и Леонид были единственными из Женькиных друзей, у кого еще оставалась на ходу машина. На заводе хранились емкости с водой; в подвалах офисных помещений, где располагался архив,

было сухо, и поэтому туда потихоньку переехали все оставшиеся работники завода. Компания даже ухитрялась выпускать продукцию, хотя и в единственном, экспериментальном цеху. Их трубки и трубочки оказались необходимы для танков и бронетранспортеров, адреса в накладных были украинские.

Леонид отправил женщин в подвал и бросился к огнетушителям... К нему присоединились охранники и разбуженные страшной канонадой рабочие, жившие тут же... Когда общими усилиями пожар потушили, собрались ехать обратно к Женьке, проверить, что случилось с кафе – может, пронесло?

Нет, не пронесло... Уже с дороги Женька увидела разбитую арку – пройти в подъезд было невозможно, зато в окно кухни или Розового зала – пожалуйста: стекла разбиты, в стене – дыры. Было видно, что внутри уже пошуровали: на асфальте валялись разбитые пивные кружки и несколько пустых бутылок.

Женька отперла дверь служебного входа, щелкнула выключателем – света не было. Леонид сбегал в машину за фонарем – у него в багажнике всегда было припасено несколько.

Вот так картина: в Розовой комнате одно зеркало снято, другое разбито вдребезги.

– Не к добру, – заметила Рената, оглянувшись на Женьку. И подумала: «Сергея нет...»

Кухня пострадала больше всего. Зато из-за свалившегося и застрявшего между столом и мойкой шкафчика мародеры не заметили кофейную машину. Это, пожалуй, единственное, что осталось в наследство от кафе...

Рената и Леонид вернулись в машину, делать тут уже было нечего...

Вдруг Женьке показалось, что она слышит мяуканье – так явственно, как будто замякала кофейная машинка в руках... Она оглянулась, просунула голову в проем в стене, не поленилась даже выйти на улицу, снова вернулась в кухню... Мяуканье шло из засыпанного камнями, штукатуркой и стеклами подвала.

Водрузив кофейную машину на место, Женька взялась разгребать завал. Наконец ей удалось приоткрыть тяжеленную дверь: мусор и пыль посыпались в темноту, а из отверстия выпрыгнул взерошенный серый котенок. Она погладила его, взяла из неработающего холодильника молоко – электричество пропало только пару часов назад – молоко явно не успело испортиться... Найдя чудом уцелевшее блюдо, Женька протерла его занавеской в клеточку и налила котенку молоко. Немного полакав и утолив первый голод, он вернулся к открытому подвалу и стал отчаянно мяукать, почти орать.

– Там что-то есть, – произнесла Рената за спиной Женьки, заставив ту подскочить от неожиданности, – наш тоже так орет, когда хочет привлечь внимание.

– Мы уже волноваться за тебя начали, – вошедший за женой Леонид посветил фонарем в черный провал.

Женька с Ренатой вытянули шеи. Внизу, на глиняном полу подвала, распластавшись в пыли и щебенке, лицом вниз лежал мальчик.

ЭПИЛОГ

– Ну что ж, присядем на дорожку, – Лера опустилась рядом с Юрой на потертый диван в том самом комфортабельном подвале на заводе Ренаты и Леонида, где вся компания скрывалась последние дни в небольшом отсеке с металлическими дверями и отдельным выходом во двор: комната раньше предназначалась для инкассаторов.

Денис лежал рядом на втиснутой в угол раскладушке... Он еще не мог сам сидеть. Путь предстоял неблизкий, через два блокпоста: ЛНР и украинский... Наверху на улице уже ждали две машины с Русланом и чеченской компанией...

Леонид повернулся к Женьке.

– Вы готовы? Мы выезжаем к границе, к Изварино, сразу после чеченцев...

– Мы готовы.

Женька обняла Павлика, прижимавшего к себе клетку с котенком, искусно сплетенную Ренатой из разноцветных трубок. Вот где у Ренаты открылся настоящий талант: все равно половина продукции не попадет к заказчикам...

– Женья, какой все-таки у тебя план? – Юра захлопнул ноутбук, в последний раз проверив запросы по Луганску о пропавших детях. Павлика никто не искал.

– Едем сначала в Псков, к матери... Сергея, – с трудом выговорила Женька любимое имя, – отдать деньги и иконку нательную, и документы... из больницы... Спасибо, Лерочка, тебе, что побеспокоилась.

Лера опустила глаза, проворчала:

– Вот уж доблесть...

– А потом с моими встречаемся в Питере, – Женька посмотрела на Павлика, – они из Якутска прилетят. У меня там подруга... Зовет каждый день... Ну, а к началу учебы вернемся.

– Куда? – жестко спросила Лера. – Вряд ли здесь всё так быстро рассосется. У тебя дети: куда ты вернешься?

– Слушай, нам в киевский офис нужен делопроизводитель:

начнешь с сентября. Там и комната есть на первое время, – у Леонида был выход для каждого.

– А вы с Ренатой как? – вмешалась Милена. Вам опасней всего оставаться: начнут имущество отжимать. Может, поставить станки на платформы и железной дорогой, тихим ходом, ту-ту? – Милена так смешно загудела, что Павлик звонко рассмеялся.

Сашка тоже засмеялся – он любил, когда жена начинала дурачиться. Хороший знак...

В самом начале войны, несколько месяцев назад, когда еще возможно было вывезти всё, даже целые заводы, Леонид Маркович не раз получал предложения эвакуировать оборудование из воюющего города и развернуть производство где-нибудь в Туле, в Харькове или даже в Казахстане – не говоря уже о Киеве и Москве, где у завода были представительства. Он ни за что на это не соглашался, сводя с ума Ренату, которая понимала, что переезд был бы спасительным решением и для завода, и для них.

Леонид никогда не объяснял своего решения и только сегодня признался:

– Нет, мы уж как-нибудь здесь... – Леонид поднялся. – У меня рабочие-профессионалы, а у них семьи, старики... Народная республика, будь она неладна, – они никуда не поедут... Я своих людей бросить не могу.

– Ну вот, – поднялась Милена, – а говорил – не герой... Поехали, всем удачи. Увидимся в Киеве.

Бостон, 2019

Татьяна Вольтская

* * *

Улетают гуси цепочкой рваной,
И дубы наливаются темной медью,
И бухгалтер-ветер, поднявшись рано,
У осин принимает листву по смете.

Полон лес задумчивого сиянья,
Из прорех сквозящего озаренья –
Что к концу полнее всего слиянье
Полегчавших тел, обреченных тленью.

К каждой ложке золота и роскошной
Синева – подмешана капля яда.
А дружку в ключицу уткнешься – кожа
Пахнет яблоком из чужого сада.

* * *

Красный месяц заходит по-свойски
На задворки и за гаражи,
И туман, как разбитое войско,
Над лугами вповалку лежит.

Припадает и мечется чибис,
Выкликающий имена –
Им бы только из списка не выпасть –
И меня не забудь, и меня.

Там – прощального неба полоска,
Здесь – мерцающих сумерек яд,
И последними – ярого воску
Поминальные сосны стоят.

* * *

Вот и первый снег – будто новый век,
Наконец, пошел из-под влажных век,
Наконец-то в щель проскользнул росток –
Будто в тайный провод пустили ток,

В темный дом вслепую шагнув – держись! –
Протянули руку, включили жизнь.
Вот и первый снег – будто вспыхнул свет,
Обводя по контуру стол, буфет,
Молча

мира удваивая черты,
Будто рядом с я появилось *ты*.
Единица – веткой сухой – мертва,
Двое – живы: им ведь нужны слова.
И забор, и лес, и рекламный щит
На живую нитку к словам пришит.
Будто к зеркалу – с запада на восток –
То ли снег наклоняется, то ли Бог.

* * *

Елки держат снег на вытянутых руках.
Заблудился кустарник в складках ночных рубаш,
И ручьи уснули в стеклянных своих гробах,
А тепло осталось лишь на твоих губах.
Магазин закрылся, улица опустела.
Дети тащат санки домой – накатались с гор,
Пролетает поезд – блестящ, говорлив и скор,
Наступают сумерки – наискось – на забор,
На дорогу, на важный трактор, и разговор
У калитки перетекает в спор,
Кипяток в цветастую чашку, и тело – в тело.
На торчащем месяце, как на крюке – пальто,
Повисает облако. Нас не найдет никто.
И метель поднимается: в голых ветвях гнездо,
Магазин, и почта, и все, что случилось до
И случится после когда-нибудь – тонет в белом.

* * *

Всего и нужно-то, чтобы жить –
 Поселок, на нитку живую сшит
 Тропинками белыми, серый пес,
 Бегущий наискось, и мороз,
 Хватающий за щеку, и мотив,
 Хватающий за душу, накатив,
 Как поезд, мчащийся по мосту –
 Прошел и нет его – в пустоту.
 Всего и нужно-то, чтобы жить –
 Навстречу, подняв воротник, спешить,
 Помедлить молча – глаза в глаза –
 Унять дыхание – и назад.
 Всего и нужно-то – лед, мостки,
 Как долгий взгляд – поворот реки,
 Сухая поломанная трава
 И хлопья, внятные, как слова.

* * *

Жизнь еще поболит и пройдет.
 За молочные реки метели,
 За кисельные дни и за мед
 Вечеров – даже если б хотели –

Не расплатимся мы. За долги
 Всё, что видишь, сметут подчистую –
 И морщинку щемающей реки,
 И тропинку, и бочку пустую.

Ни морозной резьбы, ни судьбы,
 Только взгляд, сохранивший навечно
 Разомлевшее тело избы,
 Снежных елок оплывшие свечи.

* * *

Под облаками крахмальными,
Между косыми соснами
В воздухе – гроздьях Рахманинова,
Мокрые, только что созданные.

Звезды, хорей, дактили –
Мир набухает аккордами –
Праведниками, предателями,
Головоногими, хордовыми,
Клятвами и объятиями,
Живыми и мертвыми,

Утренним чаем с гренками,
Шторами, венскими стульями,
В длинных шинелях шеренгами,
Ложащимися под пулями.

Белые гроздьях Рахманинова
Падают ворохами,

Градом, как слезы давешние,
Будто бы в этот вечер
Под руками – не клавиши –
Вздрагивающие плечи.

Санкт-Петербург

Александр Бараш

В долине великанов

ИЗ ЦИКЛА «ВЕРХНИЙ ГОРОД»

1

Ручей рядом с шоссе.
За ним поле и подъем в долину между двумя холмами.
Здесь лес больше похож на кустарник,
а время – на пространство:
на том длинном холме, что справа,
пять тысяч лет назад был Нижний Город,
а на том, что слева, акрополь.

Оттуда видны еще несколько городов
того времени.
Эта долина – как их душа без тела.
Только она мало что помнит.
Все очень смутно.

2

Солнце, ветер, цветы, камни.
Бедуинские овцы. Следы раскопок. Туристы.
Шум бульдозеров, подступивших к оплывшим стенам.
Они расчищают площадку для массовой застройки
еще одного тысячелетия.

Это внушает самые разные чувства:
от яростной жалости
к прошлому
до смирения перед будущим.
Но неизменно одно:
желание что-то понять.
Хотя непонятно, почему именно это –
живее всего остального...

3

Пустое ровное плато.
Бог смотрит на нас, идущих
по муравьиной тропе через поле

бывшего Верхнего Города,
высохшего словно дно колодца –

смотрит, как будто сквозь нас,
своими белесо-голубыми
старческими глазами
левантийского полдня.

Мы тоже тебя не очень помним.
Правда, пришли сюда как будто
в движении по кругу – в то же место,
куда еще предстоит прийти.

ИЗ ЦИКЛА «В ДОЛИНЕ ВЕЛИКАНОВ»

*Эмек Рефаим (Долина Великанов) –
квартал в Иерусалиме*

Я часть городского пейзажа,
примета квартала в последние 10 лет,
с электронной сигаретой во рту
и бордер-колли на поводке.
Мы стоим между
тихим перекрестком и пиццерией.
За спиной, за заросшей вьюнком оградой,
под большой сосной – полудикий дворик
с пластмассовой детской горкой и белым столиком,
на котором, как рога жертвенника, ножки
положенных на него стульев
Напротив, чуть справа, тупиковый переулок.
Вокруг золотая цветущая горчица,
сейчас ее сезон, между анемонами и мимозой.
Я часть этого пейзажа, а он – часть меня,
и неизвестно, кто живет дольше:
скорая помощь и бульдозер реновации
это вещи примерно одного порядка:
одно и то же переходное состояние
между субъектом и объектом,
между живым и мертвым.

* * *

Когда мое тело станет
этой долиной,
я буду снова свободен
над светящимся руслом реки,
где вечно цветут
под соснами цикламены
и времена года
как дни и ночи близки.

Странен только момент перехода
тела в пространство,
словно отделение звука
от языка и зубов,
когда мы становимся тем же,
что эти зимние травы
среди молока и меда
обетованных садов.

Иерусалим

Иван Волосюк

MIRACLE AT ST. ANNA

В человеке пружина и всё, что известно науке,
обленился шарманщик и пальцем крутил у виска.
Наплевать на червя – столько рыбы, что просится в руки,
столько дичи в лесах, что #savepeople, #введитевойска.

В человеке причина дышать – и сломаться в итоге,
приложить подорожник, прижать, обмотаться бинтом.
Он прилёт отдохнуть на Военно-Грузинской дороге,
бесхребетный по жизни, по смерти он станет хребтом.

* * *

Серый Волк не слышит звук шагов,
бабушка сидит без пирожков,
Шапочка в царя метает бомбы.

Прочие в охранку подались,
потому что если коммунизм,
прятаться придется в катакомбах.

Или в Крым, где Врангель и штыки,
атомных подлодок мундштуки,
пиво «Ялта», сигареты «Тройка».

Всё смешалось: люди и слова,
Ленина большая голова,
Хонеккер, Столыпин, «Перестройка».

Что же стало с бабушкой? Она
насмотрелась всякого г*
и легла, накрыв лицо платочком.

Смерть в своей постели – высший дар,
Красные вступили в Краснодар,
ничего тут странного – и точка.

* * *

Опять Клинских нам что-то про туман
вопит из магнитолы, как в припадке,
и пусть Луна – оптический обман,
вообразим, что с нею всё в порядке.

Крышует Землю купол слюдяной,
а мы в степи с биноклем без штатива,
и Горшенёв, всю ночь кричавший: «Хой»,
пока колонка не забарахлила.

Сгорай, болид, свергая темноту,
мы смотрим вверх, хоть космос иллюзорен.
Мятежников узнаешь за версту,
я, если можно, Отче, предпочту
участвовать в их тихом разговоре.

ИЗ АНДРЕЯ ХАДАНОВИЧА

Вместе со шпилькой вытягивай ветер из кос,
майскую ночь и купания голых по пояс,
грозы и песню, которую с моря привёз,
в том рюкзаке, где остались билеты на поезд.

Дым потяни – будет осень, случайный куплет,
звуки костра и листвы, под ногами шуршащей.
Глянь на янтарь – и увидишь прощальный рассвет,
только не тронь мотылька – мотылёк настоящий.

Донецк

Виталий Рахман

* * *

Ирине Вольской

Вы помните, как крошкою когда-то
Бродили переулками Арбата,
На палочке качая эскимо?
А мимо быстро ехали машины,
Шуршали свежевывытые шины.
Казалось, всё светло и хорошо.
Мороженое было очень вкусным.
Товарищ Сталин улыбался так искусно —
Не жизнь, а вечный праздник и кино.
Но это всё куда-то отлетело
Сквозь континенты, волны беспредела.
Вчерашнее, прошедшее давно.
И только девочка с букетиком надежды
Глядит из фотографии, как прежде,
Вдруг вызывая сентимента грусть.
Пусть годы пробегают стороною.
Хотелось бы остаться молодою.
А если не удастся — ну и пусть...
Но карточку, где девочка с букетом,
Вы сохраните, может быть, об этом
Вдруг внуки неожиданно прочтут.

* * *

Якову Лотовскому

Орды Батия росу приминали с рассветом.
Кони Россию под посвист нагаек кроили.
Схлынули волны, как пыль, унесенная ветром,
Только лугами разбухшие трупы застыли.
Только прекрасные лики девушек россов
Стали скуласты, в глазах появилась раскосость,
Им придающая необычайную прелесть —
Горькая память о конниках пришлых и смелых.
С севера шведы грозили набегом соседским,
Рыцарь тевтонский — холода стали наместник,
С юга смолистые турки теснили и греки.

Даже порой англичанин с французом,
Падая в девственный снег под копыта столетий,
Голубооких красавиц молили о чуде.
Пухла земля от могил, словно тесто,
Красных невест всем красным она обещала,
Только лебедушек белых для косточки белой рожала.
Где эти белые мальчики? – Пулею скошены красной,
Только все красные молодцы были убиты напрасно.
Горе – калеки в болотах Карелии сгнили,
Слезы «афганских» невест кровью чеченскую смыли.
Но молодое, веселое племя гурьбою
Снова бредет по Тверской, по Ямской и по Невскому,
Окает Новгород, тянутся вятичи ветками.
Снова дворы, как лозою, кустятся нимфетками.
Чье это племя? Откуда? Куда оно денется?
Да всё туда же –
К Великому Дереву Истины,
Через страдания путь пробивает неистово.

ПАМЯТИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Он умер в январе, в начале года.

И. Бродский. Стихи на смерть Т. С. Элиота

Мы ворошили прошлое стихами,
печалью, тихой грустью и вином.
А он ушел январскими снегами
в изгнание последнее свое.
Но что-то странное вокруг происходило –
пульсировала трепетно строка
энергией языческого пира,
изяществом скользящего пера,
где образы, созвучия и лица,
рожденные страданием глухим,
всё продолжали в воздухе кружиться:
Санкт-Петербург, Венеция и Рим,
Нью-Йорк рок, распятая Античность.
Колючие Архангельска леса.
Решетка Летнего, кораблик.
Слово. Вечность.
Иллюзии. Ирония.
Судьба.

ИСААК

*Исааку Рабину**

Стою пред телевизором, ссутулясь.
Молюсь в слепящих отблесках экрана,
где черный ящик,

словно черный голубь,
несет мне весть транзисторного мира.
Молюсь за сына Авраама, за Исаака.
О, Бог! Всевидящий, всезнающий!
Зачем?

Зачем позволил Ты тому свершиться,
что сын отца на жертвенник принес?
Куда глядит Всевидящее Око?

В чем урок?
Ужель в крови, залившей песню?
Ужели мир – иллюзия сознания?
Квадрат могилы чернотой реальной
созвучий на устах великих.

Как прежде, выстрелы
разрывами пространства
коробят мозг.

Что общего между прискорбным шоу
и аспирином, режущим экран
в желании всё обезболить?

Исаак, и сын Исаака,
и сыновья Исаака сыновей –
ужели образ мира есть война,
где нет покоя вечному скитальцу,
где только слезы выражают чувства,
а радости мгновение иллюзорно?
О, Бог! Единственный и всемогущий!
Перед Тобой стою незащищенный,
и голый, и обрезанный стою,
молю прощенья за грехи сыновьи,
за кровь отца на песне недопетой.
Спаси и сохрани народ подвластный,
открой глаза слепым, чтобы прозрели
в кромешной суете своих страстей
и не мусолили священное «ШАЛОМ»!

* Ицхак Рабин (1922–1995), израильский политический и военный деятель; был убит 4 ноября 1995 г. на площади Царей Израиля в Тель-Авиве.

* * *

На окошке герань расцвела.
За окошком метель металась.
Вроде, рядом, казалось, но за...
Стеклом, разделяющим два –
Лето, зиму – конец, начало.
По обе стороны от...
Не оценить толщины мембраны –
Словно холодный пот,
Теплом руки отошедшей мамы.
Жизнь, она вот...
и смерть – одна, как два.
Только мысль о формуле перехода
Продолжает сверлить зубной болью
Но и она уйдет, а таинство кода
Останется в сейфах за печатью у Бога.

РОЖДЕСТВО В НЬЮ-ЙОРКЕ

Ангел ночи свой путь уступает
Свету чистому нового дня.
Утро. Площадь. И старец вещает
О земном благоденствии. Зря.
А, быть может, не зря он пророчит
Весь согбенный в страдании своем.
Может, истина – луч среди ночи,
Через слово пройдя непорочно,
Белым снегом на землю падет.
Тогда ночь, напоенная тьмою,
Вдруг почувствует: тьма – не конец.
Есть начало за нею другое:
Дух Творца, Его длань и венец.

Филадельфия

Каринэ Арутюнова

Цвет Боннара

ЦВЕТ БОННАРА

Порой он садился в поезд, идущий по направлению к югу. Подальше от нежной, акварельной весны этих мест. Поезд мягко трогался с места, — за окнами проплывали невысокие здания, собственно, само здание вокзала, платформа, зритель, носильщики, разбросанные здесь и там человеческие фигуры, — отдаваясь, они делались всё меньше, будто вырезанные из картона персонажи пьесы из жизни провинциального городка. Проплывали розовые крыши, коричнево-зеленые дома, голубые ставни, — чей-то ленивый кот за пестрой занавеской, разросшийся фикус в горшке, женщина в фартуке с высокой рыжевато-каштановой прической.

Затворник и домосед, раз в полгода, подхватив увесистый чемодан с тяжелыми заклепками по бокам, спешил к ближайшей станции.

Спокойные поля, исполосованные весенним солнцем. Еще немного, лучи его станут слишком горячими, непереносимыми для незащищенных глаз.

Жара не для него. Жару хорошо пересидеть в прохладе старого дома, за плотно прикрытыми ставнями. Наблюдая за тем, как случайный ветерок колышет краешек занавески, как остывает чай, как небо, разгораясь, остывая, отдает тепло стенам, земле, цветам, деревьям; как листья, накапливая ультрафиолет, тяжелеют, темнеют (поначалу), наливаясь соками, источая густой аромат.

Как клонятся (будто готовясь ко сну) цветы на подоконниках, и наступающие сумерки диктуют свои правила звукам, теням, — как наполняется ванна, стоящая в углу дальней комнаты, как льется вода, — такой умиротворяющий монотонный звук, шорох падающей одежды, скольжение шелка, атласа, льна, — вдоль тела той, которая, поживившись, склоняется над краем ванны. Выступающие косточки бедер, округлая линия живота, — при всей subtilности и худобе линии остаются плавными, всякий раз поражающими гармоничным соединением друг с другом, — вот ямочка под остро выступающей лопаткой, вот пятно света на левой груди, вот углубление над ключицами, вот родинка у предплечья, — еще немного, и тело скроется под водой, — она вытянет ноги, упираясь в край ванны, и волосы, намкнув,

завьются над лбом, затылком и висками, а кожа зарозовеет, заблестит. Не дыша, он проводит линию. Нет, не так. Пока только цвет. Несколько розовых, лиловых, коричневых пятен.

Она готова нежиться так часами. А он – смотреть. Запоминая каждую складку, тень, шероховатость. Как, поднимая руки, закалывает гриву рыжеватых на солнце (но склонных к каштановому темно-му) волос. Как, сведя руки за лопатками, застегивает матерчатые пуговицы лифа. Натягивает чулки. Если бы можно было сыграть это, он выбрал бы Дебюсси.

Солнце проводит багровые полосы, становится тяжелым, нестерпимым. Он едет на юг. Вопреки сложившемуся мнению, южные цвета оказываются блеклыми, выгоревшими, усталыми – не оттого ли так много белого, отражающего и отталкивающего жар, – смуглые лица, неожиданно светлые острые глаза на них, белые крыши, белый свет, заливающий площадь у фонтана. Уличные женщины откровенно заывают его, глядя в глаза без всякого жеманства или даже показной стыдливости.

Вода стекает, струится, оставляя лужицы на полу, и этот звук возвращает его туда, – поглядывая на циферблат, он точно знает, что сию минуту она, скрестив руки на груди, касается пальцами ног воды, – вечное дитя, ожидающее ласки, поощрения, нежности, – вот она, кутаясь в широкое покрывало, перебирает складки домашнего платья, проводит пуховкой по скулам, очерченным с изысканным изяществом...

Сидящая напротив девица не сводит с него круглых блестящих глаз.

Какой красавчик этот северянин, – думает она, – и совсем не такой бесцеремонный, как наши южане, – крикливые, быстрые, нетерпеливые. Она улыбается ему кончиками алых губ, прикусывает нижнюю белыми резцами, а верхняя заворачивается, точно у милого зверька.

Смеясь, он покачивает ее на коленях, наблюдая за тем, как медленно она растегивает платье.

Он слышит звук воды. Хохоча, она вонзает зубы в его запястье, запрокидываясь на спину, хохочет, – ну же, иди сюда, красавчик.

Он видит, как там, в распахнутом окне, женский силуэт, раскачиваясь, клонится, будто опадающая влажная хризантема, – бахрома лепестков под тяжестью капель; пахнет резедой и фиалками, чистым выглаженным бельем. Ах, сколько красоты в обыденном. В простых деталях. Кувшин с горячей водой, кувшин с холодной, продолговатое твердое мыло фисташкового цвета. Несколько гребней. Заколки. Вода, растекаясь, сбегает по выступающим позвонкам, в углу сидит кошка с черным пятном на боку, один глаз прикрыт, лапы – точно белые башмачки.

Со скрипом приоткрывается комод, рулоны ткани ждут своего часа, чтобы выплеснуться из полумрака, – пунцовый, салатový, бирюзовый; в бирюзе – высокое небо Константинополя, усатый турок в загнутых мягких чужаках; в сиреновом – тишина, покой, умиротворение. Ткань стекает по узким плечам, струится по ногам, стелется по полу.

Ее страшит одиночество. Одну за другой она зажигает лампы, но этого мало. Потрескивают, оплывают длинные свечи, в тяжелых темных зеркалах множатся отражения. То маленькой девочки, стоящей босиком на полу, то юной девушки с мечтательным запрокинутым лицом, то женщины, ожидающей возлюбленного.

Женщина в окне, женщина в ванне, у зеркала. Идущая в длинной до пят сорочке через боковую комнатку с кувшином воды. Ванна стоит в центре комнаты. Будто на сцене. Она считает дни, недели, часы. Подобные стекающей по телу воде, они не оставляют следа. Время как будто застыло, не движется и никуда не бежит.

Уже не смущаясь, она не замечает камеры, установленной так, чтобы фиксировать главные события жизни. Подробности каждого дня. В купальном костюме, в шапочке с перьями, в гимнастическом трико. Ее бледность, худоба, ее нестареющее (и отражение подтверждает это) тело. Идеальная модель. Это именно то, что ему нужно. И не в страсти, пожалуй, дело.

Вагон мягко покачивается. Прикрыв глаза, он дремлет, – сквозь сомкнутые веки пролетают всё те же поля, деревья в цвету, станции, зрители, крепкие, загорелые люди, изящные и в то же время крепкие широкобедрые женщины. Вот эта, с плотно облегающими голову волосами, – тугими, тяжелыми, медовыми, и такими же медовыми глазами, – стройная, точно финиковая пальма, оперев ладонь в выставленное бедро, вызываясь смотреть прямо на него.

Как стремительна линия бедра. От кокетливой туфельки к округлому колену и дальше, вдоль тонкого шва к подвязке. Взгляда достаточно, чтобы охватить ее всю, вылепленную не столь утонченно, как, допустим, та, другая, но, безусловно, созданную для любовных игр, быстрых и грациозных движений. Атласная лента под грудью, смуглые скулы, поворот головы, – пожалуй, всё, что останется в памяти, когда поезд двинется с места. Закрыв глаза, он дорисовывает остальное.

Наброски рождаются один за другим. Пастель, карандаш, сепия. Желтоватые листы разлетаются по столу. Только младенцам и животным присуща такая естественная пластика.

Запрокинутые за голову руки, темные впадины подмышек, подвернутая ступня, волосы, разметавшиеся вокруг лба и висков.

Женщина-кошка дремлет на софе, чашка молока стынет на подоконнике. Сноп света будто подсвечивает тонкую кожу предплечья, – сиреневым, голубым.

Поезд мягко покачивается, будто нашептывая: север-юг, север-юг. Как быстро блекнет южная красота. Как быстро вспыхивает страсть. Обернулся, а там уж нет никого. Быстрые шаги за дверью, узкие щиколотки, схваченные тусклыми браслетами; у лавки старик в феске перебирает четки, и глаза его невидящие устремлены в вечность.

Дыхание перехватывает. Ведь и он состарится, устанет жить, осядет, точно песок, у порога чужой комнаты. Чужая женщина подожмет темные губы. Если плеснуть из кувшина на стену, повалит пар. Молчаливые старухи провожают его, навьюченного точно верблюд, – мольбертом, картонками, холстами, пледом. Прощай, бирюза, прощай, густая синева. Прощай, восток.

Колышется занавеска, на ней пляшет тень цветущего дерева. Острые тени. Быстрая любовь под жарким небом. Горсть каленых фисташек. Вкус мяты и жженого сахара. Сколько ей было? По белой стене полз тарантул, изумрудная ящерица сверкала чешуйками, дул ветер пустыни, сердце билось, мешая глотать и дышать.

Где-то льется вода, стекает быстрыми ручейками, даря прохладу и забвение. Здесь всё уже было. Душа, совершив тысячу превращений, вернулась на землю. Точно после долгого сна, в котором чужой человек идет вдоль стены, шаг за шагом меняя очертания. Еще мгновение, и он поравняется с собой, бегущим навстречу.

ДОРОЖНЫЙ БЛОКНОТ

Золотой день многолетней выдержки, долгие пешие прогулки вдоль простирающихся ландшафтов, насыщенные множественными восторгами впечатления, утроенные неожиданно ярким январским солнцем, свежестью трав и дерев, запахами сирийской (ливанской) кухни из близлежащих едален, – и как отдаленный звон колоколец – дождливый «йом ришон»* – день первый, то есть израильский понедельник, – ничем не напоминающий о том золотом шаббатнем дне января, – даром что весна; всюду – влага, влага, влага, всё волшебство таинственным образом затаилось, чтобы в нужный момент объявить о себе нежным свечением куполов и шпилей, вкраплением воспоминаний в дождевые потеки, лужицы, – неизъяснимое удовольствие от обыденности этого дня, его серости, скудости, от редких пересечений с людьми. Ничто не мешает узнаванию дорогих подробностей, – точно

* Йом ришон – воскресенье, день первый (*иврит*)

старинный ларец, приоткрываясь, являет взору потускневшие драгоценные вещицы, – перебираешь их, узнаешь, скорее, наощупь, по знакомым щербинкам, впадинам и выпуклостям, ощупывая внутренним взором, касаешься чего-то интимного, спрятанного, непроявленного.

Старик коробейник, уличный шарманщик, фальшивомонетчик, меняла, дряхлеющий и вечно обновляющийся мир предметов, кладбище подробностей, нехитрого скарба, испод бытия, восточный орнамент по краю надтреснутого блюда, волшебная лампа Аладдина, пещера с драгоценностями, испорченный патефон, старые снимки, ушедшая под воду Атлантида, проступающие над ней, водой, лица, звуки, повторяющийся (то рядом, то издалека) крик муэдзина, обрывки слов, лоскуты тканей, ковров, воспоминаний, надтреснутые горлышки кувшинов, амфор, их вытянутые удивленные шеи, их округлые бедра, их выпуклые животы, поющие отверстия их ртов, подернутые патиной зеркала, в которых тени, отражаясь, отступают, приближаются, замирают, – попытка попасть в собственный след венчается потерей памяти. Расколота рама важной картины, вправленной в нее.

Ты помнишь всё, ты всё забыл. Кофейная взвесь скрипит на зубах. Дорога ведет к морю. О, чужеземец, мечтающий измерить шагом Голгофу, не ведающий о том, что, как никогда, он близок к ней. Всего только следы, ведущие к изувеченным Хроносом стенам, улочкам, втекающим и вытекающим из, – заплате на заплате, шов на шве, рубец на рубце. Грубый, рваный, уродливый, тянется, расползается, натягивая ветхую ткань.

Как больно дышать. Как сладко дышать. Струение времен. Песок жизней. Оказывается, его можно пересыпать из ладони в ладонь, пересчитывать песчинки, натекать на острые камни, стекла, битые черепки.

Это Яффо. Жадный, жаркий, ленивый, суетный, неспешный, продуваемый насквозь морским ветром. Здесь яхты покачиваются на волнах, свет слепит, многотысячный гул голосов, сегодняшних и тех, вчерашних, – со старых снимков, стен, из пухлых семейных альбомов, из коробок с рухлядью, из сонных ларцов и запертых на засов лавок.

Прийти сюда к ночи, упиваясь прибоем и тишиной (в которой звуки, встречаясь, множатся, разлетаются вдребезги), заглянуть в арабскую пекарню, взвесить на ладони плоскую лепешку, щедро посыпанную затром*.

* заатар, затр – общее название нескольких родственных ближневосточных трав из семейства тимьяна или душицы. Тем же словом называют приправу, сделанную из высушенных трав, смешанных с семенами кунжута и сумака, солью и другими специями. Популярен во всем Ближнем Востоке.

Убедиться в повторяемости ритма, в уникальности мелодии, сознаться в главном. Вот город (не засыпающий никогда, в общем-то, бессмертный, со всем, что ему принадлежит, тайным и явным), а вот твоя жизнь, твой единственный путь, проходящий сквозь стены, улицы, арки, дома. Нам суждено соединиться (на день, на час), упиваясь яркостью мгновений, сожалея о быстротечности их. Нам не суждено быть.

* * *

Несколько часов на Иерусалим. Под зонтиком и ветром, вырывающим его из рук. У гроба Господня суета. Не просто суета, а композиция из десятков сотен лиц, согбенных силуэтов, коленопреклоненных, — некоторые из них напряженно и торжественно буравят взглядом глазок камеры, — событие на всю жизнь, и даже выходящее за пределы ее. Распростертый на камнях (прямо на надгробии) нежный смуглый младенец в развороченных цветастых пеленках, над ним — мать, отец, — тонкие темные руки, профили, одежды, — облако исступления витает над и вокруг, всё это максимально выверено композиционно, точно кадр из нескончаемого сюжета великого режиссера, снятый великим оператором. Вот где точность и емкость, вот где насыщенность. В цвете, в соразмерности момента и вечности. Смешение языков и стилей; сквозь всё и вся — шорох русской речи, — какие-то женщины, краснолицые, кряжистые, в платках; японцы в галстуках (неужели те же, что и тогда?); не улыбка, а отягощенные важностью происхождения. Я всё это видела. Везде была. Сердитый араб всё так же восседает на стуле возле сувенирной лавки; его поза, опущенная голова, щеки, иссеченные глубокими бороздами, а эти двое так же бредут мимо, и дождь делает кадр размытым, но можно откорректировать, поиграть с резкостью, цветом, оттенками. Со вздохом отказаться от самой идеи. И больше никуда не бежать (и не идти), оставив всякую попытку запечатлевания вечности.

* * *

Счастье где-то здесь. В бесперебойной подаче света, в торжестве формы, без которой пространство теряет перспективу и смысл. В голубом, которое повторяется на кирпичном, — в синеве ставен и небес, в траектории солнечных лучей и птичьих крыльев, ворковании голубей и влюбленных «на переулках безымянных». В совершенстве граней, в отточенности тени, в ее постоянстве, изменчивости, — можно сказать, сама тень создает сюжет кадра, его динамику, характер, тональность, настроение.

Жизнь здесь балансирует между «увиденным» и «невиданным». Всякий раз, проходя по одной и той же улице, ты открываешь новые детали, упоительные подробности, и потом, следуя маршрутом фотографий, открываешь их вновь и вновь.

Вот этот просвет между домами, ставнями, крышами, между увиденным и не, между забытым и полузабытым, между тем, что хочется помнить, и тем, что не забудешь никогда...

Где-то здесь – между восторгом и предвкушением, между попыткой осознания себя в этом повторяющемся сюжете, между бодрствованием и сном, желаемым и действительным, – та самая жизнь, которой ничтожно мало для множественных воплощений, и которой так много, если речь идет об одном дне или часе, наполненном красотой.

В путешествии мобилизуются скрытые резервы. Вас носит вдоль и поперек, вам не лень сделать крюк и заглянуть в подворотню, проделать лишний виток, чтобы восхититься фасадом, решеткой, тем, как светотень ложится на кирпичную кладку стены; сотни раз вы жмете на кнопку камеры (телефона), проверяете, застегнута ли сумка, дергаете молнию вновь и вновь, ищете телефон, находите, забывая о том, зачем искали, потом вновь мчитесь куда-то, подпрыгиваете на станциях, летите за последним вагоном, останавливаете (на ходу) поезда и автобусы, карабкаетесь в гору, обнаруживаете себя в склепе, в пещере, в подвале, на крыше, без усталости восхищаетесь тем и этим, и, если хватит сил, еще вон тем далеким шпилем церквушки, до которой никак не дойти.

* * *

И вдруг. Вы больше никуда не хотите. Вообще никуда. Где запал, драйв, энергия, любопытство первооткрывателя?! Оказывается, всё осталось там, неподалеку от того самого шпиля, до которого вы так и не дошли. Вам снятся города, в которых вы не были, соборы, мосты, переулки, подворотни, спуски, подъемы, светотени, и бегущая по солнечной стороне улицы такса оказывается узкой черной кожаной перчаткой, которую вы обрели в прошлом году.

СИЕНА

Берешь пастель, мягкую, жирную, проводишь линию (по плотной желтовато-коричневой бумаге), подушечкой указательного пальца растираешь штрих, и вот он – миндальный вяжущий вкус, испещренная прожилками персиковая косточка.

* * *

У жителей Сиены густые, глубокие, насыщенные голоса. Особенно мужские. Такое ощущение, что вокруг то и дело витают обрывки каких-нибудь оперных арий. Либо же проповеди. Язык и природа делают свое.

Не далее как вчера вечером я чрезвычайно впечатлилась доносящимся с улицы торжественным и донельзя прекрасным голосом. В нем слышался дух волшебных мест, вкус прошюто груды и острых овечьих сыров. Такие голоса напитаны амброй и амброзией, медом и вином.

Вообразив, что это проповедь, я молитвенно сложила руки перед грудью. Но, увы, это был всего только подвыпивший джентльмен, любитель выпить и поесть, который, приобняв приятеля, скорее всего, сообщал ему о чем-то совершенно прозаическом, – например, о том, что в соседней прошюттерии к вину подают огненные колбаски, и он непременно сходит туда завтра с другом Маркуccio, прихватив престельную Мальвину.

* * *

Порой мне кажется – всё это инсценировка. Удачные декорации. Массовка, статисты, главные герои. Их отбирали долго, придирчиво, подгоняя плафоны, барельефы, рамы, двери, витрины, манжеты, воротнички. Вон тот пиджачок к этому шарфу. А ту витрину к сумочке, а сумочку к ботинкам и сапожкам. А каблуки – к той милой даме с тонкими ножками. Ну уж к ней – серповидные сережки и браслет, и манто из искусственной шиншиллы, ведь наша дама против жестокого обращения с животными. Но мы отвлеклись. Манто, значит, к даме, даму – к седовласому джентльмену в идеально сидящем костюме.

О, какой сложный это был кастинг! Невероятный. Алый платочек в кармашке дымчато-серого пиджака, аккуратные серебряные височки, идеально отглаженный воротничок. Всё как нельзя более подходит к тщедушной собачонке с ножками-паучками и пуговичными глазками.

Истертые ступени соответствуют сидящему на них в прострации молодому человеку с художественно растрепанной гривой. Вон тот красный шарф – джентльмену в круглой шляпе.

Попавший в эту пьесу случайно всё время попадает впросак. Сказано ведь – аперитив можно с двенадцати, и нечего изобретать велосипед и морщить лоб. Бери аперитив и радуйся жизни. Вот прямо здесь, у витрины. Не надо ковырять спагетти ложкой, если хочется кофе. Не надо озиаться по сторонам. Бери красный шарф,

каблук, джентльмена, а к ним аперитив впридачу. Глядишь, и кастинг пройдешь. Иди ровно, звени браслетом, играй глазом, забудь про восемь килограмм ручной клади. Вообще – забудь.

Вот этот джентльмен в распахнутом пальто табачного цвета как нельзя более подходит твоим глазам, его оливковый шарф – твоему свитеру, запястье – локтю, ключицы – вискам, ладони – плечам...

Господи, ведь это неприлично! Но я всё равно продолжаю соединять то и это, это и то, прикладывая одно к другому, а другое к третьему. Арки, двери, барельефы, фонтаны, балконы. Жесты, цвета, оттенки, звуки. Мужчин к женщинам, детей к старикам. Младенцев к груди. Вино к сыру. Шоколад... Шоколад я съедаю, и глаза мои становятся сладкими, веселыми, нежными, любящими. Из них льется восторг. Как легко любить этот мир после черного шоколада! После бокала кьянти. После дольки апельсина. После...

– Мария? Ты почему не была у крестного в прошлый четверг?

Окно над головой распаивается, там тоже идет спектакль. Как подходят друг другу эти люди! Как они заслужили эти лица, эти улыбки, эти ставни, этот свежий хлеб в пекарне на углу, это оливковое масло и пирожное, этого соседа с собакой и лимоны на подоконнике. Это небо и этот воздух. Эти цвета – табачный, оливковый, желтый. Меня, стоящую под окном. Пусть ненадолго, но в кадре.

* * *

Пока, сбросив пыльные ботинки, в изнеможении валяемся поперек кроватей, под окнами идет десятая по счету экскурсия. На русском, японском, немецком, итальянском и так далее. Бойкое местечко, признаться.

Машу рукой из окна – меня, возможно, примут за живущую здесь почтенную синьору и начнут щелкать со всех сторон, причмокивая губами от восторга, – видели, нам улыбнулась эта синьора, она машет нам рукой, какое счастье. Какие всё-таки эмоциональные эти итальянки.

Вот так и мы, какой-то час-полтора тому назад целились в голову одной милой дамы, торчащей из окна. Кажется, ей даже понравилось, что ее снимают, и она вертела головой из стороны в сторону и улыбалась тонкими губами и всеми своими счастливыми морщинами – *prego, prego*...

Так тривиально попадаешь в город, о котором столько мечтал, – трамбуешь неожиданно распухший чехмодан, маешься на каких-то автобусных станциях, высунув язык, носишься от остановки к остановке, наблюдаешь, как постепенно Умбрия переходит в Тоскану – уже из окна автобуса. Пейзаж становится волнующе округлым, вол-

нистым, будто чья-то любящая ладонь ласкает холмы, обрисовывает контуры. Сколько нежности в этом движении.

Все дорожные снимки безжалостно стерла, ни один не способен передать то, что я вижу. Рядом какая-то девочка, явно студентка, исписывает листки ученической тетради. Для нее это обычная (Бог знает какая по счету поездка – то ли домой, то ли из дому).

Сиена, будто раскрытая ладонь, охотно являет свои сокровища, – ее краски заставляют сердце биться и трепетать, радоваться и плакать. Тесно прилаженные друг к другу кирпичики (всех цветов охры и, собственно, самой Сиены) – их хочется касаться рукой, задерживая пальцы, ощупывая каждую неровность, выпуклость, впадину.

Стены ее теплые, шершавые, небо ясное, его заливают ослепляющее февральское солнце.

Берешь пастель, самую мягкую, жирную, проводишь линию (по плотной желтовато-коричневой бумаге), подушечкой указательного пальца растираешь штрих, и вот он, миндальный вяжущий вкус, испещренная прожилками персиковая косточка.

Пока пишу эти строки, идет двадцатая по счету экскурсия – на английском. А вот и французы подросли. Интересно, водят ли экскурсии ночью?

ПЕРУДЖА

Куда бы ты ни направлялся, у тебя два варианта – либо подъем, либо спуск. Идти по прямой (и добраться до цели) не удастся практически никому. Иначе попадешь на крышу соседнего дома (либо в собор, либо в подвал). Некоторые вообще устроились с комфортом – сидя на балконе или даже в собственной постели, можно послушать воскресную мессу и даже покаяться в грехах. И заодно пригласить падре на чашечку горячего шоколада.

Куда бы ты ни направлялся, ты видишь либо ползущих снизу, либо летящих сверху. Вот этот красный капюшон я видела ровно пять минут назад, а сейчас вижу его в следующем пролете.

На пятом витке люди узнают друг друга, на шестом – обмениваются новостями, на седьмом – обнимают как родных. Только что ты был на пике, и вдруг – кувырок, ты вновь карабкаешься, как черепаха. Мимо тебя проплывают, точно на лесенке эскалатора, прекрасные умбры, и, в общем, на третий день ты уже тоже немножко умбр, у тебя такое же обветренное лицо, прямая спина и довольно интимные отношения со временем, пространством и Богом. Потому что нет никакого прошлого, господ. Вот Перуджино, а вот Рафаэль, вот пятый век, а вот – двенадцатый. И где бы ты ни находился, и чем бы

ни был занят, Он так или иначе благословляет тебя. То сверху, то снизу, то сбоку. А то вообще из-за угла, на пятом или шестом пролете.

* * *

Город начинаешь чувствовать примерно на третий день, накануне отъезда. Ощупывая его ладонями, подошвами, познавая зрением, обонянием...

У города, как и у человека, бывает разное настроение (и лицо). Подул ветер – и кис. Вышло солнце, – обострились тени, обрисовались контуры, все засияло, засверкало, обрело смысл.

Влюбленность на пороге расставания, – тогда и вкус острее, и небо выше, и вино слаще.

Сегодня мы видели падре. Если бы у меня был падре с таким (исполненным благодушия, мудрости, спокойствия, понимания) лицом, я бы держала его за добрую пожилую руку и слушала бы напутствия и добрые советы. И знала бы: что бы ни случилось, мне всегда есть к кому прийти.

* * *

А знаете ли вы, как устроены замки внутри?

Вот наш, например, расположенный в самом центре Перуджи, – такой же многоуровневый, как и весь остальной город, – с толстыми каменными стенами и лесенками, ведущими на кухню, в патио и на крышу.

Наш замок пропах доброй пряничной (в толстых носках из овечьей шерсти и ватнике, здесь иначе нельзя) старушкой, колдующей над кофейником. Пахнет от нее лакрицей, анисовыми каплями, пастилками шоколадом *vasi*. Отодвигаю занавеску, и вижу всё то же, что наблюдала и она.

* * *

Свет в Перудже нарезают острыми ломтями, спускают (по натянутым тросам и проводам) в холодные каменные мешки. Божественный конструктор, следующий прихотливому рельефу, играет плоскостями, проекциями, выдвигает каменные ступени, резко уводит вниз, в стороны, раздвигает стены, прокладывает тропы. Здесь легко пропасть, пропасть насовсем, затерявшись в анфиладах, арках, сводах, уровнях, проемах, спусках, подъемах – нанизанные друг на друга дома и улочки играют с пришельцем, насмехаясь над его неопытностью. Куда бы ты не стремился, все равно попадешь на другой уровень – следующий либо предыдущий, – тут уж зависит от прихотей судьбы.

Время пробивается сквозь стены, проваливается в колодцы дворов, – возможно, где-то здесь кроется разгадка (стекающих вытекающих минут). Выходишь на полчаса, а возвращаешься к ночи, либо же обнаруживаешь себя в следующей жизни (которая и есть новый уровень). Конечно, со временем, которое проваливается в шахты, приходит некоторый опыт и понимание, но... поздно, слишком поздно. Ноги гудят, силы на исходе. Уже оттуда, с самого верха, видишь самого себя, стоящего у подножия. Можно, конечно, крикнуть, позвать, но он всё равно не услышит, – ему до тебя идти и идти.

АССИЗИ

Ближе к закату все фрески, все своды, все купола и анфилады, все стертые ступени, булыжники, черепичные крыши, все мученики и святые, вериги и аскезы, молитвы и воздаяния, исповеди и покаяния сливаются в одно беспредельное и непознаваемое Нечто.

Ты смотришь на красную подушечку для коленопреклонения во время исповеди и понимаешь, что вот еще один закат, и еще один расцвет, а ты так никуда не пришел, и мало что постиг, и некоторое количество умбрийского красного, такого бархатного и насыщенного – как цвета, так и вкуса, – еще на шаг приближают тебя к постижению простых, как хлеб и вода, истин.

Остановись, мгновение. Пусть вечность обтекает тебя, суетного и смертного, хотя бы так, – приближая и отпуская, обещая и маня, – холмами, огнями, колокольчиками, душистыми травами, деревьями с воздетыми узловатыми ветвями, светящимися кронами оливковых рощ, щебетом птиц.

Пусть так. Хоть иногда. Познать утекающий сквозь пальцы миг, раствориться в полноте сбывшегося.

А воздух здесь нарезают кубиками, настаивают на брусочках и веточках вишневого дерева, подают в охлажденном прозрачном бокале. И пьют. Медленно, не спеша...

Запивая воздух вином, вино – воздухом, воздух – любовью. Слава Создателю, ее здесь в избытке. Ведь не случайно Он одарил эти места красотой, от которой останавливается сердце.

РИМ

Знаете, что самое удивительное в Риме? Где бы вы ни находились – в соборе, в галерее, в автобусе, на подножке трамвая, в душе, в постели, на рынке или в супермаркете, – вы все равно здесь, в Риме.

Вы чистите апельсин, заказываете пиццу, мечтаете о тирамису – и всё это в режиме онлайн, – потому что всё – за углом, буквально в минуте ходьбы, – вон апельсиновое дерево, а вон маскарпоне, а вот

хрустящая корочка, вот ее запах, вот вкус, вот моцарелла и пармезан, вот Альфа и Омега; вот место, где казнили Цезаря; вот дворик, где жил Пикассо (а он и правда там жил), а там снимали «Римские каникулы».

Вас разрывает двойственность происходящего. Уставший до смерти человек сбрасывает ботинки, валится в постель, но тут же вскакивает как ужаленный. Господи, святые угодники и покровители, как можно лежать, когда за углом Колизей.

Жернова вращаются, булыжники блестят, истертые миллионами подошв, – солнце призывно светит, подмигивает: ты в Риме, дружок, не продешеви, не разменяй вечность на булавки, не проспи момент истины.

Но человек спит. Так уж он устроен, этот человек. В волнении он жрет таблетки – от сердцебиения, стресса, волнения – глотает горстями, задергивает шторы, запикивает беруши, наклеивает пластыри, потому что булыжник, гад, блестит, чайки кричат, надрывая сердце обилием невозможностей.

Оказывается, он ждал этого всю жизнь. Чаек, бокала кьянти, глотка кофе. И вот он здесь. На расстоянии ладони. За углом, буквально.

Он вскакивает с дивана, спотыкается в душе, оставляет включенными газ, воду, свет, сбегает по лестнице, забывая ключ в замочной скважине, – тут уже, знаете ли, не до тривиальных мелочей, если речь идет о Вечности.

Да Господи (шепчет искустель), дался тебе тот Колизей! Приедешь домой, откроешь интернет, скачаешь всё, что хочешь. И Петра, и Павла, и Колизей с Форумом впридачу. И ни тебе стертых ног, ни смертельной усталости.

Понимаете, – плачет он, кутаясь в штору, – там жил Феллини, а здесь Маньяни, а через дорогу – Мастрояни. А там казнили в буквальном смысле Цезаря.

А там – апельсин, маскарпоне, пармержано... Глоток кьянти, капля амаретто.

И тут он падает, как подкошенный, обратно в кровать, потому что, даже не сходя с места, он всё равно уже здесь. Гораздо больше, чем где бы то ни было.

Ара Мусаян

Год 2019

Памяти Николая Бокова

В мире культурного изобилия каждый должен
постоянно выбирать то, что он пропустит:
передачу, выставку, спектакль.

Франсуа Деблю (пер. Н. Бокова)

Закончил (наконец-то!) начатую сто лет назад французскую книгу – спросонья нашлось начало и, заодно, заглавие:

«ИЮНЬСКОЕ НЕБО НАД НИВОЙ»,

т. е. то самое, о чем в книге – ни слова.

Книга – не учебник, не трактат, и эти полторы сотни страниц – лишь безмолвный гимн однажды встретившемуся в жизни – «июньскому небу»...

Опаскудели все эти «значащие» – обобщающие, образные заглавия с двоякими и троякими смыслами, как тот же «Процесс», из-за которого пришлось выдумывать всю эту судебную волокиту, лишь бы отвлечь внимание окружения (семьи, отца?) от постыдной, как малакия, – патологической тяги к творчеству...

И у Клода Симона – «Битва при Фарсале», где критики подметили замаскированную «битву за фразу»...

Читать наконец – впервые за столько лет жизни во Франции, – Барбе д'Оревильи!..

Собранность фразы в этом, случайно попавшем в руки «Кавалере де Туше» (невольно вспоминается Детуш Луи-Фердинанд и ставший легендарным его собственный *стиль*): собранность, сжатость, при максимальной отдаче в едва сотне с половиной страниц, позволившая высказать всё то, что задавшийся жизненной целью *писать* мог бы разумно надеяться выразить в книге, – у иных в десятки раз толще этого скромного опуса. Впечатление, что не автор писал, а тема им завладела и «написалась» сама, а автор – лишь под диктовку писавший секретарь.

Удивительно ли, что при такой – я б сказал – «бескомпромис-

снoй» оригинальности имя этого – к тому же, политического реакционера – было активно предано забвению, и по сей день для неосведомленного француза Барбе д'Оревильи – курьез, отдающий антикварностью, наряду с полузабытыми же – Пеладаном, Лоти, Бернаносом?..

В глагольной форме «догадаться» равнозначно – «разгадать», а вот в субстантивной «догадке» – еще далеко до «разгадки», откуда и выражение «теряться в догадках», – в чем и состоит нелегкое дело историков, критиков, переводчиков (куда можно добавить и все другие категории «вторых рук» деятелей – ученых, философов, богословов...)

Но – иная ли картина с самими «первых рук» авторами – политиками, художниками, писателями, включая «Бога» или, как предпочитают иные – мать-Природу.

Автор отличается от того, кто будет его переводить, комментировать, жизнеописать лишь, думаю, бессознательностью своего *проявления*, стихийностью, которая как раз избегает ему «теряться» в предпосылках, сосредотачивая всё его внимание на наиболее адекватном выражении на бумаге кристаллизировавшейся в уме фигуры стиля.

Профессор по радио: «Не совсем ясно, землемер ли в действительности герой 'Замка', и если да, что за такой 'землемер'?»...

А я говорю: как «Процесс» – *творческий*, так и «Замок» – *результат*.

Землемер: Кафка, мысленно возвращающийся к верстаку, вспоминающий «минуты» – подробности процесса, отмеривая шаги взад/вперед, из угла в угол – точно привидение в заколдованной цитадели.

«Оригинальность»: от самобытности до чудачества, – но если ограничиться одной этимологией, то понятие *прямо*, чтоб не сказать «однозначно», отсылает к «происхождению», первопричине: что-то у художника указывает на его близость к *источнику* (бытия и, стало быть, – поэзии). – *Читая Чжуан-цзы*.

Созвучие «любить» и «убить», иной раз далеко заходящее.

Исконно звукоподражательны все радикалы слов, не только собственно *ономатопеи*:

«крест» и – *хруст* (костей, например, при четвертовании, распятия...).

Тоже своего рода *искусство* – подорожные полевые травы: растут себе – без границ и цели. Но – проверил – для Канта, автора формулы «целесообразность без цели», – *природная* и есть самая *красота*, отвечающая выведенному им в «Критике суждения» понятию прекрасного, с которым, после сегодняшней прогулки на лоне природы, готов, против Гегеля, согласиться.

Роль (долг, задача) любой государственной формации – обеспечить население *миром*, внутренним и внешним: из территории с непосредственными или более дальними, потенциально враждебными соседями сделать самодовлеющий и обособленный *мир-вселенную*, за счет методического замалчивания, минорирования всего того, что не есть *мы* – как, к примеру, российские глубинки живут частушками, гуляньями, водкой и равнодушны к чему-либо иному, или «глубинные» же американцы довольствуются фаст-фудами, кока-колой, ковбойскими, гангстерскими и другими сюжетами...

Как Леонтьев предпочитал «Вронских» – автору романа; так и сегодняшние джихадисты, более последовательно, намертво запрещают музыку, поэзию, спорт, разрушают памятники старины – всё то, что способствует смирению (а ведь главная заповедь Корана!..) с жизнью *как она есть*... Слушая Варду Аль-Джезаиря: кто захочет менять блаженство, даруемое «здесь и сейчас» дивой, – на заведомо обреченную «борьбу»!..

В июньском номере франкфуртских (на Майне) «Мостов» публику (среди прочего) такую «догадку»:

«Музыка, то есть ритм самой жизни – меняющийся первым и меняющий *всё* после себя.

Рок-н-ролл – с чего и начался распад Союза Советских...»

С давних пор подозревал *роковую роль* этой заразительной музыки в будущем Союзе, сам испытав на себе растлевающе-освежительный эффект урагана в конце 50-х – начале 60-х на вечеринках в Ереване.

А сегодня, после просмотра фильма-биографии Чака Берри (по поводу годовщины смерти рокера) – «заслуги» этого чертовского пляса лишь удвоились в моих глазах:

не только расшатал $\frac{1}{6}$ и поверг на колени, а – ускорив в собственной стране нормализацию статуса негров, положил начало, сто лет после Гражданской войны, процессу окончательного сплочения нации.

Комментатор: в 1955 еще не было ни Лютера Кинга, ни

Малькольма Икса, и никакая, будь то самая прогрессистская, политическая речь не имела и тысячной доли того влияния, который проявил этот неудержимый ритм.

В глазах (ушах) азиатов (слушая глубокой ночью Моцарта по радио) – эффект от западной музыки должен восприниматься, как от музыкальной шкатулки: красивость, хруст, конфетка...

Пока не попадут на «последние» бетховенские квартеты, «Лебединую песню» Шуберта, «Тристана и Изольду», Брукнера, не забывая «Картинок с выставки» великого россиянина, и где они узнают самих себя, а в европейцах – таких же, как сами, – *людей*.

Странно и неожиданно – слышать ноты «Арриведерчи Рома» в Брукнера *Восьмой* (1-ая часть); спасает – вариация.

Благо в этом году – столетие (кончины) композитора – открываю себе неизведанные Дебюсси вещи, из которых, сегодня хочу особенно отметить «Вальс» – пример для всех, чтоб не слишком и не впадал взыскательными были к своим ранним произведениям, шарм которых не возместят никакие более зрелые и изощренные вещи.

На всех европейских языках, сочетание «ст» указывает на постоянность, стойкость, истинность... Но это же сочетание присутствует в «источнике» (что еще недалеко от истины), но и в *истекании*, как бы указывая на «срок истечения», – всяких тут и там обнаруживающихся, изобретаемых, порой выдумываемых – «истин».

Греческая «алетейя» как производная от Леты – реки забвения: *истина*, или то, что *запоминается*, и что никакие воды не способны повергнуть в небытие.

Нахожу нечто похожее у Нерваля (в предисловии к собственному, первому французскому переводу «Фауста»): «Было бы весьма обнадеживающе, если б ничто не пропадало из того, что когда-то потрясло наше сознание».

Сначала теряется память: «Кто это?» – «А-а, сынок!», – потом претерпевается переход от животного к вегетативному, после чего – окончательный поворот в лоно природы.

Те, кто «остаются», – продолжают жить, ходить на концерты, в театры, музеи...

Умопомрачительный интерьер байройтского оперного театра;

впечатление, что вы находитесь в «материнской утробе» – о, сумасбродный Вагнер! – в сравнении с которым «нормальные» театры, что интерьеры родильных домов...

На похоронах (царство *ей* небесное!...) «парень» – года на четыре моложе меня – спрашивает «на воздух»:

– А что, вообще, душа – когда она тогось... Слышал, после смерти в теле не хватает 24 граммов.

– А ты когда-нибудь, – спрашиваю (а мужику все-таки 68!), – пытался поднять мертвеца? (Накануне читал Боссюэ «Проповедь о смерти»: «Странная убогость человеческого сознания, что нет для него смерти, хоть она и показывается ему, куда ни глянь, в тысячах самых разных обличей».)

Женщина рассказывает, как ей приходилось раздевать и наряжать труп подруги (семья была в полной прострации...) и как это ей было непосильно.

– А как объяснить это *физически*? Откуда вдруг прибавляется вес? – спрашивает примкнувший «интеллигент»...

То-то, дорогие, что жизнь – это вам не «физика», а *anima* – дух, воздушность, полет, словом – *левитация*.

Впечатление, на сей раз подтвердившееся (но только уже после «отхода от кассы»): симпатичный торговец, определенно с арифметикой не в ладах, записывает от руки цифры на клочке бумаги, но явно не умеет слагать...

Как бы, в следующий раз, деликатно намекнуть пятидесятилетнему симпатяге, так щепетильно отбирающему вам фрукты и овощи по нужной степени спелости, что вот, мол, – второй раз просчитываетесь, брат, и не в свою пользу?

Врачами становятся те, кто не терпит не то что противоречий, но – «лишних слов» (нет времени); потому и многие кончают – еще какими! – *писателями*.

Выработать у себя взгляд на всё: на вид в окне, чайник, цветок в горшке – как у новорожденного или домашнего животного.

«Иностранец» на французском и английском, однозначно, отсылает – не к «стране», как на русском, – а к *странности*; но где-то на уровне латыни ли, санскрита – оба значения сливаются в *остранении* – всего того, что лежит в *стороне*, по ту *сторону* от нашей – земли, площади, дыры...

Потому и нет в литературе, собственно, «иностранцев», чужих, – кроме тех, кто чужд самому духу литературы, искусства, творчества, где – чем страннее, тем родней...

Слушая поздней ночью (под утро, по радио) курс французского историка – время от времени размыкая веки в потемках, мерещилась на стене *картина*, вертикально сориентированная, с зеленовато-опаловым водянистым фоном, из трех, едва обозначенных, неравных частей – некий вертикальный триптих – с пробегающими полотно сверху вниз, как вдоль тела Христа на Туринской плащанице, – прямыми, размеченными тут и там узловыми утолщениями. Картина сразу безумно, как античному Пигмалиону, «понравилась»; подумалось – «почему бы и нет» – нет возраста для учений: покупаешь холст в магазине, краски, кисточки...

Тут-то и осознаешь, вообразив всю эту «материальную» канитель, что ничего по незнанию элементарной техники мазания у тебя не получится, кроме грубого наслоения слоев пасты, и решаешь писать, но уже не картину из красок – а черным по белому – текст.

Часто замечал, слушая радио глубокой ночью, что, переключаясь с моих двух «классических» станций, – на джаз, душа под дождем этой негроидной музыки вмиг «облагораживается» – предпочитая проявившейся, наконец, христианской юдоли слез африканское неистовство... Языческое тарарам джаза!

Религия прощения – христианская?

– Единственный эпизод Евангелия, где могла проявиться эта «линия», – предательство Иуды, так и не был написан (прощение тем, кто «не знает, что творят», тут не в счет).

Не значит ли «пробел», что Иуда был не просто предатель, а посланник убийц и – убийца, что и снимало вопрос о прощении?

Аж слегка потерялся, когда по телефону: «Вам поменяли этаж»... Оказалось, упразднили французский *rez-de-chaussée*, заменив международным «первым этажом», так что всё сместилось как бы на этаж «выше».

И все эти дни, поднимаясь в лифте, – впечатление, будто подъем и вправду *длится* этажом дольше.

Французский Феллини поистине – Седрик Клапиш... Вчерашний его «Париж»!..

Но там, где у Феллини – десятка два-три планов-секвенций,

здесь – без малого сто. Картина длится 130 минут и – не зря: каждый эпизод, что мои собственные «секвенции», – законченные вещицы. У меня – письмо, у него – кино.

Один титр чего стоит!.. Хотя мне замечают, что на французском не исключена игра слов с «пари»... Лично я ничего подобного не вижу: никто не играет – ни в деньги, ни «с огнем», а всё течет своим чередом: рак у одного, одиссея африканского мигранта, запоздалая страсть профессора, будни булочницы, поденка рыночников, жизнь и любовь молодой бретонки, разбивающейся на мотоцикле, словом, – жизнь в кончающемся Париже сего начала двадцать первого века.

Были «Отцы и дети» – когда-то в России; теперь, во Франции, – остались одни сироты.

Смотреть на окружение – круговорот вокруг, не иначе, как на фигуры, порождаемые в мозгу под действием наркотиков, алкоголя; галлюцинации – со временем, бесследно и безболезненно исчезающие.

«Ад» – это когда сознанием сопровождается каждый наш шаг, малейший жест, намеренье...

Всё существует открыто, во «всеуслышание»: автобус, мотоцикл, отбойный молоток... лишь человек прячется вершить свое совестное дело.

Жить отныне одним самым главным – настолько жизненным, что излишни чернила, бумага: не остается места в уме ни для чего другого.

Работать, чем-то занимать себя, делать что-то (по хозяйству), – в каком-то смысле, отправлять жизни *культ*.

«Культура» – опосредствование, *остранение*: буфер, экран между полюсами «я» и «не-я».

«Я» – культура, а «ты», в каком-то смысле, уже – «натура».

Бьет значит *терпит*; терпит – значит *любит*.

Гегель ставил Россини выше Бетховена... Так и сегодня – мыльные оперы «заменяют» кино, театр, литературу...

Соотношение между отсутствием чувства трагичности (метафизическое)

зичности, тленности, смертности) – у африканцев, и отсутствием на континенте полосы умеренного *климата* – с листопадами, сезонами замирания/замерзания/отмирания природы...

Подачка – как уменьшительно-уничжижительное подачи?

Не помню, чтоб где-то встречалось утверждение – даже не в опусе, специально посвященном вопросу у Фрейда, – что прежде чем быть бессознательным выражением полового или еще какого недуга, *игра слов*, собственно, – это бунт против диктатуры *слова*, удар по престижу этой чопорной дамы, с ее полной непогрешимости «логикой», которая уже сама, бедняжка, не ожидая нашего пробуждения, вынуждена выставять напоказ свои странности, оксимороны и тысячи самых противоречивых и расходящихся значений, как в только что пришедшем на ум «госте» – от лат. *hostis* – друг и неприятель вместе.

Откуда такой сумасшедший успех «Четырех времен года» Вивальди... В них близкая сердцу и уму детей *связь* музыки с внешними явлениями природы. Чудо, курьез, по тогдашним стандартам академической музыки, но которые не стеснялись воспроизвести великие – Бетховен в «Шестой» и др.

Сегодня музыка перешла целиком из сферы внутренних переживаний – в мир пожарных и полицейских сирен, грохота вертолетов и взрыва атомных бомб, – и остается одна для души литература.

Любовь – то чем мы окутываем любимый предмет, существо, место.

Вожделение: *жажда* (по чужой жене, мошне, земле...).

Как ни крути (в «Каплях» я утверждал противное), а поэзия всё-таки сильней...

Читаю «Комедию смерти» Теофиля Готье (1838). Романтизм, но уже на горизонте – силуэт Бодлера...

Не удивлюсь, если автор «Песен и плясок смерти» – Голенищев-Кутузов (как и сам композитор), – знал эту сумасшедшую дантовско-байроновскую поэму. И недаром «Летние ночи» Берлиоза были написаны на стихи из этой «политически» некорректной – настолько, по наши дни, *страшной*, что, случайно узнав о ее существовании, достать книгу составило, на удивление в этой стране книжного изобилия, сложную проблему: пришлось заказывать где-то в Германии, специальную перепечатку, что заняло, с доставкой, без малого месяца...

Почему на старости лет «время бежит», – и как это соотнобразуется со всеизвестным фактом, что время минует быстрее, когда мы заняты чем-то захватывающим (игры, забавы), чем когда сидим и скучаем без дела?

Или, вопреки общепринятому представлению, жизнь пожилых столь же – если не больше! – полна и содержательна, как в самые беззаботные минуты детства?

Два родственных народа, отдаленных географически, близких образом мыслей, – а у одних, русских, – «брать начало», у других, французов – «prendre fin»!..

Так что сегодня захотелось написать: «Поэзия *берет конец* там, где *начинаются* реальные – ласки, чувственность, любовь...»

Любовь, объятия, ласки – территория, где гаснет голос поэта, меркнет глаз художника, и пальцам скульптора дозволено, наконец, дотронуться до терзающей воображение – пигмалионовой модели.

Экклезиаст с его кошунственной темой «тщеты» всего: Эпикур, вкравшийся в святыню святынь...

То, что *не* тщетно; что, если я правильно мыслю, *не* пыль и *не* прах, – это то, что еще держится, не успело рассыпаться, распасться, а только становится; то, иначе говоря, чего еще *нет*. Не настоящее, не прошлое, а то *будущее* состояние мира, которое может... Вот, скажем, в наступающем Новом году, принести нам что-то такое, что способно моментально развеять всякую мысль о «тщете».

В будущем году в Иерусалиме...

Есть стержень иглы, есть ушко и *острие*: человек – острие творения, на фоне бесконечно повторяющегося промежуточного «материала-наполнителя» вселенной, со всеми ее атомами, галактиками – «мирами» и «черными дырами»...

Почему и не стоит терять времени на все эти сумасбродные гипотезы, догадки о существовании марсиан и прочих обезьяноподобных тварей:

конец состоялся; конец, или *цель*, – достигнута в человеке, и ничего другого не ожидается, кроме его вечного повторения и – бесконечного же, как вечный жид, – продления.

У немцев музыкой движет сама – Музыка, у соседей она результат самоотверженных усилий художника.

Слушаю первый из трех компакт-дисков оратории Листа

«Christus» (попутно отмечая себе триаду «ist») – содержащий ⁵/₁₄ частей (в лежачем положении, что удваивает восприимчивость, особенно когда слушаем что-то для нас новое, публично целиком почти не исполняемая (2 ч. 42 м.), по радио доселе никогда не слышанное, случайно сколько-то лет назад попавшееся на глаза в магазине культ-товаров), и:

первое, что «узнается» в 14-минутном вступлении, это – отголоски «Детства Христа» Берлиоза, с его характерным распределением ролей между деревянными духовыми инструментами, с центральным местом гобоя, изображающего Христа; но в 70-х XIX Листу уже, возможно, приходилось слышать Чайковского, и в «Марше» 5-й части это очевидно.

Конец девятнадцатого не улыбался успеху такого неактуального сюжета и формы – хорового произведения, и в 1874 Лист пишет Каролине Витгенштейн: «Теперь у меня одна надежда – заслать мое копье в бессменность будущего», что дает представление о значении, которое композитор придавал своему детищу.

О разнице языков – теоретического и поэтического.

Первое, что приходит на ум – не знаю, насколько уместно – это параллель с кухней, которую сами готовим на базе натуральных продуктов или покупаем в магазине в целлофановых упаковках. Но – пища остается пищей, калории – калориями, даже если одна «качественней» и здоровей другой. Что же касается разницы между поэзией и философией, то она не в более-менее «качественном» составе изложения, а в самом *качестве*: поэзия – *песнь*, философия – *курс*. Разница такая же, как между игрой и – морокой.

Так что в итоге, если сравнить поэзию с тем, что «питает» душу, то философию можно видеть как некоего рода жвачку, которую не глотают; пасту, которой, с помощью «зубной щетки» логики, очищается наше духовное пространство от сора, накапливающегося изо дня в день от погруженности с головой в «прозу жизни».

Смерть, словно дьявол, подстерегающий нас на каждом шагу, устраивающий нам ловушки, одна другой обольстительней:

«не хошь в эту, не хошь *сейчас*, – ладно, подумай, не спеши; главное, не пожалеть, когда поздно будет»...

Предстоящее райское расставание с жизнью – в начале последней части последнего (четвертого по Кехелю, но Кехель ошибался) моцартовского струнного квартета...

Чтоб узнать, как тяжело будет расставаться с жизнью, нет наглядней, выразительней скрипичного квинтета Шуберта, предпочтительно в исполнении Казальса, тоже незадолго до смерти записавшего в Прадах.

И вспоминаю недавно виденное по телевизору интервью циркача-поэта Александра Романэс, прочитавшего перед объективом камеры – в тоненьком сборничке «Белой серии» изд. Галлимар – «стихотворение», посвященное отцу, из этих нескольких – без рифмы, но со смыслом – слов: «За всю жизнь не видел, чтоб отец когда-либо заплакал, а в последние минуты перед концом застал его таки разрыдавшимся».

Поэзия вырастает не из слов, а из «материи» – иные предпочли бы «мистерии»: из того, что непосредственно предшествует первому слову стихотворения, иными словами, как ни крути, – из *вдохновения*. То, чем мы *дышим*, – это неживой воздух, и поэзия «дышит» чем-то таким же вне духовно-словесным – *материальным*.

В связи с трудностью – невозможностью воспроизвести или хотя бы в памяти восстановить тот начальный момент, когда что-то в нас и через нас переходит из небытия бессловесности в то, что должно стать *словом*, и который (момент) мы вовремя не спохватились записать и дали улетучиться назад в небытие: вспоминая вчера на прогулке что-то вроде такого «потустороннего» импульса к написанию: очное доказательство состоятельности (не идеологичности) идеи *прогресса* в этих бесшумных, как бы скользящих по «бархатным» рельсам, сопровождающих прогуливающих вдоль железной дороги горожан, – не грохотом, покрывающим голоса, а чуть ли не «музыкой», я б даже добавил – «ангельской»...

Дело жизни «простых смертных» – всех тех, в ком мы в упор себя не узнаем, – это обеспечивать вождам, поначалу, а в перспективе и всем, – человеческие условия жизни: дворцы – царские, потом «пионерские»; прокладывать дороги, разбивать сады, парки, развивать всевозможные сети сообщения – всё наиболее насущное и долговечное,

в отличие от «изящных» искусств, строящихся на «песке» преимущественно сподручных (недорогих) и хрупких материалов: бумага, холст, бронза (которую можно в любой момент сплавить на колокол или пушку)...

Авраам, Парменид и – их Единый (Бог, у одного, Принцип – у другого), постигнутый в особом акте *откровения*, о котором

Парменид лишь доложил окружению и замолк, оставив его любознательности и проницательности грядущих поколений, тогда как Авраам, в чем и вся его «методологическая» ошибка, возомнил «завещать» потомству, точно некое имущественное наследство, стадо овец или золото – без опосредствования логическим аппаратом типа аристотелевского органа.

Откровение – дело (подвиг, судьба...) *индивидуума*; логика – метод, следуя которому, *каждый* может к ней приобщиться. Не случайно, что Фихте, остановившийся на этом *начальном* этапе и не разработавший достойной звания – *логики*, последовал – бессознательно? – по стопам еврейского патриарха, произнеся свое эпохальное, чреватое всеми беспределами XX века, – «Обращение к немецкой нации»... Логическая несостоятельность идеи *исключительности* в применении к роду.

Есть вещи, которые не могут быть высказаны, донесены до адресата *словами* – в делах любовных, государственных (войны, восстания, революции...), а лишь *делами*, и что-то подобное переживается во Франции сегодня: движение «желтых жилетов», которое ТВ обозреватель вчера сравнивал не то, что с каплей, переполнившей чашу народного терпения, а с кипящим молоком, бурно переливающимся через край кастрюли...

Как на городских видах самых ранних времен фотографии отсутствует всё подвижное – повозки, коляски, но и пешеходы; зафиксированы одни неподвижные – здания, мостовая, деревья (по той простой причине, что время выдержки на дагерротипах составляло десятки часов, и всё, что появлялось и исчезало, как бы никогда и не было...); так и слова (обещания) произносятся и – *проносятся*, входят в одно ухо, вылетают в другое... до тех пор, пока людям не надоест жаловаться, слушать(ся), голосовать и голодать, и в какой-то момент не остается ничего, как браться за вилы и дубинки и штурмовать Версаль...

Теплее ли всем этим Пушкинам, Моцартам, Бетховенам от того, что вот открыли книгу – и читаем (или слушаем – по радио, с диска...)?

Или наоборот: чем больше вспоминаем, тем жутче им – опомниться в хладе и темени ада?

Читая «Серебряного голубя», «Петербург». – Впечатление как от серийной музыки: фразы не подчиняются школьному синтаксису, как музыка Шенберга – тональности. Например:

«С той поры частенько простаивать стал у иконы службу Иван Степанов прихожанам для очевидности: смотрите, дескать» и т. д. Сравним с предельно «школьным» – для отвода глаз? – синтаксисом Платонова: «Бывший паровозный машинист Семен Душин и его помощник Дмитрий Щеглов по окончании Гражданской войны поступили в электросиловой факультет гор. Ольшанска» («Технический роман»). Кстати, стоит тут напомнить, что Белый первые свои прозы назвал «Симфониями».

И – не как у Чехова, где ружье обязательно стрелнет до конца представления, – у Белого «ружье» повисает и надолго – настолько, что читатель вскоре о нем забывает, и неизвестно, выстрелит ли оно еще до конца: «Надо вам сказать, что богомазам крепко запала мысль сорвать на харчи с крутого лавочника». Ожидается, в качестве «выстрела» – шантаж, но вот уже десять страниц, и читатель начисто забыл об этих, едва появившихся и тут же исчезнувших – богомазах. В статье «Монда» по поводу переиздания французского перевода книги критик полагает, что псевдоним, в глазах автора, мог означать «белый», но и «чистый». Добавлю от себя – «прозрачный»...

В обоих «романах» (в кавычках, ибо ни о чем, собственно, в них не повествуется, а лишь «рисуетсся»; и даже «непонятно», от чьего имени ведется рассказ), с каждой прочитанной страницей забывается предыдущая, и лишь несколько пронзительных, «незабываемых» пассажей нас *приковывают* к сказке и заставляют читать дальше: «Так-то, брат: пролетарий и есть тот, кто, значит, пролетит по всем пунктам, тоись, вылетел в трубу...»; или: «‘Вставай, подымайся, рабочий народ!’ А куда подымаца? И без него на работу всякий со светом у нас подыматся».

Возмущаются, что быка в конце корриды колют, а забывают, что «бедных духом» – а зачем щадить существо, рогам которого бесстрашно подставляет себя безоружный тореадор, а оно, не внимая подсказкам, упрямо продолжает – словно Дон Кихот, борющийся с мельницами – бодать мулету, а не поводящего ее, единственного смертельного своего врага!.. Недаром, что на французском одно слово для «животного» и «глупого», а за «глупости», оплошности всегда и всюду не только пороли, а рубили головы...

А тут по немецкому музыкальному телеканалу «Car Men» – пародия на оперу Бизе (с центральной тореадорской тематикой), дословно – «Автомобильный человек», где тореадором, вооруженным белой простыней вместо красной мулеты, для одурачивания штурмующих ее автомобилистов, выступает сама Кармен во всей своей неотразимой чувственности и обаянии: тридцатиминутная

черно-белая «лента», с присущей немому кино комической сверхскоростью и таким же, сконцентрированным до бурлеска, – озвучением самыми популярными ариями оперы – всё это на фоне декора, увиденного у Дали, построенного по наброскам Татлина, с актерами из МХАТа – вещь до абсурда резюмирующая и хоронящая с головой, давно себя изживший – *жанр*.

Узнаю из телепередачи «Мистерии Иеронима Босха», что в творческом своем подвижничестве художник усматривал некоего рода публичную *медицину* – от недугов злободневности: войны, разрушения, пожары, эпидемии...

И, параллельно, читая Селина и вспоминая, что он был врачом, причудилась между этими великанами – один художник, другой писатель – некоего рода судьбоносная общность их сократовских даймонов, выросших на почве этой первично «медико-благотворительной» ориентации их подвижничества.

Том Вулф, вчера скончавшийся в Нью-Йорке.

Уникальнейший открыватель неизведанных земель в литературе.

В отличие от Клода Моне, создавшего свой парк в Живерни без задней мысли с него сорок лет спустя писать «Нимфеи», которые с каждым годом лишь бессознательно зрели в его внутреннем художническом глазе, Вулф (Томас Вулф-младший) *сознательно* годами погружался в среду, которую выбрал для проектируемого романа, пока не проникнется ею настолько, чтоб можно было писать о ней *внутренний монолог*.

Предвещал конец романа, как когда-то вымер «жанр» эпоса, но всё делал, чтоб литература не свернулась в летопись наших личностных проблем, плачей, болячек – создав эпохальную – наверное, в паре с Труменом Капоти – «новую журналистику».

Читать книги подряд, словно боясь что-то важное упустить из жизни, – *упуская*, однако, из виду тот факт, что со временем такое наслоение впечатлений может сгладить в памяти, увы, уникальный эффект от шедевра...

Париж, 2018–2019

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Б. П. Каретников

Два фельетона Юрия Фельзена

Совершенно очевидно, что 1930 год можно считать наиболее плодотворным в творчестве русского эмигранта Юрия Фельзена (псевдоним Николая Бернгардовича Фрейденштейна, 1894–1943), поистине его *annus mirabilis*.

Именно в 1930 году, наряду с его дебютным романом «Обман», вышли великолепный рассказ «Неравенство» и ранний фрагмент третьего романа писателя «Письма о Лермонтове». На 1930 год также приходится расцвет публицистики Фельзена: в этом году было опубликовано около десяти газетных статей, очерков и фельетонов¹ и целый ряд литературных рецензий, что значительно больше написанного в другие годы. Можно утверждать, что Фельзен совершенно осознанно стремился заявить о своем писательском таланте и занять подобающее место среди молодых литераторов русского Монпарнаса.

Жанр фельетона, к которому Фельзен обратился в этом году, был для него не нов. Так, еще в 1918 и 1919 годах в газете «Рижское слово» под псевдонимом «Фэн» вышли четыре такие работы. Новые фельетоны 1930 года также были опубликованы в рижской прессе, несмотря на переезд писателя из Латвии во Францию. Два предлагаемых ниже текста – «Молодые русские поэты в Париже» и «Образцы 'благодравия'» – были напечатаны, соответственно, в газетах «Сегодня вечером» и «Сегодня», т. е. в раритетных изданиях, которые являются практически недоступными сегодня. В связи с этим не представлялось возможным включить эти фельетоны в составленное под редакцией Леонида Ливака собрание сочинений Фельзена, ввиду чего они до настоящего времени оставались за пределами внимания исследователей.

Подобно другим фельетонам писателя, появившимся на страницах рижских изданий в 1930 году², «Молодые русские поэты в Париже» посвящен эмигрантским литературным кругам Парижа. Особая ценность этих газетных публикаций, адресованных рижским читателям, заключается в их детальном описании литературной жизни русского Монпарнаса, что не было столь характерным для выходящих в то же время во Франции отчетов. В «Молодых русских поэтах в Париже» Фельзен рассказывает о «Союзе поэтов» (вернее,

«Союзе молодых поэтов и писателей»)³, одном из основных литературных объединений творческой парижской эмиграции, еженедельные собрания которого сыграли ключевую роль в формировании группы молодых поэтов, ставших впоследствии самыми видными представителями литературного течения «парижская нота». Надо отметить, что несмотря на осознанный уход от стихотворчества еще в 1920-х годах⁴, Фельзен, лично знакомый со многими выдающимися поэтами Русского Зарубежья, продолжал интересоваться развитием современной поэзии, активно участвуя в дискуссиях и дебатах разных литературных кругов.

В фельетоне «Образцы 'благодравия'» описываются три эпизода из жизни юного Фельзена в Петербурге. Именно в этом заключается особая ценность данного сочинения – о юности писателя до сих пор известно исключительно мало. Можно с уверенностью сказать, что поводом для создания фельетона послужил ряд событий 1930 года, непосредственно связанных с петербуржцами, с которыми писатель был знаком лично или о которых он был хорошо осведомлен. Первым в фельетоне представлен «молодой человек Ф.» – по всей видимости, А. В. Фехнер. Фехнер стал «знаменит» благодаря сенсационным публикациям в эмигрантской и французской прессе о его участии в похищении генерала А. П. Кутепова в январе 1930 года. Примечательно, что статьи о Фехнере на страницах всех крупных газет появились в октябре того же года – ровно за два месяца до выхода в печать фельетона Фельзена (см. Примечания). Далее повествование ведется о поэтессе Н. Е. Каратыгиной, отец которой в 1930 году был арестован по подозрению во «вредительстве» и впоследствии расстрелян, о чем широко сообщалось как в советской, так и в русской зарубежной прессе. К сожалению, найти упомянутое в тексте письмо Каратыгиной не удалось, но вероятнее всего, именно оно послужило поводом для написания этой части фельетона.

И, наконец, третий «герой» фельетона – советский прокурор Н.В. Крыленко, получивший в 1930-е годы широкую известность как в Советском Союзе, так и за его пределами, благодаря участию в политических процессах, связанных с делами так называемых «вредителей». Именно прокурор Крыленко потребовал приговорить отца Каратыгиной вместе с другими сорока семью «вредителями» к расстрелу.

Уже к началу лета 1931 года Фельзен полностью прекратил сотрудничество с латвийской прессой, и с этого момента его произведения, как художественные, так и публицистические, издавались почти исключительно во Франции. Вероятно, это связано с тем, что после смерти отца в 1933 году писатель всё реже и реже стал бывать

в Риге. Несомненно также, что растущая репутация позволила ему публиковаться в самых престижных газетах и журналах «столицы» Русского Зарубежья. В этот же период Фельзен даже перестал писать фельетоны и очерки, полностью посвятив себя масштабному литературному проекту, своему «роману с писателем». Однако, несмотря на относительную скромность, именно эти фельетоны, с их неизменным биографизмом, позволяют нам получить важные новые детали из жизни «русского прустинца», трагическая гибель которого превратила столь многое в его существовании в загадку.

Оба текста печатаются по нормам современной орфографии и пунктуации. Публикатор благодарит за помощь в подготовке текстов Андреа Жубори и Дмитрия Суслова (Лондонский университет).

1. Хотя в современном употреблении слово «фельетон» относится исключительно к сатирическому жанру, в этой статье сохранено авторское употребление термина в устаревшем, более широком его значении.

2. См. «У Мережковских по воскресеньям», «Литературная молодежь из 'Кочевья'», «Парижские встречи русских и французских писателей», «Парижская 'Зеленая лампа'» и «О литературной молодежи» // *Фельзен Ю.* Собрание сочинений. Т. 2. – М., 2012.

3. Союз, точная дата создания которого остается неизвестной, был официально зарегистрирован весной 1925 года. Благодаря его деятельности начинающим русским литераторам предоставлялась возможность заявить о себе, подготовить первые публикации и получить критические замечания таких мэтров, как Г. В. Адамович, Г. В. Иванов и Н. А. Оцуп. В 1931 году Союз был переименован в «Объединение молодых поэтов и писателей»; последнее его заседание состоялось 25 марта 1940 года.

4. См. *Каретников Б. П.* Неизвестные произведения Юрия Фельзена // «Новый Журнал». № 295. 2019.

Юрий Фельзен

Два фельетона

МОЛОДЫЕ РУССКИЕ ПОЭТЫ В ПАРИЖЕ¹

Рядом с площадью Сен-Мишель, в маленькой узенькой улице, имеется кафе Ля-Боле², где когда-то много перебивало всяких литературных знаменитостей. Это кафе – странное и мрачное: у входа шаткие ступени, дальше по-деревенски неровный каменный пол, грязно-белые стены, у стойки всегда подозрительные люди, нередко наглые и громкие. Если пройти мимо стойки, попадаешь в отдельную комнату, дверь которой, впрочем, не закрывается. Комната не очень большая, грязная и мрачная, как всё остальное в этом кафе; вдоль стен длинные столы и неудобные деревянные скамейки. На одной стене кем-то вырезаны имена бывавших здесь знаменитостей. Среди них – Оскар Уайльд и Поль Верлен.

Не знаю, какие русские имена когда-нибудь прославят эту комнату. В ней уже много лет подряд – раза два или три в месяц – собирается русский Союз поэтов. Здесь одних поощряют, других безжалостно осуждают; здесь возникли и стали крепнуть поэтические репутации, превратившиеся теперь в известность.

Забавное и отрадное впечатление – после шумного парижского дня, после бесчисленных поездок и пересадок в метро, миновав стойку неуютного, чуждого кафе, вдруг попасть сюда, в эту полутемную комнату, где взволнованно читаются русские стихи.

В газетах предупредительно сообщают: «вход свободный» – но уже прочно установилось, кто именно любит эти собрания, и новые гости попадают довольно редко. Одни и те же лица примелькались за столько лет, многие постоянные посетители давно между собою перезнакомились, шутки и намеки каждому сразу понятны. Это очень существенно и собрания несомненно оживляет. Их цель и назначение: все присутствующие, кроме нескольких не-поэтов и отказывающихся скромников, по очереди читают стихи. Затем стихи обсуждаются. Иногда больше говорят о самом поэте, их читавшем, нежели о стихах, и лестные слова сменяются чрезвычайно язвительными и едкими.

Здесь не щадят ни своих, ни чужих. Вот образцы замечаний:

– Стихи неплохие, но сразу виден недостаток общей культуры.

- Неужели вам не надоело столько лет писать под Ахматову?
- Это всё по-русски безграмотно³.

В первую минуту кажется непонятным, как одной фразой высмеивается, уничтожается может быть долгая и тяжелая работа. Вся обстановка должна была бы призывать к снисходительности. Поэты и поэтессы в большинстве едва ли не бедствуют, более чем скромно одеты, многие заняты изнурительным трудом. Но, вероятно, они правы, будучи друг к другу безжалостны. В искусстве нет «смягчающих обстоятельств».

Надо сказать, эта взаимная строгая критика оказалась чрезвычайно полезной. «Свои», те десять или двенадцать человек, которые бывают постоянно, научились писать безукоризненно грамотно. Пускай не все они интересны и своеобразны – всё же есть, установился какой-то минимум техники, без чего поэта всерьез не принимают.

Но выступления основаны на принципе демократическом. Стихи читают все подряд, кроме отказывающихся. И вот тут случаются большие конфузы. Иногда вдруг выступит какая-нибудь немолодая и некрасивая девица и, рифмуя «розы и грезы», выскажет свои трогательные наивные надежды. «Жгучий поцелуй», «безумная страсть», «коварная измена», утешающий «душистый платок» – всё это, старое и хорошо знакомое, преподносится ошеломленным слушателем. Затем председателем задается традиционный вопрос:

- Кто хочет высказаться?

Поэтесса с волнением оглядывает слушателей. Ведь она-то пережила или могла бы пережить «безумную страсть» и «коварную измену» и с уверенностью ожидает сочувствия и понимания. Но публика безмолвствует, и лишь кто-то в углу ехидно предлагает:

- По одному стихотворению судить нельзя. Просим прочитать еще стихи.

Пытка возобновляется. По окончании ее слышится тот же ехидный голос:

- Мы приветствуем искренность и непосредственность, как бы она ни проявлялась.

Председатель сердито обрывает прения. Поэтесса недоумевает, но в общем довольна успехом и не видит улыбок и смешков. Не всегда наивные посторонние выступления кончаются так удачно. Иного автора так беспощадно и так убедительно раскритикуют, что он только старается не показать растерянности и только ждет, когда перейдут к следующему.

На собраниях в Ля-Боле часто бывают Адамович, Георгий Иванов и Оцуп. Их полушутя, но с оттенком искренней почтительно-

сти, называют «мэтрами» и нередко особенно настойчиво просят выступить. Вообще, парижская литературная молодежь очень нереволюционная, даже литературно нереволюционная, и считается с именем и положением писателя.

Стихи произносятся почти всеми как-то одинаково – медленно растягиваются слова, подчеркиваются рифмы, размер, вся звуковая сторона, многие слегка напевают. Вот выступает Ладинский⁴, высокий, серьезный, сосредоточенный. Он – бывший студент и офицер, еще молод, но, как и у иных его сверстников, у него ранняя, понятная седина. Ладинский начал печататься в Париже и за короткое время приобрел известность⁵. Стихи его изящные и внешне легкие – [о] кораблях, об адмиралах, о запредельных странах, о поэтах, ищущих новых путей и в чем-то подобных морякам. Стихи Ладинского запоминаются, нравятся, по мнению некоторых критиков, ему предстоит «пойти далеко».

Другая «надежда русской поэзии» – Борис Поплавский. Это – одно из самых любопытных явлений, один из центров русско-парижской литературной богемы. Совсем молодой, мальчиком попавший сюда из России, однако не офранцузенный, и только, если можно так выразиться, «акклиматизировавшийся» во Франции. Таких, как он, много. Они знают одинаково русскую и французскую литературу, русскую и французскую живопись. Одно дополняет другое, не сливаясь и не спутываясь. Такие люди остаются русскими и только учатся у французов, а у французов есть чему научиться.

Борис Поплавский, «Боб», как любовно называют его друзья, – бледный, сутулый, в нелепых черных очках, с детским выражением рта и с голосом всегда вибрирующим и таким носовым, точно у него хронический насморк. Его любимое слово – «трогательно», – и это «тро» звучит так жалобно и убедительно, что поневоле ему веришь. Стихотворения его, как выразился Георгий Иванов, – сплошное «ах» – и он читает свои стихи, как будто упивается каждым звуком:

О Морела, пойми, как ужасны орлиные жизни.⁶

Его доклады и выступления на собраниях парадоксальны по форме и по мысли, вначале вызывают смешки, затем одобрение и сочувствие. Самые заглавия их удивляют. Вот название одного доклада: «О согласии погибающего с духом музыки». Поплавскому в высокой степени свойственно чувство юмора. Если публика смеется, он тоже улыбается, как будто сам себя насмешил. Однажды взрыв смеха вызвало уверенное его заявление – на вечере «Зеленой лампы» о любви – будто лишь женщины с физическими недостатками могут

быть роковыми женщинами. Он будто бы встречал двух таких «роковых женщин» – одну косую, другую с базедовой болезнью. Посвященные знали, что обе присутствуют в зале, и это прибавляло пикантности его заявлению, высказанному к тому же в невозмутимом тоне.

Кроме Ладинского и Поплавского, о которых много говорят, добились относительной известности и проникновения в газеты и «толстые» журналы два появившихся в Париже поэта – Довид Кнут⁷ и Терапиано⁸.

Довид Кнут, как про него правильно кто-то сказал, – «поэт русско-еврейский». Он родом из Бессарабии, и только благодаря своему упорству научился безукоризненно правильно писать и говорить по-русски. В своих стихах он изображает родные места, «манекацовских евреев»⁹ и тот особенный русско-еврейский воздух.

Блажен, кто им когда-нибудь дышал.¹⁰

Но больше всего он поэт библейский, поэт еврейской традиции, о чем свидетельствует несколько странное название первого его сборника: «Моих тысячелетий».

Терапиано, рано поседевший, подобно Ладинскому и стольким другим русским их сверстникам, чрезвычайно напоминает Гумилева. Так говорят друзья Гумилева – будто у Терапиано такое же стремление руководить и поучать. Во всяком случае, его стихи, как и стихи Гумилева, чеканны, мужественны и обнаруживают огромную эрудицию.

Я уже говорил, не называя имени, о председателе «Союза поэтов» и даже описал, как он «сердито» кого-то обрывает. Это вовсе не характерно для Юрия Софиева¹¹. Он образец председательской мягкости, тактичности и терпимости. Правда, его иногда выводят из себя совершенно беззастенчиво. От времени до времени на литературных собраниях появляется какое-нибудь существо, которое ко всем обращается, всеми недовольно, задает нелепые вопросы; вначале смешон, затем делается несносным.

Одно время в «Союзе поэтов» бывала никому не известная, довольно плотная белокурая девица, с финским акцентом и с чем-то странным в глазах. Она ни минуты не оставалась спокойной, прерывала каждого выступавшего, и ее претензии были иногда забавными:

– Почему вы все поете? Говорите по-человечески.

Сама она выступала охотно и читала какие-то детские частушки о совнархозе и губисполкоме. О них не спорили, и обиженная «поэтесса» говорила:

– Вы их замалчиваете, потому что мои стихи советские, а не кадетские.

Не знаю, в какой степени была эта девица советской. Однажды ей понравилось стихотворение молодого поэта, сотрудника правых газет. К общей радости и его смущению, она кинулась целовать молодого «белогвардейца». В последний раз я видел ее на скучном литературном диспуте, в первом часу ночи, с маленьким ребенком на руках. Кто ей доверил ребенка и зачем она потащила его на диспут, осталось для присутствующих непонятным.

Возвращаюсь к Юрию Софиеву. Он не только отличный председатель, но и умный, благородно-сдержанный поэт. Некоторые строчки его запоминаются:

Но мне-то, мне-то как же сочетать
Два томика стихов и жизнь...¹²

Его жена – тоже поэтесса, Ирина Кнорринг¹³. Ее женственные лирические стихи часто помещаются в «Посл[едних] Нов[остях]». Эта «председательская пара» редко вмешивается в споры, а споры бывают и, надо сказать, жестокие. Странно то, что самые жестокие споры возникают из-за вопросов отвлеченных. Их поднимают обычно наиболее молодые поэты: Дряхлов¹⁴, Мамченко¹⁵, Кельберин¹⁶, Юрий Мандельштам¹⁷, которого иногда смешивают с петербургским поэтом Осипом Мандельштамом. Спорный вопрос незаметно ставит Дряхлов, человек умный и как-то не весь выразившийся в своих стихах. Когда страсти разгорятся, он спокоен и лукаво молчит.

Собрания в Ля-Боле закрываются в первом часу ночи – без четверти час последнее метро, но это спорщиков не смущает, и острая тема переносится в монпарнаские кафе, в «Ротонду» или «Куполь», где за чашкой кофе сидят до утра. Иногда всё это производит жуткое впечатление. В три-четыре часа утра французы и бесчисленные иностранцы «клюют носом», расплачиваются и уходят или стовариваются с «веселыми девицами», а русские поэты, не зная незастойности и не замечая никого кругом, громко спорят о Боге и о морали.

Это – разговор не совсем беспочвенный и пустой. Один из таких постоянных спорщиков, с трудом выдержавший экзамен на шофера, отказался от шоферства и сделался маляром – профессия менее приятная и гораздо менее выгодная. Он хотел доказать свою последовательность в вопросе о человеческом достоинстве и независимости и не мог шофером принимать подаваемые ему на чай.

«Союз поэтов» устраивает также и собрания в большом зале. Там читаются доклады, длинные поэмы, изредка проза. С возражениями выступают всё те же лица, но эти собрания слишком чинные, недостаточны домашние и фамильярные, и на них бывает немного скучно.

Трудно сказать, что получится из русского поэтического движения в Париже. Большинство участников его не очень самостоятельны. Учатся у Блока, Ахматовой, Ходасевича, Георгия Иванова, у того же «настоящего» Мандельштама, но относятся они серьезно к своему призванию, и у них есть одаренность и бесспорная новизна.

ОБРАЗЦЫ «БЛАГОНРАВИА»¹⁸

Чувство долга и завидная карьера. – Чекистский финал карьеры. – Моя сверстница Нина Каратыгина. – Ее поэтическое дарование и успехи. – Что сделали с ней большевики. – Публичное осуждение расстрелянного отца. – Отзвуки девятьсот пятого года. – Добродетельный римлянин – товарищ Абрам. – Советский прокурор Абрам-Крыленко.

Читая о некоторых печальных героях последнего времени, при том разнокалиберных и разнородных, я вспомнил, что они косвенно и случайно связаны с моим детством, даже ранним, и молодостью.

Наверное, у каждого в «детстве и отрочестве»¹⁹ были такие неприятные сверстники или старшие, всё равно, знакомые или незнакомые, о которых постоянно говорилось, что они для своих лет необыкновенно интеллигентны, что они чудно учатся, ведут себя повзрослому, радуют родителей и учителей и что, словом, вы перед ними ничто. Такие «образцы благонравия» нам внушают в нежном нашем возрасте досаду, презрение, часто недоверие и сложную скрытную зависть.

Одним из таких портивших мне жизнь экземпляров был молодой человек Ф.²⁰ Он был на несколько лет старше меня, блестяще учился в коммерческом училище, вежливо всем улыбался, ходил чистенький и аккуратный, и когда я и некоторые мои товарищи, возмущенные такой непохожестью на нас, сталкивали его с лестницы и дразнили почему-то «козловским училищем»²¹, он оставался столь же спокойным и невозмутимым.

Вскоре умер его отец, и семья очутилась с довольно маленькими средствами. Тем временем молодой Ф. окончил с золотой медалью свою коммерческую школу и против ожиданий поступил не в университет, а в банк. Это испортило немало крови мне и моим друзьям. Ф. приписывались «сознательность», «жертвенность», «чувство долга» – всё то, чего, очевидно, у нас не было. Правда, в банке он сделал необычайно быструю и солидную карьеру, и когда я был каким-то жалким студентом-первокурсником, он уже казался неприступным и важным.

Он рано оглох — еще повод для восхищения «железной энергией», — ходил со слуховым аппаратом, но приспособился к обстоятельствам, как будто хорошо слышал и узнавал о них раньше остальных. Когда конфисковали, «национализировали» прежние банки, и мы в восемнадцатом году — перед окончательным отъездом²² — посылали деньги в Ригу через какой-то новообразовавшийся немецко-большевицкий банк, Ф. уже нас там принимал с обычной дружески-вежливой улыбкой, со скромным деловым видом и с неизменным слуховым аппаратом.

Потом я долго его не видал. Случайно лишь узнал, что он жил в Париже, Берлине и еще где-то. Занимался он весьма разнообразными делами. Отзывы о нем были не менее разнообразны. Встретился я с ним несколько лет тому назад в одном скромном парижском пансионе, где он жил с женой, эффектной, довольно красивой немкой, и с четырехлетней дочкой. Я часто бывал в этом пансионе у наших общих с ним знакомых, и от них слышал, что Ф. постоянно жалуется на дела и никак не может устроиться. Они также удивлялись, что он и жена буквально избивают дочку, прибавляя, впрочем, что девочка чрезвычайно непослушная.

Затем Ф. по секрету им рассказал, что его приглашают на службу большевики, что ему очень тягостно к ним идти, но что другого выхода он не видит. После поступления на крупную должность в большевицкий банк он выехал из этого пансиона, и мне с ним больше разговаривать не пришлось. Часто встречал его в различных кафе, особенно на Больших бульварах²³, но он приходил с людьми достаточно подозрительными и особого желания разговориться не обнаруживал, отделяясь своей неизменно вежливой улыбкой. Да и у меня не было желания подойти к нему и к новым его знакомым²⁴.

Затем начались разоблачения, напечатанные и в «Последних Новостях», и в «Сегодня», и в «Возрождении»²⁵. Эти разоблачения гласили, что Ф. — гроза многочисленных советских служащих в Париже, что он — «око гяпуэ», что он исполнительен, умен, ловок, как никто другой.

Затем, на чем-то сорвавшись, в чем-то кому-то не угодив, Ф. принужден был стать «невозвращенцем». Как подданного одного из балтийских государств, служившего по вольному найму, его не осудили заочно в Москве и оставили совершенно в покое. Свободный и, говорят, денежно независимый, Ф. мог бы опровергнуть хотя бы позорный факт длительной службы в ГПУ. Но он ничего не опроверг и, по-видимому, ничего опровергнуть не может.

Его имя, конечно, для многих, особенно для посвященных, «секрет Полишинеля», но из-за прежних отношений с ним и ближайши-

ми его родственниками, из-за «детских и отроческих» воспоминаний, я предпочитаю этого имени не называть и ограничиться достаточно прозрачными инициалами.

* * *

Другим бичом моего гимназическо-студенческого времени была некая барышня Нина Каратыгина²⁶. Я никогда ее не видал, но у нас много лет подряд была общая учительница – француженка, уроки которой заключались в том, что она каждому ученику или ученице рассказывала подробности про всех остальных. Три четверти моих уроков уходили на рассказы о Нине Каратыгиной, и она для меня являлась каким-то «каннитферштаном»²⁷ во всех интеллектуальных областях. Она писала стихи и прозу, блестяще обучалась чему-то специальному, знала музыку, живопись, французскую литературу. Кроме того, она принадлежала к прекрасной, себя во многих поколениях проявившей, культурной и талантливой семье²⁸. Моим преподавателем в гимназии был ее родной дядя, и действительно, он как-то отличался от других пресных, скучных, полуказенных учителей, он явно был живее, современнее, душевно – моложе²⁹.

Наша француженка, имевшая «brevêt»³⁰ из Сорбонны и в самом деле более образованная, чем обычные бесчисленные в России «приходящие» учительницы-иностранки, по-видимому, кое-что понимала в степени способностей знаний и просто человеческой интересности. И надо сказать, она не переставала восторгаться умом и одаренностью своей любимой ученицы, а также ее честолобием и упрямством. Кажется, эти разговоры происходили перед войной и в самом ее начале.

Несколько раз она обещала принести тетради Нины Каратыгиной, но своего обещания не исполнила. Та, очевидно, их ей не дала и, конечно, вряд ли хотела узнать, что думает о ее произведении какой-то любопытствующий студент. Зато в журналах – и даже серьезных – стали попадаться ее стихи³¹. Мне теперь трудно о них судить. Вероятно, они были обыкновенными корректными стихами, но в то время факт, что молоденькая барышня, моя сверстница, уже печатается в толстых журналах, наполнял меня завистью и уважением.

Так же трудно теперь судить о ней лично. По рассказам, она мне представлялась скорее некрасивой, но восторженно-живой, схватывающей всё на лету и чрезвычайно веселой. По этим же рассказам, несомненно, что она была карьеристкой, – свойство простительное, а нередко ценное и нужное. Среди многих других неприятных для меня сравнений с постоянной своей любимицей наша француженка, в общем справедливая и добрая, не забывала упомянуть именно о

моем недостатке честолюбия, о вялости, холодности и лени. Словом, я чувствовал себя лишним на этом свете, где существовало такое замечательное явление, как Нина Каратыгина.

Очень долго, лет двенадцать, о ней ничего слышать не приходилось. И совсем недавно в советских газетах было помещено ее письмо, в советском быту привычное, но трагическое после всего, что я о ней знал. Она публично осуждала деятельность своего отца, расстрелянного чекистами профессора Каратыгина, отказывалась от него и от опозоренной им фамилии и называла новое свое имя – то, которым при большевиках она подписывала свои литературные произведения³². Впрочем, и это имя, и литературные ее произведения, кажется, никому не известны и никем не замечены.

Здесь, в человеческих, «нормальных» условиях, нам невозможно понять, как становятся «ненормальными» люди там, среди вечной опасности, почему они себя изобличают и оговаривают, не всегда выгадывая и даже не всегда спасая свою жизнь. Нам только очевидно, что их чем-то устрашают и что они должны выказать подлость или хотя бы видимость подлости. Боюсь осудить злосчастную Нину Каратыгину и не знаю – виноваты ли одни советские условия в ее падении и в ее неудачах... Во всяком случае, если пример ее оказался поучительным, то, пожалуй, в обратном смысле.

* * *

Последняя такая и особенно наглядная ошибка относится к детству, к первым классам гимназии³³. Это было время революции девятьсот пятого года, и мы, петербургские гимназисты, чувствовали ее во всем. То ученики городских училищ нападали на нас на улицах, обидно дразнили «синей говядиной»³⁴ и, по-видимому, считали буржуями. То старшие классы бастовали, и директор на наших глазах перед ними унижался и вел какие-то переговоры. Мы сами делились на «красных» и «черных» и отчаянно дрались на переменах. Одним словом, революция нас коснулась и не могла не задеть.

Но главное, в чем мы ее особенно сильно ощущали, были разговоры взрослых, восторженные рассказы домашних, гостей, репетиторов. Помню, в парикмахерской чужой студент мне почему-то сказал:

– Когда ты вырастешь, уже не будет всех этих орденов и побрякушек.

Он просчитался относительно ордена «Красного Знамени».

С наибольшим энтузиазмом, который незаметно мы впитывали, говорилось о речах, о сходках, о героически смелых ораторах. И все в один голос выделяли какого-то «товарища Абрама»³⁵. Он казался по

всем описаниям необыкновенным, замечательным человеком – безбоязненным, умным, сильным, и еще казался он образцом неподкупного благородства. Мне не раз приводилась в пример фраза в его же страстном тоне:

– Товарищи, порядочность выше всего!

И это у меня сливалось с цитатой из шекспировского «Юлия Цезаря», которую столь же восторженно приводили взрослые после гастролей Художественного театра: «Но Брут бесспорно честный человек»³⁶.

Поневоле в последний период таинственный незнакомец, товарищ Абрам, мне представлялся добродетельным римлянином. Увы, как известно, люди с годами меняются и меняются их вкусы и симпатии, но не часто бывает такая перемена, какая у меня произошла в отношении этого самого товарища Абрама. Его фамилия оказалась Крыленко. Он, вероятно, сейчас требует очередных расстрелов. Он уже тринадцать лет всё требует и добивается расстрелов³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впервые – «Сегодня вечером», № 179, 12 августа, 1930. Печатается по данной публикации.
2. Ля-Боле – кафе La Bolée находилось на рю де л'Ирондель (rue de l'Hirondelle).
3. С 1929 по 1931 гг. вышло пять сборников стихотворений членов Союза, получивших, как можно понять из фельзеновской статьи, довольно противоречивые критические отзывы. Например, Ходасевич обратил внимание на безграмотность молодых поэтов, заявив, что «было бы хорошо, если бы вместо бесплодного скучания, молодежь наша занялась изучением языка и стиля» (*Ходасевич В.* Скучающие поэты // «Возрождение». № 1703. 30 января. 1930). Замечание же Адамовича более благожелательно: «Общее настроение, пожалуй, есть: тоска и меланхолия. <...> Сборник довольно тусклый, но отдельные вещи есть в нем неплохие» (*Адамович Г.* Молодые поэты // «Последние новости». № 3214. 9 января. 1930.).
4. Антонин Петрович Ладинский (1895–1961), поэт и прозаик, представитель «парижской ноты». Ладинский стал «возвращенцем» в 1955 году, приняв советское гражданство еще в 1946 году.
5. Первое опубликованное стихотворение Ладинского вышло в парижском литературном обозрении «Звено» в 1925 году, и со следующего года его произведения регулярно печатались в эмигрантской периодике.
6. Вольная цитата из стихотворения Б. Ю. Поплавского «Морелла I» (1930):

Ты, как нежная вечность, расправила черные перья,
Ты на желтых закатах влюбила в сиянье отчизны,

О, Морелла, усни, как ужасны орлиные жизни,
Будь, как черные дети, забудь свою родину – Пэри!

7. Довид Кнут (псевдоним Давида Мироновича Фиксмана, 1900–1955), один из самых известных и талантливых поэтов младшего поколения эмигрантов, а также прозаик, мемуарист, литературный критик и редактор. Для его поэзии характерно слияние эстетических особенностей, свойственных творчеству русских авангардистов и поэтов-сионистов.

8. Юрий Константинович Терапиано (1892–1980), поэт, прозаик, переводчик, литературный критик и мемуарист. В 1924 году Терапиано стал первым председателем Союза молодых поэтов и писателей в Париже.

9. Отсылка к Мане Лейзеровичу Кацу (Emmanuel Mané-Katz, 1894–1962), украинско-еврейскому художнику, эмигрировавшему в Париж в 1913 году и пользовавшемуся там известностью за свои яркие картины, изображающие повседневную жизнь и быт в черте оседлости.

10. Неточная цитата последней строки из стихотворения Довида Кнута «Кишиневские похороны» (1929):

...Особенный, еврейско-русский воздух...
Блажен, кто им когда-либо дышал.

11. Юрий Борисович Бек-Софиев (1899–1975), поэт и председатель Союза молодых поэтов и писателей в Париже. Софиев принял советское гражданство в 1946 году и вернулся в СССР в 1955 году.

12. Цитата из стихотворения Юрия Софиева «Мой сын, иль внук, быть может, даже правнук...», которое было напечатано в третьем «Сборнике стихов» Союза молодых поэтов и писателей, вышедшем в 1930 году. Стихотворение было переработано и напечатано в несколько измененном виде в авторской книге стихотворений «Годы и камни» (1937).

13. Ирина Николаевна Кнорринг (в замужестве Бек-Софиева, 1906–1943), поэтесса и мемуарист.

14. Валериан Федорович Дряхлов (1898 – не раньше 1972), поэт и член правления Союза молодых поэтов и писателей.

15. Виктор Андреевич Мамченко (1901–1982), поэт и член ряда литературных объединений Русского Зарубежья, представитель «парижской ноты».

16. Лазарь Израилевич Кельберин (1907–1975), поэт, писатель и литературный критик.

17. Юрий Владимирович Мандельштам (1908–1943), поэт, переводчик и литературный критик. С 1928 года Мандельштам служил секретарем Союза молодых поэтов и писателей и с 1930 года был членом его ревизионной комиссии. См. о нем подробно: *Е. Дубровина*. Детство, юность и музы поэта. // «Новый Журнал». № 285. 2016.

18. Впервые – «Сегодня». № 342. 11 декабря. 1930. Печатается по данной публикации.
19. Отсылка к псевдо-автобиографической трилогии графа Л. Н. Толстого: «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857).
20. По всей вероятности, имеется в виду Андрей Васильевич Фехнер (?–1937?), считающийся резидентом ОГПУ в Париже и одним из организаторов похищения председателя Русского Общевоинского союза генерала А. П. Кутепова (1882–1930) 26 января 1930 года.
21. В 1900-е годы Козлов (нын. Мичуринск) был районным центром в Тамбовской губернии с населением 40000 жителей. Здесь, скорее всего, указывается на некую провинциальность.
22. Фельзен с семьей покинул Россию в октябре 1918 года. См. «Юрий Фельзен. Автобиография» // *Фельзен Ю.* Собрание сочинений. Т. 2. – М., 2012. – С. 335.
23. Большие бульвары (les Grands Boulevards) расположены на правом берегу Парижа, на месте старых городских стен Карла V и Людовика XIII.
24. Как это ни иронично, замечание о «подозрительных» сообщниках напоминает строки о самом Фельзене в воспоминаниях В. С. Яновского «Поля Елисейские: Книга памяти» (1983): «Пользуясь любовью всех нас, и даже «генералов», он, однако, не растерял своих старых биржевых связей. Фельзен был среди них белой вороной, но всё же пользовался и там уважением. / Какие-то громоздкие, странные люди иногда подходили к столику Фельзена, широко улыбаясь, здоровались, заговаривали по-немецки. Кое-кого он приглашал сесть; появлялась бутылка коньяка (приезжие вместо рюмки заказывали целую бутылку, гарсоны уже этому не удивлялись)».
25. Разоблачение Фехнера произошло в октябре 1930 года, получив широкую огласку в эмигрантской печати. См. «Возрождение», 14, 16, 17, 18, 19 октября 1930; «Сегодня», 17, 18, 21, 22 октября и 4, 9 ноября 1930; «Последние новости», 18 и 19 октября 1930.
26. Нина Евгеньевна Каратыгина (даты неизвестны), поэтесса и литературовед, адресат посвящения незаглавленного стихотворения Федора Сологуба (Тетерникова, 1863–1927), которое содержит в себе намек на ее единственный стихотворный сборник «Кровь животворящая» (1916):

Вы любите голые девичьи руки,
И томно на теле шуршащие бусы,
И алое, трепетно-знойное тело,
И животворящую, буйную кровь.

И если для сердца есть терпкие муки,
И совесть глубокие терпит укусы,
И только жестокость не знает предела,
Так что ж, – и такую любите любовь.

27. Каннитферштан – загадка; от «kann nicht verstanden» (бук. «не могу понимать») (нем.).

28. В семье Каратыгиной действительно было много выдающихся личностей, получивших известность в общественной и культурной жизни XVIII–XX веков. Среди них экономист Е. С. Каратыгин (1872–1930), актриса К. А. Каратыгина (урожд. Глухарева, 1848–1934), актер-трагик В. А. Каратыгин (1802–1853), актриса А. М. Каратыгина (урожд. Колосова, 1802–1880), балерина Е. И. Колосова (1780–1869), драматург П. А. Каратыгин (1774–1827) и актриса А. Д. Каратыгина (1777–1859).

29. Здесь речь, скорее всего, идет о С. С. Каратыгине (годы жизни неизвестны), преподавателе законоведения, правоведения и этики в Санкт-Петербургской 7-й гимназии, где и учился автор фельетона.

30. *brevét*... – тип диплома во Франции.

31. Дореволюционные стихотворения Каратыгиной печатались в журналах «Летопись», «Русское богатство», «Русская мысль» и пр.

32. В 1930 году Е. С. Каратыгин, занимавший до того времени ряд должностей при советской власти, был арестован ОГПУ по обвинению в руководстве контрреволюционной «организацией вредителей рабочего снабжения», на которую возлагалась вина за плохое обеспечение населения СССР продуктами питания. Впоследствии он был расстрелян вместе с 47 другими «вредителями». Литературный псевдоним Н. Е. Каратыгиной – «Нина Пограницкая».

33. Н. Б. Фрейденштейн поступил в Санкт-Петербургскую 7-ю гимназию в августе 1904 года.

34. Имеется в виду синяя гимназическая форма 1900-х годов. Подобное, но более ясное описание есть в романе «Старая крепость» (1936) В. П. Беляева (1909–1990): «А когда пришли петлюровцы, многие гимназисты, особенно те, что записались в бойскауты, вместо пальмовых веточек стали носить на фуражках петлюровские гербы – золоченые, блестящие трезубцы. Иногда под трезубцы они подкладывали шелковые желто-голубые ленточки. / Мы издавна ненавидели этих панычей в форменных синих мундирах с белыми пуговицами и едва завидев их, принимались орать во все горло: / – Синяя говядина! Синяя говядина!»

35. Революционная кличка Н. В. Крыленко (1885–1938), родившегося в Бехтееве, Смоленской губернии. Осенью 1903 года Крыленко поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета и в декабре 1904 года стал членом Российской социал-демократической рабочей партии. Летом 1906 года по политическим причинам Крыленко вынужден был эмигрировать. Вернувшись в Россию к концу того же года, он вел агитацию в рабочих районах Петербурга, пользуясь известностью как один из самых острых критиков деятельности первой Думы. Впоследствии был арестован и сослан в Люблин без судебного процесса. После революции 1917 года он стал видным теоретиком советской юстиции,

занимая ряд должностей в судебной системе СССР. В 1933 году был награжден орденом Ленина. В 1936 году занял должность народного комиссара юстиции СССР, однако в январе 1938 года, на первой сессии Верховного Совета СССР, деятельность Крыленко подверглась критике, в результате чего он был арестован НКВД. Под пытками ему пришлось признаться во вредительстве с 1930 года и даже в том, что он был «врагом Ленина» с дореволюционных времен. 29 июля 1938 года Крыленко судила Военная коллегия Верховного суда СССР в рамках дела о «контрреволюционной фашистско-террористической организации альпинистов и туристов», и в соответствии с его теориями о социалистическом правоведении, судебное решение и приговор были приговорены заранее; процесс продлился всего двадцать минут, достаточное время для того, чтобы Крыленко отказался от своих ложных признаний. Он был приговорен к смерти и расстрелян.

36. «...а Брут бесспорно честный человек» – строка из шекспировской трагедии «Юлий Цезарь» (действие III, сцена 2).

37. Послужив главным прокурором на крупнейших московских показательных процессах в 1920–1930-е годы, Крыленко стал олицетворением советской карательной судебной системы. В момент публикации фельетона нашумевшее дело Промпартии закончилось расстрельным приговором для всех обвиняемых.

*Публикация, примечания – Б. П. Каретников,
University College London*

Переписка

М. А. Алданова и С. С. Постельникова

«Мне так хочется ‘вывести в люди’ именно Вас,
своего даровитого воспитанника...»

Марк Алданов

Представлять Марка Алданова необходимости нет. В случае с Сергеем Сергеевичем Постельниковым, пианистом и профессором Русской консерватории в Париже, всё обстоит иначе. Мы обладаем очень скудным запасом сведений об этой личности и во многом отталкиваемся от содержания данной переписки и редких упоминаний во французских газетах. Тем не менее попробуем сложить имеющиеся куски этой мозаики.

Сергей Сергеевич Постельников родился в Москве 20 мая 1915 года, получил французское гражданство в 1937 году. Судя по письму №43, переезд из России во Францию состоялся приблизительно в 1930. Про родителей Сергея Постельникова достоверной информации обнаружить не удалось, и можно лишь предположить, что его отцом являлся Сергей Сергеевич Постельников (1890–1965), дворянин и заведующий автомобильным отделом Московского губернского комитета Всероссийского земского союза, окончивший свой жизненный путь в России, а мать – российско-французская подданная еврейского происхождения¹ Жоржетт-Бланш Фор, с отцом Постельникова в разводе.

Жизнь Сергея Постельникова была посвящена музыке. Талантливый пианист, оказавшись во Франции, поступает в Парижскую консерваторию в класс к виртуозному Сантьяго Риере², с успехом участвует в конкурсах пианистов (диплом второй степени в 1933 г.). В дальнейшем выступает на различных парижских площадках и радиостанциях, играя произведения Ф. Шопена, Ф. Листа, Э. Грига.

Публикуемый корпус переписки Сергея Постельникова и Марка Алданова охватывает 1948–1953 годы. Финансовое положение Постельникова далеко от стабильного, и он готов браться за самую разнообразную работу, чтобы быть денежно независимым от матери. В ходе одной из встреч с Алдановым появляется идея написания истории русской музыки. Марк Александрович дает детальные указания как по стилю начинающего писателя, так и по содержанию – от структуры книги до ее источников. По различным причинам книга так и не будет написана; основной сюжет данной переписки

оборачивается неудачей, но этот опыт систематизации своих знаний и высказываний собственных суждений на бумаге, безусловно, окажется полезен Постельникову – в октябре 1952 г. он был назначен профессором по классу фортепиано в Русскую консерваторию в Париже. Поздние письма указывают на сотрудничество Постельникова с балетом маркиза де Кузаса, а по сведениям, полученным от Марка Уральского, Постельников был и концертмейстером у знаменитой певицы Анны Эль-Тур.

По сообщению Р. Толчинского, Сергей Постельников похоронен приблизительно в 1968 году на кладбище Исси-ле-Мулино, могила утрачена.

Что же касается Марка Алданова, то данная переписка дополняет его образ отзывчивого и деятельного человека: несколько писем (№ 25, 32, 45, 64, 73, 80) посвящены Литературному фонду и Тейтелевскому комитету, перед которым Марк Александрович ходатайствовал за своих корреспондентов. Встречаются упоминания и собственных литературных произведений (№ 1, 5, 30, 92): оценки, издатели, переводы. Разумеется, переписка содержит и множество бытовых деталей, характеризующих жизнь русских эмигрантов.

Выражаю благодарность Бахметьевскому архиву и лично куратору архива Татьяне Чеботаревой за возможность публикации данной переписки. Используются материалы коробок 34-37 из коллекции документов Марка Алданова. Сбор материала осуществлен при поддержке гранта № АМ 262/13 фонда Михаила Прохорова. Также благодарю С. А. Иванову (УрФУ) за помощь с французским языком.

Станислав Пестерев

1. Вывод сделан из-за приказа о лишении Жоржетты-Бланш французского гражданства на основании антисемитского декрета от 29 июля 1941 года. См.: Bulletin municipal officiel de la ville de Paris. 22 Août 1941. P. 704.

2. Сантьяго Риера (Santiago Riera, наст. имя Хайме Августин Антонио Риера. 1867–1959), французский пианист и музыкальный педагог. Как исполнитель, Риера считался, в первую очередь, специалистом по творчеству Фредерика Шопена. В 1890-е гг. он много сотрудничал с возглавлявшим консерваторию Теодором Дюбуа.

1. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

10.11.1948

Милый Серж,

Вчера получил Ваше письмо и тотчас отвечаю, хотя Вы этого совершенно не стоите: если в этой жизни еще встретимся, я Вам это

объясню и Вы проведете неприятные минуты. Бог с Вами, писать лень.

Мы еще в августе вернулись из Нью-Йорка прямо в Ниццу на ту же квартиру. Уезжать отсюда пока не собираемся, но, конечно, всё зависит от мировых событий. Впрочем, если внезапно начнется война, то уехать нам будет уже невозможно: ведь мы не американские граждане (которых посол вывезет), а несчастные никому не нужные «нансеновцы». Тогда поминайте, пожалуйста, в молитвах. Надеюсь, что войны в ближайшее время не будет.

Много работаю, здоровьем похвастать не могу, но скриплю кое-как. Книги мои выходят на разных языках, кроме русского (русских издательств в эмиграции не осталось). Если всё же «Истоки» по-русски выйдут, – то и в этом случае я их не пошлю, так как, во-первых, Вы, как выше сказано, не стоите по своему поведению, а во-вторых, Вы читать их не станете в Вашей величественной «валёр дю силанс»¹. Кстати, «Истоки» (по-французски *Avant le Deluge*) должны были на днях выйти и, вероятно, вышли в Швейцарии, по-немецки, в издательстве Моргартена². Если в Дорнахе³ есть книжные магазины, спросите там, вышла ли такая книга и каков адрес Моргартена. Завели ли Вы литературные знакомства среди швейцарцев? Я написал историческую пьесу⁴, есть уже французский перевод (немецкого нет), и у меня впечатление, быть может ошибочное, что на успех эта пьеса могла бы рассчитывать преимущественно в Швейцарии и Германии. Но я ни в одной из этих двух стран театральных связей не имею и даже не знаю, есть ли у Вас театральное агентство, которое могло бы мою пьесу поместить? Помните ли вы романс Мартини: «—»⁵? Он проходит через всю пьесу (ее действие во Франции в 1821 году)⁶.

Приехав в Нью-Йорк, я позвонил Рахманиновым. Незнакомый голос ответил мне, что Н. А.⁷ с внучкой Волконской⁸ путешествуют по Европе. Я спросил, в какой стране, и получил ответ, что, кажется, они скоро вернутся. Своего имени я не назвал. Здесь же в Ницце я, очевидно по случайному совпадению, получил краткое очень милое письмо от княжны Волконской, отправленное ею по моему нью-йоркскому адресу и пересланное мне сюда. Письмо было из Парижа. Где она теперь, я не знаю. Написал ей в Нью-Йорк.

Хотя я о Вас слышать не хочу, но Вашу музыку очень, очень хотел бы послушать. Был чрезвычайно рад Вашим словам, что «силанс» имело благотворное на нее влияние. С интересом прочел бы рецензии о Вашем концерте. Не собираетесь ли Вы и мосье Олег⁹, которому прошу очень кланяться, в Канны?

Вашей Матушке и Юлию Осиповичу¹⁰ я написал коротенькое

письмецо из Нью-Йорка, ответа не получил, но в самом деле на такие коротенькие письма можно не отвечать. Кланяйтесь, пожалуйста.

Шлю Вам самый холодный и неласковый из всех возможных в мире приветов. Татьяна Марковна¹¹ очень кланяется.

Ваш М. Алданов

А вдруг в самом деле найдутся швейцарцы, которые заинтересуются моей пьесой. Я думаю, что в Дорнах такие могут быть. Разумеется, они должны получить агентское отчисление от гонорара с театров, которые поставили бы мою пьесу. Она сценична, злободневна не по форме, а по идее, и есть очень благодарная женская роль.

1. Многозначительное молчание (*фр.*).

2. Morgarten Verlag (1927–1978), издательство в Цюрихе, филиал издательства Conzett + Huber, посвященный художественной литературе и биографиям.

3. Дорнах, община в Швейцарии, кантон Золотурн (Solothurn). Численность населения в 1950 г. – 3572 человека.

4. Пьеса «Рыцари свободы», позднее ставшая частью романа «Живи как хочешь».

5. В письме прочерк, Алданов намеревался вписать *Plaisir d'Amour*.

6. Ср. с фрагментом романа «Живи как хочешь»: «Я написал в романтическом духе историческую пьесу на современную тему. <...> Знаете ли вы прелестный романс Мартини: ‘*Plaisir d'Amour*’? Когда-то, сто с лишним лет тому назад, его распевала вся Европа, но он еще и теперь не совсем забыт. У меня этот романс проходит через всю пьесу...» / *Алданов М. А. Живи как хочешь*. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 68.

7. Сатина Наталья Александровна (1877–1951) – вдова Сергея Рахманинова.

8. Волконская (Венемекер) София Петровна (1925–1968), внучка Сергея Рахманинова.

9. Погибин Олег Сергеевич (1908–1968) – близкий друг Сергея Постельникова, эвритмист, переводчик. Подробную биографическую статью см. на сайте Русского антропософского движения.: URL: <http://bdn-steiner.ru/glossword/index.php/term/1,832.xhtml>

10. Шейнер Юлий Осипович (годы жизни не установлены) – писатель, сотрудник парижского издательства, друг семьи (родственник?) С. Постельникова.

11. Алданова (Зайцева), Татьяна Марковна (1893–1968) – жена М. А. Алданова.

2. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

08.12.48

*Прилагаю свой article**Ruttiweg 746**Morgarten Verlag**Dornach / Soleure**Conzett and Huber Morgartenstr[asse], 29 Zürich*

Дорогой Марк Александрович,

Последнее время я был нездоров, и только теперь могу ответить на Ваше письмо, которому был сердечно рад. Также только недавно тоже смог узнать адрес Моргартена в Цюрихе. В Дорнахе имеется Философско-антропософское издательство, в котором можно достать соответствующие труды, а вообще это – деревушка, в которой, по-моему, нет ни одной книжной лавки. В Базеле я уже очень давно не был и еще не смог узнать, вышла ли Ваша книга. Как только смогу, постараюсь ее достать. По-немецки, конечно, не обещаю Вам ее прочесть, а по-русски, несмотря на «валер дю силанс», прочел бы с большим интересом!

Здесь, в немецкой Швейцарии, единственный и видный представитель литературного и театрального мира во французской Швейцарии, с которым я знаком, это Ренэ Моракс¹, ему с удовольствием написал бы о Вашей пьесе, если Вы не видите возражения. Его театр в этом году закрыт, т. к. в прошлом терпел убыток, да и вообще открывался только летом. Но г-н Моракс имеет связи, особенно в радио, в Лозанне, и я думаю, мог бы оказаться полезным. Последние известия от него я имел в мае, из Рима, где он проводил зиму, но знаю, что он собирался на лето вернуться к себе в Морж². Прилагаю Вам его адрес; если б Вы нашли возможным войти с ним в личный контакт, то это имело бы больше веса, чем мое скромное посредничество. Если же Вы предпочли бы, чтоб я ему написал сам, то сделаю это с большим удовольствием, как только получу от Вас ответ; возможно ли будет Вам послать, ему, или мне французский перевод Вашей пьесы? Если бы у Вас имелся уже и немецкий, – то я имею в виду заинтересовать ею одного из главных актеров Гётеанума³ Илью Ильича Дувана, русского по происхождению, который в молодости своей был связан с труппой «Синяя птица» или «Летучая мышь»⁴, точно не помню, и который теперь имеет свой собственный, немецкий театр в Берне с молодой и, говорят, талантливой труппой, которая скоро приедет сюда показывать в Гётеануме «Сверчок на печи»⁵. Дуван – очень талантливый актер –

ему теперь за пятьдесят – он до последнего времени играл главную роль Иоганнеса в мистериях Р. Штейнера⁶. Недавно он почти потерял голос и перестал играть эту роль. Он, конечно, Вас знает и читал, думаю, Ваши книги. Когда я его увижу в Дорнахе, то с ним поговорю. Теперь у меня другая идея: мне, года полтора назад, одно парижское театральное агентство предлагало ангажемент: ехать, в качестве пианиста, с труппой в турне в Швейцарию, Бельгию и т. д.; я не смог тогда согласиться на предлагаемые условия и не поехал, а некоторое время спустя уехал в Дорнах. Я недавно убедился, что эта труппа действительно дает представления в Швейцарии и бывает в Базеле; я даже пытался увидеться с ее директором, предложить показать ему Гётеанум, он ответил мне из Парижа, что из-за слишком считанного времени, которым может располагать во время турне, не сможет воспользоваться моим предложением. А что бы, если Вы б ему предложили Вашу пьесу? Это агентство устраивало турне даже *Comedie Francaise* и считается серьезным; прилагаю также адрес его. Как только буду в Базеле, справлюсь насчет театр. агентства Швейцарии.

Летом, по случаю юбилея Гёте, у нас будет идти, три раза, полный «Фауст»; вот бы Вам приехать посмотреть! Кстати, мой артикль вышел в мае, в одной парижской Ревю (*Nouvelle Revue Francaise de l'élite*⁷). Я был очень доволен этим «событием»! Здесь я еще не имею постоянной работы, но часто играю в эвритмических спектаклях⁸, что можно рассматривать как приработок, но по швейцарским ценам это – не заработок. К тому же у нас трудности с продлением права на жительства. Хотя я и француз, но живу здесь по приглашению одного знакомого швейцарца уже год (приглашение, конечно, только на бумаге); такая формальность необходима при длительном пребывании, но продлевать бесконечно, таким образом, трудно. Так что, возможно, что скоро придется возвращаться восвояси. Тогда... Но тогда конец плодотворной работе!

Говорят, что я сделал еще успехи: часто (простите за нескромность!), когда я играю на спектаклях, вещи повторяются два раза: эвритмистки уверяют, что это из-за музыки, но думаю, это они нарочно так говорят, чтоб мне сделать удовольствие!

В октябре 49 будет столетие со дня смерти Шопена; вот уж посыпятся реситали «Шопэн»! И мне, грешному, придется злоупотреблять им! Уже готовлюсь «удивить мир» всякими «интегральными интерпретациями»... Предлагаю Вам свои выдержки из критик; в конце – швейцарская.

Олег собирается навестить родителей в январе, но еще не уверен, его отец гостил здесь в конце сентября.

Не знаю, чем я заслужил, кроме моего нерадения к перу, Ваш столь холо[д]ный привет; однако же вполне понимаю, что нужно было и побранить!

Шлю Вам и Татьяне Марковне самый сердечный привет и покло[н]. О. П. тоже кланяется Вам. Ваш привет маме и Ю. О. Пе[редам], когда буду писать.

Искренне преданный и уважаю[щий] Вас

Серж Постельников

Адрес Моракса:

1. René Morax (1873–1963), швейцарский поэт и драматург, автор драмы «Царь Давид», ставшей известной благодаря оратории А. Онеггера.

2. Morges, небольшой город у Женевского озера, расположен рядом с Лозанной. Относится к числу самых красивых мест на берегу озера.

3. Центр антропософского движения в Дорнахе, Швейцария. Здание Гётеанума, выполненное в «органическом» стиле, является памятником архитектуры.

4. Илья Дуван (Ilja Duwan. 1898–1976), актер, эмигрант. Подробнее см: <http://biographien.kulturimpuls.org/detail.php?id=140>. Илья Дуван был связан с труппой «Синяя птица»; его отец, Исаак Эзрович Дуван-Торцов (1873–1939), был старшим режиссером этого театра. Создатель «Синей птицы» Яков Южный (1883–1938) работал в московской «Летучей мыши». Подробнее о «Синей птице» см.: Баранова М. Долгий полет «Синей птицы». – «Русская Атлантида». № 4 (36). 2014. – Сс. 88-109.

5. Пьеса по повести Ч. Диккенса.

6. Штейнер Роберт (1861–1925), австрийский философ и мистик, исследователь Гёте.

7. Вероятно, С. Постельников смешивает названия двух газет: «La Nouvelle Revue Francaise» и «La Revue Francaise de l' élite», где он и опубликовался: *Serge Postelnikoff. Le «Faust» de Gœthe au Gœtheanum de Dornach.* – Mai 1948. № 8. – PP. 33-36.

8. Эвритмия – исполнительское искусство, сочетающее в себе элементы танца, музыки, театра, декламации. Помимо эстетической функции, реализует также педагогическую и терапевтическую. Разработана Р. Штейнером.

3. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

17.12.48

Милый Серж.

Надеюсь, что Ваше пятинедельное нездоровье прошло. Очень

Вас благодарю за сведения. Адрес Моргартена мне пригодился, – я сейчас же ему напишу. Что касается пьесы, то я за эти пять недель сдал ее агенту, который, впрочем, едва ли что-то сделает.

Мне были очень интересны статьи о Вас. Искренно Вас поздравляю, они чрезвычайно лестны. Надо ли их Вам вернуть? С еще большим интересом прочел Вашу собственную статью. Ее, я полагаю, возвращать не надо? Вы хорошо написали.

Если будете в наших местах, дайте все-таки о себе знать, т. е. зайдите. В Швейцарии я едва ли буду.

Вы напрасно думаете, что я руководился правилом «нужно и побранить». У меня такого рода правила никогда не было, я редко Вас вообще бранил и не думаю, чтобы когда-либо за много лет бранил Вас незаслуженно. По крайней мере Вы до сих пор на это не жаловались. Или же я не помню, чтобы жаловались. Помню, правда, что я раз, когда Вам было лет девятнадцать, прочел Вам долгую нотацию по просьбе (очень настойчивой) Вашей мамы, но Вы за нее меня благодарили и тогда, и позднее.

Еще раз очень Вас благодарю за исполнение моей просьбы. Надеюсь Вас увидеть во Франции. Пожалуйста, кланяйтесь О. П. Сердечно рад Вашим успехам. Вероятно, Вы только побываете в Франции и опять уедете в Дорнах, выполнив необходимые формальности? А где теперь мадемуазель Сиверс¹? Она тоже мне не писала, но с ней я ведь был знаком только год и не близко. Знаю, что она вышла замуж и должна была уехать в Германию.

Татьяна Марковна шлет Вам искренний привет.

Ваш М. Алданов

1. Носители фамилии Сиверс многочисленны; может быть несколько подходящих кандидатур. Мария Яковлевна фон Сиверс (1867–1948), вдова Р.Штейнера, которая появляется в ответном письме С. Постельникова, переехала в Германию в самом начале XX в. и вряд ли могла быть знакома с М. Алдановым до эмиграции. Кроме того, их разница в возрасте делает невозможным обращение «мадемуазель». Младшая сестра фон Сиверс, Ольга Яковлевна, покинула Россию в 1912 году, что делает более вероятным ее знакомство с М. Алдановым. Детей ни одна из них не имела. Также в эмиграции можно отметить графиню Ольгу Васильевну Сиверс и ее пять дочерей, одна из которых, Варвара Григорьевна Резвая (Сиверс), жила в Каннах и в Париже.

4. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

*17.05.49**Ruttiweg 746**Dornach**17 Mai 1949*

Глубокоуважаемый Марк Александрович,

Опять давно не писал Вам; с ноября – живу, не зная, остаюсь ли здесь или нет, были трудности с возобновлением права на жительство в Швейцарии, о которых я уже Вам, кажется, писал. Всё же всю зиму не покидал Дорнаха и теперь могу остаться до конца июня. В Париж – на лето глядя – ехать бессмысленно, но как-то уже не хочется больше проситься о продлении: здесь, в *gemeinde*! Дорнаха, очевидно бояться, что я хочу остаться навсегда, уже по приглашению того лица, которое мне так любезно давало сертификат *d'hébergement*², – остаться больше не будет возможным. Постараюсь как-нибудь все же остаться до 1-го сентября.

В конце июля будут здесь торжества по случаю юбилея Goethe³ – будет даваться, три раза полностью, Фауст. Специальное представление организовано для международной студенческой молодежи: ожидается большой наплыв народа.

27 декабря скончалась Мария Яковлевна Штейнер (урожд. von Sivers) в возрасте 82 лет. Она жила последнее время в Beatenberg⁴, в горах, куда, в ноябре, мне удалось к ней съездить; у меня с ней был 3-х часовой разговор, который был последним свиданием нашим. М. Я. была очень хорошо ко мне расположена и в том случае, если бы я захотел остаться в Дорнахе как пианист, дала бы мне возможность выйти в работу. Но после ее кончины положение несколько изменилось и я не могу рассчитывать иметь постоянное место в Гётеануме, т. к. уже имеется два пианиста для эвритмии.

23-го апреля я дал здесь, в Гётеануме, большой концерт, посвященный Шопену, по случаю столетней годовщины его смерти. Было очень много народа, из Базеля и здешние дорнаховцы; зал был переполнен, критики в газетах были хорошие. В январе тоже играл несколько раз здесь и в другом маленьком швейц. городке: Delémont (Delsberg)⁴.

Время проходит молниеносно, работаю много для себя, т. к. для эвритмии уже больше не играю, второй месяц. Еще не спросил Вас о Вашем здоровье? Где будете проводить лето? Как идет работа? Вышла ли Ваша книга в Швейцарии?

Дуван сюда не приезжал очень давно, мы ожидали его приезда с

его театр[альной] труппой, но пока он не является, т-к что не смог с ним говорить о Вашей пьесе. Как обстоит с ней дело?

Если Вы не потеряли мой article о Фаусте, мог бы ли я Вас попросить мне его одолжить и выслать сюда: у меня больше нет ни одного экземпляра, а мне необходимо послать его в Париж одному человеку, интересующемуся Гёте и Гётеанумом, в виду организации мной в Париже, осенью, эвритмического спектакля с участием Олега П. и нескольких наших лучших эвритмисток по случаю двухсотлетия рождения Гёте.

Собираюсь написать американским impressarii по адресам, присланным Вам г-жой Сатиной, но, конечно, это будет безрезультатно, без протекции.

Вот, дорогой Марк Александрович, некоторые новости. Рад был бы иметь от Вас весточку. Шлю Вам и Татьяне Марковне мой сердечный привет. Искренне уважающий Вас,

Сергей П.

Привет от Олега.

1. Общине (нем.)

2. Сертификат размещения (фр.)

3. 200 лет со дня рождения.

4. Делемон (Делсберг) – город в Швейцарии, столица кантона Юра.

5. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

19.05.49

Милый Серж.

Посылаю Вам при сем Вашу статью. Прилагаю и прежние отзывы о Вас: может быть, и они могут быть Вам нужны. Сердечно рад новым отзывам – столь лестным. Полезны ли они Вам по *существу*? Я недавно спросил одного знаменитого живописца, вынес ли он какую-либо пользу из критических статей о нем. Он без колебаний мне ответил: «Никогда, ни малейшей». Приблизительно то же самое мог бы сказать и я о себе. Но, возможно, что пианисты – дело другое. Во всяком случае, меня очень порадовало, что знатоки, особенно в Националь Цайтунг¹, сказали то, что и я Вам когда-то говорил о Вашем таланте, – Вы это, конечно, давно забыли.

Если я правильно понял Ваше письмо, то Вы будете во Франции либо в июле, либо в сентябре. Вероятно, Вы будете и в Канне у родителей мосье Олега (которому, пожалуйста, кланяйтесь)? Я и в июле и

в сентябре буду здесь, в Ницце. Зимой, быть может, придется вернуться в Америку. Писем Вы писать не любите – это Вы достаточно доказали, – но я надеюсь, что, в случае приезда на Ривьеру, покажетесь. Едва ли я побываю в Швейцарии, хотя все может быть.

Здоровье мое «так себе». Работа идет. Мой роман «Истоки» (в переводе «Перед Потопом»²) у Моргартена давно вышел, осенью выйдет по-французски у Ашетта, а к Новому году по-русски в Париже у УМСА. Забавно, что русский оригинал выйдет *позже*, чем шесть иностранных изданий! Таковы парадоксы эмиграции. Теперь только это русское издательство, созданное УМСА в [ма]леньком масштабе, и существует во всем мире вне пределов СССР. Пьеса моя переведена на французский язык моей женой, на немецкий – русским (балтийским) бароном Кампенгаузен³, который когда-то переводил мои книги, а теперь, через двадцать лет, оказался, разоренный, в Саарской области. Переводится и на английский. Найдутся ли театры – не знаю.

Не совсем понимаю, как это Вы организуете в Париже эвритмический спектакль. Ведь один театр будет стоить больших денег?

Что Ваша мама?

Т. М. очень Вам кланяется. Шлю, хотя и сержусь, самый сердечный привет

Ваш М.

1. *National Zeitung*, одна из ведущих швейцарских газет, в 1977 объединилась с популярной газетой *Basler Nachrichten* под названием *Basler Zeitung*.

2. *Avant le Déluge* (фр.).

3. Рудольф фон Кампенгаузен (1879–1961) – барон, переводчик. Большая часть переводов – романы П. Н. Краснова. Из творчества М. А. Алданова перевел «Загадку Толстого» и сборник очерков «Современники».

6. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

24.05.49

Ruttiweg 746

Dornach,

24 Mai, 49

Дорогой Марк Александрович,

Сердечно благодарю Вас за письмо и за мою статью; возвращенные Вами критические отзывы мне не нужны, т. к. всегда имею возможность их перепечатать на машинке. Относительно вынесенной от них пользы мне трудно быть столь категоричным, как Ваш знакомый живописец, т. к. не вполне понимаю, какую пользу он подразумевает:

для собственного ли усовершенствования или с коммерческой точки зрения. С последней точки зрения – хорошие отзывы полезны уже тем, что не могут принести вреда артисту, и, одновременно, если они написаны толково, помогают читающей газеты публике разбираться в вопросах искусства и могут возбудить интерес к индивидуальности артиста, если таковая имеется! Для получения ангажементов отзывы действуют мало, лишь в некоторых случаях, в провинции. Я думаю, что писателям они полезнее, т.к. они могут принести популярность, даже в случае отрицательной критики; к тому же – книга, картина – останавливают внимание и остаются в памяти гораздо дольше, чем музыкальное исполнение. В Cannes Олег и я не собираемся этим летом, к моему сожалению. Олег ездил на несколько дней к ним в феврале. Я же сижу здесь, пока есть возможность. Марк Александрович, Вы не сердитесь на меня, что пишу редко. Ни с кем не веду регулярной переписки: когда пишу сам, то замечаю, что у всех мало времени для нее и хорошо понимаю причины. С Вами было бы интересно переписываться, но Вы редко задаете вопросы и то – раньше это было под влиянием моей мамы. А когда дело касается интимных вопросов, которыми Вы интересовались не для себя, – то я категорически и в очень нелюбезной форме – отклоняю всякое вмешательство в мою личную жизнь. Вы составляли некое исключение, т. к. я проглядывал, что Вы лично в этом не нуждались. Эвритм[ические] спектакли я устраиваю пополам с одной знакомой из Дорнаха, которая будет рецитировать по-франц[узски]. Мы делим и прибыль и дефицит! Расход – сто тысяч. У меня еще сохранилась большая доза оптимизма. Я стремлюсь создать в Париже комитет Goethe, и если что-либо образуется, то спрошу Вас, согласились бы Вы принять в нем участие.

Сердечный привет Вам и Т. М.

Преданный Вам С. П.

Рад, что Ваша книга выходит: надеюсь, что буду ее иметь по-франц[узски].

7. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

16.01.50

20, Rue de Varize 160

Paris

le 16 1 1950

Дорогой Марк Александрович,

В начале будущей недели я уже буду в Марселе, где останавливаюсь у знакомой, некой Mlle V. Allori¹, 38, Cours du Vieux-Port.

Мой концерт состоится в среду 1 февраля вечером в 9 ч.

Жаль, что Вы немного далеко от Марселя, я был бы рад, если б Вы смогли меня послушать, не так, как в последний раз в Париже.

6-го играю в Aix² и собираюсь захватить на несколько дней к родителям Олега в Канны.

Не думаете ли Вы, что можно было бы сделать попытку дать концерт в Ницце или в Monte-Carlo? Сейчас там, кажется, сезон? Не знаете ли Вы, где происходят концерты в Ницце, в Театре или в Casino?

Мне бы не хотелось обращаться к антрепренеру, опять сдерут всё до последней копейки, но никого не знаю в Ницце, кого бы мог попросить взяться за это...

Мне дали адрес Mr Felix Faure (magasin de Musique) 45, av. de la Victoire, Nice, они могли бы дать справки насчет стоимости залы и афиш.

Писать им лично не хочу, т. к. в случае, если я после полученных сведений, всё же обращусь к кому-либо другому, чтобы не было обид.

Я приготовил большую программу на первое февраля; только Шопена, как мне посоветовали из Марселя, но, к сожалению, еще не смогу сыграть траурную сонату, не успев, из-за большой программы, посвятить ей достаточное время.

Олег уезжает в Шотландию одновременно со мной, долго его, наверное, теперь не увижу, если не смогу сам поехать его навестить. Очень грустно расставаться надолго.

Мама шлет Вам и Татьяне Марковне сердечный привет, также как и Олег.

Всё же, может быть, нам удастся увидеться на юге, а пока шлю Вам, дорогой Марк Александрович, мой самый сердечный привет; также и Т. М.

Глубоко уважающий Вас, Serge.

Сейчас читаю интересную книгу: *L' Art du Piano, de Constantin Piron (Fayard)*³

Не думайте, что Mlle Allori – молодая и интересная женщина; она уже не молодая, но очень мила и имеет забавный акцент, она профессор пения и мне устроила ангажемент.

1. Личность установить не удалось.

2. Экс, Экс-ан-Прованс (Aix-an-Provence), город на юго-востоке Франции, образует агломерацию с Марселем. Население на 1950 г. – примерно 50000 человек.

3. *Constantin Piron. L' Art du Piano.* – Paris, Librairie Arthème Fayard. 1949. 318 p.

8. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

18.01.50

Милый Серж.

Так Вы скоро будете в наших краях. Это очень и очень приятно.

Вы мне сообщили неверный адрес. Я побывал на 45 авеню де ла Виктуар, там действительно есть музыкальный магазин, но Дельрие, а не Феликс Фор. Они мне сказали, что концертами никогда не занимались и что Феликс Фор тоже ими не занимается. Дали адрес Феликс Фор, – это на той же улице в номере 31. Пошел туда, и Феликс Фор подтвердил мне, что концертов никогда не устраивал. Иногда только дает для них напрокат рояль Эрара или Плейеля. На всякий случай я спросил о цене. За рояль на один вечер они берут 2000 франков, но расход на перевозку в залу концерта гораздо больше 3500 туда и 3500 назад! Что же до организации концерта, то они посоветовали обратиться к некоему мосье Дуар (Doire) в Серкль Артитик (Artitique), Бульвар Дюбушаж (Dubouchage). Так как здесь все близко, то я зашел еще в Казино Мюнисипаль. Там мне сказали, что в Ницце артисты никогда не снимают сами зала и не устраивают сами концертов. Всегда это делает мосье Дуар. Оба эти сообщения были сделаны мне совершенно независимо одно от другого Форум и Казино. Следовательно, надо думать, что этот мосье Дуар действительно здешний монополист концертов. Пошел я в Артистик и там получил у него аудиенцию. Он меня внимательно расспросил о Вас (Вы догадываетесь, что я сделал Вам рекламу). Затем он мне сказал, что *никогда* не приглашает артистов, не выслушав их. – «Если мосье Постельников приедет сюда, я охотно его послушаю и скажу ему, могу ли я пригласить его дать концерт, и тогда мы сговоримся обо всем его каше!». За счет артистов он концертов не устраивает. Добавлю еще, что в Казино я все же спросил, сколько они берут за залу. Они ответили, что берут 20000 франков. «Публисите» же обычно стоит от 15 до 18 тысяч. Их зала огромная. Иногда концерты в зале Карлония, она гораздо меньше. Сдаются и залы при гостиницах.

Вот все, что могу Вам сообщить. Сезон в Ницце сейчас не блестящий: настоящий сезон – на Пасху. Мне кажется ясным, что при устройстве собственными силами концерт должен дать дефицит. Думаю, что нужно пройти через Дуара. Между 1 и 6 февраля Вы ведь свободны. Я понял так, что Вы именно в эти дни будете в Каннах? (или после 6 февраля?). Пусть мосье Дуар Вас послушает, привезите и старые и марсельские рецензии. В случае удачи Вы без всякого риска получите «каше». Может быть, и мадмуазель Аллори знает

Дуара? Вероятно, он устраивает и концерты в Монте-Карло и Каннах, хотя там публики гораздо меньше. Адрес Дуара выше.

Кланяйтесь, пожалуйста, мосье Олегу и пожелайте ему успеха в Шотландии. Жаль, что о себе Вы мало пишете. Значит, Вы опять на рю де Вариз? Пишу туда в надежде, что Вы получите письмо еще до отъезда в Марсель. Надеюсь не только увидеть, но и услышать Вас на Ривьере.

Мы оба шлем сердечный привет Вам, Вашей Матушке и Юлию Осиповичу.

Потрудитесь получше...[НРЗБ]

1. Cashet – гонорар (*фр.*)

9. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

Вторник 25.4.50

Дорогой Марк Александрович,

Большое спасибо за Ваше доброе письмо и хорошие пожелания к прошедшим праздникам. Не хотел очень Вас огорчать своим предыдущим письмом, но в моем положении (совершенно парадоксальном) предпочтительнее тогда совсем не писать, что я и делаю по отношению к большинству знакомых; Вас же считаю большим другом и поэтому решился Вас «огорчить».

Пока еще не удалось узнать ничего про венгра-скрипача. Он уехал для меня совсем неожиданно, т. к. был и работал последние месяцы в Radio-Luxembourg'e, где я и надеялся его увидеть, когда ездил туда недавно, но там я узнал об его отъезде в Америку, совсем случайно. Мы с ним мало времени виделись вообще, познакомившись – разъехались в разные стороны, и только изредка переписывались по поводу одного концертного проекта, оставшегося в воздухе. Постараюсь еще, при случае, узнать кое-что о нем через общих знакомых.

То, что Вы так твердо решили верить в мой «талант», – для меня в высшей степени ценно. И я верю в свои способности и возможности, но дело теперь не в этом. Пришла пора решаться: сделаю ли я карьеру или не сделаю, при отсутствии денег на это. Известность надо себе «создать» самому, и для этого надо «предпринимать» турне, концерты на свой риск, пока я не сделаю европейской известностью. Потом, при удаче, придут предложения и ангажементы. Даже если я не смогу предпринять первое турне по Европе, то

лучше не терять времени и решаться искать другие средства к существованию.

Высиживать, ожидая случайных engagement, у меня нет материальной возможности. Моя цель была: работать еще до осени, чтобы дать концерт с новой программой в Париже, после 5-летнего молчания. Средств для этого у меня и моих близких нет. Говорить об этом моим знакомым – бесполезно, во всяком случае мне лично, трудно: это все равно, что просить денег взаймы. Ни один пианист, делающий карьеру и работающий для этого целый день, не может существовать редкими уроками. У меня определенно есть способности к педагогической деятельности, я всегда давал уроки, но для того, чтобы приобрести достаточное количество учеников, надо делать рекламу (концерт – тоже реклама) или иметь пост профессора в учебном заведении. Поэтому ломаю себе голову, что предпринять в этих различных направлениях; трудно решиться самому – на что направить свою энергию. В концертном поприще нужно иметь ловкого агента-представителя, каковых в Париже мало или совсем нет. Организаторша моих двух последних концертов в Париже (в 44 и 45 гг.): Mme Bouchonnet, крупнейшее предприятие (Office Artistique Continental) 45 Rue de Boetie – Paris 8), ровно ничего не делает для меня, зная, что я так давно не давал ей заработать на себе, не играя в Париже. Рисковать же расходом концерта – не хочет или не может; артисты, уже приобретшие некот[орую] известность в Париже, обыкновенно имеют leur public¹ и дают концерты a leur compte². У меня также есть «своя публика», но покроет ли она расходы (огромные), мне не известно, возможно, что и не покроет, т. к. концерт обходится в сто с лишним тысяч, в Gaveau³, где я играл в 45 году: тогда расходов было 30000, которые покрывались. Первое, что Mme Bouchonnet мне скажет, если я начну с ней говорить, – это: «нужно дать концерт осенью. Вас не слышали в Париже 5 лет», – «это будет стоить столько-то» – добавит она. Для того, чтобы услышать это, – не стоит беспокоиться (te déranger).

Ну вот, достаточно об этом, извините, что так пространно расписываю Вам свои заботы. Очень благодарю Вас за готовность дать рекомендацию Олегу: он, конечно, имел бы возможность остаться в Англии, но очень тревожится о моем будущем и готов был бы вернуться в Париж, если б в этом смог мне помочь.

Для себя я всё равно ищу работы, чего же откладывать, если всё равно несколькими неделями позже необходимо будет прийти к этому заключению: музыка не в первый раз потеряет «служителя» и плакать особенно не будет.

Я все же не лишен некоторого образования, скажем: культуры, и

мог бы, напр., в издательстве или книжном деле оказаться пригодным: сколько людей, не пригодных ни к чему, занимают хорошие места. Может быть, через Юлия Осиповича что-нибудь представится.

Еще раз благодарю Вас за письмо и за дружбу и прошу Вас, дорогой Марк Александрович, принять мой самый сердечный и дружеский привет. Искренний привет Татьяне Марковне.

Уважающий Вас, Сергей П.

Мама и Ю. О. очень благодарят за пожелания и шлют Вам привет.

1. Свою публику (*фр.*)

2. Самостоятельно, своими силами (*фр.*)

3. Концертный зал в Париже по адресу 45 rue la Boetie. Действует до сих пор.

10. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

03.05.50

Милый Серж.

Вы очень огорчили и даже расстроили меня своим письмом. Я не хотел отвечать, не поговорив предварительно с людьми, знающими музыкальные дела лучше, чем я. Их тут двое, из таких, что я знаю. Один композитор, Л. Л. Сабанеев¹, другой обрусевший чех, тоже композитор, давно живущий во Франции². Вас я не называл, но спрашивал их, что бы они посоветовали бы человеку в Вашем положении, виртуозу большого таланта, но не имеющему денег. Оба сказали мне, что концерт в Париже ничего дать не может. В лучшем случае будут отзывы в газетах, причем в газетах больших очень короткие. Большой дефицит неизбежен. Чех прямо мне сказал, что самым известным виртуозам Париж дает убыток. Результатов же никаких. Да это и подтверждается Вашими прежними концертами. Вас ведь и в Марсель пригласили гораздо позже парижских выступлений и без всякой связи с ними. – «Что же вы советуете?» Не скрою, сколько-нибудь убедительного ответа и на этот вопрос я не получил. Из мыслей, которые чех высказывал, передаю Вам две: попробовать получить должность в русской парижской консерватории; попробовать получить приглашение в Англию. Там концерты, особенно в провинции, часто приносят доход и ведут к дальнейшим приглашениям. И то и другое – гораздо легче сказать, чем сделать. Если хотите, я мог бы дать рекомендательное письмо к Павлу Ивановичу Ковалеву³, но я его знаю очень мало, а Вы, кажется, с ним знакомы. По словам чеха,

там ~~читает~~ преподает (в русской консерватории) человек десять! Кажется, каждый получает половину от того, что платят ученики. Боюсь, что это составит мало. Но это дает имя, музыкальную среду и некоторые связи. Знаю, что Вас это не очень соблазнит. В Англии я ни одного музыканта не знаю. Впрочем, если бы ~~Олег~~ мосье Олег мог навести справки? Попросите его. Поехать в Англию это и гораздо проще, чем поехать в Америку (и визы не надо), и неизмеримо ближе, и гораздо дешевле. Если бы Вы получили приглашение, хотя бы пробное, хотя бы с очень ничтожным гонораром, то это, думаю, было бы осязаемо. Как Вы думаете?

Если же из этого ничего выйти не может, то я не считаю, что служба в издательстве (есть и музыкальные издательства) непременно ведет к тому, что «музыка не в первый раз потеряет служителя», — так Вы пишете. При энергии одно совместимо с другим. Я много лет исполнял техническую работу в «Последних новостях», а по вечерам писал для себя. И таких примеров множество. Никак не говорю, что это легко. Никак не говорю, что это «полезно» артисту. Нет, не легко и не полезно. Но и жизнь вообще нелегкая вещь, — Вы за Вашу короткую жизнь могли убедиться в этом так же хорошо, как я за длинную. Думаете ли Вы, что Юлий Осипович *может* это для Вас найти? Вы передо мной и другими русскими писателями имеете то преимущество, что Вы французский гражданин. Если мне придется искать службы (что отнюдь не исключается), то во Франции я, как иностранец, ее никогда не получу. В Америке другое дело. И это одна из причин, по каким я не могу остаться во Франции, т. е. должен сохранить право вернуться в Соединенные Штаты.

Мой совет Вам не слишком огорчаться и не терять бодрости духа. Вы ответите, верно, что Вы их и не теряете. Хотелось бы этому верить, но по Вашим письмам этого не вижу.

Шлю самый сердечный привет, к которому присоединяется Татьяна Марковна. Очень кланяемся Вашей матушке и Юлию Осиповичу.

[от руки] Цитировал ли я Вам строки Гёте: Muth verloren — alle verloren, Dann wir'es besser nicht geboren⁴.

...мы скажем, что они напротив, сокращают...

1. Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968), композитор, музыкальный критик.

2. Установить личность не удалось.

3. Ковалев Павел Иванович (1890–1951), директор Русской консерватории им. Рахманинова в Париже с 1946 по 1951. Пианист, композитор.

4. Gut verloren — etwas verloren! / Mußt rasch dich besinnen / un neues gewinnen./

Ehre verloren – viel verloren!// Mußt Ruhm gewinnen,/ da werden die Leute sich anders besinnen./ Mut verloren – alles verloren!// Da wär es besser, nicht geboren. (Goethe, Zahme Xenien, 8. Axiom.). – «Добро потеряешь – не много потеряешь, / честь потеряешь – много потеряешь, / мужество потеряешь – всё потеряешь» (Пер. мой. – С.П.).

11. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

08.08.50

Cannes, le 8 Aout 1950

Villa Beau-Geste, av. Fiesole

Дорогой Марк Александрович,

Очень обрадовался Вашему быстрому ответу и тому, что Вы, быть может, соберетесь в Канн.

Но, Вы пишете: если Вам будет лучше: разве Вы не здоровы?

Может быть, Вам трудно подняться до виллы? В таком случае, мы могли бы встретиться у автокара или в городе...

Сейчас на вилле живут хозяева-англичане, и поэтому я не могу попросить Вас позвонить мне по телефону, не зная их достаточно, хотя я и приглашен ими в субботу на *costail*, с Олегом. Они очень хотят меня услышать и предложили мне упражняться по утрам на их рояле. Поэтому я бываю по утрам дома и хожу купаться после обеда, но не каждый день, тогда сижу дома.

Т.е. меня можно застать утром и после обеда, до 3^х с половиной.

За эти дни я уже хорошо отдохнул, читаю немного и стараюсь организовать эту зиму, мысленно.

Мама и Ю. О. в Париже; к сожалению, не смогут, кажется, уехать отдохнуть. При встрече расскажу Вам кое-что.

Олег и его родители очень благодарят Вас за память и шлют сердечный привет; у них всё идет потихоньку, хоть и устали порядком. Сергей Петрович¹ уже давно не служит и получает маленькую пенсию.

В Канн чудно, не очень жарко, не так, как пишут в газетах...

Дорогой Марк Александрович, может быть, до скорого свидания. Во всяком случае, я не уеду отсюда, не заехав к Вам в Nice, если Вы не сможете сюда приехать; думаю пробыть здесь до 22-го августа. Шлю Вам и Т. М. самый дружеский привет.

Любящий Вас,

Сергей

1. Отец Олега Погибина. Офицер 22-го пехотного полка. Капитан 23-го Сибирского полка. Ум. в 1954 г. в Париже.

12. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

11.08.50

Милый Серж.

Очень благодарю за письмо. Я действительно себя чувствую не очень хорошо. Ничего серьезного, выхожу как всегда, но большая физическая и нервная усталость, вероятно от повышенного давления крови. Если я отправлюсь в Канн, то в самом деле напишу Вам дня за два и предложу встретиться в Кафе де-з-Алле (или де-з-Аллие?), а то подъем на виллу действительно трудный. Разумеется, буду очень рад Вас видеть.

Пожалуйста, кланяйтесь Олегу Сергеевичу и его родителям. Мы оба шлем Вам сердечный привет.

13. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

*10.09.50**c/o Mlle Allori**38, Cours du Vieux-Port**Marseille**le 1 September 1950*

Дорогой Марк Александрович,

Итак, с прошлого воскресенья я в Марселе; чувствую себя здесь хорошо, как дома. У Mlle Allori 2 помещения рядом, и поэтому у меня впечатление, что это она приходит ко мне в гости. Чрезвычайно радужный и хороший человек.

Я был рад, что съездил в Ниццу Вас повидать, и немного жалею, что разговор был почти исключительно обо мне, когда так бы хотелось поговорить с Вами и на «серьезные темы».

Мне пришла в голову мысль начать писать Вашу биографию, если Вы согласились бы, и в следующую нашу встречу я хотел бы начать сбор материала. Ваши книги я оставил для чтения у Погибиных, они были чрезвычайно рады им и набросились на них, так что мне пришлось их им оставить, Олег, проездом через Марсель, привезет их мне, и я тогда начну читать.

Я серьезно принялся за работу. 7-го сентября, в четверг, буду играть в Радио, в 7 ½ ч. вечера – 3 вещи Chopin. Есть ли у Вас приёмник?

Время пролетает здесь быстро и возвращение в Париж прибли-

жается. Будете ли Вы там этой зимой и не совпадет ли Ваш визит с моим концертом? Это было бы хорошо.

Родители Погибина были очень тронуты Вашим предложением похлопотать *eventuellement* о их принятии в дом инвалидов, но они еще ничего не решили конкретно по этому поводу, боятся, что не выдержат условий и климата.

Итак, пока всего доброго, шлю Вам свой самый сердечный привет и поклон Татьяне Марковне.

Искренне привязанный к Вам Сергей.

Каковы известия о Бунине?

14. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

03.09.50

Милый Серж.

Рад был Вашему письму, тому, что Вы довольны пребыванием в Марселе, что скоро будете играть. Желаю очень большого успеха. К сожалению, ни у меня, ни у моих очень немногочисленных здесь знакомых радиоаппарата нет.

Меня очень тронуло Ваше желание написать мою биографию, спасибо. Но и в жизни моей ничего особенно интересного нет, и, главное, для биографии еще не умершего русского писателя во Франции, да и нигде, издателя не найдете. Когда Вы станете действительным сотрудником «Нувелль Литэрер»¹ или других периодических изданий, Вы найдете случай написать обо мне, и я заранее сердечно Вас благодарю.

Я чрезвычайно расстроен: Бунин совсем плох, сегодня ему в клинике делают серьезную операцию². В ожидании вестей о нем просто не нахожу себе места. Поэтому и пишу Вам кратко. Планов еще никаких не имеем. Может быть, послезавтра уедем, но ненадолго.

Пожалуйста, кланяйтесь Мадмуазель Аллори, а в письмах семье Погибиных. Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие наши пожелания. Перед отъездом в Америку – если уедем – повидаю Вас в Париже.

1. *Nouvelles Littéraires*, литературно-критический журнал, издавался в Париже с 1925 по 1985. Считается одним из наиболее представительных художественных журналов Франции. Подробнее см.: *Curatolo B. Les Nouvelles littéraires: une idée de littérature?* URL: <http://www.fabula.org/colloques/index.php?id=1451>

2. Операция предстательной железы.

15. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

03.08.51

Милый Серж.

Как Вы, конечно, знаете, я побывал в понедельник у Вашей матушки. Разговор с ней о Вас оставил меня в тревоге относительно Вашего материального существования в августе. С началом сезона, Бог даст, что-нибудь как-нибудь наладится, но теперь я вынес впечатление, что, быть может, Вам в августе просто будет невозможно и питаться? Я решил поэтому написать о Вас в Нью-Йорк Литературному Фонду¹. Если б я знал это еще в Нью-Йорке, мне, наверное, не отказали бы, но *писать* совсем не то же самое, что *лично* просить, а кроме того, летом у Фонда и денег нет, и он даже не собирается. Главное же, Литературный Фонд это, в сущности, мы сами, писатели: мы все очень небогаты и фонд небогат. Больше 25 долларов он и вообще не дает (это всегда единовременная помощь, а не постоянная), – а Вам больше уж наверное не даст, так как по уставу может оказывать помощь только русским писателям и ученым (а не музыкантам). Возможно, что я и вообще получу отказ. Тут ничего обидного будет ни Вам, ни мне. Но до сентября я наверное не получу ничего. Я поэтому тотчас по получении Вашего ответа вышлю Вам, скажем, три тысячи франков (послать сразу все – Вы тотчас истратите?). Мне нужно знать, куда их выслать. У Вас три адреса, а денежный перевод это не то, что письмо: почтальон может отдать деньги только самому адресату. Укажите мне, куда послать Вам. Если я получу что-либо от Фонда, переведу Вам остаток (доллар это 345 франков). Если не получу, обещаю Вам не описывать Вашего имущества. Жду ответа.

Ваша мама, кстати, сообщила мне, что Вы с ней очень «раздражительны». Это очень плохо. Я Вам сто раз говорил и повторяю в сто первый, что Вы должны быть с матерью ласковы и почтительны. Помните, сколь многим Вы ей обязаны (в частности, Вашим прекрасным воспитанием).

Теперь другое, тоже денежное, но гораздо более «деликатное» дело. Осведомляю ВАС о нем *по необходимости*. Рассчитываю на Ваш ум и такт. Ваша матушка просила меня похлопотать в еврейских американских кругах о денежной помощи Юлию Осиповичу. Если б Ваша мама написала мне об этом в Нью-Йорк, то я нашел бы, верно, какие-либо ходы, хотя связей у меня в этих кругах там нет. Отсюда я просто даже не знаю, кому туда писать и хотя бы справиться, есть ли там для этого какие-либо возможности. Я зашел сегодня в Ницце к

моему знакомому еврейскому общественному деятелю А. Я. Тейтелю². Он мне сказал, что в С. Штатах он тоже никого не знает и думает, что оттуда вообще помощи получить нельзя: они там будто бы считают, что во Франции есть очень много богатых евреев и они сами обязаны помогать нуждающимся единоверцам. Но он сообщил мне, что в Париже действует в этом направлении так называемый Тейтелевский комитет³ (названный по имени его давно умершего отца). Во главе этого комитета стоит престарелый А. И. Лурье⁴ (Lourié, 2 Square Henri Paté, Paris 16). Этот комитет оказывает помощь интеллигентам-евреям в виде ежемесячных субсидий в размере около пяти тысяч франков. Я ему пока Юлия Осиповича не назвал. Скажу Вам правду: я знаю, что НЕЛЬЗЯ обращаться с соответственными просьбами без согласия самого заинтересованного лица (т. е. в данном случае Ю.О-ча), даже по просьбе жены или детей. Юлий Осипович не молодой человек, я ведь его знаю не так близко, он еще мог бы на меня рассердиться за хлопоты без его личного согласия. Тейтель мне сказал, что охотно, по моей просьбе, напишет г-ну Лурье (с которым я не знаком) и сошлется на мою рекомендацию. Указал мне также ближайшего сотрудника Лурье, А. С. Альперина⁵, которого я, напротив, хорошо знаю, он очень милый человек. По мнению Тейтеля, есть НАДЕЖДА (но только надежда, а никак не уверенность), что этот комитет назначит Ю. Ос-чу 5000 франков в месяц (еще полгода тому назад они сделали бы это, по его словам, наверное, но теперь комитет очень обеднел). Мы условились с ним так: если я получу согласие Ю. О-ча, то я опять зайду к Тейтелю, сообщу ему, о ком идет речь, и тогда он напишет Лурье, а я – Альперину. Он предупредил меня, что по всякому ходатайству производится «анкета» (имущественное положение, возраст, есть ли состоятельные родные), но она производится, по его словам, всегда в высшей степени корректно – больше полагаются на рекомендации. Мне и НЕОБХОДИМО знать, согласен ли на это Ю.О. Разумеется, мне вовсе не нужно, чтобы он мне сам об этом написал. Я буду ждать Вашего ответа. И, повторяю, уверенности в успехе нет никакой, – только надежда. Я готов, конечно, сделать для этого всё, что от меня зависит.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания. Привет дома.

1. Литературный фонд помощи писателям и ученым (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile) основан в 1918 г. Благотворительная организация, оказывавшая финансовую поддержку русским эмигрантам. В 1950 г. председателем был М. Е. Вейнбаум, секретарем – И. М. Троцкий.

2. Тейтель Александр Яковлевич (?–1965), юрист, член Берлинской группы Партии народной свободы (к.-д.). Умер в Ницце.
3. Комитет помощи русским евреям в Германии (Комитет им. Тейтеля). Создан Я. Л. Тейтелем в 1935 г. в Париже. Подробнее о деятельности комитета см.: *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). – М.: НЛЮ, 2013. Тейтель Яков Львович (1850–1939), общественный деятель, юрист, действительный статский советник. С 1921 г. в Берлине. С 1933 г. – в Париже.
4. Лурье Арон Израилевич (1863–1952), общественный деятель, юрист, с 1923 г. в Париже.
5. Альперин Абрам Самойлович (1881–1968), общественный деятель, промышленник, меценат, масон. См.: *Газданов Г.* Памяти А. С. Альперина // Собрание сочинений в пяти томах. Том третий: Романы. Рассказы. Литературная критика и эссеистика. Масонские доклады. – М.: Эллис Лак 2000, 2009. – Сс. 675-677.

16. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

06.08.51

Paris

le 6 Aout 1951

Глубокоуважаемый и дорогой Марк Александрович!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 3-го, мне совестно причинять Вам столько забот и хлопот! Я, сам, хотел уже Вам написать по поводу нашего разговора о «Истории русской музыки». Я, разумеется, с радостью взялся бы за этот труд, явившийся бы моим первым литературным трудом; надеюсь, что у меня хватит сил и знаний исполнить его как можно совершеннее. И мне доставило б особенную радость быть обязанным Вам в этом «литературном крещении». У меня иногда появлялось и раньше чувство, что я буду писать и, возможно, что это предчувствие осуществится благодаря Вам. Но, я не буду, по Вашему совету, приходить еще в особенный энтузиазм!

Насчет вашего ходатайства обо мне в Литер. фонде – большое спасибо: *nous brûlons toutes les étapes*¹, я даже еще не написал ни одной книги и уже собираюсь «обременять бюджет литературы»! Но принимая во внимание, что у меня действительно в августе «хоть шаром покати», – я с радостью соглашаюсь с тем, что Вы пишете. Мой *domicile*² по моим бумагам по-прежнему на *rue de Varize* № 20 (телефон на мое имя), часть корреспонденции я получаю у мамы дру- гую часть на 25 *rue de Civry*; и тут, и там всё доходит в исправности,

пишите мне по Вашему усмотрению. На av. Bourdonnais почты я не получаю, хотя, если случайно мне туда приходит письмо, то консьержка его принимает. На Cîvry – комната на мое имя, но я – как француз – имею право иметь несколько domiciles.

Мне хочется сказать Вам, дорогой Марк Александрович, насколько наша последняя с Вами встреча меня порадовала и ободрила. Хотя Вы и сказали мне, что я не должен принимать Ваше отношение ко мне как дружеское чувство, а, скажем, как *une affection*³, я ведь, по-вашему, «клоп», – как бы мы его ни называли – оно для меня необычайно ценно; и я всё глубже осознаю, насколько я баловень судьбы, пославшей мне в Вашем лице столь «большого» друга, или старшего брата. Но мне хотелось бы знать, в чем я бы мог доставить Вам какую-нибудь радость или хоть удовольствие. Полезным Вам быть я, по-видимому, в этой жизни не смогу, но, с моей точки зрения, я рассматриваю нашу встречу как неслучайность и считаю ее кармической. Поэтому – ишу, на какой почве она может оказаться творческой не только с одной стороны. Но, боюсь, Вы не примите всерьез мои «глубокие размышления»!

Со своей стороны, каюсь в «раздражительности» с мамой; но это – тоже карма! Кое-что уже выяснили с Ю. О., на основании Вашего письма думаю, что он согласен, в принципе, обратиться через Ваше, столь любезное посредничество, в этот комитет. Но сообщу Вам окончательное его решение в ближайшие дни, в следующем письме; он просит меня очень Вас поблагодарить и шлет Вам, так же как и мама, сердечный привет. В следующем письме сообщу Вам также о «Nouvelles Littéraires».

Мой самый сердечный привет Вам, дорогой Марк Александрович, и Татьяне Марковне.

Любящий Вас Сережа.

Нравится ли Вам по-прежнему в Ницце?

1. Не будем опережать события (*фр.*).

2. Местонахождение, адрес (*фр.*).

3. Привязанность (*фр.*).

17. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

08.08.51¹

Милый Серж.

Сегодня утром получил Ваше письмо и послал Вам 5000 фран-

ков переводом, на котором на почте нацарапал несколько слов. Послал на рю де Сиври.

Вы очень мило мне написали, – даже и стилистически. (Но есть одна орфографическая ошибка, первая, кажется, которую я у Вас нашел). Дело, конечно, не в стиле.

Через некоторое время напишу о Вас фонду – торопиться незачем, так как он теперь летом бездействует.

Напишу немедленно в новое издательство. Для этого тотчас мне сообщите, что именно Вы уже напечатали в иностранных издательствах и в каких? Кажется, кроме «Нувелль Литтерэр», были и швейцарские? Присылать статьи незачем. Еще раз скажу, что шансов на заказ книги немного, Вы не должны делать себе иллюзий. Вы догадываетесь, что я-то сделаю все от меня зависящее. Ответ будет не скоро.

Если Ю. О. согласится на мои хлопоты в Тейтелевском комитете, то, пожалуйста, напишите мне заглавие его книги и название издательств (только *это*, конечно, сообщите мне, НЕ запрашивая его). Верно ли я запомнил со слов Вашей матушки, что он получает 9000 фр. в месяц пособия для безработных и никаких других заработков не имеет?

Я тронут Вашим желанием «отблагодарить» меня. Не думайте об этом, у Вас достаточно забот. После моей смерти напишете обо мне некролог.

Шлю сердечный привет и лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов.

Нашли ли Вы тогда очки?

1. Письмо хранится в другой коробке архива, в массе неразобранной корреспонденции.

18. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

13.08.51

Париж, 13 авг. 51

Дорогой Марк Александрович,

Получил Ваше письмо и мандат в субботу, вернувшись после трехдневного отсутствия из Парижа (был с Олегом у знакомых в Garches¹), что объяснит Вам мое легкое запоздание с ответом. От всей души благодарю Вас за все.

Вчерашний день провел в хлопотах: днем проводил маму и

Юлю, уехавших на несколько дней. Вечером уехал в Германию Олег: таким образом, я, в один и тот же день, побывал на двух вокзалах.

Сегодня с утра принялся за корреспонденцию. На прошлой неделе мне не удалось увидеть редактора «Nouvelles Littéraires», постараюсь это сделать dès cet après-midi², но почти все покидают город к 15-му августа. Я чувствую себя очень хорошо в полупустом доме и в нашем Auteuil³.

Простите, что отвечаю с опозданием на Ваш вопрос из письма от 8-го о напечатанных мною статьях⁴:

Article: «Le théâtre du Jorat (Suisse)» dans le «Nouvelles Littéraires» – Paris, le 19.6.1947.

Article: «A propos du theater du Jorat et de son createur: René Morax» – dans le journal «Arts», Paris, le 4 Juille, 1947.

Grand article sur: «La Faust de Goethe an Goetheanum du Dornach», paru dans la «Revue française de l'Elite», №8, Paris (25-V-48).

Статья: «3 Aspects de l'Art: chant, musique, eurythmic», вышедшая в revue «Notre Siècle», en Août 1950. Под псевдонимом «Astralis».

В швейцарской прессе, насколько мне помнится (при моей памяти, я мог бы и позабыть!), я ничего не печатал.

Юлий Осипович дал мне, перед отъездом, свой положительный ответ, насчет обращения в Тейт[елевский] комитет.

Я понял, что делает он это исключительно для мамы и, отчасти, для меня, но что это ему не особенно приятно, несмотря на его материальное положение; он действительно до последнего времени получал указанную Вам мамой сумму⁵, теперь же он будет проходить стаж⁶ по изучению другой специальности (как correcteur) в типографии; это все, что я знаю и могу Вам сообщить. Он вернется в Париж в конце этой недели. Он очень благодарит Вас за Ваше посредничество и рекомендацию.

Его книга «La Ville Noire»⁷ вышла еще до войны (в 1939) в «Collection des Artistes Populaires»⁸; другая его книга «Messages Russes»⁹ должна была выйти у Grasset¹⁰, но была взята, насколько я знаю, Ю. О. обратно для переделки (я видел épreuves¹¹) и будет названа: «Le vie et l'œuvre de Dm. Merejkowsky»¹². Он печатает статьи в «Arts» (Paris), revue «Maintenant» (Grasset), в la «Nouvelle Gazette de Charleroi» (Belgique), revue «Pari», etc. У него есть и другие работы «en preparation»¹³: «Les populistes russes et Jean Lombard»¹⁴, etc.

Дорогой Марк Александрович, мне бы очень хотелось прочесть Вашу книгу «La nuit d'Ulm»¹⁵, но где ее достать? Еще раз большое спасибо за Ваше участие и хлопоты, не знаю, как Вас благодарить.

Шлю Вам и Татьяне Марковне сердечный привет и поклон. Скоро напишу еще.

Любящий Вас, Сергей Постельников.

Мне одолжили прочесть «Психология музыкально-творческого процесса» Л. Л. Сабанеева, не Ваш ли это знакомый в Ницце?

[на полях:] Я слышал, что скончалась вдова Рахманинова¹⁶?

1. Гарш – город в 12 километрах западнее Парижа.
2. Сегодня же днем (*фр.*)
3. Отёй, район Парижа, находящийся в 16 округе. Считается престижным и «буржуазным». Также там проживали Ал. Толстой и А. Куприн.
4. Перечислены статьи: «Театр Жорá (Швейцария)» в *Nouvelles Littéraires*, «О Театре Жорá и его создателе: Рене Моракс» в журнале *Arts*, большая статья «‘Фауст’ Гёте в Гётеануме Дорнаха», опубликованная в *Revue Française de l'Elite*, «3 аспекта искусства: танец, музыка, эвритмия» в журнале (дайджете) *Notre Siècle*, август 1950.
5. «Ю. О. находился на ‘безработице’ с мая или июня 1950-го. Очки нашлись тогда же, в *café*, где мы пили кофе. Простите за плохую бумагу.» (Прим. Серг. Постельникова).
6. Stage – практика (*фр.*)
7. Черный город (*фр.*)
8. *Jules Cheiner. La ville noire // bois gravés originaux par André Fertré.* – Paris: Les artistes populaires. 1939. 127 p. Данный текст публиковался и до выпуска книги: *Jules Cheiner, qui travailla pendant un an dans une mine belge, publia, en 1934 dans Prolétariat un témoignage sur la rude existence qu’il avait menée.* – *Ville Noire.* (Жюль Шейнер, проработавший год в бельгийской шахте, опубликовал в 1934 г. в *Prolétariat* свидетельство о тяжелой жизни. – Пер. с *фр.*). См: *Michel Ragon. Histoire de la littérature prolétarienne de langue française.* – Paris: Albin Michel, 2013. 331 p.
9. «Русские послания» (*фр.*)
10. Французское издательство, основанное в 1907 году.
11. Гранки (*фр.*)
12. Жизнь и труды Дм. Мережковского (*фр.*)
13. В процессе подготовки (*фр.*)
14. Русские популисты и Жан Ломбар (*фр.*). Жан Ломбар (1854–1891), французский романист, самоучка-пролетарий, автор исторических романов, посвященных Риму времен упадка и Византии. Жану Ломбару также посвящена статья Ю. Шейнера «Jean Lombard» в газете *L'en dehors*, № 276, 15.11.34.
15. «Ульмская ночь» (*фр.*)
16. Наталья Александровна Рахманинова (Сатина) скончалась 17 января 1951 года.

19. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

15.08.51

Paris

le 15 Août 1951

Дорогой Марк Александрович,

Пишу Вам опять, т. к. был вчера в «Nouvelles Littéraires», говорил не с редактором (он в отпуску), а с его заместителем, секретарем редакции, неким Mr. Bougiu. Сказал, что буду иметь случай встретить Вас, что Вы недавно вернулись из Америки, и предложил ему, если Вы на то согласитесь, поместить в N. L. interview, которое я попытаюсь от Вас получить. Он, конечно, осведомлен о Ваших, выходящих во Франции, книгах и сказал, что, кажется, в ихней газете была заметка о Вас; знали ли Вы об этом? Мое предложение его очень заинтересовало, и он попросил меня занести или прислать ему мой текст (форма interview ему подходит).

Без редактора он, как мне показалось, не смог мне сам «заказать» (он так и выразился по-франц.) статью, но спросил – когда я Вас увижу (я ~~сказал~~ ответил, Бог простит, что, вероятно, в начале будущей недели!) и, повторяю, сказал принести ее ему. Я пошел в N.L. от самого себя, найдя, что артикль о Вас не нуждается в чьей-либо рекомендации; в разговоре, всё же, я наконец намекнул на свое знакомство с их музыкальным критиком (Marc Pincherle¹), и с Jouglet², быв. директором у Grasset, благодаря которому я попал в «сотрудники» Nouv. Litt.!

Если у Вас не пропала охота и если Вам это не слишком скучно, то будьте так добры ответить мне на те вопросы, которые Вы найдете нужными, что <...> я Вам поставил; по-моему, к ним следовало бы прибавить хоть один «нескромный вопрос», не касающийся прямую литературу; или Вы считаете, что это было бы несерьезно для N.L.? В Америке ведь журналисты очень падки на такие вопросы, или, вернее, на ответы. Например, если б я задал вопрос: «Croyez-vous, mon cher Maître, que la civilisation européenne est appelée ce (?) survive a la bombe atomique?»³ или: «Pourvoux-vous résumer in quelques mots, pour les lectures du notre journal, ce que vous pensez de l'existentialisme du Sarthre?»⁴

Тут мы сможем направить благородных читателей на Вашу книгу «La nuit d'Ulm», 3-ю часть которой Вы посвящаете этому вопросу. Хотя я и не особенно за то, чтобы делать Sarthre'у бесплатную рекламу!

Вчера я провел с 12-ти до 6-ти часов в Национ. Библиотеке; не

утерпел заглянуть в «Общий гербовник русского дворянства» и приятно пощекотал себя лицезнением герба⁵ рода Постельниковых! Но, *un resché entraîne un autre*⁶, и мне хотелось бы заглянуть в свою родословную: из Савелова⁷ получается, что мои предки в бархатную книгу⁸ не попали... указывает на «бояр и князей» и т. д., но не на нее. Только Вам признаюсь в сём препровождении времени!

Дорогой Марк Александрович, кончаю, не перчитываю (страшно... много наговорил глупостей), жду с нетерпением ответа и шлю Вам свой самый искренний, сердечный привет.

Любящий Вас, Сергей Постельников.

Можно ли Вас спросить, что Вы нашли «стилистическим» в моем пр. письме?

-
1. Марк Пеншерль (1888–1974), французский музыковед. Исследователь творчества Вивальди. Президент Société française de musicologie (1948–1956).
 2. René Jouglet (1884–1961), французский писатель.
 3. Учитель, верите ли Вы, что европейская цивилизация переживет атомную бомбу? (*фр.*)
 4. Не могли бы вы вкратце, в двух словах, рассказать нашим читателям, что Вы думаете об экзистенциализме Сартра? (*фр.*)
 5. Даже срисовал его! Такой он красивый (прим. С. Постельникова)
 6. Один грех ведет к другому (*фр.*)
 7. Савёлов Леонид Михайлович (1868–1947) – русский историк и государственный деятель, автор многих книг по русской генеалогии.
 8. Родословная книга наиболее знатных боярских и дворянских семейств России.

20. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

21.08.51

Милый Серж.

Простите, что с опозданием отвечаю – и очень пока кратко – на Ваши два письма: мне нездоровилось, уже понемногу проходит. А кроме того, я о Вас (о книге) написал в Нью-Йорк издательству, а об Юлии Осиповиче Альперину, и скоро надеюсь получить предварительные ответы, после чего подробно напишу Вам обо всем. По делу Ю. О. я опять зашел к Тейтелю, назвал имя Ю. О-ча, указал его книги. Тейтель обещал все это немедленно написать Лурье.

Моя книга «La nuit d'Ulm» еще в печати не появилась: я и написал пока не более половины. А вот «Истоки» Вы прочли бы, если не

с интересом, то с пользой – там, кстати, есть и о людях, занимающихся своей генеалогией¹ («от 12 до 6 часов»). Это поможет «сбить с Вас спесь». Красивый ли Ваш герб? Впрочем, Вы сообщаете, что он красивый.

Сердечно Вас благодарю (правда, тронут) за желание сделать мне рекламу. Напишу, напишу, но не в ближайшие дни. Вы скажите (если уж выдумываете), что Алданов уехал и скоро вернется. Заметки в «Нувелль Литтерер» о себе я не помню, хотя, может быть, она и была. «Истоки» (по-французски *Avant le Deluge*) вышли у Ашетта в прошлом году. Русский оригинал Вы можете достать в любой русской библиотеке. Впрочем, я шучу, читать не обязательно. Вам надо сидеть не менее шести часов у рояля, ровно столько, сколько Вы срисовывали свой герб.

Сабанеев – тот самый.

Вдова Рахманинова скончалась в январе этого года.

Шлем самый сердечный привет.

1. Тайный советник Ю. П. Дюммлер.

21. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

29.08.51

Paris

le 29.8.51

Дорогой Марк Александрович,

Получил Ваше письмо от 21 и сердечно благодарю Вас за него. Надеюсь, что Ваше нездоровье совсем прошло. Я тоже что-то расклеился и чувствую себя неважно, очевидно – загнанная внутрь простуда. Очень обрадовался известию, что Вы уже написали в издательство обо мне; интересно, каков будет ответ.

Ю.О. уже получил письмо (с чеком в 5000) от Альперина и, кажется, другое – от комитета. Ю.О. в настоящий момент встает каждый день до 6-ти утра и возвращается домой вечером совсем без сил; он напишет Вам скоро сам, а пока просит еще раз Вам передать привет и поблагодарить Вас.

У меня лично ничего нового пока нет, к сожалению. Готовлюсь, без большого энтузиазма, к встрече с Юроком¹, которому на днях должен написать.

Простите, что пишу сегодня коротко.

Шлю Вам, дорогой Марк Александрович, самый сердечный привет и жду в скором времени «interview».

Любящий Вас, Ваш Сергей Постельников.

1. Сол Юрок (при рождении – Соломон Израилевич Гурков) (1888–1974), американский импресарио и продюсер. Работал с Ф. Шалапиным, А. Рубинштейном, М. Андерсон.

22. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

07.09.51

Милый Серж.

Надеюсь, Вы уже совсем оправились? Я еще не совсем, но ничего серьезного.

Я тогда же написал о Вас в это новое издательство, написал и его главе Н. Р. Вредену¹, и его помощнице В. А. Александровой² (по мужу Шварц). Вреден где-то отдыхает, а от Александровой я получил ответ, страницу которого Вам прилагаю. <...> «С. С. Постельников» – это Вы, – на случай, если б Вы не догадались. Если даже Вреден и вернулся (в чем я сомневаюсь), то решение будет принято нескоро. Издательство только что создано и до октября во всяком случае и к работе не приступит. Я много больше надежды возлагаю на Ваш рояль, чем на письменный стол. Однако написал об «С. С. Постельникове» как о музыкографе очень лестно в надежде, что Бог меня простит, – как говорил Гейне, «это его ремесло».

Во вторник pošлю Вам 3625³ франков. Двадцать пять долларов – это 8625 франков, – столько, по крайней мере, мне платят в банке. По получении пришлите мне расписку: «Получил от Литературного фонда в Нью-Йорке, через М. А. Алданова, двадцать пять долларов (8625 франц. франков). С. Постельников». Я никак не уверен, что Лит. фонд мне их вернет, но поставлю их «перед сложившимся фактом». Может быть, тогда вернут, осенью или по моему возвращению в Нью-Йорк. А если и не вернут, то никакой беды не будет, не волнуйтесь. Числа не ставьте.

Я чрезвычайно рад, что ходатайство о Ю[лии] О[сиповиче] уже некоторым успехом увенчалось. А что постановил Тейтелевский комитет? Мне очень жаль, что Ю. О. так много работает. Совершенно не нужно, чтобы он тратил время на письмо мне.

Интервью позднее пришлю. Шлю самый сердечный привет. Очень кланяется Т[атьяна] М[арковна]. Кланяйтесь всем. Что Юрок?

1. Николас Вреден (Николай Робертович Вреден) (1901–1955), переводчик, в

том числе и произведений М. Алданова; гл. ред. издательства E. P. Dutton, директор Изд-ва им. Чехова.

2. Александрова Вера Александровна (1895–1966), российская лит. обозревательница и критик, в 1952–1956 гг. – главный редактор Издательства им. Чехова в Нью-Йорке.

3. Судя по дальнейшему тексту – опечатка.

23. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

10.09.51

Милый Серж.

Сегодня я получил письмо от той же Александровой, часть которого Вам прилагаю (верните немедленно): там есть несколько строк о Вас. Теперь Вы должны принять окончательное решение. Они (издательство) желают, чтобы Вы прислали им для заключения «несколько глав из будущей книги». Это подает, разумеется, надежду, но ни к чему их не обязывает и ничего Вам не гарантирует. Хотите ли Вы, при таких условиях, на свой риск потратить немало времени для такой работы? Можете ли Вы это сделать без ущерба для Вашей работы пианиста?

Если да, то о чем Вы напишете эти главы? Как Вы знаете, я тут не компетентен. Но, по-моему, Вам следовало бы избрать Рахманинова или Стравинского, или, лучше, их обоих, чтобы были две главы, каждая, думаю, страниц по 20 печатных. Прежде всего пойдите на целый день в Национальную Библиотеку. Там в ~~комнате~~ зале каталогов ~~слева~~ справа от лестницы находятся *предметные* каталоги (Catalogues de Matières). Единого предметного каталога пока у них нет, есть каталоги по периодам (самый последний в стойке с ящиками, а не на полках). Вам надо изучить по крайней мере два новейших (спросите, где они). Поищите в каждом слова «Рахманинов», «Стравинский». Выпишите все названия. Кажется, о Рахманинове там мало, есть что-то по-итальянски, быть может, есть монография о нем Риземана¹. О Стравинском же наверное найдете очень много. Затем пойдите в музыкальные библиотеки, – в них я не бывал и ничего не знаю. Вы прежде всего должны выяснить, что вообще в Париже о них есть и что есть из собственных партитур. Вам придется ВСЕ это изучить. Это трудно, и вся книга будет трудной. Затем есть в предметном каталоге «Musique. Histoire de la...» отдел русской музыки. Вы и эти все названия должны выписать, а затем изучить. Придется иногда сидеть в библиотеках целые дни и делать

выписки. Кстати, я на днях видел в русской газете объявление: «Maison du livre Eteanger, 9 rue de l'Eperon»². Там перечислено несколько новейших русских книг, имеющих для Вас значение, в том числе второй том истории русского фортепианного искусства. Для главы о Рахманинове (и не только для нее) это, думаю, очень важно. Затем, главное, еще раз подумайте серьезно, хватит ли у Вас сил и познаний. Ведь каждая из этих двух глав (как и всех остальных) должна включать биографический очерк (скажем, страниц пять-шесть), а затем разбор произведений, оценка их, определение особенностей каждого композитора и его роли в истории русской музыки, да еще в связи с западной. Знаете ли Вы достаточно теорию? Сумеете ли Вы это изложить так, чтобы оценил и квалифицированный читатель и чтобы не улыбались специалисты? Это очень трудная книга. Поскольку дело идет о биографиях, я могу быть Вам полезен, но во всем остальном я не компетентен, да и живу я не в Париже. Приблизительно какую часть всего написанного Рахманиновым или Стравинским Вы *уже* знаете? Можете ли изучить все остальное? Если нет, то писать нельзя: это Вас только скомпрометировало бы. А если эта работа повредит Вашей работе пианиста, то нельзя браться за эту работу несмотря на большой гонорар. Ведь ГЛАВНОЕ для Вас – рояль. Как Вы помните, я тогда за завтраком говорил Вам о том, что Вас следует сделать музыкографом ТОЛЬКО в том случае, если ничего не выйдет с карьерой пианиста, в частности и с Юроком. Я сказал Вам об этом после того, как Вы стали уверять, что хотите наняться приказчиком в магазины. Между тем я знаю, что у Вас, как у пианиста, большой талант, а какой Вы будете музыкограф, я не знаю. Но, конечно, лучше, при Вашей любви к музыке, вкусу и тонкости, быть хотя бы средним музыкографом, чем бросать музыку. Я НАДЕЮСЬ, что можно написать такую книгу, отдавая карьере пианиста очень много времени. Но ЗНАТЬ это я не могу, это можете решить только Вы сами. Если Вы, подумав о том, что перечислено выше, скажете мне, что это МОЖНО совместить, я Вас на это «благословляю». Но не иначе.

Даю Вам, скажем, сутки на размышление. Если Вы (я знаю Вашу честность с собой) решите, что не можете, напишите мне тотчас. Я тогда попрошу издательство передать эту работу Л. Л. Сабанееву. Скажу Вам, как всегда, правду. Конечно, он имеет очевидные преимущества перед Вами. Но ему 72 года, а надо выводить в люди молодёжь. Вдобавок, мне так хочется «вывести в люди» именно Вас, своего даровитого воспитанника, что я назвал издательству «С. С. Постельникова». И это, говорю еще раз, лишь в предположении, что книга не повредит Вашей карьере пианиста. Только при этом условии.

Если же Вы послезавтра напишете мне (обдумав все окончательно-

но), что беретесь за работу (на свой риск), то я отвечу Александровой, что Вы через столько-то времени пришлете ей две главы (страниц 40). Тогда, заранее говорю Вам, Вы будете работать по расписанию. Через три дня Вы должны будете выписать (и прислать мне копию) всю литературу о двух выбранных Вами композиторах и перечень партитур, которые Вы можете достать и изучить. Затем недели две Вы получите на составление их биографических очерков. И, скажем, еще месяц на критический очерк об их творчестве. (Кстати, Вы кое-что найдете о них и в новейших словарях). Всего вместе не более двух месяцев. А если эти две главы понравятся, и издательство заключит с Вами договор (с авансом), то получите год на всю книгу, тоже не больше. И я буду надеяться, что Вы тогда, кроме получения денег, создадите себе и имя хорошего музыкографа (то, что Вы большой пианист, я знаю, но ведь это имеет мало общего).

Все это совершенный секрет между Вами и мной.

Если узнают другие музыканты, то Вы можете быть уверены, что книга будет заказана не Вам. Поэтому не говорите НИКОМУ.

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Теперь еще другое, очень важное и практическое. Само собой разумеется, что ковать железо надо, пока оно горячо. Сейчас оно горячо. Недостаточно, конечно, будет написать Александровой, что Вы через 6-7 недель пришлете им два готовых критических очерка. Надо будет немедленно составить и послать им краткую программу книги. Должен Вам сказать, что я пока только сообщил Вредену и ей следующее: талантливый музыкант (я приврал тут) С. С. Постельников *пишет* Историю русской музыки и т. д. Я не сказал, какой период охватывает история в Вашем плане. Думаю (но не уверен), что, как издателям, им интереснее всего было бы выпустить книгу, охватывающую всю историю русской музыки, но не исключена возможность, что они примут и историю НОВОЙ русской музыки (заплатят, конечно, те же 1500 долларов, в три приема). Что Вам легче и интереснее? Я представляю себе книгу в форме 20 очерков, от 15 до 25 страниц каждый, о знаменитейших русских композиторах. Если Вы остановитесь на книге обо «всей» русской музыке, то, по-моему, программа могла бы иметь приблизительно следующий вид. В сотый раз оговариваюсь. Я люблю музыку, слышал ее очень много, но я профан. Разумеется, в Ницце у меня нет ни одной книги, я пишу следующее просто по памяти. Вы измените и дополните, а я указываю Вам только ТИП программы, которую надо будет послать.

ВВЕДЕНИЕ. Особенности старой русской национальной музыки, ее мелодии, ритма, гармонии, размера пения (сложения тактов?).

Русские национальные инструменты: балалайка, гусли, бандура, свирель, сопилка и пр. Церковные тона. Греческая церковная музыка. Влияние Италии в 18 веке.

- 1) Церковно-православная музыка. Бортнянский (позднее Львов)
- 2) Оркестры русских вельмож, основывавшиеся уже при Петре I
- 3) Старый русский романс
- 4) Революция в русской музыке: Глинка
- 5) Даргомыжский
- 6) Серов
- 7) Антон Рубинштейн как первый по времени (кажется) русский симфонист. Основание Русского музыкального общества (помнится, около 1860 года), а затем консерваторий и пр.
- 8) Чайковский
- 9) Мусоргский
- 10) Римский-Корсаков
- 11) Бородин
- 12) Балакирев (Кюи и т. п. можно, думаю, пропустить?)
- 13) Глазунов
- 14) Направник (можно тоже пропустить?)
- 15) Танеев
- 16) Русское оперное пение, от Мельникова и до Шаляпина, и русские пианисты, от Рубинштейнов до советских (и до Вас?!)
- 17) Скрябин
- 18) Стравинский
- 19) Рахманинов
- 20) Гречанинов (можно пропустить?)
- 21) Прокофьев
- 22) Шостакович
- 23) Мясковский, Хачатурян и другие советские

Разумеется, я, составляя этот список по памяти, многих упустил. Если Вы начнете с более позднего периода, то Вы добавите Аренского, Сабанеева, Ипполитова-Иванова, и пр.

На эту программу я Вам тоже даю неделю, после тех первых трех дней, которые Вы проведете, ~~изучая~~ перечисляя имеющиеся в Париже материалы. Затем Вы ее пришлете мне. Затем я напишу для Вас черновик дипломатического письма издательству. Вы его перепишите и пошлете им с программой и обещанием прислать через 6 недель два готовых к печати очерка. Есть ли у Вас на первое время пишущая машина? Если они подпишут договор, то Вы получите аванс и купите много книг, чтобы работать и дома, а может быть, и пишущую машину и партитуры.

И еще одно: пожалуйста, не вздумайте играть со мной в скромность и «благородство»: не пишите, что так как Сабанеев неизмеримо компетентнее Вас, то Вы отказываетесь от книги, пусть пишет он и т. д. Вы должны отказываться от книги ТОЛЬКО в том случае, если Вы, по чистой совести, увидите, что Вы НЕ МОЖЕТЕ написать ее недурно, или если Вы признаете, что это несовместимо с отдаванием большей части дня роялю, Вашему *главному* делу в жизни.

И опять скажу: если Вы возьметесь за книгу, то ВЫ будете работать по расписанию, много и без задержек. Я буду это контролировать. Для начала: 1) ответа я жду после одного дня размышления, 2) в случае, если Вы идете на риск составления двух очерков, то Вам дается три дня на составление перечня имеющихся в Париже материалов, 3) через две недели Вы пришлете мне биографическую часть двух очерков 4) через два месяца, самое позднее, издательство должно получить два готовых к печати очерка, 5) программу же книги я должен получить к 20-22 сентября. Все это, разумеется, говорю Вам очень серьезно. Кажется, я за двадцать без малого лет не писал Вам так серьезно ни разу. Это ведь очень важное для Вас дело – и согласие, и отказ.

[на полях:] Сегодня пошло Вам на Civry rue деньги, о к[оторы]х упомянуто в прошлом письме.

1. Rachmaninoff's Recollections told by Oskar von Riesemann. – New York, Macmillan, 1934. 272 p.

2. Магазин иностранных книг, улица Эперон, 9. (*фр.*)

24. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

12.09.51

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Сердечно благодарю Вас за оба письма, как раз собирался Вам ответить, когда сегодня утром пришло второе. Мандат, вероятно, придет завтра, большое спасибо, прилагаю расписку на Литер. фонд.

Очень был обрадован содержанием Вашего письма и тем теплом и интересом, которыми оно дышит ~~ко мне~~: я так мало заслужил их. От Юрока, увы, нет еще вестей, я ему написал 1-го сентября, а вчера звонил в отель, где мне было сказано, что его еще нет, но его жена уже в Париже. Я худею и бледнею от этого ожидания и как бы повис в воздухе! Тренируюсь, как для концерта, повторяя некоторые вещи из своего репертуара, в которых не было необходимости в данный момент.

Я, конечно, с радостью возьмусь за работу над двумя главами «моей» «Истории русской музыки», даже без гарантии, что она будет принята. Но вопрос в том, сколько времени у меня это возьмет, пока я не освоился с моей новой профессией? Это я увижу в процессе самой работы, но Вы правы: необходимо поставить себе определенные сроки. В первое время, вероятно, я так «увлекусь», что музыка потерпит ущерб; в настоящее время, не имея других занятий (кроме домашних *soirées*¹⁾, я работаю, в среднем, не более 4-5 часов. Но это ничего не значит, книгу я очень хотел бы написать, а так или иначе, для заработка, мне будет необходимо пожертвовать частью времени, кот. я посвящаю личной работе на рояле. До того, как я буду знать, состоит-ся ли встреча с Юроком, я предпочел бы не уменьшать количества часов своих занятий, но это – вопрос всего лишь нескольких дней!

Хватаюсь за Ваше предложение подумать 24 часа, и тогда отве-чу подробно на все Ваши вопросы.

Мое здоровье уже лучше, большое спасибо; но я нахожусь, и морально и физически, не в самой лучшей своей форме.

Надеюсь, что Вы совсем поправились; как было бы хорошо, если б встреча с Юроком состоялась при Вас! Но об этом – не мечтаю, я ему написал, что видел Вас и что Вы на юге, но собирались, *de temps en temps*², бывать в Париже.

Как интересно, не написать ли мне просто статью?! Или напи-сать редактору, что Вы отложили приезд в Париж, и сказать, где Вы находитесь?

Мой самый душевный привет посылаю Вам, дорогой Марк Александрович, и прошу очень кланяться Вашей супруге. От мамы и от Ю.О. привет.

Любящий Вас, Ваш Сергей Постельников.

1. Здесь: обязанностей (*фр.*)

2. Время от времени (*фр.*)

25. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

13.09.51

Paris

le 13 Septembre 1951

Дорогой Марк Александрович,

Вчера написал Вам лишь коротко. Сегодня, перечитывая в кото-рый раз Ваше письмо от 10-го, несмотря на истекший, назначенный Вами срок на размышление, я пришел только к частичному результа-

ту своего «examen de conscience»¹, частичному, поскольку я еще лишен возможности вполне объективного суждения о своем «будущем» литературном таланте. Это «будущее» идет мне навстречу определенно, и как это бывало уже не раз, оно находит меня не вполне готовым. Но я убежден, что вполне готовым быть невозможно, самые сокровенные и истинные знания в искусстве артист может приобрести только на «полном ходу» своего творчества, когда ему дается возможность реализоваться. У исполнителя это может происходить лишь только, когда он в контакте с аудиторией; писатель же должен найти этот контакт лишь внутренне, в полном одиночестве, он лишен «наслаждения моментом», борьбы с самим собой и с публикой, но зато не ограничен настолько во времени и пространстве. Но, этим вышесказанным, я нисколько не хотел дать Вам образец «глубин» моих вчерашних размышлений! Возможно, что у меня имеется склонность к недооценке своего музыкального таланта (тут – даже не могу извиниться за нескромность!) и к переоценке своего «violon d'Ingres»², – я подразумеваю покуда мое неоперившееся... перо! Не бывает ли часто так?

Мне кажется, что Суворов гордился неимоверно более своим умением кричать петухом, чем своим гением полководца... Тут мне приходит ужасная мысль: вдруг моя «История русской музыки» (временное название) окажется петушиным криком и одновременно лебединой песней моего литературного творчества?! Надеюсь, дорогой Марк Александрович, что Вы снисходительно улыбнетесь этой шутке.

Я никогда б не решился претендовать на самостоятельное суждение о возможности выхода в печать мной написанного, не предложив судить об этом Вам, прежде всего; Ваше мнение мне всего дороже. Поэтому, покуда не будут написаны эти две решающие (и роковые) главы, я вполне понимаю, что никакого решения относительно написания книги принято быть не может. Мне ясна мысль: если мне удастся написать удовлетворительно (по Вашему мнению) эту книгу, то это было бы одним из самых значительных событий моей жизни, и мне особенно ценно и лестно было бы этим быть обязанным Вам.

Помимо денежного вопроса (которым я всё же не пренебрегаю), Вы не можете себе представить, каким счастливым подарком явилось бы для меня осуществление этой цели! Потому Юрок – не Юрок и пока еще не представилось места приказчика (я пишу серьезно), – с будущего понедельника я отправляюсь в Нац. Библиотеку и в Bibl. du Conservatoire для документации о библиографии, по маршруту, за который я сердечно Вас благодарю. В прошлое мое посещение

B[ibliotque] N[ationale] я ознакомился с Catalogue de Matiere, но в музыкальном отделении не был.

Только что звонил по телефону в Hotel Meurice, где мне ответили, что Mr. Hurok a quitte l'hotel. Madame Hurok est partie hier, reste M. Perper (le beau-fils de Mr. Hurok)³. Не мог добиться, приезжал ли вообще Юрок на днях или нет; впечатление такое, что последнее время его жена была одна. Думаю, что этим кончился эпизод с Ю[роком]. – Конечно, если б я проводил целые дни в выслеживании его в отеле, то может быть и увидел его, с тем же результатом; возможно, что он не получил моего письма, хотя я написал свой обратный адрес на конверте. Для очистки совести зайду в Meurice и попытаюсь узнать толком в чем дело. Кстати, припоминаю, что г-жа Сатина Вам писала, что репутацию Ю. неважная?!

Теперь отвечу Вам на вопросы. На первый вопрос: хочу ли я потратить немало времени на две главы, без гарантий со стороны издательства, я уже ответил Вам утвердительно; я думаю, что это не будет потерянным временем. 2-й вопрос: могу ли я это сделать без ущерба для моей работы пианиста? Тут ответить труднее: я занимаюсь обыкновенно, когда нет помех, утром: с 10 до завтрака, и от 3-4-х до семи вечера; вечером играю теперь редко; дома – не хочу злоупотреблять и утомлять маму и Ю.О. а если возвращаюсь обедать к маме, то уже ранее 10 в. не могу быть у себя. Если надо ходить в библиотеки, а это необходимо, то придется, во всяком случае, изменить, на время, расписание моих занятий. Но при всяком другом занятии на добывание заработка, это неизбежно. Когда у меня появится достаточный навык в работе, то я думаю, что обе вещи можно будет совместить, без особенного ущерба для музыки. Поэтому я предпочел бы писать книгу, чем, например, давать уроки.

Я нуждаюсь во времени, так как люблю хорошо исполненную работу. 3-й вопрос: о ком я напишу обе главы? Мне кажется правильной идея написать о Стравинском, но не может ли случиться, что рукопись, через издательство, попадет в его руки, и в случае, если ему не понравится, это повлияет на принятие книги, т. е. повлечет отказ? Как Вы думаете?

Композиторы, о которых я больше всего читал и которые мне ближе, это: Муссоргский, Ладов*, Балакирев, Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков. В современной музыке – я говорю о русской, французскую я знаю лучше – особенно со стороны советских композиторов – у меня есть большие пробелы в знании партитур, которые очень редко исполняются в Париже.

* Так в оригинале. В письмах М.Алданов укажет Постельникову на эти ошибки.

Но я думаю, что дело идет не о труде, посвященном специальному, детальному разбору всех сочинений, интересующих лишь профессионалов, а о главных, популярных вещах, иначе книга разраслась бы до слишком большого размера и не имела бы коммерческого успеха. Exégèse⁴ всех сочинений сделать немыслимо в рамках одной книги, да и один год работы не будет достаточен, и гонорар также.

Писать, по памяти, о прослушанных мной в течение последнего двадцатилетия произведениях, я не считаю возможным, не прослушав их или не просмотрев хотя бы раз, а это, конечно, Вы правы, колоссальная работа. Рахманинова никогда не играют в Париже (кроме фортеп. концертов, которые я слышал), Стравинского чаще, но тоже редко, я знаю, конечно, его главные вещи. Хачатуряна – люблю за его восточный лиризм. Но, думаю, что главный интерес моей книги находился бы, скорее, в выявлении индивидуальности композиторов, а *travers leur œuvre*⁵, чем в подробном разборе каждого сочинения, не так уж интересующем читателя «слова», а не нот. Думаю, что специалисты б не улыбались, кроме тех, которые улыбаются на всё!

У меня есть несколько хороших французских книг о русской музыке, включая Глазунова; мне необходимо будет ознакомиться с книгой, недавно вышедшей в России, о соврем. музыкантах, имеющейся у знакомого мне, также современного композитора Поля (V. Pohl)⁶. Документацию о композиторах эмиграции – Черепнина, Метнера, Вышнеградского, Гартманна, Поля, Ковалева и т. д. – мог бы легко получить из издательства Беляева. Если я возьмусь писать о «всей» русской музыке, то их можно будет лишь только упомянуть. Беляевские «детки» мне за это, м. б., выдадут премию... Видите, как я быстро делаю успехи!! План ~~написанного~~ набросанного Вами введения вполне классичен, я бы несколько переставил чередование композиторов. Я думаю, что остановлюсь на всеобщей истории рус. музыки, но, конечно, смогу окончательно убедиться, напишу ли я ее недурно, только в процессе «творчества», поэтому ответить сейчас на Ваш вопрос очень трудно, по совести. После всего написанного в этом письме, я думаю, что у Вас создается впечатление, что мне очень хочется написать хорошо нашу книгу, что и есть мое истинное желание. О том, что я берусь сделать попытку, я писал Вам уже раньше. На сегодня кончаю, дорогой Марк Александрович, и еще раз благодарю Вас за всё. Преданный Вам

Любящий Вас, Ваш Сергей Постельников.

Прилагаю образчик своей французской прозы.

Очень встревожен последними известиями о Вашем здоровье.

С этого «исторического» письма не имею времени взять копию!

В октябре Олег П. возвращается в Париж (покидает Кассель), он сможет мне много помочь в работе; он хорошо печатает на машинке.

1. Самоанализа (*фр.*)

2. Скрипка Энгра, здесь: слабость (*фр.*). Французский художник Энгр гордился своим умением играть на скрипке, однако, по отзывам современников, его исполнение оставляло желать лучшего.

3. «Господин Юрок покинул отель, госпожа Юрок уехала вчера, остался м-р Перпер.» (*фр.*). (один из трех пасынков С. Юрока – Джордж, Виктор либо Эдуард Перпер).

4. Толкование (*фр.*)

5. Через их творчество (*фр.*)

6. Поль Владимир Иванович (1875–1962), композитор. Один из учредителей Русской консерватории в Париже. Был связан с кружком Г. Гурджиева.

26. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

15.09.51

Милый Серж,

Я чрезвычайно огорчен неудачей с Юроком. Да, очевидно, из этого ничего не вышло: иначе он ответил бы на письмо; если б имел для Вас предложение, то сам Вас разыскал бы. Приписываю это тому, что теперь в Америке и музыканты, и писатели, и художники с фамилией на -ов имеют неизмеримо меньше шансов, чем еще три года тому назад. Я Вам об этом говорил. Ну что ж, мы сделали, что могли. Это плохое утешение, но меня это всегда немного утешало.

Вы мне написали очень толковое и умное письмо. Единственное странное – это «недооценка своего музыкального таланта» (уже!!) и «переоценка пера» (опять скажу «уже»!). Не преувеличивайте надежд на книгу. Вполне возможно, что из этого ровно ничего не выйдет. Знаю по долгому опыту, что обещания издательства до подписания договора ничего не значат, а здесь пока и ни малейшего *обещания* не было. Но со всем, что Вы предполагаете делать, я согласен.

Вы хотите написать о Стравинском. Хорошо. Разумеется, не может быть речи о том, чтобы Ваш этюд издательством ему был показан или попал в его руки. Но я не совсем понимаю Ваше опасение: что же, Вы готовите «разнос» Стравинского? Надо тогда опасаться другого: издательский комитет, который будет обсуждать Ваш этюд, может включать в себя (я это, конечно, не знаю) поклонников Стравинского. Тогда лучше выберите ДЛЯ НАЧАЛА другого.

Кого бы Вы ни выбрали для первого этюда, я, уже после моего последнего письма к Вам, подумал о следующем: Вы напишете два этюда, скажем, о Стравинском и Рахманинове. Все-таки они будут немного повторять друг друга с хотя бы чисто внешней стороны, и вдруг издательству покажется, что это однообразно или суховато. Поэтому я думаю, что *второй* этюд лучше написать не о композиторе. Возьмите темой второго этюда русский оркестр. Это будет очень «красочная» и занимательная глава, особенно ее начало: крепостные оркестры. Возьмите в библиотеке все четыре книги известного знатока старого русского быта М. Пыляева¹. В них, особенно, помнится, в «Старом житье», много забавных материалов об этом. Пропасть есть о том же в «Русской старине»², но там Вам будет трудновато найти. Попробуйте наудачу просмотреть несколько книг этого журнала и, быть может, попадете. Кроме того, Пыляев делает ссылки на литературу. Есть немало и в историях русского театра. Есть, кажется, кое-что в «Невском проспекте» Божерянова³. Все это *есть* в Национальной Библиотеке. Это для той части главы, которая относится к 18-му и к началу 19-го. Для дальнейшего Вы с большой пользой прочтете недурно написанную книгу М. Цетлина «Пятеро и другие»⁴. Затем в старом Энциклопедическом словаре Брокгауза Вы многое найдете в томах «Россия» (подотдел «Музыка»). Также в других громадных словарях, не исключая Большой Советской Энциклопедии. Посмотрите также в тех томах, где находятся слова «Оркестр», «Консерватория», «Русское музыкальное общество». Словари (русские) в Нац. Библиотеке находятся в глубине читального зала за решеткой, попросите библиотекаря пропустить Вас туда. Но для ЭТОГО еще лучше пойти в Библиотеку Школы восточных языков (2, рю де Лилль). Вам всё равно необходимо будет там работать. Там огромное преимущество: почти всё под рукой и книги дают *на дом*. Библиотекари там любезные и не очень занятые. Они сами Вам скажут, что, кроме словарей, у них есть по истории русской музыки. Это неизмеримо более легкая работа, чем этюд о музыканте. Вы могли бы эту главу написать в одну неделю, — ведь никаких партитур тут не надо. Возьмите еще «Сборник памяти Рахманинова»⁵. Он все-таки был лучшим русским дирижером. Помоему, если Вы для начала напишете для издательства одну главу о русском оркестре, а другую, скажем, о [письмо обрывается]

1. Пыляев Михаил Иванович (1842–1899), писатель и журналист, собиратель историй старины.

2. Ежемесячный исторический журнал, выходил с 1870 по 1918 г.

3. Божерянов Николай Иванович (1852–1919), искусствовед и автор работ по истории России.
4. *Цетлин М.* Пятеро и другие. – Нью-Йорк: «Новый Журнал», 1944. Книга посвящена композиторам, входившим в «Могучую кучку»: М. И. Балакиреву, М. П. Мусоргскому, А. П. Бородину, Н. А. Римскому-Корсакову, а также В. В. Стасову.
5. Памяти Рахманинова: сборник воспоминаний и статей / сост М. В. Добужинский. – Нью-Йорк: Издание С. А. Сатиной. 1946.

27. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

26.09.51

Дорогой Марк Александрович,

Только что получил Ваше письмо от 15-го, приведшее меня в уныние! Отвечаю Вам немедленно, и поэтому вынужден нарушить расписание сегодняшнего дня, иначе Вы получили бы это письмо днем позже.

Простите, что вслед своему последнему письму не написал Вам сразу же, как это надо было сделать. Спешил я исключительно из желания отослать Вам список к сроку, мое письмо было послано в четверг 20-го, до 7 вечера.

Документацию, как я Вас предупредил, я начал 17-го сент., еще не решив, о ком буду писать первый очерк, но мне стало почти одновременно ясным, что он будет не о Стравинском, с которым я особенно не связан, а вернее, о Балакиреве или Муссоргском, о кот[орых] я больше знаю. Партитуры Стравинского и Муссоргского имеются почти все и поэтому я не терял времени на их перечень.

В прошл. среду я не смог пойти в Муз. библиотеку, т. к., после l'affaire Hurok¹, мне пришлось спешно направить свои усилия в другую сторону, дать задержанные мною из-за него ответы и написать немалое количество писем. Кроме того, я был приглашен на неск[олько] дней в конце сентября в Дорнах (приватно); уже давно у меня идут переговоры о концерте в Цюрихе, и я предложил начало октября, чтобы оправдать поездку в Дорнах: поэтому я не мог ходить на целый день в библиотеку, при необходимости упражняться. Вчера пришел положительный ответ из Цюриха, концерт возможен между 7-м и 14-м октября, условия не интересны материально, и я думаю отказаться и отложить; зала мне дается почти бесплатно, но надо взять на себя publicit ², сбор в мою пользу. Я думаю, лучше отложить, т. к. реклама в Швейц[арии] дорога. Пишу Вам об этом не для оправ-

дания, а для пояснения причин, помешавших мне всецело отдаться составлению программы книги, что было бы необходимым для исполнения предложенного Вами расписания (мне казалось, что Вы дали на это прибол. неделю). На основании моего письма от 14-го и Вашего ответа я упустил из виду спешность составления и посылки плана книги, ведь для него необходимо знать точно, какие партитуры всех входящих в книгу композиторов существуют в Париже, а в 3 дня (данный Вами срок касался двух композиторов) этого сделать нельзя, я убедился сразу. Решив писать о Балакиреве, в прошлую пятницу я взял 3 книги в L. Orientales, просмотрел там статьи о рус. музыке в энциклопедии и прочел уже книгу Киселева о Балакиреве. На след. день, в субботу, я провел 4 часа в Библ. Париж. консерватории, просмотрев оба каталога о нем; из его десяти оркестровых произведений библиотека имеет 5 главнейших, почти все фортеп. сочинения, сборник народн. песен, некот. романсы и транскрипции.

Как видите, за неделю я был в библ. 4 раза, кроме того, прочел рецензию о книге Алексева о рус. пианистах в журнале «Сов. музыка», № 7 (1938 г.).

Ваш выговор меня очень огорчил, но я хорошо понимаю, что с этим делом надо спешить и «зацепить» издательство прежде других. Стравинского разносить я не собирался, но его сын Сулима жил раньше в Париже³ и имеет здесь связи; у меня есть причины думать, что если он в комитете издательства, то он отнесся бы к моей статье о папаше без симпатии. Возможно, что я ошибаюсь.

Идея написать второй очерк не о композиторе мне тоже приходила; мне хотелось бы попробовать написать введение, не об источниках русской музыки, а в виде маленького *essai sur la musique*⁴. Вопрос о Сабанееве сможет встать только тогда, когда появятся серьезные основания думать, что книга будет мне заказана; пока его нету, я ничего не могу решать. Во всяком случае, ни Даргомыжскому, ни Серову, как и другим второстепенным композиторам, не могут быть отведены отдельные очерки, многих придется сгруппировать.

О дед-адмирале я ничего не знаю, кроме того, что он был не дедом, а дядей моего отца, постараюсь узнать о нем в морском собрании, мама мало знает о нем.

ПЛАН ПРИШЛЮ К СУББОТЕ.

Кончаю, т. к. пишу это письмо с 11 утра (с перерывом на обед), а сейчас уже 4 – надо бежать по делу о лондонских проектах⁵.

С сердечным приветом, любящий Вас Сергей.

1. Дела с Юроком (*фр.*)

2. Рекламу (*фр.*)

3. Сулима Стравинский переехал в США в 1948 г.

4. Очерка о музыке (*фр.*)

5. Вероятно, речь о поиске С. Постельниковым возможности поехать в Англию на заработки.

28. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

29.09.51

Милый Серж.

Утром получил Вашу программу. Она очень хорошо составлена, хвалю и поздравляю. Поразился Вашей ученостью, хотя и очень боюсь, что Вы не только почти не слышали композиторов, перечисленных в первых четырех очерках, но и о некоторых из них впервые услышали весьма недавно? Сознавайтесь. Это ничего.

Ваше заглавие никуда не годится. Во-первых, оно вообще чрезмерно длинно и кудряво; во-вторых, его, в крайнем случае, можно было бы, немного сократив, оставить в *подзаголовке*; в-третьих, издательство было заинтересовано «Историей русской музыки», – это заглавие и надо оставить.

Не надо в некоторых очерках говорить «Жизнь. Творчество», а в других не говорить, точно в них жизни и творчества не будет. Либо в письме к Александровой, либо в подстрочном примечании к программе вы можете сказать, что в каждом очерке ~~дадите~~ будете говорить о жизни и творчестве композиторов.

О предисловии говорить не надо. Если б издательство пожелало, чтобы я дал предисловие, я, при всей своей некомпетентности, соглашусь. Но они ко мне за предисловием для ~~музыкальной~~ книги о музыке не обратятся, и Ваше предложение может их поставить в затруднительное положение: им надо было бы *отказаться* от моего предисловия.

Дайте годы рождения и смерти Р. Корсакова, ~~Балакирева~~, Серова, – если Вы их приводите о других. Желательно и всех композиторов 18 века. Или же не надо давать ни о ком.

Все это маленькие и легко исправимые недостатки. Еще раз – хвалю Вас.

Посылаю Вам черновик письма к Александровой. Она помощница главного редактора Вредена. Сам он на письма плохо отвечает, так как чрезвычайно занятый человек. Она ему прочтет Ваше письмо. – Мне очень совестно за это письмо. Я от Вас всегда требовал и требую полной правдивости, и сам я, как Вы знаете, не лгун. Здесь же мне пришлось немного прилгнуть, хотя и в несущественных вопросах. Что же делать, это, по-моему, нужно для увеличения шансов на принятие

Вашей книги. Сейчас же *порвите* это мое письмо, чтобы, избави Бог, по рассеянности не вложить его в конверт к Александровой. Только сначала выпишите ее адрес.

Затем перепишите программу и черновик письма, подпишите его и отправьте (конечно, по воздушной почте) письмо с программой по адресу:

Если концерт в Швейцарии даст убыток, то и я думаю, что Вам не надо ехать, хотя и жаль.

У Вас четкий почерк, так что программу и письмо переписывать на машинке незачем, это затянуло бы дело. Пишите, конечно, по новой орфографии, как Вы пишете и мне. Александрова тоже пишет по новой, да если б и писала по старой, то подлаживаться к ней нельзя.

Я сегодня же напишу Вредену и упомяну, что Вы внук адмирала Е. Д. Постельникова. Но странно, что Вы *ничего* о своей семье не знаете. Это поважнее гербов.

Шлю Вам самый сердечный привет и от души желаю успеха в устройстве этого дела.

Ваш М. Алданов

Сабанеева спрошу.

Надеюсь, Вы ответили редактору «Нув. Л.», что я уехал и вернусь. Ведь нельзя, сделав литературное предложение, затем больше ничего не объяснять. Если еще не ответили, напишите ему теперь.

Я все-таки советую Вам один из двух очерков написать именно об оркестрах. Это очень выигрышная в литературном отношении глава.

Пожалуйста, тотчас подтвердите мне получение настоящего письма и исполнение.

В «доказательство» того, что порвали мое письмо, пошлите мне клочки – я имею недоверчивость, а Ваша рассеянность погубила бы Ваше дело.

29. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

29.09.51¹

Адрес

Дата

В. А. Александровой

4 Уэст 105 Стрит

Нью-Йорк

Многоуважаемая Вера Александровна.

Простите, что беспокою Вас этим письмом, хотя не знаю лично. Знаю Вас, конечно, по Вашим статьям.

М. А. Алданов сообщил мне из Ниццы, что Вы и Н. Р. Вреден сочувственно относитесь к идее издания мной подготовляемой к печати книги «История русской музыки». Я чрезвычайно этому рад и благодарен Вам: это была бы для меня единственная возможность выпустить мой труд. Ведь других русских издательств в эмиграции больше нет.

У меня написано из книги много, но главы еще не отделаны и не переписаны. Хотя Марк Александрович Вам меня рекомендовал, я не знаю, могли бы Вы принять мою книгу только по программе? Во всяком случае, уже при сем прилагаю и в скором времени пришлю Вам две главы, а именно _____. Вся литература о жизни и творчестве русских композиторов у меня собрана, но не скрою, партитуры пока есть не все. Они ведь очень дороги, и мне многие из них приходится читать в музыкальных библиотеках Парижа. Иногда перечитываю там для книги даже и то, что исполнял на своих концертах во Франции, в Швейцарии.

В ожидании Вашего ответа прошу принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

С. Постельников (Сергей Сергеевич)

В моей книге никаких нот (и, следовательно, ~~удорожающих~~ увеличивающих стоимость издания клише), конечно, не будет.

1. Письмо написано М. Алдановым, черновик. Датировка по содержанию предыдущего письма.

30. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

02.10.51

Париж

Дорогой Марк Александрович

Большое спасибо за Ваше вчерашнее письмо и за одобрение плана книги. Ваши поправки бесспорно верны; заглавие я «изобрел» лишь для того, чтобы Вы имели идею о ~~рождении моего труда~~ направлении моих «визионерских» способностей. Мне было очень приятно, что Вы поразились моей «ученостью», как Вы говорили; Ваше «подозрение» оправдано лишь в самой минимальной мере, я всё же изучал историю музыки в Консерватории с Louis Laloy¹ и по собственной «пытливости ума» читывал о русской музыке, если и недостаточно слышал ее. Фомина же и его *émules*², крепостных наших гениев, не слышал, признаюсь, и не услышу уже, наверное, во веки!

Сделав поправки, я списал план для отсылки Madame Александровой. В письме же я позволил себе сделать маленькие изменения, т. к. решил не прибегать, когда дело касается меня, к маленьким компромиссам со своей совестью. Если дело должно выйти, то удастся и без этого. Пишу: «слыхал, конечно, о ваших статьях». Далее, вместо: «у меня написано из книги много», пишу «написанное мною еще не отделано и не переписано».

Видите, я уже показываю признаки самостоятельности и надеюсь, что Вы не очень будете меня бранить!

Возвращаю Вам, как Вы просите, письмо в «клочках», хотя мне жаль с ним расставаться из-за Вашей похвалы.

Письмо Mme Alexandrov'ой пойдет сегодня же, так же как и пишу в «*Novelles Littéraires*». Юлий Осипович мне рассказал, что «некрологи» часто заготавливаются еще до смерти, дабы не было задержки, и с ведома писателя.

Простите, что пишу об этом так прямо, дорогой Марк Александрович. Но я всё думаю о статье о Вас, или, вернее, о interview, что проще, но Вы мне еще не доверяете в этом деле... и может быть справедливо.

Последую Вашему совету и напишу 2-й очерк об оркестрах и очень надеюсь на Вашу помощь.

А теперь должен бежать на почту, написал сегодня невероятное для себя количество писем, рука отваливается.

Примите мой самый сердечный привет и поклон.

Любящий Вас,

Ваш Сергей Постельников.

1. Луи Лалуа (1874–1944), французский музыковед, автор работ о восточной муз. культуре и музыке 20 века. Преподаватель истории музыки в Сорбонне, Парижской консерватории.

2. Последователях, подражателях (*фр.*)

31. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

03.10.51

Милый Серж.

Я рад, что письмо ушло без замедления. Очень многое теперь для Вас зависит от ответа. Думаю, что он к Вам недели через две: Вреден бывает в издательстве, кажется, только раз в неделю (он в Штатах большой человек), а В. А. должна ему прочесть Ваше пись-

мо. Возможно, что ответ будет: мы уже перегружены книгами. Возможно, что они скажут: дадим Вам ответ, когда прочтем две Ваши главы (это будет самый лучший случай). Но возможно также, что они ответят: нам надо сначала прочесть всю книгу (или хотя половину книги). Этот последний случай будет самый тяжелый. Я прекрасно понимаю, что нельзя Вам советовать потратить так много времени без уверенности в ее принятии (а других издательств нет). Но не будем загадывать. От всей души желаю, чтобы был второй случай.

Второе Ваше изменение («написанное мною еще не отделано») я одобряю (но ведь и в нем не 100-процентная правда, а?). А первым Вашим изменением («слыхал, конечно, о Ваших статьях») я *очень* недоволен. Александрова писала и пишет во всех либеральных, «левых» антибольшевистских периодических изданиях эмиграции. Таким образом, Вы сами себе выдали диплом, – либо в том, что вообще русских периодических изданий отроду не читали (это почти и правда, к сожалению), либо в том, что читали только правую печать (это, я знаю, неправда). Первый Ваш опыт самостоятельности Вам полезен не будет. Она такая милая дама, что, надеюсь, не обратит на это большого внимания, но я в этом не уверен. Я понимаю, что *этого* письма откладывать ни на один день нельзя было (гораздо лучше было бы выпустить слова об ее статьях вообще). Но, разумеется, впредь думать не смейте писать ей, не показавши мне предварительно. Пришлите мне ее ответ, как только он придет.

Ну что-ж, буду ждать Вашей главы. Советую Вам именно начать с главы об истории русской оркестровой музыки. На самостоятельность Ваших музыкальных суждений я, разумеется, никак посягать не буду, – тут Вы гораздо компетентнее меня. На всё остальное должен я буду посягать всячески, хотя бы Вам пришлось писать всё сначала. Писать надо на одной стороне страницы и с полями. Мне очень хотелось бы для просмотра и правки иметь хоть один источник – например, книгу Пыляева, если будете писать об оркестрах. Здесь ничего нет. Могли бы Вы тогда, вместе с рукописью, прислать мне главный источник, взяв его в Школе восточных языков? Разумеется, Вы можете делать длинные подлинники цитаты, с подстрочными ссылками на книгу. Как жаль, что вообще нельзя Вас иметь для работы «под рукой». Тогда шло бы проще.

Сабанеева я спросил. О Даргомыжском есть небольшая книга Финдейзена¹, а о Серове все нужное в сборнике его собственных критических статей, который не очень давно вышел в СССР². А от себя скажу, что и о том, и о другом есть немало биографических данных в неисчерпаемой сокровищнице «Русской старины». Этот журнал каждые пять лет выпускает библиографический указатель всех своих

материалов. Вам все равно нужно будет для *всего* просматривать эти указатели на месте, т. е. в Библиотеке восточных языков.

Так Вы уже готовите мой некролог? Назло Вам, я еще поживу.

Возвращаю Ваше предисловие. Написано хорошо. Нельзя Вас винить в том, что по-русски Вы пишете не так уж легко, – ведь Вам было лет пятнадцать, когда Вы покинули Россию?³ Ну, что ж, придется править и Ваш стиль, и орфографию (ошибки у Вас все-таки бывают). «МуССоргский» тоже не способствовал бы Вашему успеху у Александровой, – впрочем, она подумала бы, что это описка. Она ведь не знает, что Вы «француз». Кстати, в маленьком Ларуссе о нем заметка «Moussorgsky (Petrovich)»!

Шлю самый сердечный привет. Работайте – рука все-таки не «отвалится». А как рояль?

Ваш М. Алданов.

Помните расписание.

1. *Финдейзен Н. А.* С. Даргомыжский. – М., 1904.

2. *Серов А. Н.* Избр. статьи / Общ. ред., вступ. ст. и прим. Г. Н. Хубова, т. 1. – М.–Л., 1950.

3. На основании этого можно предположить, что отъезд С. Постельникова из СССР состоялся приблизительно в 1930 году.

32. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

12.10.51

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Прочел с интересом присланную Вами статью о роговых оркестрах, спасибо. О них я нашел в «Старом житье». На прошлой неделе я простудился, сидя при открытых окнах в библиотеке L[angues] O[rientales]; болело горло, но я усиленно глотал лекарство и думал отвратить хотя бы насморк, но – увы! – вчера он «разразился» в полной силе, т. ч. сегодня приходится сидеть дома. Работы я не прерывал и, по Вашему желанию и совету, переключился, по получении В[ашего] письма от 3.X., на сбор материалов для очерка о «Придворной музыке у московских царей; скоморохи, гусяры и т. д. до Петра; оркестры вельмож XVIII в.; светская музыка при Петре, Анне и Елизавете, и т. п. _ _ _». В Л.О. я нашел много интересных книг по этому поводу, гл. обр. 2 тома очерков по истории русской музыки Финдейзена (сов. изд. 1928 г.), большой и очень подробный

труд, в кот. я прочел уже многое, касающееся этих эпох. В одном первом томе больше 400 страниц (размером с этот лист), от древнейших времен до Петра I включительно; много нотных текстов – церковных и песенных. Прочел всё, что касается музыки и театра (и светской жизни) в Ст[аром] Житье, очень увлекательно написано (я даже многое прочел, что не касается музыки!). Пересмотрел несколько томов «Рус[ской] старины»; о Ломакине нашел несколько статей и просмотрел первую. Существует большая книга (на франц. языке) швейцарского музыкографа Mooser'a «Annales de la Musique en Russie jusqu'au XVIII s.»¹, которую мне необходимо будет также просмотреть, но на дом ее не дают. Финдейзена на дом я получил и в эти дни работаю над ней. Я сделал много выписок из вышеупомянутых источников, но еще не приступил к собственному тексту. Вы будете опять недовольны, но дело идет медленнее, чем можно было предположить; очерк получается длинный.

Со всех сторон у меня неудачи. Осложнился вопрос с моей комнатой, где у меня рояль, на av. de la Bourdonnais. Цена повышается, и мне придется или бросать, или разделить ее с кем-нибудь; не так легко найти более или менее знакомого человека. Комната очень светлая и большая, в 2 окна, с балконом, она разделяется занавеской на две части; рояль, за ту же цену, уже на месте, что для меня является огромным преимуществом, но цена уже – больше пяти тысяч в месяц, – для одного или для двоих, одинаково (имеются две кровати). Олег приезжает на буд[ущей] неделе, и я уже не смогу пользоваться комнатой на rue de Cività (писать мне можно, конечно, сюда по-прежнему), как теперь. Все другие вопросы, о кот. мы говорили с Вами при встрече, встают с прежней остротой, и если бы не «отчаянная надежда» на принятие книги, то я бы совсем захандрил...

Намереваюсь писать Юроку, всё же интересно было б узнать, получил ли он мое письмо и почему поступил так со мной, ведь я же не просил его меня слушать во второй раз, а он сам хотел. Не интересовало бы и Вас узнать от него, какого он обо мне мнения? Я думаю, что Вам бы он ответил.

Меня интересует узнать, мог бы ли я указать на него в тех случаях, когда необходимо бывает прибегнуть к рекомендации или référence какого-нибудь impressario? Когда я пишу о себе за границу (как я это сделал недавно в Голландию и Luxembourg, куда меня пытаются устроить сыграть l Radio), где меня еще не слыхали, то для сохранения известного стэндига², надо сослаться на impressario «с именем». Возможно, что с Юроком мне напортила известная в Париже организаторша Mme Bouchonnet (она очень гордится тем, что к ее услугам прибегают Брайловский и теперь Горовиц; он дает скоро

2 концерта в Париже), у которой очень злой язык. Она давно злится на меня за то, что я прекрасно обошелся без ее посредничества в организации своего концерта в Париже, и плохо отзывалась однажды обо мне, по словам общих знакомых. Все эти вопросы, оставаясь в воздухе не разрешенными, отравляют постепенно мне существование. Последнее время меня даже не тянет к роялю и я только лишь поддерживаю свой репертуар и технику (на это нужно всё же неск. часов ежедневно), новых вещей не разучиваю. На сегодня кончаю, дорогой Марк Александрович, посылая Вам свой самый душевный привет. Надеюсь, что Вы совсем поправились. Искренне Вам преданный Сергей Постельников.

Большое спасибо за сведения о книгах. Мне одолжили историю музыки Браудо, изданную Музгизом в 1935 г., она мне пригодится для Балакирева. По моему методу необходимо, для данного периода, знать, что его подготавливало и куда он ведет; три работы для одной!

Книгу Пыляева не могу рисковать Вам прислать, вдруг пропадет в дороге? Я и так получил разрешение бывать в Л.О. лишь как исключение, библиотека предназначена лишь ученикам школы. Если Вам нужны какие-либо сведения из книг, то я с удовольствием Вам их разыщу. В библ[иотеке] недавно украли Советс[кую] большую энциклопедию!!

-
1. Полное название работы Алоиза Мозера: *Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIme siècle*, Geneve, 1951.
 2. Standing – соц. положение, статус (*фр.*)

33. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

13.10.51

Милый Серж.

Очень огорчен тем, что Вы нездоровы. Уж не грипп ли? (Говорят, что по Парижу ходит какой-то грипп без повышения температуры). Или просто, как Вы пишете, «наморОк»? Будьте очень осторожны. Погода, верно, у Вас плохая?

Рад, что Вы много работаете, даже при нездоровье. Жаль, что забросили рояль, но при нездоровье это позволительно. Хандрить не надо.

Представьте, ко мне обратился один ученый похлопотать за него в нью-йоркском Литературном Фонде, а так как я должен был все равно хлопотать о нем, то заодно послал просьбу и о Вас. Оба хода-

тайства удовлетворены, но оба в уменьшенном размере, по безденежью фонда. Вам ассигновано не 25 долларов, а 15 (по совести, я и на это не надеялся, так как Вы музыкант, а не «ученый» и не писатель). Вместо франков, прислали мне чек в долларах, один для Вас обоих. Это в отношении того ученого составило для меня денежную (небольшую) потерю: я счел себя обязанным заплатить ему по курсу черного рынка, а на нем доллар в последнюю неделю бешено взлетел (теперь более 400 франков, этот черный курс каждый день сообщается в «Хералд Трибюн»). Возвращаю Вам при сем ту старую расписку, которую Вы мне прислали, и, пожалуйста, тотчас пришлите мне новую: «Получил с благодарностью от Литературного Фонда в Нью-Йорке, через М. А. Алданова, пятнадцать долларов. С. Постельников. 14 октября 1951 года». Теперь сумму во франках, очевидно, указывать не надо, так как она все равно тысячи на две меньше полученной Вами. Разница будет моим маленьким подарком Вам. Этот подарок я, ввиду Вашего нездоровья, требующего, наверное, лекарств, и ввиду того, что Вы «хорошо учитесь», довожу до пяти тысяч и сегодня посылаю Вам на Сиври еще три тысячи. Пожалуйста, не вздумайте возражать. Ах, как жаль, что я небогат: многим хотелось бы ~~помогать~~ [дарить подарки??? – НРЗБ] и не мелочами.

Все-таки, мой милый, давно пора начинать *писать*. Не браню Вас, так как Вы нездоровы. Читаете Вы много, отдаю Вам полную справедливость. А когда я Вас браню, извольте не обижаться, только этого не хватало бы. Все делается для Вашей пользы.

Писать Юроку, по-моему, совершенно бесполезно. Если он не ответил на то Ваше письмо, то не ответит и на это. Да и хотя бы ответил: его *мнение* не так интересно и Вам, и мне, – он не Рахманинов и не Горовиц.

А вот почему Вы не ответили, следуя, очевидно, примеру Юрока, на мое письмо от 3 октября? Это не слишком любезно. Или уже тогда были нездоровы?

Пожалуйста, тотчас сообщите мне о здоровье. И дайте же мне Ваш окончательный адрес, где Вы будете письма получать на следующую день после отправки из Ниццы. Вдруг будет что-то спешное.

Жду и рукописи. Хочу, наконец, узнать, *как* Вы пишете. Советую писать не в тетрадке, а на отдельных листах (повторяю, на одной стороне и с полями). Еще раз скажу: давно следует начать писать. По-моему для этой главы (без изучения партитур) недели или двух больше чем достаточно.

Скоро верно получите ответ Александровой. Каков-то он будет?

Думаю, что Вы можете сослаться на Юрока. Ведь это правда. Он слышал Вас и хвалил.

Шлю Вам самый сердечный привет. Кланяется и Татьяна Марковна. Привет мосье Олегу. Я и забыл или не знал, что на Сиври его комната.

Ваш М. Алданов

34. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

22.10.51

Paris

le 22-X-1951

Дорогой Марк Александрович,

Опять слишком быстро прошла за работой и «текущими делами» целая неделя. Хоть мама и пыталась заставить меня лечь на пару дней из-за простуды, но я категорически отказался от этой интермедии, и таким обр[азом] смог побывать нецишних два раза в библиотеке. В указанных Вами статьях о Ломакине (их в R[усской] Ст[арине] три) ничего особенно интересного для статьи об оркестрах не нашел, там много о хоре и о Беспл[атной] муз[ыкальной] школе Балакирева – пригодится впоследствии. От В. А. Александровой ответа еще нет, но моя работа значительно подвинулась вперед. Уже давно я убедился в том, что, по моей программе, каждый очерк (в первой половине книги) охватывает иногда слишком обширный материал. Так, напр. 3-й очерк, с которого я начал: «Придворная музыка московских царей до Петра. Оркестры вельмож XVIII в. и Светская музыка при Петре, Анне и Елизавете. Первая итальянская опера и т. д.» будет одним из самых значительных и длинных. У меня подготовлен материал для первой части этого очерка (о моск[овских] царях), с которой я и начал писать. Но увидя, что работа затягивается, а Вы советовали начать с «оркестров», – я опять переключился на XVIII век. Пишу я, пока, с трудом, но вот уже 4-й день как пишу, продолжая, конечно, чтение: необходимо было прочесть всё, что имелось о вельможах XVIII в. у Финдейзена и т. д. Для меня – всегда главное – хорошо начать (первая страница потребовала несколько часов!). Поэтому я с самого начала отделяю стиль и слог, что конечно впоследствии делать не буду (отделять нужно после), не правда ли? Простите, что так спешно ответил Вам в прошлом письме (из-за расписки и всякой спешки).

С начала этого месяца мне пришлось написать около тридцати писем и на некоторые я еще не смог ответить с 1-го октября. Что, конечно, не извинение в том, что касается переписки с Вами; на Ваше

письмо от 3-го, я не хотел ответить под «настроением», т. к. был огорчен (я ведь очень обидчив) Вашим недовольством по поводу письма к Александровой.

Было также и то, что я, переждав несколько дней, надеялся послать Вам немного своего текста; было и то, что я уже себя плохо чувствовал: все вместе. Вопрос с комнатой еще не разрешен, а должен быть улажен до 1-го Nov.: или надо найти подходящего *collocataire*^{a1}, или отказываться. Кое-кого мне уже рекомендовали, к тому же я обратился в франц. консерваторию.

Окончательно решать что-либо сейчас очень трудно, не зная, как всё пойдет дальше, и это состояние очень мучительно. Если б я получил заказ на книгу, то мог бы отказаться теперь от комнаты, которую держу исключительно из-за рояля (у мамы не могу играть много), т. к. пришлось бы играть меньше.

На прошлой неделе приехал Олег; к сожалению, из-за сложных пограничных формальностей он не смог привезти свою пиш[ущую] машинку – это очень досадно. Его присутствие – для меня большая поддержка, до некоторой степени даже и материально. Пока появится возможность работать по своей профессии в Париже он будет работать в другой области. Он шлет Вам сердечный привет.

Кончаю, дорогой Марк Александрович, посылаю Вам сегодня первые страницы более или менее отделанными. Надеюсь, что смогу закончить главу об оркестрах в два дня и вышлю Вам в четверг. –

Мой самый сердечный привет Вам и Т. М.

Искренне преданный Вам

Любящий Вас,

Ваш Сергей П.

P. S. Ваш некролог еще не начат, так как я суеверен, и Вы должны прожить до конца века!!

1. Сожителя (*фр.*)

35. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

28.10.51

Милый Серж.

Получил Ваше письмо и девять страниц очерка, спасибо. Очерк написан дельно, толково, в стилистическом отношении и в орфографическом он много лучше, чем я ожидал. Я исправил в этом отношении очень небольшое. Рад и поздравляю. Однако в очерке есть очень

большой недостаток. Прежде, чем перейти к нему, хочу сказать Вам несколько слов как «предисловие».

Вы мне сообщаете: письмом (моим) от 3 октября «я был огорчен (я ведь очень обидчив)». Огорчение – это одно, обиженность другое. Я не думал, что Ваша «обидчивость» распространяется и на меня. Я Вам сказал, как всегда Вам говорю, *правду*. Внеся первую поправку в письмо к Александровой (вторую ведь я одобрил), Вы сделали большую ошибку и себе повредили. Причину я Вам объяснил, и по существу Вы на это ни слова не ответили. Кстати, только этой Вашей поправкой я могу себе объяснить то, что Вы до сих пор от Александровой ответа не имеете. Очевидно, она тоже «обидчива», и Вы ее действительно Вашим замечанием вполне могли обидеть. Ее голос в издательстве не решающий (Вредену я Вас всячески расхвалил), кроме того, она очень порядочный человек и, если и обиделась, то вредить Вам, думаю, не станет. Но что Ваша «поправка» внесла в отношения с ней холодок, это весьма вероятно. Что сделано, то сделано. Вы же на меня обижаться не имеете права, что я Вам ни написал бы. У меня во всем этом деле с Вашей книгой ни малейшего личного интереса, как Вы знаете, нет, я думаю и забочусь только о Вас. Буду и впредь писать Вам то, что нахожу нужным и как нахожу ~~нужным~~ для Вас полезным. Буду весьма удивлен, если Вы этого не поймете – и, добавлю, не оцените.

Теперь перехожу к недостатку очерка. Вы, впрочем, сами его в письме указываете, называя ~~его~~ очерк слишком схематичным. Я сказал бы и то, что он слишком сух. Я не читал книги Финдезейна, – может быть, она именно так написана? Но *так* писать книгу не следует. Если б Вы писали большую статью для огромного словаря вроде Брокгауза, то нельзя было бы лучше написать, чем написали Вы. Там должны были бы быть факты, факты и факты. Но *книгу* надо писать не только для справок, а и для того, чтобы она была интересным, занимательным чтением для широкого круга читателей. Я поэтому и посоветовал Вам начать, для издательства, с «красочной» главы, как эта. Постарайтесь, мой милый, именно красочной ее и сделать. Материалов больше чем достаточно. Например, о крепостных оркестрах и Пыляев дает много занимательного, бытового материала, а Вы о нем только упомянули. Вы могли бы даже просто дать в кавычках *длинные* цитаты хотя бы именно из Пыляева, с подстрочной ссылкой на них, с указанием книги и страницы. То же самое относится к Берхгольцу, – отчего не давать длинных, именно красочных цитат? Ведь у Вас очерк вышел очень краткий (страниц шесть-семь печатных, а можно дать и двадцать). Или же Петр, Елизавета, Екатерина. Надо, думаю, прежде всего указать, были ли они сами

художественными натурами, отметить степень их музыкальности (о Петре Вы, впрочем, тут кое-что дали, но мало). О каждом их этих царей есть очень интересно и именно занимательно написанные книги Константина Валишевского¹. Они были написаны по-французски, но есть и русские переводы (чтобы Вам не тратить время и на перевод). Там Вы всё об этом найдете, как и об Алексее (а не Андрее, как Вы написали) Разумовском и о Потемкине. Непременно возьмите в библиотеке эти книги, и Вы увидите, как это увеличит «интересность» Вашего очерка.

Теперь ссылки. Вы иногда даете их в подстрочном примечании, хотя и не указываете страниц (а это необходимо). Но иногда Вы в тексте просто вставляете имя автора, например: «(Пыляев)». Гораздо лучше первое, если даже Вы в конце главы дадите перечень литературы. В данном случае ссылка на Пыляева и говорит очень мало, так как у него есть не одна, а четыре книги.

И еще одно, очень важное. Даже тогда, когда Вы просто перечисляете факты, ни в каком случае не пользуйтесь (если это сколько-нибудь длинно) лишь одним источником для перечисления, так как это часто вызывает обвинения в плагиате. В частности, много ли Вы взяли у Финдейзена, книга которого, по-видимому, называется так же, как Ваша?

Вот пока все. В общем же, я доволен и одобряю. Ваши страницы пришлю Вам завтра, хочу прочесть в третий раз.

Имейте в виду, что для добавлений Вам не нужно целую страницу писать наново (кстати, я сначала и не заметил, что Вы четвертую страницу прислали в первой и во второй редакции): Вы можете срезать страницу, где нужно, и приклеить к ней дополнение. Для такой работы необходимы и ножницы и клей (рекомендую Вам Gripfix): именно поэтому я и просил Вас писать на одной стороне страницы, что Вы и сделали. Поля же служат только для коротких дополнений и исправлений.

Я очень рад, что Ваше здоровье совсем поправилось. О себе того же сказать не могу, но ничего серьезного нет.

Шлю Вам самый сердечный привет. Очень кланяюсь мосье Олегу. Моя жена благодарит за память и Вам тоже кланяется.

1. Произведения Казимира (!) Валишевского охватывают период от Ивана Грозного до Александра I. Занимательность его текстов обеспечивается обилием анекдотов и бытовых подробностей, что, однако, отрицательно сказывается на исторической точности произведений Валишевского.

36. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

29.10.51

Paris

le 29 X 51

Дорогой Марк Александрович,

Думаю, что Вы уже получили мое письмо от 25-го с. м. с окончанием главы об оркестрах. В субботу пришло письмо от В. А. Александровой, которое я прилагаю при сём. Ее ответ подает маленькую надежду, пишет очень любезно. Жду Ваших директив для ответа ей. Надеюсь, что скоро буду иметь от Вас письмо.

Не приедете ли Вы к юбилею Зайцева¹? Я видел, что Вы состоите в комитете... Когда же мы будем чествовать и Вас? Разве надо ждать пятидесятилетия литературной деятельности?

Сегодня опять пишу лишь несколько строк.

Самый сердечный привет Вам, дорогой Марк Александрович и поклон Татьяне Марковне.

Преданный Вам, уважающий Вас,

Ваш Сергей Постельников.

Я [всё. – НРЗБ] еще не освободился от простуды.

1. Празднование 50-летнего литературного юбилея Б. К. Зайцева состоялось 10 ноября 1951 г. в концертном зале Плейель в Париже. Организовано парижским Союзом писателей и журналистов, председателем которого Б. К. Зайцев был с 1947 г.

37. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

31.10.51

Милый Серж.

Как Вы догадываетесь, я и очень рад и не рад тому, что Вам написала Александрова. Рад, так как программа очень понравилась и ей и Вредену, а это подает, по-моему, серьезную надежду на принятие книги. Кроме того, вижу, что она не обиделась на Вас за слова о ней или, во всяком случае, не очень обиделась (после того, что я им писал о Вас, тон ее письма мог бы быть, по-моему, чуть приветливее, как и обращение: ведь Вы ей сообщили Ваше имя-отчество? В моем черновике письма к ней от Вас я это указал). С другой же стороны, я, конечно, не могу радоваться тому, что они хотят отложить решение вопроса до получения всей книги или, по крайней мере, ее половины.

Вы помните, что я в одном из моих писем к Вам говорил об этой возможности. Разумеется, по существу их винить в этом нельзя; Вы еще только начинающий русский писатель, а они, кажется, часто требуют того же и от русских писателей с именем. Но это ставит Вас в нелегкое положение, и я, право, не знаю, *что* Вам теперь посоветовать. Для окончания хотя бы и половины книги Вам надо потратить очень много труда, времени, сил, – а вдруг они потом все-таки Вашу книгу не возьмут! Решите, мой милый, этот вопрос сами, – я советовать боюсь, да и не знаю, что именно другое у Вас намечается для жизни, помимо книги.

Если Вы решитесь пойти на риск, считаясь с тем, что принятие и издание Вашей книги будет для Вас ОГРОМНЫМ жизненным успехом (не только денежным), то ответьте Александровой (с теми же, думаю, *formule de politesse*¹, что и она, или с другими), теперь по уже указываемому ею адресу издательства, следующее: «Очень Вас благодарю за Ваше любезное письмо от 24 октября. Я чрезвычайно рад тому, что Вы и Н.Р. Вреден одобряете план моей книги. Буду присылать Вам ее отдельные главы по мере того, как они будут отделываться мной и переписываться на машине переписчицей. Вы сообщаете, что издательство начнет свою деятельность с января. К этому времени доставлю Вам ~~несколько~~ часть книги. Вам, вероятно, все равно, в каком порядке ~~и~~ читать главы, так как каждая из них самостоятельна, хотя, разумеется, входит в книгу, как часть в целое». Как Вы помните, ее зовут Вера Александровна.

Ее письмо при сем Вам возвращаю.

Обо всем остальном я Вам подробно написал несколько дней тому назад.

Шлю Вам самый сердечный привет.

1. Вежливыми формулировками (*фр.*)

38. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

02.11.51

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Большое спасибо за оба Ваши письма от 28 и 31-го; последнее я получил сегодня. В первом письме к Александровой, я решил тогда внести поправку, не предполагая, что Вы придадите этому такое значение; конечно, как Вы мне и написали, лучше было бы целиком

выпустить всю фразу об ее статьях. Относительно Вашего замечания, что вторая моя поправка не была стопроцентной истиной, приведу все же в свою защиту то, что мной уже тогда было прочтено и собрано довольно много материала, достаточного для нескольких глав.

Я думаю, что Вы не сомневаетесь в том, что я очень, очень ценю Ваше ко мне отношение и, со своей стороны, глубоко к Вам привязан. Ни минуты не думал на Вас «обижаться», – «обидчивость» моя была приведена именно к тому, что я хотел подчеркнуть, что я делаю разницу между огорчением и обидой. Иногда «эзотеричность» всей мысли остается неудачно высказанной – у меня, по крайней мере. По поводу Вашего мнения о главе, я думаю то же; постараюсь «скрасить» некоторую сухость. Признаться, я не придерживался громкого титра «История русской музыки», по тем же соображениям. Мне кажется, что это заглавие требует «академического» стиля, и потому я придерживался некой строгости слога. Финдейзен – не сух, но у него слишком пространно; два тома – а лишь до конца XVIII века.

В «Старом житье» совсем мало о музыке; кое-что о скоморохах, далее о светских развлечениях при Екатерине; интересных анекдотов нет, кроме, б. м., о гр[афе] Скавронском¹, самодуре, выдрессировавшем свою челядь обращаться к нему лишь музыкальными фразами (очевидно «первые» лейтмотивы!). Не думаю, чтоб это было слишком лестным и для русских, и для музыки!..

Две книги Финдейзена называются «Очерки по истории музыки в России» – я обратил внимание на эту книгу лишь после составления своей программы и непроизвольно подумал о том же названии, приблизительно. Ссылки я, конечно, буду делать полностью или вообще – не буду делать, а только укажу библиогр[афические] материалы в конце своей книги. Когда буду приводить цитаты – тогда приведу, в примечании, автора.

Между прочим, для характеристики Андрея Разумовского (я спутал (!) его с фаворитом Елизаветы) я намереваюсь сослаться на Вашу «Десятую симфонию»², Вы мне запретить не можете! У Ф[индейзена] я взял некоторые факты, но его «стиль» мне не особенно нравится; много советских «неологизмов».

Библиотеки закрыты 1, 2, 3 (и 4-го – воскресенье): в среду я начал читать мемуары Берхгольца (приложение к журн. «Русский Архив» (1902–03 гг.). В самом Р.А., я нашел статью о посольстве кн. Куракина в 1707 г. и много другого интересного. «Невский проспект» Божерянова не имеется в Л. О.; книги Пыляева – все 4. У Забелина – мало о музыке.

Относительно ответа Ал-й напишу, как Вы говорите; думаю, что

надо продолжать. А след. письмо напишу Вам об этом подробнее, а то сегодня письмо не уйдет.

Еще раз – сердечно благодарю за Вашу доброту и прошу Вас продолжать мне писать всё, что Вы думаете и находите нужным для моего «блага», – я очень это ценю, хотя и «огорчаюсь» легко.

Искренний привет от мамы, Ю.О. и Олега

С душевным приветом, любящий Вас,

Ваш Сергей.

1. Скавронский Павел Мартынович (1757–1793), последний представитель богатейшего рода Скавронских, российский посол в Неаполе, чудаки и меломан.

2. Образ графа А. К. Разумовского в интерпретации М. Алданова рассматривается в статье: Орлова Ю. А., Богданова О. В. Тема творчества и «код гения» в повести М. А. Алданова «Десятая симфония». – «Вестник славянских культур». 2016. Т. 41, №3. – Сс. 97-104.

39. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

06.11.51

Париж

Дорогой Марк Александрович,

В моем письме от 3-го с[его].м[есяца]. я не ответил Вам на несколько вопросов, касающихся моей главы об оркестрах. Вы находите ее очень краткой (страниц 6-7 печатных) и думаете, что можно даже и двадцать стр[аниц]. Дело в том, что эта глава является лишь (приблизительно) шестой частью всего очерка, 3-го по программе, заключающего: «Придворная музыка московских царей до Петра; гуслиры, скоморохи и т. д. Светская музыка при Петре, Анне и Елизавете. Оркестры и театры вельмож XVIII-го века. Влияние запада; Первая итальянская опера в Петербурге (1736). Ф. Арайя».

Говоря о двадцати печатн[ых] страницах, подразумеваете ли Вы длину всего очерка, или только одной из его глав? В последнем случае книга далеко превзойдет намеченные ей размеры и займет у меня гораздо больше года. У меня собрана уже бо́льшая часть материала для всего очерка, но начав писать об оркестрах вельмож, мне пришлось кое-что сказать, для пояснения, о Петре Великом и его эпохе из того, что я намереваюсь писать о нем, об Анне и Елизавете – в отделе светской и придворной музыки в их царствования. Поэтому Вы не нашли почти ничего о них в главе о вельможах. Я прочел много

из «Старого житъя» Пыляева; особенно красочного у него ничего не нашел; других книг его еще не просматривал, т. к. они сейчас не свободны. Кое-какие подробности нашлись в «Русском архиве» за 1902–03 гг., но такие розыски в журналах занимают слишком много времени и почти что не оправдываются. Вот уже третий день сижу над дневником Берхгольца; нашел и места, цитируемые Финдейзенем; кое-что я приведу из других мест, это все очень интересно было бы в историческом ~~романе~~ описании, но, по-моему, в «истории музыки» чересчур отводят читателя в другую область, правда, очень захватывающую. Так как о самой музыке, игравшейся в ту эпоху, можно сказать очень немного, то это позволяет компенсацию в сторону «couleur locale»¹ чисто исторического характера. До Валишевского я еще не добрался, но непременно последую Вашему указанию, большое спасибо. Об Андрее Разумовском я прочел многое в «Десятой симфонии», что доставило мне большое художественное наслаждение, особенно описание исполнения девятой симфонии Бетховена и разговор Разумовского с Дюпором.

Вчера ответил В. А. Александровой, ничего не изменив в Вашем тексте. Из ее письма я понял, что она желает прочесть несколько глав из моей книги, а не половину. Главы 3, от силы 4, я смогу ей выслать до окончательного решения издательства; на половину книги мне понадобится минимум полгода. Вряд ли я смогу «продержаться» столько без аванса со стороны издательства. Все свои «жизненные» вопросы я сейчас оставил в стороне, поэтому не предпринимаю почти ничего в музыкальной деятельности, где нужно было бы, теперь и не откладывая дело в долгий ящик, сделать «l'effort suprême»², т. е. давать концерт за концертом. Я получил приглашение играть публично в Bad-Ball, около Штутгарта, ~~но~~ еще не решился, что ответить.

В первом письме Александровой я написал, как Вы поместили, в скобках свое имя и отчество; на сей же раз я обратился к ней: «глубокоуважаемая», я, лично, нахожу, что «многоуважаемая» недостаточно вежливо для дамы.

Кстати, могу ли я Вас попросить указать мне, где я мог бы прочесть ее статьи?! Я ведь газет, особенно русских, не читаю, или страшно редко. Я хотя и «слыхал» только о ее статьях, а она вообще не знала раньше о моем существовании, на что мне не пришлось бы в голову обижаться!!

Я совершенно согласен с Вами, что издание книги было бы огромным жизненным успехом; меня очень тронуло, что Вы называете уже меня «начинающим русским писателем», – это еще не заслужено мной.

На сегодня кончаю, дорогой Марк Александрович, уже скоро час ночи. Желаю Вам полного выздоровления (что именно у Вас? глаза?) и шлю Вам самый душевный и кланяюсь Татьяне Марковне. Олег также очень Вам кланяется; Вы всегда пишете «Мосье Олег», Вы, наверное, забыли его фамилию: Погибин, Олег Сергеевич, но для Вас просто Олег.

Искренне преданный Вам,

Любящий Вас, Сергей П.

Прилагаю при сем мои «заметки» из «Старого житья» Пыляева.

1. Местного колорита (*фр.*)

2. Максимальные усилия (*фр.*)

40. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

10.11.51

Милый Серж.

Я отлично понимаю, как Вам трудно решить вопрос о книге после последнего письма Александровой. К сожалению, я никак не вынес из него впечатления, что они примут решение после получения трех или четырех глав. На чем Вы основываете такое предположение? Она ведь ясно писала, что нужна вся книга или хотя бы половина? Знаю, что то же самое она на днях ответила одному парижскому русскому писателю с именем и чуть ли не вдвое старше Вас. Он тоже мне на это жалуется. Не хочу вводить Вас в заблуждение. До Нового года Вы ей действительно более четырех глав сдать не можете. Я еще раз тогда попрошу Вредена и ее принять решение на основании этих четырех глав, т. е. заключить с Вами договор и следовательно заплатить 500 долларов аванса, но я теперь (т. е. после письма Александровой и Вам и тому писателю) почти уверен, что они и тогда ответят то же самое: пусть Постельников сдаст половину книги. По-видимому, это у них принцип. Громадное большинство писателей прислали им ВСЮ рукопись той книги, которую каждый из них предлагает. Как Вам быть – просто не знаю. Я в первом же письме к Вам, после того, как подумал, что Вас надо сделать «музыкографом» и что Вы можете написать «Историю русской музыки», запросил Вас (о том же и устно Вас расспрашивал за завтраком), *можете ли* Вы совместить это с продолжением и развитием Вашей карьеры пианиста. Вы ведь тогда ответили утвердительно. Теперь Вы пишете: «Все свои ‘жизненные’ вопросы я сейчас оставил в стороне, поэтому не предпринимаю

почти ничего из музыкальной деятельности»!! Меня *чрезвычайно* огорчило это Ваше сообщение, которое, естественно, было для меня и неожиданностью после того, что Вы мне говорили. Но что же я могу Вам тут сказать? Повторяю, только Вы можете решить вопрос, а я советовать Вам боюсь и не могу. Не исключена никакая возможность, что они все-таки, несмотря на всю мою «протекцию», не примут Вашей книги. Но, по моему, есть немалые шансы на ее принятие. Если *примут*, то это, скажу еще раз, будет для Вас громадным жизненным успехом, — я *надеюсь*, например, что тогда (т. е. только после выхода русского издания) найдется и американское издательство, которое выпустит книгу по-английски и заплатит Вам не 1500 долларов (так как ему следовало бы оплатить тогда и перевод), но пятьсот долларов. Имея серьезную книгу на двух языках, Вы и как пианист были бы, думаю, совершенно в ином положении, чем теперь. Но ведь все это только *надежды*. Если же писание книги подрывает Вашу карьеру пианиста, то без колебаний скажу: бросьте книгу, карьера пианиста для Вас гораздо важнее. Помните, что я это все затеял, когда Вы мне сообщили, что для хлеба станете приказчиком! Я знал, что это юношеская дурь, которую Вы должны выбить из головы. Но все-таки Ваши слова произвели на меня впечатление — и никак не «веселое», — Вы это понимаете.

Еще раз говорю и настаиваю: Вы должны *тотчас* принять окончательное решение. Если Вы твердо решите, что можете писать, не подрывая своей карьеры выдающегося пианиста, то пишите и пишите. Что ж, Вы мне прислали теперь две страницы! Я рассчитывал получить уже весь очерк о русских оркестрах. Я имею в виду страниц 20-30 именно на весь очерк, от 17 века до наших дней. Жду его — если Вы решите писать — в ближайшее время¹, тогда буду править все. Конечно, Вы тогда пришлите мне и то, что я уже читал, с теми дополнениями, о которых я Вам писал. Последние две страницы Вы написали почти без полей, — очевидно, забыли. Больше 30 печатных страниц глава об оркестрах никак заключать в себе не должна (лучше 25): размер всей книги не должен превысить 400 страниц, и ее не только можно, но и необходимо написать в один год (самое большое), хотя я знаю и тоже предупреждал Вас, что это книга очень нелегкая и на нее надо будет потратить огромный труд.

Посылаю Вам одну статью Александровой. Она теперь пишет еженедельную, чисто литературную статью в нью-йоркской газете «Новое русское слово» и ежемесячную литературно-политическую в «Социалистическом вестнике». Мне эта статья, конечно, не нужна, — сохранилась у меня случайно. Прежде Александрова жила и печаталась в Европе, во всех либеральных изданиях.

Спасибо за добрые слова о «Десятой симфонии». Это, конечно, никак не лучшая из моих книг (лучшая, по-моему, «Истоки»).

В книгах Пыляева, Божерянова и Валишевского бытового материала очень много. Они все есть в Национальной Библиотеке.

Жду ответа. Шлю самый сердечный привет и пожелания бодрости, которую в Ваши годы и с Вашей большой одаренностью потерять совершенно непозволительно и (строго запрещается). Очень кланяется Татьяна Марковна. Привет матушке, Юлию Осиповичу и Олегу Сергеевичу (почему Вы решили, что я забыл его фамилию!).

Ваш М. Алданов

1. От расписания Вы уже очень отстали! (Прим. М. Алданова).

41. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

12.11.51

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Сегодня получил Ваше письмо от 10-го, а в конце недели от 6-го, за которые очень благодарю Вас, так же, как и за статью В.А.А.; прочту ее с интересом.

Возможно, что мое предположение основалось, как это случается иногда, на том, что я *je prends mes désirs pour des réalités*¹! ~~У меня~~ Мне приходили в голову кое-какие доводы, которыми мне казалось было бы возможным убедить издательство на принятие решений лишь по прочтении нескольких глав... Сегодня так поздно, что мне очень трудно изложить письменно свои мысли, за что очень прошу меня извинить. Вы затронули очень существенные вопросы как о книге, так и о моей «карьере», на которые не так легко сразу ответить.

Что касается присланных Вам в моём последнем письме двух листков, вышло, очевидно, недоразумение! Вы приняли их за начало очерка, а это ведь только выписки (нетекстуальные) из Пыляева, которые я Вам послал лишь для ознакомления с тем, что я у него нашел, так как Вам хотелось иметь всю книгу, которую я не решился Вам переслать по почте!

Теперь я дополнил эти заметки цитатами из «Старого житья» и из Берхгольца; глава об оркестрах вельмож в XVIII столетии разрабатывается порядочно. Но хотелось бы уточнить: этот очерк будет касаться только (что касается его главы об оркестрах) именно оркестров вельмож XVIII века, а не до наших дней, как Вы мне написали.

Эти 2 листка мне очень необходимы для работы, я Вам буду очень признателен, если Вы мне их пришлете обратно.

Мне хочется прислать Вам ~~весь очерк~~ главу уже отпечатанной на машинке, которую на днях буду просить взаймы.

Простите, дорогой Марк Александрович, за этот ужасный почерк, не знаю, что у меня делается с рукой; после библиотечных «сеансов» она у меня болит.

Мы все очень Вам ~~очень Вам~~ кланяемся и благодарим за привет. Со своей стороны, прошу Вас принять мой самый сердечный привет, также очень кланяться Татьяне Марковне.

Преданный Вам, искренне Ваш Сережа.

Я работаю много, почти каждый день хожу в библ. с 4 до 7, и еще по вечерам работаю у себя, но дело идет медленнее, чем я хотел бы!

1. Принимаю желаемое за действительное (*фр.*)

42. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

06.12.51

AUT 33-33

Четверг

Дорогой Марк Александрович,

Очень был огорчен за Вас, узнав о кончине Вашего beau-frère^{a1}; большое несчастье для всей вашей семьи. Мы все очень присоединяемся к вашему горю.

Большое спасибо за возвращенные записки, очень порадовался Вашему мнению. Я сам еще не так уже доволен получившимся. За последние дни прибавилось еще три страницы, заканчивающие эпоху Петра.

Я очень рад известию, что Вы в Париже и я Вас повидаю.

Я почти совсем оправился от простуды, выйду сегодня вечером в первый раз. А так, всегда почти бываю у мамы, т. к. еще не хожу в библиотеку и работаю дома. Бываю, и часто, на 25 r. de Civity.

Итак, жду Ваших известий; встретимся, где Вы пожелаете, причем буду рад, если Вы придете к нам; если мы будем «работать», то мама нам не помешает, она уйдет в свою комнату.

Искренний и сердечный привет шлю Вам и Татьяне Марковне.

Любящий Вас, Ваш Серж.

1. Деверя (*фр.*). Я. Б. Полонский (1892–1951), муж сестры М. А. Алданова.

См. запись В. Н. Буниной в дневнике 1 декабря 1951 г.: «Вчера хоронили Я. Б. Полонского. Сгорел в одну неделю от болезни сердца» (Устами Буниных. Т. 3. С. 204).

43. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

09.12.51

Париж

Дорогой Марк Александрович,

После нашего последнего свидания, в пятницу, – у меня возобновилось сильное желание написать статью о Вас. Хотя Вы каждый раз, когда я поднимаю об этом разговор, и протестуете, так как у Вас нет и тени тщеславия и Вы не любите говорить о себе, – но я действительно хотел бы начать, не откладывая писать; поэтому я решил воспользоваться Вашим пребыванием в Париже и просить Вас, в самые ближайшие дни, нового свидания.

Вы не можете представить себе, как Вы меня глубоко порадовали Вашим приходом в пятницу, на мою «голубятню»; эти часы, проведенные с Вами за «работой» и в беседе останутся на всю жизнь врезанными в мою память еще сильнее, чем все предыдущие. За это я хочу Вам, не дожидаясь новой встречи, выразить особенную благодарность сегодня же.

Последними вечерами я до позднего часа зачитываюсь «Началом конца»; поразительно, как Вы несколькими штрихами мастерски рисуете не столько внешний облик, сколько внутреннее содержание Ваших персонажей, и это часто в самых неожиданных для читателя деталях; у Пруста эти детали иногда бывают слишком обильны и не доставляют читателю свободы дополнить то или иное собственным воображением: они навязчивы. У Вас – подробности никогда не изложены, они «схвачены» Вами с проницательностью психолога человеческой души и не отягощают общего движения рассказа; безупречностью формы соединяются с глубиной ~~выражения~~ выразительности, и почти повсюду: неуловимое присутствие примиряющего юмора. Это – очень высокое искусство. Я – не литературный критик и мне трудно выражать свои впечатления, поэтому я говорю о них редко.

Мне бы очень хотелось прочесть «Истоки» и les cinq volumes d'essais¹, о которых говорил Laffont², но я никогда не добираюсь до русских библиотек! Не мог ли бы мне одолжить «Истоки» Ваш племянник? Я бы ему был очень благодарен.

Я был бы очень рад, дорогой Марк Александрович, если б Вы смогли опять запросто прийти на «голубятню», как в прошлый раз. Жду с нетерпением; я уйду в библиотеку не раньше 3-х часов, но лучше позвонить по тел. АУТ 33-33, чтобы Вы зря не поднимались.

Искренне и глубоко привязанный к Вам
Любящий Вас, Ваш Сергей Постельников.

1. Пять томов сочинений (*фр.*). Неизвестно, о каких томах идет речь. В издательстве Robert Laffont был издан лишь один роман, *La Commencement de la Fin* (Начало конца), 1948.

2. Роберт Лаффонт, директор одноименного издательства.

44. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

13.01.52

Paris

le 13 Janvier 1952

Дорогой Марк Александрович,

Простите, что долго не писал к Вам. Большое спасибо за Вашу открыточку к праздникам; я надеюсь, что и моя, посланная к Рождеству, дошла своевременно.

Первого января я начал писать главу о придворной музыке у московских царей (до XVIII в.), работая целыми днями, очень много, часто засиживался до ночи.

Мы виделись с Вами в последний раз 17 декабря и читали тогда главу о музыке при Петре, Anne и Елизавете: она была написана еще начерно и оставалось ее дополнить. Для этого, до конца декабря, мне пришлось ходить каждый день в Bibl. Nationale (я взял годовую карточку), т. к. мне оставалось просмотреть 2 очень важные книги, недавно вышедшие на франц. языке в Швейцарии: «*Annales de la musique en Russie au XVIII s.*»¹ и «*Euvres jouées en Russie durant le XVIII s.*»² Aloys R. Mooser'a. Это огромный труд, с которым было необходимо ознакомиться; и Вы мне говорили не раз, что нельзя ограничиваться источниками, которыми я располагал, да и я увидел, что этого было недостаточно. Что касается новой главы – в ней уже меньше сухости. Мне кажется, что небольшое историческое отступление нелишне ввиду немногочисленности имеющихся чисто музыкальных событий, относящихся к «светской музыке» XV, XVI и XVII-х веков, – тем более, что попытался осветить эту эпоху не только с внешней стороны и найти более индивидуальный подход к ней.

Таким образом, будет больше сложности с тем, как пишет Олег о церковной музыке, хотя я и пишу вполне самостоятельно.

Пришлось, конечно, углубиться в историю и продумать многое, не ограничиваясь только перефразировкой других источников, внутренне прислушиваясь к тому, что мне говорят факты, переносясь в ту или иную эпоху. Это требует времени, и 12 дней не так уж много для такого периода русской истории и музыки.

Меня очень волнует то, что я взялся написать до 15 янв. две главы и не смог сдержать обещания. Лучше мне впредь не обещать, пока я не освоюсь окончательно с своим новым «métier»³, а то выходит так, что хоть и стараюсь очень, а порчу себе репутацию.

Советские книги по истории м[узыки] уделяют тоже много места историческим фактам, но большей частью односторонне. К сожалению, мне невозможно пойти дальше своих предшественников в открытии новых музыкальных исследований; я могу идти дальше лишь в оценке и характеристике известных фактов.

Итак, дорогой Марк Александрович, посылаю Вам заказным новую главу; очень неприятна задержка с машинкой, не знаете ли Вы, куда можно обратиться, чтоб найти переписчицу?

Сердечный привет и еще раз наилучшие пожелания к Новому году. Искренне Ваш, любящий Вас, Сережа.

1. *R.-Aloys Mooser. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIeme siècle.* – Genève: Mont-Blanc, 1948–1951. 3 vol. (458, 1006 p.)

2. *R.-Aloys Mooser. Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIIIe siècle. Avec l'indication des oeuvres des compositeurs russes parues en Occident à la même époque. Essai d'un répertoire alphabétique et chronologique.* – Genève: Imprimerie A. Kundig, 1945. 177 p.

3. Ремеслом (*фр.*)

45. О. ПОГИБИН – М. АЛДАНОВУ

14.02.52

Париж

Дорогой Марк Александрович,
Хочу приписать Вам несколько слов.

Меня тоже очень беспокоит медлительность, с которой подвигается работа. Но чем дальше в лес, тем больше дров. Сережа действительно сидит целыми днями за работой – дома или в библиотеке. Не всегда возможно ограничиться одним просмотром книг, и часто,

чтобы составить себе общую картину, приходится не только много работать в смысле чтения и продумывания, но и в смысле «вынашивания» материала, прежде, чем приступить к возможности дать ему надлежащую форму и вес в изложении. Я понимаю, что для «вынашивания» стиля сейчас действительно нет времени и этот факт в некоторой степени идет в ущерб работе.

Машинку я получил; она оказалась в таком плачевном состоянии, что работать на ней не было возможности. Пришлось ее отнести обратно. Пока ее починят и пока я ее получу обратно – ишу в этом направлении другие возможности. Всё же половину статьи о церковной музыке (пении) кое-как удалось напечатать. Статья пока еще не закончена: все источники, в сущности, углубляются в историю как таковую, и большие отступления от самого предмета (музыки) часто совершенно необходимы. Здесь приходится, чтобы избежать подражательности в построении других авторов и увеличить ценность и интерес статьи, – искать другие «движительные силы», б. м. психологического порядка. Для этого необходимы двойная осторожность и уверенность. Тем не менее работа идет вперед и должна быть закончена, несмотря на опоздание.

Мои лучшие пожелания шлю Вам, дорогой Марк Александрович, в наступивший Новый год, главное, здоровья – и всем нам дальнейшего, хотя и относительного «мира», в котором мы пока пребываем.

Искренне Ваш, Олег Погибин.

46. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ И О. ПОГИБИНУ

16.01.52

Дорогие собраты (ведь Вы теперь собраты или «коллеги», хотя и начинающие), разрешите ответить Вам обоим вместе. Спасибо за Ваши письма, вчера мною полученные. Главу я, разумеется, прочел очень внимательно, два раза.

Я знаю, милый Серж, что часть моего отзыва Вас огорчит. Пртерпите это, – я ведь и забочусь только о том, чтобы Вреден и Александрова приняли Вашу рукопись. Добавлю, что и Вы меня огорчаете, во-первых, Вашей затяжкой, поистине Вас губящей, во-вторых же тем, что Вы моих советов не слушаетесь. Мне не хотелось бы это говорить, но я в ВАШИХ интересах *обязан* Вам сказать: две трети этой главы III не имеют отношения к теме книги или имеют настолько отдаленное отношение, что нью-йоркские чтецы, по-моему

убеждению, придут в полное недоумение. О возникновении московского государства можно и должно сказать в этой книге на 20-30 строчках, в самом крайнем случае на двух страницах, – и то больше для того, чтобы связывать главы. И неужели Вы думаете, что на 7-10 страницах можно разбирать такие вопросы, о которых написаны сотни книг?! Убедительно советую Вам первые семь страниц выпустить, заменив их 20-30 строчками. Я Вам в Париже говорил, что есть вещи, о которых еще можно было бы говорить в многотомной истории русской музыки, но никак нельзя говорить, когда на всю историю музыки дается один том в 400 страниц. Обо всем, что музыки *прямо* не касается, Вы должны говорить чрезвычайно кратко. Зато, когда дело идет о музыке, можно и должно для оживления и занимательности идти на интересные отступления, даже, если хотите, на «анекдоты» (разумеется, во французском смысле этого слова). Вашу оригинальность и глубину (говорю без малейшей иронии) Вы, надеюсь, проявите дальше в музыкальной оценке музыкальных произведений 19-го и 20-го веков, но нельзя и незачем отдавать так много места соображениям философско-историческим и социологическим. Необходимо сильно сократить и стр. 11-12.

Остальное – то, что о музыке – написано хорошо. Орфография почти безукоризненна, и в смысле стиля Вы, как мне кажется, уже, за короткое время работы над русской книгой, сделали немалые успехи. Я кое-что отметил карандашом.

В сущности, нам бесполезно спорить. Я знаю Вредена и Александрову, Вы их не знаете. Могу, конечно, и ошибиться, но я почти уверен, что они НЕ примут книги в двух случаях: 1) если им покажется, что она в значительной мере написана не на ту тему, о которой шла речь, 2) если она будет написана слишком сухо, недостаточно интересно для публики. Между тем сейчас главное: чтобы они приняли книгу. Так что по существу нам с Вами спорить незачем.

Теперь Ваши затяжки. Я Вас, Сережа, понимаю и ценю, что Вы так серьезно относитесь к делу и так много работаете (вы оба мне об этом пишете). Думаю, что очень много времени у Вас теряется именно потому, что Вы читаете и излагаете много ненужного или хоть необязательного. Я знаю, Вы скажете: «Для того, чтобы понять историю русской музыки, мне нужно понять и объяснить, как образовалось русское государство, что означало Смутное время и т. д.» – Для этого надо было бы однако изучить и разобрать географию, демографию, климат России, социальный состав ее населения и множество других предметов, о каждом из которых написаны книги. Вы *не можете* всем этим заниматься. Кроме того, Вы должны считаться с условиями. Опять-таки не хочу Вас огорчать, но боюсь, что Ваша

книга уже не может быть принята в числе тех первых 20 книг, которые будут ими приняты в январе. Александрова от Вас (и не только от Вас) требовала сдачи половины рукописи. Мы с Вами надеялись еще два месяца тому назад, что к январю Вы пришлете издательству хоть значительную часть этой половины. Оказывается же, что у Вас пока готово очень, очень мало, да и то, что готово, еще не перепечатано на машине, а это совершенно необходимо.

Я *предполагаю*, что кроме книг, которые принимаются в январе, издательство будет принимать и подписывать контракты и в течение всего года, постепенно и в пределах своих возможностей. Вы получите это письмо 18-го, и ясно, что переписка тоже займет некоторое время, как и доставка. Значит, в январе они от Вас вообще ничего не получают. Не буду спорить, *очень* ли Вы в этом виноваты. Но я огорчен. Что же делать?

Тогда постараемся хоть доставить им возможно скорее возможно более «выигрышный» материал. Глава III сама по себе, по своему сюжету, НЕ выигрышна. Когда Вы выпустите из нее то, что необходимо выпустить, оставшееся вообще не может составить отдельную главу и его надо присоединить к следующей главе. Это, конечно, не так важно (деление на главы в этой части книги).

Вы – близкие друзья, и я считаю возможным в этом письме к Вам обоим коснуться маленького проблематического дела о Вас, Серж, в Литературном Фонде. О[лег] С[ергеевич] [не свидет. – НРЗБ]. Правда? Этот фонд тогда дал Вам, как и другим, лишь 15 долларов. В ту пору касса фонда была пуста. Теперь она пополнилась ежегодным сбором. Зато новое правление известило меня, что по введенному им общему правилу каждый писатель или ученый, желающий получить деньги (я хлопотал о двух старых друзьях, кроме Вас), обязательно должен *лично* написать об этом в правление. Хотите ли Вы на свой риск написать правлению? Я, со своей стороны, отсюда отдельным от Вашего письмом всячески поддерживал бы Ваше ходатайство. Если Вы согласны, то напишите так: «Глубокоуважаемый господин председатель. Находясь в очень трудном материальном положении, прошу Правление Фонда помощи писателям и ученым оказать мне ту поддержку, которую оно найдет возможным. Меня и мои работы очень хорошо знает М. А. Алданов, он обещал из Ниццы поддерживать мое ходатайство. С искренним уважением». Подпись, дата, адрес. Пошлите по воздушной почте по адресу: Litfund, c/o Novoye ____.

Ручаться, что они исполнят, никак Вам не могу (как и тем друзьям). Но они могут ассигновать¹. А если откажут, то тут, конечно, ни малейшего конфуза нет: значит, вышли деньги.

Еще раз шлю Вам обоим самые лучшие новогодние пожелания и благодарю за письма. Ваш М. Алданов.

1. Алданов поддерживал Постельникова в письмах к И. М. Троцкому, секретарю Литературного фонда, в 1954, 1955 гг. (см.: «Нетленность братских уз». Переписка И. М. Троцкого, И.А. Бунина и М. А. Алданова. — «Новый Журнал», № 277, 2014 г.) и интересовался статусом заявки в 1956 г. в письме к Полякову А. А. («Ассигновал ли Фонд что-то Богданову, Бологовскому, Постельникову?»; VAR, Vox 34).

47. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

23.01.52

Париж

Глубокоуважаемый и дорогой Марк Александрович!

В субботу вечером получил с маленькой задержкой Ваше письмо, за которое сердечно Вас благодарю, также и от имени Олега. Ваше письмо и отзыв о главе вполне справедливы и меня скорее порадовали, чем огорчили. Вы как будто догадывались, что неосторожное или резкое слово могло скомпрометировать всю мою дальнейшую работу и написали очень мягко и осторожно, и за это я особенно Вам признателен.

Ваше письмо и меня, и Олега очень порадовало своей сердечностью и участием.

Я собственно ожидал, что Вы найдете мои исторические и другие «отступления» слишком пространными и скажете, что нужно сократить и многое выпустить. Если бы я мог писать без спешки, то вся бы работа много выиграла бы в зрелости. Главная трудность сейчас состоит в том, что я должен постоянно, из-за того, что пришлось начать писать с середины книги, ~~именно~~ иметь в виду то, что моя глава должна быть органически связана с темой, которая ей предшествует (!) и что к некоторым важным музык. явлениям можно возвращаться лишь под определенным углом, не повторяться и т.д. С другой стороны, мне необходимо, все же, для себя, пройти весь этот путь — восходящий — к истокам русского муз. творчества, в связи с историческими событиями. Поэтому многое из того, что я написал о московском государстве, разместится своевременно и в введении, и в главе I о народном творчестве, и в главе II, о церковном пении. В некотором смысле, это верно, мне приходится тратить много сил на то, о чем не нужно писать, но надо знать (!), чем на то, о чем идет

речь в данной главе. Мой принцип в работе был всегда таков: никогда не оставаться в узких границах своего задания, а обогащаться и насыщаться *le sujet traité*¹, всем тем, что иногда, *en apparence*², не имеет прямого к нему отношения. Пианист, желающий быть незаурядным исполнителем Шопена, должен постичь все секреты музыки Баха и Моцарта; три различных мира, *en apparence*, – но связанные скрытыми, глубокими узами. Конечно, для такой работы нельзя быть слишком ограниченным условиями; но и артистов, честно относящихся к своему искусству, очень ограниченное количество на свете.

Вторую книгу об истории музыки я, вероятно, не возьмусь писать: поэтому, если суждено выйти первой, – она должна иметь свою ценность среди других аналогичных трудов. Меня еще более беспокоит вопрос о «музыкальной оценке музыкальных произведений», как Вы говорите. «Музыкальной» оценкой музыки, в сущности, является ее... интерпретация! Остальное всё, более или менее, – литература.

Сложность состоит в том, что музыка является одновременно и искусством и наукой; поэтому, как справедливо ее считали *soi-disant*³ язычники – мудростью! Не знаю, к которой главе моей книги относится сия «констатация»!!

Вашему совету я, конечно последую, дорогой Марк Александрович, и переделаю главу. Первоначально, по моему плану книги, эти 3 «сочинения» и составляли всего лишь одну главу, если Вы помните. Я, только смекнув, что московский период может дать материал для целой главы, решился из чисто практической цели (лишняя глава для отправки в N.Y.) на эту уловку: но Вы разоблачили меня!

На прошлой неделе меня объяло полнейшее бесплодие (литературное), не вязались мысли; та фраза, которой я закончил главу, а именно: «человеку, с детства не привыкшему к умственному труду, нелегко начать учиться [с]о школьной скамьи...» (простите за собственную цитату!!), как будто пригвоздила меня к месту. Вчера это состояние, к счастью, окончилось благодаря технической уловке: я взялся за учебник всеобщей истории музыки Mr Landormy⁴, кот[орый] изучал в Консерватории; решив сопоставить развитие зап. евр. музыки с русской; не знаю еще, что из этого выйдет... Лишь бы не отступление «на Запад».

Вчера я написал *par avion* в Litfund; списав Ваш текст. Хорошо, если придет поддержка, большое спасибо за Ваше предложение написать им с Вашей стороны. Олег и я шлем Вам, дорогой Марк Александрович, наш самый душевный привет и благодарности за письмо.

Олег еще не устроился на работу, настроение мрачное.

Любящий Вас, Ваш Сережа.

Respectueux souvenir à Mme Aldanov⁵.

1. Рассматриваемый предмет (*фр.*)

2. На первый взгляд (*фр.*)

3. Так называемые (*фр.*)

4. *Historie de la musique* par Paul Landormy. Впервые опубликован в 1910 г.

5. С наилучшими пожеланиями мадам Алдановой (*фр.*)

48. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

08.02.52

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Давно не имею от Вас известий; здоровы ли Вы? Высылаю Вам наконец переделанную главу о музыке при московских царях.

Это стоило мне немало труда, т. к. я решил дополнить то, что пришлось сократить в исторических предпосылках на первых страницах, тем, что Вы прочтете в страницах 9-10-11-13а-18-19-20-21-22.

Таким образом, все же получится отдельная глава: 3-я в порядке книги, которая следует главе о церк[овном] пении. За 3-й идет уже написанная гл. 4-я, о Петре, Анне и Елизавете, о крепостных оркестрах.

Олег скоро закончит гл. о церк[овном] пении: он меня подводит, т. к. читает сейчас в Париже ряд публичных лекций на антропософские темы, к которым много готовится. Ничего не поделаешь!

Машинки у меня еще нет! Напрокат, у Анненкова, стоит 5000 с лишним за 3 месяца, или 50-60 фр. за страницу.

У меня несчастье: ломаются передние зубы, за эту зиму пришлось вырвать несколько, так что я обезображен. Приходится ждать лучших времен. С четырьмя зубами на верхней челюсти!

Если Вы будете иметь полчаса свободного времени, то я был бы Вам очень признателен, если б Вы смогли мне дать идею о том, как можно было бы выразить то, что я хотел сказать на стр. 13в, в более литературной форме. Романовы мне надоели смертельно, ils ne méritent que le silence!¹

Дорогой Марк Александрович, боюсь что опять получу неудовлетворительную отметку за мое exposé² о философии Декарта, но c'est plus fort que moi!³ Хочу быть полезным человечеству!

Жду с нетерпением Ваш ответ.

С самым сердечным приветом, шлю Вам и Татьяне Марковне мои самые лучшие пожелания доброго здоровья. От родителей и Олега сердечный привет.

Любящий Вас Ваш Сережа

Не написать ли пока Мме Александровой с извинением о задержке? Но, *reflexion faite*⁴, пока не будет написана половина книги, к чему посылать три главы? Разве, что они так понравятся, что я получу контракт?! Интересно было бы узнать, не получили ли они предложения издать «Историю русской музыки» другого какого-нибудь автора?⁵

1. Они заслуживают только молчания (*фр.*)

2. Изложение (*фр.*)

3. Это сильнее меня (*фр.*)

4. Поразмыслив над сделанным, по некоторому размышлению (*фр.*)

5. В 1956 г. в Издательстве им. Чехова были опубликованы «Этюды по истории русской музыки» Ю. И. Арбатского.

49. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

09.02.52

Милый Сережа,

Только что получил Ваше письмо – и еще даже не заглянул в статью. Я Вам не писал, так как нездоровится (ничего серьезного), завален работой и, главное, Ваше последнее письмо было ответным. Пишу же сейчас, чтобы «выразить сочувствие»: что это такое? зубы ломаются в Ваши годы? и один за другим? Вероятно, есть какая-нибудь общая причина в организме? Допускает ли такую возможность врач?

Есть ли уже какой-либо ответ из Литературного Фонда? Знаю, что заседание там состоялось ровно через неделю после того, как я Вам об этом написал. Тогда я дня заседания не знал, но когда узнал потом, то невольно подумал, что если б Вы написали им *тотчас* после получения моего письма, то уже просьба была бы рассмотрена. Но Вы из-за «хандры» написали лишь дней через пять. Заседания там бывают не так часто.

Что же я могу Вам сказать о задержке дела с издательством? Я ведь Вам писал, что к январской программе Вы все равно опоздали. Теперь *срока*, собственно, нет. Чем скорее будет готова половина, тем

больше шансов на принятие. Но торопить Вас – сдайте эту главу тогда-то, а другую тогда-то, – как я безрезультативно делал вначале, – по-моему, уже не имеет смысла. Всё же я не думаю, чтобы им кто-либо другой предложил историю русской музыки. Я и кандидата на это не знаю, и надеюсь, что они тогда предварительно написали бы Вам или мне. Поручиться не могу. Если хотите, напишите Александровой, что работаете усиленно над книгой. Это у Вас хорошая мысль. Все-таки напомнить не мешает.

Повторяю, я еще не взглянул на рукопись, но слова в Вашем письме о Декарте привели меня в недоумение: причем тут еще Декарт? Увидим.

Шлю Вам и Вашим (в обоих домах) самый сердечный привет. Очень кланяется Т.М.

50. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

22.02.52

Милый Серж.

На этот раз, пожалуйста, Вы меня извините: у меня был бронхит с головными болями, и все-таки пришлось заканчивать свою собственную неотложную работу. Поэтому только сегодня смогу Вам ответить – нездоровье прошло.

Теперь Ваш текст хорош. Некоторые отметки я сделал красным карандашом. За сообщаемые Вами *факты* я, конечно, не «отвечаю», – очень многого я не знал, узнал только из Вашей статьи. Надеюсь (я Вам писал об этом), что они взяты не из **ОДНОГО** источника, а из разных.

На стр. 7 Вы говорите об архитекторе ФиоравАнти. Так назывался музыкант, ученик Чимарозы. Архитектора же звали ФиоравЕнти¹. На стр. 13-й неудачно выражение «На помощь этому *положению*». О Декарте Вы сказали лишь несколько слов, так что мои опасения были напрасны. Только фраза о нем неясна и тяжело-вата (я кое-как исправил), и незачем его называть «французским философом», – он, слава Богу, достаточно известен. Я немного сомневаюсь, могла ли уже в 1563 году быть в *Полоцке* лютеранская церковная музыка² (стр. 10), но ничего *невозможного* в этом хронологически все-таки нет. Других замечаний не имею. Пожалуйста, поясните мне немного, что именно, согласно Вашему желанию, мне следовало бы написать к одному из отрывков Вашей работы. Я это охотно сделаю.

Советовал бы Вам теперь перейти к одной из глав, посвященных какому-либо русскому композитору. Надеюсь, что это пойдет у Вас легче. Если я правильно Вас понимаю, Вы хотите (поскольку к январским заказам книг Вы опоздали) теперь сдать издательству сразу довольно много материала? Что-ж, *теперь* я против этого уже не возражаю.

Получили ли деньги от Лит. Фонда? Написали ли Александровой, что усиленно работаете?

Самый сердечный привет. Кланяюсь всем. Кланяется и Т.М. Простите, что пишу кратко, еще очень устал.

1. Словарь Брокгауза и Евфрона, как и большинство других академических источников, использует вариант «Фиораванти» и для архитектора, построившего Успенский собор в Кремле.

2. Несмотря на то, что лютеранские общины стали формироваться на территории нынешней Беларуси в конце XVI в., первые упоминания о церковных зданиях датируются 1775 г. Сохранившееся по сей день здание лютеранской церкви Марии было построено в Полоцке в конце 1888 г.

51. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

24-25.02.52

25, rue de Cività

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Большое спасибо за возвращенную статью и за Ваши поправки; очень обрадовался тому, что Вы нашли теперь текст хорошим. Надеюсь, что Вы теперь совершенно выздоровели. Очевидно, в Ницце тоже очень холодно, раз Вы смогли схватить бронхит. Отапливается ли Ваша квартира?

Для последней главы, помимо Финдейзена, я пользовался следующими книгами и источниками:

- 1) Келдыш: История русской музыки (Москва, 1947)
- 2) Браудо: Всеобщая история музыки (советское издание, кажется 1936¹)
- 3) Статьи Смоленского, Металлова о церк. пении в «Памятниках древней письменности».
- 4) Березовский: Русская музыка²
- 5) «Театр при Алексее Мих. и Петре» – статья в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» (1914, Т. 2)

- 6) Бессонов: Русское государство в середине XVII в.³
- 7) -----: «Знаменательные года и знаменитейшие представители последних 2-х веков в истории рус. церк. песнопения»⁴
- 8) Валишевский: Иван Грозный
- 9) Металлов: духовно-музык. сочинения
- 10) *Histoire de la musique en Russie d' Alb. Soubies*⁵
- 11) Забелин: Домашний быт рус. царей и цариц в XVI и XVII вв.⁶ и несколькими учебниками рус. истории и «*Histoire de la musique*» de P. Landormy⁷.

Кроме 3-х из этих книг, которые я получил на дом, другие приходилось читать и изучать в Bibl. Nationale, de l'Ecole des Langues Or[jenta]les, Institut Slave, Conservatoire, и др.

Попросив Вас помочь мне написать несколько слов (или, вернее, в нескольких строках) о царе Михаиле Федоровиче, я подразумевал краткую характеристику особенностей эпохи, его вступления на престол и двоевластия царя и патриарха; то, что я написал в первой редакции, было слабовато. Можно ли назвать «веком теократии» русский 17-й век? Если моя просьба Вас затрудняет за недостатком времени, то я как-нибудь справлюсь с этим сам.

Прежде чем писать Александровой, я хочу уже давно спросить Вас: не было бы у издательства возможности напечатать несколько моих глав отдельными очерками в альманахе, который, как Вы мне говорили, они собирались выпускать? Таким образом, я получил бы возможность заработать немного денег до того, еще слишком отдаленного момента, когда я смогу закончить половину книги. Это мне много помогло бы подвинуть работу. Об этом можно было бы тогда сразу написать Александровой одновременно; я не знаю, можно ли будет после этого использовать те же главы для книги?

Дело в том, что теперь мое положение совершенно изменилось, и к худшему. Пока я питался у мамы, я кое-как мог существовать и продолжать, хоть и с трудом, работать над книгой. Заниматься на рояле я прекратил уже несколько месяцев тому назад, необходимость играть в маминой квартире, в проходной комнате, создает всегда трудность и для меня, и для других, что привело меня к окончательному прекращению моей пианистической работы, хотя и не являлось единственной причиной этого. Не видя пока никаких перспектив в концертной деятельности, в масштабе, необходимом для завоевания известности не только в Париже, я посвящал всё свое время почти целиком на литературную работу. Вы знаете, что весь 1951 год был для меня особенно критическим. В надежде найти уроки музыки и немного заработать концертами, я продолжал заниматься усиленно музыкой, но мои надежды не оправдались: неудача с Юр[оком] и т. д.

Я пытался возобновить связи, но для того, чтобы их поддерживать, необходимо иметь квартиру и средства. Этой зимой я почти нигде не бывал, прекратив почти полностью телефонные звонки, и т. д., не имея возможности платить за телефонные счета. На днях у меня произошло крупное объяснение с мамой, и в результате я окончательно решил больше не пользоваться ее добротой и не обременять ее. Теперь я вынужден всеми средствами искать заработка, так как пока перестал бывать у мамы и Ю. О.; лишь только там ночую.

Книгу писать я не брошу, но смогу посвящать ей теперь гораздо меньше времени. Я хотел бы всего этого Вам не писать, дорогой Марк Александрович, и Вас не расстраивать этим, но, с другой стороны, не могу и скрывать от Вас этого!

Вашему совету относительно русского композитора я последую; думаю не начинать с Балакирева, как намеревался осенью, а с Мусоргского.

Буду ждать Вашего ответа относительно письма Александровой; если с моими статьями не выйдет, то очень хотел бы ей рекомендовать для журнала интересную работу одной моей знакомой русской⁸ об опере «Сказание о граде Китеже» Римского-Корсакова; впоследствии мы собирались написать совместно главу об этом композиторе, включив в нее интересный и не существующий ни у кого материал о нем.

На сегодня кончаю, дорогой Марк Александрович. Олег и я шлем Вам наш самый сердечный привет и пожелания полного выздоровления.

Любящий Вас, Ваш Сережа.

От Лит. Фонда известий нет.

-
1. Третье издание «Истории музыки» появилось в 1935 году.
 2. *Березовский В. В.* Русская музыка: Критико-исторический очерк национальной музыкальной школы в ее представителях. Спб., 1898
 3. *Бессонов П.* Русское государство в половине XVII века. М., 1860.
 4. *Бессонов П. А.* Знаменательные года и знаменитейшие представители последних двух веков в истории церковного русского песнопения // Православное обозрение. 1872 г. Январь–февраль.
 5. *Albert Soubies.* Précis de l'histoire de la musique russe. Paris, 1893.
 6. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII ст. – М., 1895.
 7. *Paul Landormy.* Histoire de la musique. – Paris, 1914.
 8. Габриэлла Ивановна Ефимова. Возможно, Г. И. Ефимова связана с захоронением «Ефимова Г.» на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа: (???–1975).

52. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

27.02.52

Милый Серж.

Как Вы догадываетесь, я очень огорчен Вашим письмом, только что мною полученным (хотя оно помечено 24-25 февраля). Что именно произошло у Вас с матерью? Я никак не думаю, чтобы она попрекала Вас тем, что Вы у нее питаетесь. Из-за чего же «крупный разговор»? Вы знаете, что, по моему *общему* правилу, сын должен быть мил и почтителен с родителями. Я со своими всегда таким был и от Вас требую того же. Постарайтесь в ближайшие дни помириться. Если нет, я по приезде в Париж насильно Вас заставлю это сделать, как однажды уже сделал лет пятнадцать тому назад. Вы ведь еще по существу остались мальчиком, – тут ничего обидного нет, а это мое искреннее убеждение.

Но, конечно, не только это (хоть это главное) огорчает меня в Вашем письме. Очень печально, что Вы забросили рояль. Ведь, как я много раз Вам говорил, рояль Ваше ГЛАВНОЕ в жизни. Допустим, Вы кончите и издадите книгу. А дальше что? У Вас в этом случае, надеюсь, будет заработок музыкального критика. Однако рояль остается главным. Если Вы несколько месяцев не будете играть, это, боюсь, может нанести Вашей технике невозвратимый ущерб? И как же такой талантливый пианист, как Вы, может вообще, т. е. независимо от заработка, жить без рояля! Я все-таки думаю, что Вы, помирившись с матерью, *можете* часа два-три в день играть у нее, не расстраивая ее нервов?

Пошлю Вам сегодня пять тысяч франков. Если Вы через неделю-другую получите что-либо от Фонда, Вы можете их мне вернуть. Если не получите, пришлите мне «на всякий случай» расписку, как тогда: «Получил от Лит. Фонда через Алданова 5000 франков»: если я когда-либо вернусь в Америку, постараюсь пристыдить правление его скупостью, вдруг они раскаются и вернут их мне, что, впрочем, маловероятно.

В конце января издательство подписало договоры с 22 представившими рукописи писателями. Ах, Боже мой! Были бы тогда у них четыре Ваши главы, издательство, быть может, подписало бы договор и с Вами, и Вы получили бы аванс (быть может, впрочем, четырьмя главами они и не удовлетворились бы). Пишу это не для того, чтобы Вас попрекать. В сущности это сводилось бы к: «Был бы Сережа Постельников не Сережа Постельников» и т. д. А я сообщая Вам это известие, недавно мною полученное, к тому, что в числе 22 книг аль-

манаха не было. Вера Александровна очень сочувствует мысли об альманахе, и я надеюсь, что эта мысль осуществится, но пока не осуществилась. Поэтому писать ей о Ваших главах в нем преждевременно. Если альманах осуществится, я буду это знать, тогда и напишем. Теперь же это бесполезно и могло бы повредить Вашей *книге*. Напишите ей только кратко (и, конечно, любезно), что очень усиленно работаете, что книга продвигается и т.д. А какая это новая Ваша сотрудница?

О царе Вам напишу – дайте мне немного времени: я всё еще чувствую себя не очень хорошо (у нас топят недурно).

Все же, мой милый, не слишком огорчайтесь. Вы еще молоды, перед Вами вся жизнь. Рад, что Вы так много читаете. Хотя это со специальной целью, но, думаю, что чтение будет Вам чрезвычайно полезно и независимо от нее. Как ни странно, но мне *кажется*, что Ваша общая культура *очень* увеличилась за эти полгода работы. Такое ли Ваше собственное впечатление? Пишете Вы, во всяком случае, много лучше, чем вначале.

После некоторого колебания я посылаю Вам 5000 на Сиври, хотя «ночуете» Вы на Вариз.

Итак, возобновите добрые отношения с мамой, играйте хоть два-три часа в день. Уроки, верно, будут.

Шлю Вам самый сердечный привет, очень кланяется и Т. М. Пожалуйста, кланяйтесь О. С. Надеюсь, что с ним Вы не ссоритесь и что он Вас немного дисциплинирует. Очень его об этом прошу.

~~Оказывается, деньги могу послать только завтра~~

53. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

01.03.52

Paris

le 1 Mars 52

Дорогой Марк Александрович,

Большое и сердечное спасибо за Ваше доброе письмо и за поддержку, которую Вы мне оказываете в трудную минуту. Мандат получил вчера на почте, т. к. почтальон в четверг меня не застал ~~дома~~. Через некоторое время, если известий от Литфонда не будет, то сделаю, как Вы говорите. Во всяком случае, искренне благодарю Вас.

С мамой я, собственно, не ссорился, т. к. не принял решения только на основании ссоры. Жаловаться на маму невозможно, и поэтому я виню только обстоятельства... и в некоторой степени самого

себя. Но все мои решения остаются в силе; хочу по мере возможности жить самостоятельно и рассчитывать на собственные усилия. Все эти вопросы я столько откладывал, то из-за концертов, то из-за книги и т. д.; но в сущности, они встали передо мной с момента моего приезда из Шв[ейцарии] – в конце 1949 года.

В том то и горе, что настолько много отдал сил и страдания за музыку, что теперь я могу жить без рояля. Это, наверное, временное состояние.

Но у мамы работать не могу, именно не расстраивая ее нервов, т. к. мама претендует, что я не умею заниматься и вмешивается в то, о чем не имеет понятия.

Пианист, бывший (!) моей силы, выработал уже своей метод работы и должен следовать тому, что он считает нужным.

Если дело с книгой и выйдет, то Ваш вопрос о том, что я буду делать дальше, остаётся в силе.

Потому я предпринял сейчас всё, что в моей возможности, напр., подал прошение о приятии на службу в качестве помощника библиотекаря, или что-нибудь приблизительное, в Министерство труда. Ждать ответа надо будет с месяц.

Есть место преподавателя рояля в Limoges¹, требуется пройти конкурс, еще не известна дата, заработок прикл. 40 т. в месяц, место в госуд. консерватории.

Собираюсь повидать также и директора рус. Консерв[атории] в Париже Требинского². Ковалев³, бедный, скончался в ноябре от рака легких.

У меня не «сотрудница», а знакомая дама – хороший поэт и писательница по альбигойским вопросам (catharisme), большая любительница музыки, особенно церковной. Габриэлла Ив. Ефимова. Человек не богатый, очень духовный, хотелось бы очень помочь ей поместить ее работу.

Олег очень Вам кланяется и благодарит за Ваш привет. Я же шлю Вам самый сердечный привет и много думаю о Вас.

Любящий Вас, Ваш Сережа Постельников.

[Respec]teaux souvenirs à Madame Aldanov

1. Лимож, город в 350 км к юго-западу от Парижа.

2. Угричич-Требинский Аркадий Константинович (1897–1982), потомок старинного дворянского рода, пианист, композитор, директор Русской консерватории им. Рахманинова в Париже с 1951 по 1952.

3. Ковалев П. И., директор Русской консерватории им. Рахманинова в Париже.

54. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

19.03.52

[копия] *Paris, le 19 Mars 1952**Madame Vera Alexandrova**Editor-in-chief**Chekov Publishing House**14 East 28th Street**New York 16, N.Y.*

Глубокоуважаемая Г-жа Александра,

Несмотря на моё желание и усиленную работу мне не удалось, как я намеревался, закончить в январе достаточное количество глав моей книги о русской музыке для того, чтоб выслать Вам приблизительно половину всего труда.

Мне приходится считаться с тем, что издание такого труда в размерах одной книги (не превышающих, по-видимому, 400-г страниц), при обширности темы, требует наибольшей сжатости и не позволяет идти намного дальше изложения фактов. По намеченному мною первоначальному плану книги я не ограничивался числом страниц и подходом к некоторым вопросам, касающимся развития музыкальной культуры в России, с несколько новой точки зрения. В развитии я убедился в том, что эта необходимая в рамках одной книги сжатость требует основательной переработки задуманного и уже написанного мной.

Вот главные причины произошедшей задержки о которой я очень сожалел.

~~Я надеюсь, что Ваше издательство развивает свою деятельность и что в самом ближайшем будущем~~

~~Моя работа всё же подвигается~~

~~Как только~~

Как только написанные главы примут удовлетворительное яющее меня оформление, ~~вышло~~ их ~~на Ваше~~ Вам вышло.

~~Принимте~~ Прошу Вас принять уверение в моем ~~искреннем~~ уважении и искреннем привет.

Сергей Постельников

55. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

26.03.52

Дорогой Марк Александрович,

Не писал Вам две недели, поджидая со дня на день письма от

Лит. Фонда, которое пришло только в пятницу вечером, прислали чек в 15 дол., которые я сегодня пытался напрасно получить в Chase Nat[ional] Bank^е. Они не выдали денег, человек (Arsentieff), подписавший чек на Нью-Йоркский банк, им неизвестен. Посоветовали обратиться к знакомым, имеющим здесь *compte en banque*¹; у меня еще такового не имеется!

Я, признаться, надеялся, что Лит. Ф. мне будет оказывать ежемесячную помощь, я тогда бы мог сосредоточиться на книге. Но, это понятно, пока невозможно: какой я еще писатель! Как жаль, что ни Вы, ни я не знаем какого-нибудь американского мецената!

19 марта я написал Александровой, прилагаю Вам копию, с просьбой вернуть ее мне при случае.

Последнее время я себя чувствую усталым, вероятно, холостяцкая жизнь дает себя чувствовать. Хлопоты со «службой» еще не увенчались успехом, вероятно, придется ждать еще месяц-два. С Лиможем дело не так просто: надо пройти через конкурс, который будет в начале лета, но я не играю и поэтому этот вопрос пока отпадает. На днях пришлось отказаться принять участие в попурри Рус. муз общества за границей, предложившего мне сыграть неск. вещей Метнера², на вечере, посвященном этому недавно умершему композитору. Надо было выучить вещи в очень короткий срок, и пришлось отказаться, да и платы не было предложено, сказали только, что могут дать очень мало!

В начале марта начал много читать и собирать заметки о Мусоргском, о нем хочу писать первую свою статью о композиторе 19-го века; от Балакирева остыл, бросив его тогда на полпути. В Москве, в 1932 г. изданы были А. И. Римским-Корсаковым многие письма и документы Мусоргского, с очень ценными комментариями; я взял эту книгу домой из Библ. вост. языков. – В Institut Slave[s] читаю переписку М[усоргского] с поэтом Голенищевым-Кутузовым³. Но работаю гораздо меньше, чем прежде, а надо прочесть дюжину книг!

Пытаюсь устроиться играть (!) летом в каком-нибудь Casino, на курорте: один или со скрипачкой знакомой. Видеть людей или писать им – для меня пытка, когда в них есть нужда, – они неуловимы!

Насчет Вашего мнения, что моя «culture generale»⁴ увеличилась за эти полгода, – Вы правы, я думаю, что я мне необходима некоторая дисциплина в мышлении, которая у меня отсутствовала. Много еще надо над собой работать.

Как ни странно, я нахожу в себе много родственного с Мусоргским, он тоже был потомком московских «бояр» и наследство было тяжеловесным. Но – не только это!

Дорогой Марк Александрович, большое спасибо за Ваш подарок, простите, что сразу не писал Вам, было трудно совладать с моим, периодическим теперь, «ощепенением». Олег и я шлем Вам самый сердечный привет и пожелания доброго здоровья.

Любящий Вас Ваш Сергей Постельников

Если с работой на курорте ничего не выйдет, хотелось бы устроиться на лето в какой-нибудь семье в Англии, к детям, как учитель музыки или франц. языка. Советуете ли Вы дать объявление в парижской газете?

1. Банковский счет (фр.).

2. Метнер Николай Карлович (1880–1951), композитор и пианист.

3. М. П. Мусоргский. Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову. – М.–Л.: Государственное музыкальное издательство, 1939.

4. Общая культура (фр.)

56. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

11.04.52

Милый Серж.

И я, как Вы, пишу Вам с опозданием, по двум причинам: 1) у меня опять проклятый конъюнктивит (теперь не левый глаз, а правый), 2) собирался со дня на день приехать в Париж. Это немного затянулось, но чрез неделю я уже буду в Париже и из гостиницы тотчас позвоню Вам.

Надеюсь, Вы все-таки разменяли чек. Ежемесячной помощи Литературный Фонд *никогда никому* за всю свою историю не оказывал: он очень беден.

В Париже на днях скончался А. И. Лурье, тот самый, через которого удалось выхлопотать небольшую ежемесячную субсидию Юлию Осиповичу. Не отразилось ли это на беду на субсидии?

Идея поехать на лето в Англию хорошая. Объявление? В Париже есть отделения «Таймс» и, кажется, «Дэйли Телеграф», самых подходящих для этого газет. Не справитесь ли, принимают ли они объявления для своих лондонских изданий? Если нет (что маловероятно), то я и не знаю, можно ли это сделать, так как послать плату за границу очень трудно.

Рад, что Вы работаете над Мусоргским. Я сообщил, со своей стороны, Александровой, что Ваша книга «очень продвигается вперед».

Кажется в конце апреля Ваш день рождения. Тогда я устно Вас

поздравлю. Если же он уже был, то, пожалуйста, простите меня, – поздравляю с опозданием.

Шлю Вам самый сердечный привет, Т. М. тоже. Очень кланяюсь О. С.

57. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

12.04.52

AUT 33-33

Paris, le 12.4.1952

Дорогой Марк Александрович,

Отвечаю par retour du courrier¹ на только что полученное от Вас письмо, очень обрадовавшее меня известием о Вашем скором приезде в Париж.

Конъюнктивит, вероятно, причиняет Вам много боли, я надеюсь, что Вы лечитесь у хорошего врача; не нужно ли Вам повидать хорошего специалиста в Париже?

Брат моего хорошего товарища Магах'а (оба – племянники писателя René M.²), говорят, хороший³ окулист-врач, еще его отец (брат писателя) был знаменитостью по глазным болезням в Париже, они живут здесь. Брата я не знаю.

Чек мне недавно разменяли знакомые по офиц. курсу, по другому не сумел найти. О кончине А. И. Лурье я ничего еще не знал, очень жаль, он, наверное, был хороший человек. Я знаю, что в апреле Ю. О. еще получал субсидию. Как дальше будет, не знаю. Мама мне дала в прошлом месяце, и в этом, по две тысячи. Я всё еще столюсь у себя, т. е. вместе с Олегом; готовка у нас, конечно, сведена к минимуму; интересно, как делал Мусоргский, когда жил в коммуне с товарищами и позднее, с поэтом Голенищевым-Кутузовым? Наверное, ходил в ресторан или, когда не было денег, то пил чай с колбасой!

Я еще не справился насчет объявления в лондонской газете, боюсь, что будет стоить очень дорого, а одного объявления вряд ли будет достаточно. Думаю, что это дело лучше было бы устроить по знакомству. Хотел написать своей лондонской знакомой, Mlle Гурвич⁴, но всё стесняюсь утруждать ее этим. У Олега есть в Англии знакомства, но больше в антропософских школах, а они летом закрыты.

Вчера Олег уехал на 3 недели в Дорнах; я был также приглашен туда, но мне захотелось остаться немного одному в Париже, отдохнуть несколько дней, а потом приняться за работу. За последний

месяц я мало подвинул Мусоргского, писать главу о нем, я, собственно, не начал; оставляю биограф. конспект и читаю литературу о нем.

У меня массу времени берет писание писем; я вошел м. пр. в письменный контакт с attaché culturel⁵ канадского посольства в Париже, т. к. интересуюсь возможностями устройства профессором рояля в канадских консерваториях. Нужно написать кучу писем! Вот я и надеюсь, что в на пасхальные каникулы я смогу написать большую часть их.

Кстати, если Вас интересует побывать в библиотеках, сообщая Вам, что В. N-le⁶ будет закрыта с 21 апр. до 6 мая; d'Orientale закрыта до 21 апреля.

Я очень тронут, что Вы вспомнили о дне моего рождения: оно будет в конце мая – 20-го числа. Я хотел бы знать также и дату Вашего рождения, знаю только год: 1889.

Посылаю Вам вырезку из Nouvelle Litteraire от 3-4, глупейшая статья о русских писателях во Франции, о Вас очень мало, п. ч. Вас нет в Париже. Когда Вы мне дадите interview?! На этот раз я намереваюсь вцепиться в Вас энергичнее! Итак, жду Вашего телеф. звонка, дорогой Марк Александрович, я очень радуюсь опять Вас увидеть. Мой самый душевный привет шлю Вам к празднику, Т. М. очень кланяюсь.

Любящий Вас, Ваш Сергей Постельников.

1. По почте (*фр.*)

2. Рене Маран (René Maran) – французско-креольский писатель, лауреат Гонкуровской премии за свой дебютный роман «Батуала» (1921).

3. Комментарий С. Постельникова на левом поле письма: «(4 раза повторяю слово: хороший – плохой стиль!!)».

4. Неустановленное лицо

5. Заместитель посла по культурным вопросам (*фр.*)

6. Bibliothèque Nationale (Национальная библиотека Франции)

58. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

06.05.52

Paris, le 6 Mai 1952

Дорогой Марк Александрович,

Сегодня в полдень я виделся с М. Charensol¹. Interview он нашел очень интересным, но попросил меня переделать вступление, придав ему более живой характер, также в форме диалога. Он хочет, чтобы в

начале вопросы касались лично Вас (я ведь так и хотел!..), даже несколько слов о Вашей внешности, словом, чтоб Ваша *personnalité*² была более ярко представлена читателям.

Он сам предложил вопросы:

Quand M. Aldanov a t'il quitte la Russie?³

Pourquoi a t'il émigré aux U.S.A?⁴

Quelle est son activité la bas?⁵

D'ou arrive t'il demièrement?⁶

На мой вопрос: когда прошел бы article?, он ответил: Si vous ne tardes pas trop, peut-être dous le numero du 15 Mai⁷.

Если Вы свободны сегодня вечером, то позвоните мне, пожалуйста, в 8 ч. и мы могли бы встретиться часов в 9, сегодня же. Если Вы не позвоните в 8, то я Вам позвоню после 10-ти, если не застану, то завтра в 2½.

С сердечным приветом Ваш Серж.

Статью я оставил всё же Charensol'ю, и если у Вас есть копия, то захватите ее, пожалуйста.

1. Жорж Шаренсоль (1899–1995), французский журналист и искусствовед, регулярно публиковался в *Paris Journal*, *L'Intransigeant*, *L'Art Vivant*, *La Revue de Deux Mondes*, *Les Nouvelles Littéraires*. Для последнего журнала и готовил интервью С. Постельников.

2. Личность (фр.)

3. Когда г-н Алданов покинул Россию? (фр.)

4. Почему он эмигрировал в США? (фр.)

5. Какова была Ваша деятельность там? (фр.)

6. Откуда он? (фр.)

7. Если не будете задерживать, то, может быть, в номере от 15 мая. (фр.)

59. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

09.05.52

Paris le 9 Mai 1952

Cher Marc Alexandrovitch,

M. Charensol a accepté l'interview et reut le publier dans le prochain numéro des N[ouvelles] L[itéraires]. Il n'a rien changé au texte et ne m'a pas parlé de coupures. La rédaction définitive de l'introduction lui a plu; pour vous satisfaire, j'ai modifié ce qui ne vous plaisait pas, comme ceci: «...M. Aldanov a beaucoup vu: je crois qu'il «vaut» les hommes et les évènement qu'il peint, inais ne s'occupe que de vérite artistique». L'article

sera signé: S. Faure, je n'ai pas en le temps de trouver mieux. Je n'ai pas oublié d'ajouter «Colette», et de rayer le mot «celèbre» (9 Thermidor).

Charensol m'a demandé votre adresse et n de telephone en cas où il vous enverrait quelqu'un pour prendre um dessin. Je lui ai remis la photo, et j'espère ne pas avoir mal fait en lui donnant votre adresse rue Gudin. Je suis tres content que l'article sera publié et j'espère que cela ne vous est pas désagréable.

Croyez, cher Marc Alexandrovitch, a mon dévouement tres affectueux et ne m'en venilles pas de vous avoir «martyrisé» avec celle interview. A tres bientôt, j'espère.

Votre Serge Postelnikoff¹

Привет от Олега и папы-мамы.

1. М. Шаренсоль принял интервью и должен опубликовать его в следующем номере журнала *Nouvelles Littéraires*. Он не менял текст и не говорил ничего о сокращениях. Окончательный вариант введения ему понравился; чтобы удовлетворить Вас, я изменил то, что Вам не понравилось, вот так: «... г-н Алданов многое повидал: я думаю, что он 'стоит' тех людей и событий, которые изображает, но посвящает себя лишь художественной правде». Статья будет подписана С. Фор (фамилия матери Постельникова – С.П.), у меня нет времени, чтобы придумать лучше. Я не забыл дописать «Колетт» и вычеркнуть слово «знаменитый» (9 Термидора).

Шаренсоль попросил у меня Ваш адрес и номер телефона и автобуса, в случае, если он пошлет кого-нибудь к Вам по поводу рисунка. Я дал ему фото и, надеюсь, не сплеховал, дав ему Ваш адрес на ул. Гудин. Очень рад, что статья будет опубликована, и надеюсь, что Вы не против этого.

Заверяю Вас, дорогой Марк Александрович, в своей нежной преданности и не сердитесь, что «замучил» Вас этим интервью. Надеюсь, скоро увидимся.

Ваш Серж Постельников. (*пер. с фр. – С.П.*).

60. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

09.06.52

Милый Серж.

Я уже довольно давно из Парижа возбудил в Литературном Фонде ходатайство о выдаче Вам еще пособия (как и еще двум другим лицам), так как тогда выдали очень мало. Сегодня получил чек на 25 долларов (столько же и двум другим). Это, по официальному курсу, около 8750 франков. Кажется, черный курс теперь очень мало отличается от официального. Надеюсь, Вам удастся быстро разме-

нять у знакомых, имеющих текущий счет в каком-нибудь французском банке. У меня счета нет. Чек прилагаю. Пожалуйста, пришлите мне, как и прежде, расписку: «Получил через М. А. Алданова от Литературного Фонда» и т. д. Как Мусоргский?

Мы вчера приехали в Ниццу. Очень устал. Шлю всем самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Как [вышли?] фотографии?

61. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

15.06.52

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Большое спасибо за Ваше письмо с чеком Литер. Фонда. Это было более чем приятной неожиданностью. Я очень тронут тем, что Вы сразу же мне написали, хоть и были утомлены путешествием.

А вот я, неблагодарный, Вам сразу не ответил в четверг. Как я Вам говорил, я согласился выступать вчера вечером, по просьбе поэтов Тамары Величковской¹ и К. Померанцева². Оказалось, что это – независимый кружок, а не «общество» поэтов и писателей, как я предполагал. Если у Вас есть № «Русской мысли» (от 13/6), то Вы сможете найти объявление, составленное явно по принципу равенства.

Вечер прошел с успехом, и Вл. Смоленский³ попросил меня сыграть и на его сегодняшнем «вечере», в другом месте. Я не согласился, не попробовав прежде рояля, и придется отправляться за час до начала, чтобы посмотреть, каков инструмент. Поэты были мне очень «благодарны», но и только.

Так как я уже отвык от многочасовой тренировки на рояле, то эта работа меня очень утомила. К тому же и в пятницу вечером пришлось играть у одних французоз, по приглашению знакомого швейцарского дирижера, неожиданно приехавшего в Париж. Не было возможности отказаться, т. к. он в 1949 г. меня «ангажировал» в один концерт в Швейцарии. Французы оказались большими любителями музыки, и вообще дом приятный, с хорошим Pleyel'ем. На истекшей неделе я был приглашен на целый день в Jury, экзаменовывать учеников фотепианных классов Ecole Normale de Musique (школа Alfred Cortot⁴). Во вторник я опять туда приглашен, я не отказался, т. к. это считается honorigique⁵. Каждый вечер – очень поздно ложусь и тоже очень устал. Мусоргский на бумаге не подвинулся, прямо беда, да и книгу

его писем пришлось вернуть в библиотеку; там с 15-го инвентарь. Жара в комнате на 8-м – невыносимая, даже если сидишь в костюме Адама.

Чек придется разменять официально, как и в прошлый раз, другого способа не имею. Еще раз сердечно благодарю Вас за Ваше ходатайство. От мамы денежной помощи не получал с тех пор, как она как-то дала мне 2 т., в апреле, кажется. Иногда мама предлагает что-нибудь съедобное – что, конечно, очень мило, т.к. у нас с Олегом готовка сводится к минимуму, и газа нет в комнате, и не хочется возиться. Олег начал печатать главу об оркестрах, надеюсь, к концу месяца выслать Александровой 3 главы, как обещал. Олег уезжает на юг в начале июля. Никакой работы, кроме той, которую он вынужден делать, не предвидится, и это очень отражается на его настроении.

Фотографии еще не готовы, этим заведует всецело мама, а я вообще к фотографическому аппарату не допускаюсь. Надеюсь, что выйдут хорошо, сразу же вышлю Вам. Буду очень рад иметь Вашу фотографию. Кстати, собираюсь пойти «выудить» ту, которую дал в «N.L.».

Кончаю письмо. Очень буду рад получить от Вас весточку в скором времени, если что-нибудь Вам нужно из Парижа, напишите пожалуйста.

Самый сердечный привет шлю Вам, дорогой Марк Александрович, и остаюсь искренне преданный и любящий Вас
Ваш Сергей Постельников.

От Олега сердечный привет. Очень кланяюсь Татьяне Марковне.

-
1. Величковская Тамара Антоновна (Величковская-Жаба, урожденная Прядченко) (1908–1990), поэтесса, певица, журналистка. Участница сборника «Эстафета» (1948). Автор сборников «Белый посох» (1952) и «Цветок и камень» (1981).
 2. Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906–1991), поэт, эссеист, антропософ. Публиковался в «Новом Журнале», «Опытах», «Мостах», «Континенте» и пр.
 3. Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961), поэт. Автор сборников «Закат» (1931), «Наедине» (1938) и «Собрание стихотворений» (1957); «Стихи» (1963) – посмертно.
 4. Альфред Корто (1877–1962) – швейцарский композитор и дирижер, в 1919 основавший Нормальную школу музыки. Во время Второй мировой войны служил Верховным комиссаром искусств Виши. Интерпретатор Шопена и Шумана.
 5. Почетно (*фр.*)

62. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

22.06.52

Милый Серж.

Я был чрезвычайно рад Вашему письму. Хорошо, что Вы опять стали играть, – замечаете ли, что перерыв отразился на Вашей игре? Особенно приятно, что играли у французов и что Вас пригласили в жюри. Это в самом деле почетное приглашение, даже очень почетное.

Обрадовало меня и то, что Вы в конце месяца собираетесь послать Александровой три главы. Но «Бог Вам послал передышку». Я вчера получил письма от ее мужа и от Вредена. Оба сообщают, что Вера Александровна опасно заболела (сердечный тромбоз) и что ее перевезли в больницу. Я чрезвычайно этим огорчен: она прекраснейший человек. Кто будет ее временно заменять, мне неизвестно. Разумеется, это *никак* не отражается на Ваших делах с издательством (ни на моих). Но, *по-моему, сейчас* бесполезно посылать эти главы: вероятно, заместитель всё равно их отложил бы до ее выздоровления. Впрочем, это только мое мнение. Можно и послать, – тогда по адресу издательства, с препроводительным письмом Николаю Романовичу Вредену, главе издательства. Как Вы об этом думаете? Думаю, что по *трем* главам издательство все равно договора не подписало бы. А за лишний месяц напишите еще главы две, тогда будет солиднее. Надеюсь, у Вас сохранились письма Веры Александровны? Однако если и не сохранились, то она наверное писала с копиями, и ее заместитель или преемник из копий будет видеть, что переговоры с Вами велись давно и что издательство очень сочувственно отнеслось к идее Вашей книги. Да и я напомнил бы Вредену.

Если найду свою фотографию, то с радостью пришлю ее Вам. Разве за 18 лет я Вам ни разу не подарил фотографии? Но ведь будет и та, которую мы только что сняли в Отей.

Я все еще чувствую себя не очень хорошо и завален работой. Поэтому на все письма отвечаю не сразу и пишу кратко. Не гневайтесь. Шлю Вам самый сердечный привет. Очень кланяюсь Вашей маме, Юлию Осиповичу, мосье Олегу.

Благодарит за память моя жена и тоже просит передать Вам искренний привет.

Ваш М. Алданов.

Не поймите неправильно моего слова «передышка»: оно относится (и то условно) лишь к *отсылке* рукописи в Нью-Йорк. Писать же Вы *должны* всё время и очень усердно.

63. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

28.07.52

Понедельник

Дорогой Марк Александрович,

Очень обрадовался Вашей открытке. Что же это Вам всё нездоровится? Это меня тревожит очень. Не уехать ли Вам куда-нибудь отдохнуть от жары и работы, Вы, должно быть, переутомлены?

У нас в Париже жары нет, погода приятная, и уезжать не надо было бы, даже на голубятне – терпимо. Но я всё же ищу очень усиленно, куда бы устроиться на лето, так, чтобы я мог играть на рояле. Но из моих исканий ничего не выходит. Работы тоже не нашел и теперь уже вряд ли найду.

Зато нашел, совершенно не намеренно, – *impresario*! От одной знакомой скрипачки узнал, что есть некий в Париже Кугульский, через которого можно иногда достать работу в *cinema* и *music-hall*'e – зашел к нему, на всякий случай. Он обо мне слышал, и мы разговорились. Он предложил попытаться устроить мне *tournee* по франц. провинции; он занимается главным образом организацией *atractions*, у него нет классических пианистов. Поэтому – дело может оказаться интересным, т. к. в этой области я буду его единственным «товаром». Я, конечно, согласился охотно, и мы заключили пока что словесный контракт, а после первой *tournee*, которую он хочет начать в Эльзасе, мы, вероятно, заключим контракт на *exclusivité*. Я ему обещал 15% со всех концертов и контрактов. Обыкновенно они берут 10%, но тогда мало что делают, и им надо еще платить отдельно за секретарство. Видно, ему хочется внести немного разнообразия в ход обычных своих предприятий. Оказывается, что в главнейших городах Франции концертные залы или театры соглашаются на условия 20%-80%, или 40%-60%, в последнем случае они устраивают всю *publicité* и артист получает (?) чистых 60% со сбора. Я этого даже не знал, так скрывают это другие «организаторы» в надежде, что артист возьмет на себя все издержки, дабы они смогли зарабатывать больше на «граттаже»¹. Кугульский хочет ездить со мной повсюду, чтобы проверять «кассу»; надеюсь, что он будет подслащиваться умеренно! В начале придется быть не требовательным. У меня впечатление, что он порядочный человек.

Его отец был *impresario* «Летучей мыши»², и он хорошо знает Юрока. М. прочим – Юрок опять во Франции, и я надеюсь через Кугульского ему о себе напомнить.

Мне надо было бы начать интенсивно работать на рояле; я играю еще очень мало и не каждый день.

С утра до вечера что-нибудь предпринимаю, чтоб увидиться с теми или другими людьми, через которых мог бы найти работу, пишу письма, даю телеф. звонки и т. д. Надеюсь, т. о., к осени что-нибудь найти.

Пока не прояснится будущее и не определится ход моих занятий осенью, я не в состоянии совершенно заняться Мусоргским, как это ни грустно. Но от проведенной зимы и последнего года я совсем измучился.

Виделся несколько раз с певицей Марией Олениной-Д'Альгейм³, посвятившей себя в конце прошлого века распространению творчества Мусоргского, она много интересного мне сообщила и дала книги Стасова и т. д.

Я понемногу печатаю свои рукописи, прислать ли Вам для окончательного просмотра? Но мне приходится больше перепечатывать NNе количество своих критик для розыска по разным городам, ввиду концертов, и это очень скучно. Надо было бы отдать напечатать их на Топео⁴, но нет денег. Ваш чек отдан целиком дантисту на поправку зубов, которая будет закончена на днях, деньги на это я достал, будет стоить 32000.

Фотография, одна, вышла удачно, мама хочет Вам прислать ее сама.

Итак, кончаю и шлю Вам и Т.М. самый сердечный привет и пожелания лучшего здоровья.

Любящий Вас, Ваш Сережа.

Адрес Олега: Villa Beau-Geste, avenue Fiesola. Cannes (A.M.)

Сегодня 3 недели, как он там.

1. Здесь: подчистках (*фр.*). Вероятно, речь идет об агентском проценте от выступления.

2. Кугульский Семен Лазаревич (1862–1954), журналист, издатель, театральный деятель. В течение 12 лет был распорядителем театра «Летучая мышь». Входил в состав редакции «Нового русского слова».

3. Оленина-Д'Альгейм Мария Алексеевна (1869–1970), певица, меццо-сопрано. Популяризатор творчества М. П. Мусоргского, основатель «Дома песни» в Москве (1908) и в Париже (около 1918). В 1959 г. вернулась в СССР.

4. Система карт оплаты, принадлежащая Central Telecom. Вероятно, Постельников имеет в виду один из отделов данной компании, занимающийся полиграфическими услугами.

64. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

05.10.52

Париж

Дорогой Марк Александрович,

Давно не писал Вам, хотел бы очень знать, как Ваше здоровье. Вернувшись из Дорнаха 5-го сентября, я в скором времени простудился, схватил ангину и вообще скверно себя чувствовал весь месяц, из-за печени. Видел даже доктора, прописал конечно, лекарства, которые я стараюсь принимать. К несчастью, на днях вторично простудился, очень некстати, т. к. в конце месяца должен выступать в нескольких местах, в Париже и в провинции.

Должен много работать, но, как всегда в Париже, полдня уходит на всякие другие дела. Вчера я официально узнал о своем назначении профессором по классу фортепиано в Русскую консерваторию РМОЗ¹. К сожалению, как это вошло в привычку по необходимости, во всех почти музыкальных, негосударственных «школах Парижа», – жалование получать не буду, а только известную сумму с ученика. Причем вначале надо заботиться самому о привлечении учеников, которые в большинстве случаев выбирают сами и своих учителей.

Всё же я рад, хотя это могло бы и должно было бы произойти уже лет 15 тому назад! Теперешняя председательница музык. о-ва, – Вера Сергеевна Нарышкина², знаете ли Вы ее? Она жила, до смерти мужа, в Бельгии. Из-за консерватории пришлось отказаться от трех-месячного *tournée* с балетами (Janine Charrat³) за границы. Я очень жалел, т. к. платить обещали хорошо: 85000 в месяц. В разъездах – это считается не очень много. Но пришлось отказаться, т. к. место в консерватории впоследствии оказалось бы наверняка занятым другим. Были и другие кандидаты, но я был избран единогласно, при закрытой баллотировке. Вчера присутствовал на своем первом педагогическом и художественном совете. Требинский ушел с поста директора, и мы решили попытаться его вернуть; в случае его отказа найти подходящего директора – это проблема не из легких. Директор тоже не получает гонорара, а времени должен отдавать делу порядочно. Желательно, чтоб это был композитор.

У меня, помимо этих новостей, всё те же заботы. Писать пока совершенно не успеваю, приходится выходить, видеть много людей. Олег и я ищем комнату (для него), чтобы я мог пользоваться комнатой на Civrú. Олег приехал с юга 23-го и неделей спустя (!) уехал в Берн, куда его пригласил Дуван⁴ работать в своем театре (по эвритмии), на несколько недель. Пока Олег не хочет покидать Париж

надолго из-за ~~жлонов~~ условия обязательного пребывания в связи с натурализацией и некоторых других причин.

Вот, дорогой Марк Александрович, рассказал вам вкратце главное, всё это пока еще не особенно блестяще. Надеюсь скоро иметь от Вас весточку, а пока прошу Вас и Татьяну Марковну принять мой самый сердечный привет. Не собираетесь ли в Париж и когда? Был бы рад снова Вас увидеть, хотя и «дрожу» от страха из-за книги. Даже в Дорнахе ничего не мог подвинуть, хотя и брал с собой книги. Еще раз сердечно благодарю за Вашу открытку которую получил в Дорнахе перед отъездом.

Любящий Вас, Ваш Сережа.

Недавно познакомился с одной очень милой барышней-арфисткой из Лондона, Mlle Polonski⁵??

Мой адрес: Rudolf-Steiner Halde / Dornach / Sol[othurn] Suisse

-
1. Российское музыкальное общество за границей.
 2. Нарышкина-Витте Вера Сергеевна (1883–1963), муз. деятельница, меценат. Приемная дочь министра С. В. Витте. Автор книг «Записки девочки» (Брюссель, 1922) и «Стершийся образ» (1924).
 3. Жанин Шарра (1924–2017), франц. артистка и балетмейстер.
 4. О Дуване см. примеч. № 4 к письму 2.
 5. Неустановленное лицо.

65. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

13.10.52

Милый Сережа.

Простите, что не сразу Вам ответил: я был потрясен внезапным известием о кончине Н. А. Тэффи¹, – мы с ней были с незапамятных времен в тесной дружбе. Она была не только талантливейшая писательница, но и очаровательная женщина. Я всё не могу утешиться.

Сердечно Вас поздравляю с единогласным избранием на должность, во всяком случае очень почетную. Так странно, что Вы, которого я помню чуть ли не ребенком, теперь уже профессор! Пишу на конверте Ваш титул, пусть и консьерж знает. Доходы от должности проблематические, но хоть что-то ведь она будет приносить? Конечно, очень жаль, что Вы для нее отказались от прекрасно оплачивавшейся поездки, но иначе Вы поступить и не могли. Желаю больших успехов и на новой должности, и вообще. Почему, однако,

Вы говорите, что должны были занять эту должность уже 15 лет тому назад! Не могла же Консерватория назначить профессором мальчика.

Вы пишете, что «дрожите» при мысли о встрече со мной из-за книги. Так как Вы очень долго молчали, то я догадывался, что не книга не продвигается, и тут Вам хвастать нечем. Что же я должен Вам сказать? Во всяком случае, в Дорнахе Вы *могли* продвинуть книгу, тем более, что и книги взяли с собой, да и там, вероятно, есть хорошая музыкальная библиотека. У меня, после Вашего блестящего успеха с профессурой, не хватает духа Вас бранить, как следовало бы, но, право, нехорошо, мой друг: я Вам наперед в свои время все сказал о трудности этой работы, советовал Вам очень подумать, прежде чем дать согласие. Вы за это дело ухватились, оно в издательстве числится за Вами, и дело не продвигается!

Надеюсь, Вы совершенно оправились от ангины? А что такое с печенью? В.С. Нарышкину, дочь графа Витте, я только раз видел. Кто такая арфистка Полонская – не знаю.

Татьяна Марковна тоже сердечно Вас поздравляет. Мы оба шлем самые лучшие пожелания. Пожалуйста, очень кланяйтесь Вашей матушке и Ю.О. Не забывайте.

Вероятно, Консерватория отнимает только часть года? Нет ли возможности и в свободное время делать концертные поездки и совсем ли Вы порвали связь с этой труппой Жанин Шарра?

1. Надежда Александровна Тэффи скончалась 6 октября 1952 года.

66. С. ПОСТЕЛЬНИКОВ – М. АЛДАНОВУ

11.12.52

Париж

Дорогой Марк Александрович

Большое спасибо за полученное на днях письмо. Надеюсь, что рука Татьяны Марковны поправится; очень прошу Вас пожелать ей от меня быстрого выздоровления. Очень желаю и Вам, дорогой Марк Александрович, скоро освободиться от забот и добавочной нагрузки.

У меня сейчас тоже порядочно занятий. На прошлой неделе вернулся из поездки в Эльзас, где давал концерты в Nancy, в Belfort и побывал в Strasbourg'e. Концерты прошли с очень большим (прилагаю программу) художественным успехом (молодежь, теперь мода, топает ногами от телячьего восторга), хотя и при довольно значительной материальной потере для моего impresario и для меня (мы

условились делить всё пополам – и доход, и дефицит). В Nancy расходы покрылись, а Belfort (очень большой муниципальный театр) нас подкузьмил, на 25000, не считая издержек voyage'a.

Приятная сторона моей поездки оказалась в том, что я, наконец, смог повидать близких родственников (с маминой стороны), живущих под Страсбургом: мою двоюродную сестру, ее мужа и детей. Вся семья очень симпатичная и особенно их шестнадцатилетний сын, музыкант, учится органной игре в Страсбургский консерватории.

Отец и сын приехали на своем автомобиле на концерт в Belfort (так! – С. П.), сделав 120 км и на следующий день увезли меня к себе. Проезжая через Colmar, мы посетили музей, где находится знаменитый Rétable Grunewald'a¹. Я у них пробыл 4 дня, и мы кое-где побывали на автомобиле, в живописных местностях; например, на Mont S-te Odile, откуда открывается вид на всю эльзасскую долину. Меня даже научили пить отличное эльзасское белое вино!

Несмотря на разочарование на денежной почве (я, собственно, и не рассчитывал заработать), я имею очень приятные воспоминания от этого путешествия. И мой impresario был очень доволен тем, что с первого моего контакта с публикой Nancy, я имел максимальный симптом успеха («tremolo» ногами) (простите за нескромность!).

18-го дек. играю в Русском Муз. Об-ве; концерт с участием певицы Людмилы Лебедевой². Мы «дарим» этот концерт Муз. Об-ву, ничего не берем себе, да и членам Об-ва – свободный вход.

23-го – другой концерт, по приглашению издателя Darantiere³, у него дом-музей, недалеко от place des Vosges⁴. Он обещал заплатить 10000 и дает 3500 на location d'un piano à queue⁵, стоящий 7000!

Вот уже несколько дней, как я репетирую с балетом Marquis de Cuevas⁶, работа не постоянная, но, кажется, будет до Рождества. Уроками Консерватории далеко не уйдешь, и я думаю опять, не уехать ли в провинцию.

До книги я смогу «добраться» лишь когда у меня будет спокойный, свой угол и когда буду меньше работать на рояле.

Чек недавно получил, большое спасибо: прислали 15 дол.

Шлю Вам и Татьяне Марковне самый сердечный привет.

Искренне Ваш, Сережа.

Привет от Олега.

1. Алтарь Грюнвальда (*фр.*) – произведение Маттиаса Грюнвальда, шедевр немецкой живописи, три развертки алтаря на данный момент хранятся в музее Унтерлинден (Кольмар, Франция).

2. Неустановленное лицо.

3. Морис Дарантье (1882–1962), французский издатель. Известен тем, что в 1922 г. подготовил издание романа «Улисс» для магазина Сильвии Бич.
4. Площадь Вогезов (*фр.*), самая старая площадь Парижа.
5. Аренда рояля (*фр.*)
6. Балетная группа под руководством Жоржа де Кузваса, существовавшая с 1947 по 1961 гг.

67. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

29.12.52

Милый Серж.

С некоторым опозданием шлем Вам и Вашим, также мосье Олегу, наши сердечные поздравления и самые лучшие пожелания к праздникам и к Новому году.

Рука Татьяны Марковны всё еще, несмотря на работу массажистки, не приходит в нормальное состояние. Поэтому мы не можем приехать в Париж. Она очень Вас благодарит за сочувствие.

Рад большому художественному успеху Вашей поездки в Эльзас и огорчен ее материальным результатом. Очень рад также, что Вы установили связь с родными. Я и не знал, что у Вас есть близкие родные в тех местах, и вдобавок приятные люди. Непременно поддерживайте с ними связь. Надеюсь, концерт в пользу Музыкального общества прошел так же хорошо. Работа в балете маркиза Вам весьма пригодится, лишь бы она стала более или менее налаженной. Вдруг будет постоянной? Тогда он Вас бы повез по разным странам? Тогда Ваше благосостояние будет обеспеченным. Денег у него много, он ведь, кажется, зять Рокфеллера? Кстати, у меня в этом балете была, а может быть, есть и теперь, знакомая танцовщица Тайна Эльг¹, прелестная девочка, с которой меня года два тому назад познакомил мой английский юный племянник. Я ее посетил тогда в Монте-Карло.

Вы пишете, что, когда у Вас будет спокойный свой угол, Вы «доберетесь» до книги. Не хочу Вас огорчать, но я не думаю, чтобы издательство Вас еще долго ждало. Это дело длится уже, кажется, полтора года, и Вы ничего ему не послали. Их вины не будет. Моей тоже нет. Ну, да видимо бесполезно Вам об этом говорить. Я говорил достаточно.

Все-таки надеюсь через месяц Вас повидать в Париже. До того самый сердечный привет.

1. Тайна Элисабет Элг (род. 1930 г.), финско-американская актриса и тан-

цовщица. Впоследствии обладательница «Золотого Глобуса» за лучшую женскую роль (комедия или мюзикл), фильм «Girls».

68. М. АЛДАНОВ – С. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

27.04.53

Милый Серж.

Рад был хотя бы кратким сведениям о Вас, тем более, что они хорошие. Особенно приятно было узнать, что у Вас как будто довольно прочная связь с балетом Куэваса. Но неужели нельзя пристроиться к его поездке в Италию? Там у них труд, вероятно, недурно оплачивается, и так интересна была бы поездка. Я не знал, что Тайна оставила трупку. Не слышали ли Вы, за кого она выходит замуж¹? Она действительно прелестная девочка, и я понимаю, что Вы не отказались бы на ней жениться. Как жаль, что Вы оба бедны.

Мы приедем в Париж во второй половине мая, – выйдет как раз к Вашему дню рождения. Дам Вам знать. Пробудем в Париже недолго, по дороге в Америку, где тоже намерены оставаться недолго и поскорее вернуться.

Так мосье Олег устроился в Страсбург? Прочно? Пожалуйста, кланяйтесь ему и пожелайте успеха. Отчего же он ко мне не зашёл, когда был на Ривьере?

Новостей нет. Мой последний роман² по-английски продается плохо: пока продано всего 2200 экземпляров. И перевод его пока продан лишь один: испанский.

Здоровье и Татьяны Марковны, и мое так себе, но особенно жаловаться грех: годы.

Шлю самый сердечный привет, к которому Т.М. присоединяется. Как Ваши? Им тоже душевный привет. До скорого свиданья.

1. Брак был заключен с Карлом-Густавом «Поку» Бьеркхеймом, бизнесменом (международные грузоперевозки); их брак длился 5 лет.

2. «Живи как хочешь». Издан в 1952 на русском и английском языках (перевод Николаса Вредена). На испанском появился в 1956 г. (перевод Фернандо Видаль-Куадраса).

В. П. Павлович

Митавский «Сфинкс»

Князь П. М. Бермондт-Авалов

В предисловии к книге А. И. Деникина «Путь русского офицера» проф. Н. С. Тимашев писал: «Цель Белого движения была в сущности та же, что и у Столыпина в 1905–1911 гг. Но осуществление ее было неимоверно более трудным, чем тогда. Тогда еще общественная ткань не была разорвана и надо было предупредить ее разрыв. Во время Гражданской войны нужно было восстановить разорванную ткань, но, конечно, не по-старому, а по какому-то новому образцу. Но какому? На этот вопрос ответа у Белого движения не было, потому что оно было идеологически раздробленным и к разрешению задачи не подготовленным...»

Некоторое время тому назад я получил в дар небольшой архив Павловича Вячеслава Павловича – «кадета, юнкера Павловского училища, подпоручика Императорской армии и дроздовца», – так он подписался в письме к генерал-лейтенанту А. П. Родзянко. В его архиве была найдена неопубликованная статья «Митавский 'Сфинкс'» о человеке, который меня всегда интересовал: князь П. М. Бермондт-Авалов, захороненный на Ново-Дивеевском кладбище, недалеко от Нью-Йорка*. В эмиграции, как при жизни князя, так и после, яростные споры о нем и его деятельности не прекращались, то затухая, то вспыхивая с новой силой**. Надо отметить, что поводы для споров о себе он всегда давал с лихвой. Одна из таких «вспышек» прилась на шестидесятые годы, еще при его жизни. У тех, кто о нем писал, оценки его деятельности, особенно политической, часто были диаметрально противоположными. Вот почему в Приложении мы даем дополнительные материалы, которые еще не были опубликованы или которые труднодоступны для читателя.

Все тексты публикуются по современной орфографии.

Юрий Сандулов

* На могиле князя Бермондта-Авалова возвышается скромный деревянный крест с надписью «Князь Павел Михайлович Авалов. 4.3.1884 – 27.12.1973». Написание его фамилии разнится в зависимости от источника, что объясняется путаницей, внесенной самим князем.

** Еще совсем недавно исследователи жизни и деятельности князя П. М. Бермондта-Авалова не могли точно установить даже основные даты его жизни; в последнее время были переизданы его мемуары и появилось много статей о нем. См.: *Авалов П. М.* В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора князя П. Авалова, бывшего командующего русско-немецкой Западной Армией в Прибалтике. – Глюкштадт и Гамбург. 1925; *Bermondt-Avaloff Pavel.* Im Kampf gegen den Bolschewismus. Erinnerungen von General Fürst Awaloff, Oberbefehlshaber der Deutsch-Russischen Westarmee im Baltikum. – Verlag von J.J. Augustin, Glückstadt und Hamburg., 1925; *П. Р. Бермондт-Авалов.* Борьба с большевизмом. – Изд. «Вече», 2017; *Бермондт-Авалов П. М.* – Изд. «Кучково поле». В 2-х томах, 2017; Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания / Публикация подготовлена Ю. Г. Фельштинским (редактор-составитель), Г. З. Иоффе (вступительная статья), Г. И. Чернявским (подготовка текста и примечания) / «Вопросы истории». – Москва, 2003, № 1, 2, 5, 6, 7; *Валерий Клавинг.* Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. – Москва, 2003.

Его эпопея, несомненно, представит большой интерес для будущего историка.

Н. Бережанский

В далекие, но памятные дни ненастного октября 1919 года, в дни, когда напряжение на фронтах под Орлом, у Петрограда и на Тоболе достигло высшего предела (шла так называемая Гражданская война) и когда в самом деле решался вопрос – быть или не быть России, мы на полях ее, обильно политых кровью правых и виноватых, видим не токо двух борющихся, но и рокового третьего; третьего – не по праву, но по умыслу пожелавшего остаться в стороне, стать опричь. Если позволено так выразиться – нулем, который, известно, обладает свойством обращать любую величину, с ним сопряженную, в ничто... Так было? Тогда кто же стал этим третьим – отсутствовавшим, отшвырнувшим, скажу наперед, русское знамя и изменнически развернувшим другое?.. Запасемся терпением.

«Иногда – и это самые поразительные мгновения в мировой истории, – говорит Стефан Цвейг, – нить судьбы на одну-единственную трепетную минуту попадает в руки ничтожеств. <...> Мало кому из них дано схватиться за счастливый случай и возвеличить себя вместе с ним». К сожалению, подобный сорт людей, в особенности если они деятельны, чрезвычайно опасен. Об одном любопытном деятеле, не хочу сказать ничтожеством, но вершителе «на одну-единственную», и пойдет речь. Он стоит того.

Автору, надо отметить, выпадает печальный случай лишь договорить конец эпопеи, о которой сорок лет назад, в условиях крайне

стеснительных и даже опасных (ибо где в Европе русскому не затыкали рта?), начал было повествовать Н. Бережанский на страницах журнала «Историк и современник»^{*} и аноним в «Записках белого офицера».

Бермондта-Авалова, примечательного из людей безвременья, многие не любят. И красные, и народы Балтики, трепетавшие перед его именем, а если память не изменила британцам, то и они, пытавшиеся однажды огнем своего фрегата уничтожить Б[ермондта] и его войско. Но превыше из всех – те, кого история назвала «белыми», хотя среди них у Б[ермондта] имеются ему обязанные и даже друзья. Отдадим должное и скажем вслух: в личной жизни он был не хуже других.

^{*} «Историк и современник. Историко-литературный сборник». Выходил с 1922 по 1924 гг. в Берлине. Вышло пять номеров. Редактор-издатель И. П. Петрушевский. Изд. О. Л. Дьякова. Типография И. Визике. Статья Николая Бережанского «П. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. (Из записок бывшего редактора).» вышла в № 1.

ИЗ ДРАГУН В ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ

Бермондт-Авалов род[ился] в 1881 году. Павел Михайлович – еще не князь, не генерал и не Авалов, а подросток Приморского драгунского полка, – таким мы видим его в далеком прошлом, – участвует в Японской войне, несколько раз ранен и награждается знаками отличия Военного ордена – солдатскими Георгиевскими крестами; случай в той войне несчастный. Следовательно, он храбр!

Произведен в офицеры и, по Высочайшему повелению и выраженному им желанию, переведен в Первый уланский С[анкт]-Петербургский князя Меншикова полк. Позже переименовывается в казаки-хорунжие и переходит под начальство героя Русско-японской войны генерала Мищенко, знавшего его по Дальнему Востоку. Участвует в Великой войне в должности адъютанта. С окончанием войны состоит при ген[ерале] графе Келлере. Во времена гетмана находится в Киеве. Здесь весь его опыт обер-офицера. Вслед за трагической гибелью графа, расстрелянного петлюровцами, направился в Германию, принял участие в разрешенном (Антантой) формировании русских батальонов из пленных Великой войны¹. Контакт с немцами, знание немецкого языка, причастность к имени покойного графа Келлера, неопределенность положения возвращающихся из плена русских солдат и офицеров, и, наконец, – весь Бермондт, каков он есть, – позволяют ему возглавить русские части. Известны: корпус им[ени] гр[афа] Келлера – Митава – и отряд, которым командовал пол[ковник] [Е. П.] Вырголич, – Литва, Шавли: оба – входившие в

Добровольческую немецкую армию силою в 51000 солдат (по другим сведениям – 35000), где русских – 10000 человек при 16 орудиях, 100 пулеметах, 12 минометах, 12 самолетах (по другим сведениям – до 20000 человек). До осени 1919 года армией командовал хорошо русским известный немецкий генерал в летах граф Рюдигер фон дер Гольц (Гольц-Паша. – *В. П.**), сносившийся с Берлином, но вскорости, по настоянию победителя – Англии и Франции, отозванный. Передал командование, не иначе как спасая армию от расформирования, русскому белому Бермондту, который до того командовал корпусом им[ени] гр[афа] Келлера. Сворачивается чудо – Бермондт становится главнокомандующим (обербефельсхабер). В состав армии входят: корпус им[ени] гр[афа] Келлера – командир пол[ковник] Потоцкий, отряд пол[ковника] [Е. П.] Вырголича, стрелковый полк Балтенлянд, корпус Стове, группа фон Плеве, группа Иена, Железная дивизия. Начальником штаба – немецкий полковник Бишоф, командовавший до того немецкой Железной дивизией, едва ли не демон-искуситель при Бермондте. Там же, еще в безвестности, и Гудариан. В какой-то из этих дней пол[ковник] Б[ермондт] по представлению своих подчиненных (смотри «Военную Быль») надевает погоны генерала и, видимо тогда же, появляются по разным поводам многочисленные нагрудные знаки этой армии, столь радующие ныне коллекционера, и к ним денежные знаки – «аваловки», почтовые марки². Впрочем, примечательны и другие подробности этой мозаики, о которой приходится помянуть, чтобы лучше разглядеть «митавского сфинкса» (лето 1919 года проведенного в Митаве, не помогши ген[ералу] Юденичу в его первой попытке взять столицу). Во время Второй войны имя Б[ермондта] упоминалось в Югославии, где он сам – или от его имени пытаются – в противовес усилиям русских патриотов, – формировать отдельные части. Именоваться князем Аваловым стал в Балтике, не заявляя о княжеском происхождении в полках Русской армии. По религии – лютеранин. Выпустил воспоминания на русском и немецком языках, сегодня – библиографическая редкость. Подбор фотографий в книге воспоминаний, гусары – личный эскорт – и многое другое избочивают в авторе явно брызжущее веселье... Б[ермондт] помнит по службе в уланских пол[ковника] Рубцова. Тогда корнет... Годы лихолетья измерялись месяцами, всюду, и для Б[ермондта] так же, не будем придиричивы! Но вот что происходит, как только Б[ермондт], мало что главнокомандующий армией, пытается в «однуединственную трепетную минуту» возвеличить свои возможности.

* «Гольц-Паша» звали ген.-фельдмаршала барона Вильгельма фон дер Гольца (1843–1916), сыгравшего роль в отношениях Кайзеровской Германии и Османской империи. (Ред.)

1. Западная Добровольческая армия сформирована князем Бермондт-Аваловым в Прибалтике из бывших военнопленных Русской армии и немецких добровольцев. Создана в конце 1918 – начале 1919 гг. Все белые войска на территории Прибалтики были объединены в Западную Добровольческую армию под командованием Бермондта, вошедшую в состав Северо-Западного фронта генерала Н. Н. Юденича. Армия насчитывала до 45 тыс. чел. при 100 орудиях, 600 пулеметах, 50 минометах, 120 самолетах, 3 бронепоездах и 10 бронев автомобилях – всего примерно 51-52 тыс. чел., в том числе около 40 тыс. немецких добровольцев.

2. Князем Бермондт-Аваловым было учреждено несколько наград для Западной Добровольческой армии, получивших впоследствии у коллекционеров название «кресты Авалова-Бермондта». Также были отпечатаны денежные знаки. В обращение были пущены банкноты достоинством в 1, 5, 10 и 50 марок на общую сумму десять миллионов марок. Деньги были подписаны «Авалов-Бермондт». Несмотря на короткое существование Западной Добровольческой армии, было изготовлено четыре выпуска почтовых марок.

ВО ВШИВЫХ БАРАКАХ. В СНЕГУ ЗА ПРОВОЛОКОЙ...

Осень 1919 года обещала окончательное торжество белому начинанию. В самом деле. С юга ген[ерал] Деникин ведет успешное наступление на Москву, взят Орел, казаки ген[ерала] Мамонтова прошли глубоко по тылам, и Ленин в телеграмме Южному фронту от 28 августа сообщает: «Крайне обеспокоен успехами Мамонтова». Восстал красный корпус Миронова. «Южный фронт, – признаются советские историографы, – находится в тяжелом состоянии.» Москва обречена. В свою очередь, и ген[ерал] Юденич готовится к решительному наступлению на Петроград. Помимо 19000 войск, помимо двух дивизий белой Эстонии, есть уверенность в присоединении Латвии, Финляндии с ее армией в 60000 солдат, а главное – войск полковника Бермондта. Обеспечено взаимодействие и мощной английской эскадры, которая сметет с лица земли северо-морские форты красных, очистит южный берег Финского залива, приведет к капитуляции недовольный Лениным Кронштадт. Армии адм[ирала] Колчака, оттеснив красных к р[еке] Тоболу, также готовятся перейти в наступление. По-прежнему стойко сражаются на Севере войска ген[ерала] Миллера, взяв в начале октября ст[анцию] Плесецкую и г[ород] Онегу. И вдруг всё, решительно всё, с громоподобной быстротой обращается в прах. Ни одно мероприятие, ни один так хорошо продуманный и тщательно подготовленный удар не удастся: ни на главном фронте – Южном, ни на восточном, ни под Петроградом... Почему? Провидению было угодно избрать источником горя (не единственным) Северо-Западный фронт. И происходило

там следующее. Бермондт со своими войсками занимает особое и странное положение: хотя и находится в состоянии войны с большевиками, ведет операции, скорее – пытается, точнее – делает вид, – вести их самостоятельно, не подчиняясь ни одному правительству, ни одному военачальнику. Но в одиночку Ленина не одолеть... Ненормальному положению кладется, похоже, конец: 26 августа 1919 года пол[ковник] Б[ермондт] и ген[ерал] Юденич, в лице его представителя ген[ерала] Десино, приходят на совещании в Риге (председатель – английский генерал Марш) к соглашению, по которому Б[ермондт], во-первых, подчиняется ген[ералу] Юденичу, а во-вторых, выступает – такова директива – приказ ген[ерала] Юденича от 27 сентября – к Нарве (по протоколу от 26 августа, подписанному собственноручно Б[ермондтом]: от Двинска на Великие Луки). ...Какой благородный и счастливый случай возвеличить Белое дело и себя с ним!

Точно так думал, казалось, и Бермондт, но... вместо движения на восток, на соединение с войсками ген[ерала] Родзянко (командующий полевой армией у ген[ерала] Юденича), Б[ермондт], вопреки многим попыткам ген[ерала] Юденича, искавшим встречи с Б[ермондтом], на которую тот не шел (генерал Юденич в Риге с 30 августа), вопреки попыткам его начальника штаба пол[ковника] Прюффинга, вопреки протестам представителей Антанты, прямо заявивших Б[ермондту], что судьба Петрограда, Северо-Западной армии зависит от него, – последний, подобно светилу небесному, устремляется (одна трепетная минута!...) к западу¹. «Судьба в неверных руках», – сказал бы Стефан Цвейг... Но много было и других причин. Подозреваю и эту.

Войскам фон дер Гольца латыши русской выучки и ленинской обработки были уже известны по прошлым столкновениям (их 50000, из латышских полков Первой войны). Бермондт и его окружение, по-видимому, полагали, что в боях на востоке им предстояло бы сражаться со старыми знакомцами, латышами, – основой, заметим, 15-й советской армии. Такая встреча не веселила, а движение в сторону, например, к Риге, – чем не военная прогулка конквистадора? Ко всему – в дни, когда столько соревнующихся, и до шапочного разбора еще далеко. А победа достается, он это угадывал, не первому, не начинателю, но всегда лишь последнему, овладевающему ею как добычей. И не здесь ли, говорил Цвейг, – невозвратное мгновение? В действительности, как видно из опубликованных большевиками материалов, у красных произошло иное. Во фланг наступавшей на восток, к Петрограду, армии красной стороной были выдвинуты лишь остатки 15-й армии, латыши, мобилизованные Лениным – их 35000, не обладавшие ударной силой земляков, полков царской служ-

бы (куда делись последние, скажу позже). Опасения Бермондта и надежды «третьевать» не оправдались. И в результате... Впрочем, ему было всё равно.

Генерал Родзянко, начав наступление со своими 19000, лишенный поддержки войск Б[ермондта], не смог взять Петроград, обороняемый втрое сильнейшим врагом, и не смог удержаться на подступах к столице. В довершение беды, и бело-эстонская дивизия, ее 3-й, 5-й и 7-й полки – 6000 – отказалась выступить (у Пскова. – *В. П.*), а четыре мощных эстонских бронепоезда ушли на помощь бело-латышам, под Ригу. Отказалась выступить и Финляндия, тянувшая переговоры до 4 ноября. Снялись с фронта еще одна эстонская дивизия и бело-латыши. В конце ноября 1919 года ген[ерал] Родзянко, которому не доставало живой силы, отступает (теснимый с фланга советской армией), и войска, перейдя эстонскую границу, из страха перед Лениным, Эстонией, разоружаются. Да так, что «в Нарве, – свидетельствует Бережанский, – во вшивых бараках и в снегу за проволокой озверевшие бело-эстонцы (отмщение за Ригу, воздаяние «колчаковцам», так прозвали балтийцы войска Бермондта. – *В. П.*) губят все шестнадцать тысяч не в чем ни повинных солдат армии ген[ерала] Родзянко». Но ген[ерал] Юденич терпит бедствие, и это не в переносном смысле, не только на суше. В «И[стории] Г[ражданской] в[ойны]» большевики пишут: «Штаб Юденича, планируя наступление на береговом участке, рассчитывал на обещанную поддержку английского флота. Однако в самый разгар борьбы белые обнаружили, что с ними взаимодействуют лишь несколько военных кораблей. Основная часть английского флота (23 выпела. – *В. П.*) находилась далеко – в районе Рижского залива». Произошло это вот почему. «Как раз накануне наступления Юденича немецкая военщина, – пишут в «И[стории] Г[ражданской] в[ойны]» большевики, – начала осуществлять реваншистский план завоевания господства в Латвии. 9 октября Западная Добровольческая армия Бермондта-Авалова неожиданно двинулась из Митавы на Ригу. Поскольку переговоры ни к чему не привели («Вмешательство Антанты в действия Бермондта он-де склонен рассматривать как проявление сочувствия большевикам». – *В. П.*), основная часть английского флота перешла из Финского залива к Риге (очевидно, посчитав, что судьба квазидемократа Улманиса в Риге Антанте ближе, чем Петроград. – *В. П.*). В ночь с 14 на 15 октября английские корабли начали обстрел позиций войск Бермондта-Авалова... «Таким образом (кончают большевики, и это надо особо подчеркнуть. – *В. П.*), противоречия среди империалистических сил непосредственно отразились и на событиях под Петроградом.»

Действия английской эскадры были серьезны. Н. Бережанский,

например, показал, что обстрел имел место не одну ночь, а продолжался месяц, с 15 октября по 10 ноября; что «огонь эскадры был в полном смысле уничтожающим», что английская эскадра взаимодействовала с латышскими частями правительства Улманиса, что бои были крайне ожесточенными, так как «бело-латыши в плен никого не брали». Генерал Бермондт сходит со сцены 19 ноября 1919 года, и то был конец. Но не совсем: 26 ноября 1921 года господин Б(ермондт), возможно – посмеиваясь над искательством, возложит на себя, по просьбе «своих бывших солдат» – фото этого документа помещено в книге воспоминаний генерала, – боевое отличие – гордость русской армии, Георгиевский крест Второй степени!²

1. Любопытно то, что после Бермондт в сентябре 1919 года отправляет делегатов к генералу Деникину с просьбой признать его корпус входящим в состав Южной Добровольческой армии и разрешить оставаться в пределах Курляндии и Литвы. Через Маклакова Бермондт апеллировал и к адмиралу Колчаку. Но объявленный генералом Юденичем изменником (акт от 9 октября 1919 года, за номером 73) всюду потерпел неудачи. (*Прим. В. Павловича*)

2. В архиве В. П. Павловича хранятся следующие свидетельства:

«Ваше Сиятельство!

Глубокоуважаемый Князь Павел Михайлович!

Мы, солдаты Западной Добровольческой Армии, которой Вы имели честь быть ее Командующим, оценивая Ваши заслуги, оказанные перед Родиной и Армией в 1919 году в Прибалтийском крае, и те заботы, которые Вы в данное время прилагаете для нашего существования при неимоверно трудных политических и экономических условиях, собравшись сего числа, постановили просить ваше Сиятельство принять от нас в день Праздника Святого Великомученика Георгия Победоносца 26 ноября 1921 года Георгиевский крест 2 степени. Мы уверены, что Св. Великомученик Георгий Победоносец, как военный гений, укрепит Ваши силы, придаст Вам духа и бодрости для дальнейшей Вашей работы. Мы твердо надеемся, что Государь Император соизволит утвердить за Вами эту награду.

При сем прилагаем удостоверение, скрепленное нашими подписями.

26 ноября 1921 года

Лагерь 'Вюнсдорф'»

«Удостоверение

Мы, младшие чины, верноподанные Его Императорского Величества солдаты Западной Добровольческой Армии, высоко ценя безграничную любовь к родине и боевые заслуги как Командующего Армией единственно ведущего свою Армию под монархическим лозунгом любимого нами Его Сиятельства Генерал-майора Павла Михайловича князя Авалова, постановили: поднести ему в день праздника Св. Великомученика Георгия Победоносца 26 ноября 1921 года Георгиевский крест 2 степени.

Мы уверены, что Государю Императору благоугодно будет утвердить вышеназванную награду.

26 ноября 1921 года

Лагерь 'Вюнсдорф'»

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ

«Победа Красной Армии под Петроградом в октябре 1919 года имела, – пишут большевики в «И[стории] Г[ражданской] в[ойны]» (том 4, стр. 246), – огромное значение для всего хода Гражданской войны.» Случившееся на северо-западе сокрушительным эхом отзывается на юге, у ген[ерала] Деникина, стремительно наступавшем на Москву, а вслед – незамедлительно у адмирала Колчака и ген[ерала] Миллера, дав толчок стольким событиям... Но прежде – о Ленине, которому, выражаясь по-конному, держит стремя, не желая того, драгун, извините, – генерал – Бермондт. Ленин понимает опасность на своем Южном фронте лучше многих и предвидит последствия, ежели Москва окажется потерянной. Политбюро партии подтверждает, что «Южный фронт – главный фронт». Ждать нельзя, и поэтому Ленин решается на чудовищный риск, на авантюру, от которой его пытаются отговорить военспециалисты и сам Троцкий. Чутьем зверя, нюхом игрока угадывая катастрофический поворот дел у ген[ерала] Юденича, Ленин еще прежде, чем белые генералы учтут последствия и примут новые решения, Ленин, оголяя свой фронт на Северо-Западе, под Псковом, бросает 8 октября (поход на Ригу объявлен 6 октября!), в великой тайне прикрываясь тенью Бермондта (увы, так!), в пекло боев на Юге, навстречу полкам генерала Кутепова: Корниловским, Марковским и Дроздовским, самое надежное и самое свирепое, свое последнее, – латышей, все тридцать батальонов, «армию в 50000 бойцов царской выучки»; батальоны, которые станут, признаются большевики, «ядром Южного фронта», первые среди трех здесь сосредоточенных армий¹.

Результат известен... То был удар поистине в нужное место и вовремя. Удар, о котором маршал Егоров не преминул заявить: «Удар латышских стрелков под Орлом является одним из наиболее героических подвигов, занимающих одну из первых страниц в истории Красной Армии». Палаческим подвигом янычар, к которому русский никак не причастен, тем более – «с его бешеной страстностью», о которой ложно говорил Стефан Цвейг, коснувшись однажды событий тех дней... Добровольцы ген[ерала] Кутепова в боях с превосходящими силами противника – 32 тысячи против 83 тысяч (впоследствии несообразность станет еще более тяжелой) противника, лучше

оснащенного техникой, лучше одетого (погода – морозы, дождь, метели), опережая друг друга в подвиге долга... – истекли кровью, не осилив врага и не решив главного... В конце 1919 года от всей Добровольческой армии, без донцов и кубанцев, остается только десять тысяч человек... Под Красноярском, начало января 1920 года, армии адмирала Колчака, настаивают большевики, прекратили свое существование. К середине марта 1920 года белые очистили Север. 19 ноября 1919 года повернулись в сторону Ленина белая Эстония, Латвия и Литва (переговоры в Юрьеве).

1. Тот факт, что к моменту наивысшей угрозы Петрограду сюда подбрасывается всего один 5-й латышский полк, который «пошел в атаку сразу же, выгрузившись из эшелона», был, вероятно, возвращен из-под Орла (25 октября), обнаруживает, что Ленин внимательно следил за Бермондтом. (Прим. В. Павловича)

ГЛАВА, КОТОРОЙ НЕТ НАЗВАНИЯ

Мы видели, где, когда и как ген[ерал] Бермондт, с точки зрения интересов Белого дела, бездействовал или действовал ему во вред, чего опасался, и какие соображения, скажем – военного порядка, – им и его помощниками владели. Но Н. Бережанский, со всею тщательностью проследивший за эпопеей Б[ермондта], указывает и на нечто другое, хотя, думается, не всё здесь записано точно. Первое, «Антанта глубоко ошибается, – говорил Бермондт представителю голландской газеты, – что те 20000 русских солдат, которые входят в состав моей армии, не играют никакой роли. Эти 20000 – ядро будущей армии в несколько сот тысяч человек.» Второе, на собрании офицеров в ноябре Б[ермондт] сказал: «Его плана войны никто не знает, и что, во всяком случае, никто в Москве раньше него не будет». Третье, в середине сентября в Митаве уже имелось второе русское самозванное западное, в противовес законному северо-западному в Ревеле ген[ерала] Юденича, правительство. Четвертое, немецким солдатам армии Б[ермондта] было объявлено, что каждый после похода «имеет право на русское подданство и на поселение в России». И пятое, офицер для поручений при штабе Б[ермондта] некто П., письменно докладывал генералу Юденичу: «Был устроен бал в честь Б[ермондта] (Сельвиным. – В. П.); после ужина все гости опустились на колени под звуки гимна и провозгласили Бермондта монархом Всея Руси, на что было получено замечание: ‘Это всё еще преждевременно!’ А между тем, с другой, как говорится, стороны, Б[ермондт] служил молебны о даровании победы ген[ералу] Юденичу и в телеграмме от 12 октября сообщал генералу Юденичу,

что двинулся в Ригу, дабы обеспечить свой тыл, и добавлял: 'Моими последующими операциями я надеюсь принести пользу не только Отечеству, но и Северной армии'».

Генералу – князю – конечно трудно признаваться в своих роковых ошибках. Устами друзей он пытается прикрыться немецкой ориентацией и немцами. Тщетная попытка! Два возражения в форме вопросов. Почему Бермондт не последовал весною 1919 года за св[етлейшим] князем Ливеном и отказался присоединить свои, русские, войска к ген[ералу] Юденичу, чтобы вместе вести наступления на Петроград (летнее, первое)? Кто мог воспрепятствовать такому движению – поверженные немцы, победители-союзники прямо требовали того, или – опасения, что солдаты Б[ермондта] не получают в пути горячей пищи? И второй вопрос. С какой целью Б[ермондт], нам говорят – пешка в руках немцев, искал подчинения ген[ералу] Деникину (пославшего его к черту)?

Бермондт был свидетелем удручающих катастроф и старался, как мог, понять действительность. Пойду дальше, Б[ермондт], возможно, и хотел быть полезным. И не смог. Случай возвысил его, окружение и азарт повели по ложному пути и завели в тупик. Но перед нами претензии деятеля, и нам надлежит забыть его добрые намерения, добрые его качества, его доброжелательность, его заступничество (пример с кадетами в Германии, пример с князем Б[агратион]-М[ухранским]), как и его последующие попытки ударить по большевизму (его причастность к делу Тухачевского, см. «Переключка» № 124¹), и в оценке прошлого учесть одно: вред, зло, которое он причинил. Бермондт мог и должен был прийти на помощь ген[ералу] Родзянко. Случись так, Петроград был бы взят, ибо в сражении принимали бы участие, помимо армии ген[ерала] Родзянко, армия первоклассных бойцов ген[ерала] Бермондта, дивизия белоэстонцев, части бело-латышей, бронепоезда Эстонии, английский флот, а увлекаемый успехами, обязанный к тому и ген[ерал] Маннергейм. Тогда Ленин вернул бы к Петрограду не только латышский Пятый полк, но и все полки вместе со всей «ударной группой» – силою около 75 тысяч; бои у Орла закончились бы поражением красных, и самое позднее в ноябре Москва пала бы. Бермондт-Авалов как командующий армией, как главнокомандующий войсками в Балтике (ген[ерал] Юденич согласился и на это), праздновал бы победу наравне с нами, и среди генералов он занимал бы не последнее место... Этого не случилось. Но могло бы случиться. Если бы Бермондт внял зову и предупреждениям ген[ерала] Юденича и Антанты, заявлявшим, что судьба Сев[еро]-Западной армии и Петрограда зависит прямо от него. Победное соотношение сил 3:1 (135000 и 45000)

Бермондт свел к ужасающему 1:3 (19000 и 45000) и к такому катастрофическому 1:3 (32000 и 83000) под Орлом на Московском направлении... Оспаривать широкий смысл чисел тем труднее (пусть цифры не вполне точны), что победа под Петроградом – заявляет торжествующий враг – имела огромное значение для всего хода Гражданской войны. «Герой, – говорит Цвейг, – завладевает интеллектуальной жизнью людей. Практической же жизнью – не выдающиеся умы, не носители чистых идей, а порода азартных игроков.»

...Злой дух, буду кончать, коварно расставил перед «третьим отсутствующим» фигуры, и он на глазах у всех, как бы следуя своей мойре, дерзостно играл и проиграл партию, и его проигрыш обернулся непоправимым человеческим горем.

1. Журнал «Кадетская переключка», издание Объединения русских кадет за рубежом (1971–2009).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА П. М. АВАЛОВА*

*Его превосходительству командующему всеми Вооруженными силами Юга
России генерал-лейтенанту барону Врангелю*

г. Берлин

24 октября 1920 г.

При формировании корпуса имени генерала от кавалерии графа Келлер[а], а впоследствии Западной Добровольческой Армии, ввиду отсутствия у подавляющего большинства офицеров послужных списков и других документов, удостоверяющих подлинность их офицерского звания, я назначил комиссию, коей было приказано выяснить подлинность офицерского звания каждого желавшего вступить в состав армии средствами, какие комиссия найдет наиболее действительными.

В некоторых случаях комиссия оказывалась перед неразрешимой задачей, ибо у многих офицеров не было не только документов, но даже свидетелей среди других офицеров, могущих удостоверить их личность. В таких случаях приходилось полагаться лишь на честное слово офицера, дававшееся в подтверждение подлинности его звания и чина. К сожалению, не все эти лица оказались теми, за кого выдавали себя, а некоторые, хотя и действительно были лицами офицерского звания, но запятнавшими себя в Армии поступками и преступлениями такого рода, что я считаю своим долгом сообщить Вам:

1) их фамилии, дабы оградить командуемую Вами армию от лиц, кои, являясь нездоровым элементом, утратившим понятие о чести, высоте воинско-

го долга и офицерского звания, будут в Армии не только излишним балластом, но просто людьми, могущими внести в Армию заразительный пример, и тем, разложив ее, [мешать] великому делу спасения дорогой нам Родины.

2) ввиду того, что похищенные из Армии печати и бланки дали возможность, как установлено это мною теперь, сфабриковать многим из такого рода офицеров необходимые им удостоверения и разного рода свидетельства о наградах, производствах и проч[ее], я прошу считать, Ваше превосходительство, подлинными только те документы на бланках Западной Добровольческой Армии, кои подписаны следующими лицами:

- 1) Мною.
- 2) Начальником штаба армии полковником Чайковским.
- 3) Генерал-квартирмейстером Штаба армии Генерального штаба полковником Григоровым.
- 4) Начальником артиллерии Армии генерал-майором Альтфатер[ом].
- 5) Дежурным генералом Штаба армии полковником бароном Энгельгардт[ом].
- 6) Командиром корпуса имени генерала от кавалерии графа Келлера гв[ардии] полковником Потоцким.
- 7) Начальником Штаба корпуса Генерального шт[аба] полковником Болецким.
- 8) Командиром конно-артиллерийского дивизиона генерал-майором Арцишевским.
- и 9) Командирами 2-го Пластунского полка полковником Кочановым, 1-го Конного полка полковником Кременецким и бывшим командиром того же полка полковником Долинским.

Все остальные документы, хотя бы и с печатями и на бланках частей и штабов моей Армии, но не подписанные указанными выше лицами, прошу считать недействительными и особенно осторожно относиться к подписи командующего 2-м Добровольческим корпусом полковника Вырголича и его начальника штаба полковника Васильева (бывшего коменданта Петропавловской крепости при Керенском), ныне начальника штаба у Балаховича.

Эти лица самочинно производили в следующий чин лиц, не имеющих на то права, как, напр[имер], военно-судебного ведомства Ястребова в генерал-майоры. Я особенно подчеркиваю этот случай, ибо это было не переименование гражданского лица в соответствующий военный чин, а самое грубое нарушение и обход существующих на этот счет законоположений.

Подлинное подписал:

Бывший командующий Западной Добровольческой Армией
генерал-майор князь Авалов

Недавно в Российском государственном военном архиве (РГВА) в фонде 40147 (Штаб войсковой группы генерал-майора Авалова) российским исследователем А. П. Гольдиным была обнаружена и опубликована машинописная копия докладной записки с приложением характеристик офицеров Западной Добровольческой армии. Цель докладной записки – проинформировать генерала П. Н. Врангеля о скомпрометировавших себя офицерах. В свою очередь, в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете (США) в фондах Гольдера и Николаевского находятся документы штаба Бермондта-Авалава, которые были взяты в виде трофеев правительством Латвии и до передачи в Архив Гуверовского института хранились в архиве Министерства иностранных дел Латвии в Риге. Документы были опубликованы доктором исторических наук Ю. Г. Фельштинским.

2. И. С. КОНОПЛИН. ВОСПОМИНАНИЯ «БЕРМОНТОВЩИНА»

(Дневники 1919–1920)

4 мая в окно спальни была брошена бомба, но упав на мягкий грунт, не взорвалась. Часовой Земенко схватил ее и бросил в канал, после чего сигнальными свистками вызвал караул. Уже в форме рассказа караульный офицер поведал о том, что еще с вечера якобы кто-то из солдат заметил маленького сухопарого господина в худом пальто, шагавшего по скверу. Он подозрительно косил глаза на окна Бермонта и притворно откашливался, когда мимо него кто-нибудь проходил. Будто видели, как он шептался с таким же человеком за церковью (в сквере же); в сумерки он куда-то исчез.

– Когда мы прибежали, – сказал офицер, – мы уже никого не нашли. Около пяти утра я зашел к Бермонту. В легком шелковом халате он уже сидел в кресле и чистил ногти.

– Приветствую, капитан, – крикнул он беззаботно.

Я рассказал ему о ночном происшествии. Ни малейшего впечатления. Выслушав до конца, он скривил губы и прошелся по комнате. Потом быстро распахнул окно на улицу, выглянул туда; часовой брякнул ружьем.

– Здравствуй, молодец!

– Здравия желаю, г[осподин] полковник!

– Ну что, говоришь, убить хотели вашего командира?

– Так точно, да Бог миловал.

– Со мной всегда Бог. А как ты думаешь, молодец, убьют меня в конце концов?

– Никак нет, – гаркнул солдат.

– Э, душа моя, убьют – другой найдется Бермонт. Так или иначе, а в Москве мы будем. Правда, дружище?

– Так точно.

Это становилось уже театральным. Из глубины комнаты вышел заспан-

ный Линицкий. Еще в дверях он изобразил на лице испуг, сменив его вдруг радостью.

– Ах, сволочи...

Бермонт задорно оскалил зубы и выругался.

– Что, Линицкий, шевельнулась, брат, душа? Плохо они знают Бермонта: на него нужны двенадцатидюймовые пушки.

Он шелкнул пальцами (мастер!) и, выглянув в сонную улицу, громко свистнул, потом сказал часовому:

– Подойди ближе, голубчик, дай твою руку – вот тебе моя. Передай всем твоим товарищам, что ни один из вас со мной даром не погибнет. Слышишь? Ни один! А убить меня нашим врагам не удастся.

Видимо, солдат растерялся: слышно было глухое бормотанье.

...Поверить в искренность покушения какого-то чудака я не могу. Что-то темновато*.

* Жизнь князя Бермондт-Авалова постепенно обростала легендами и мифами, в том числе и о покушениях на него. В 1923 году русскоязычная газета «Руль» сообщила читателям, что в генерала Бермондта-Авалова выстрелили из винтовки, когда он стоял у открытого окна вагона. Поскольку поезд был в движении, стрелявший промахнулся.

3. ИЗ КАРТОТЕКИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. А. ФОН ЛАМПЕ

Князь Павел Михайлович Авалов

Генерал-майор (по его выражению, «генерал-майор своих солдат»), принявший этот чин по просьбе своих подчиненных*, Павел Михайлович, князь Авалов, был известен в войну с Японией в 1904-05 гг. и в 1-ю Мировую войну 1914-18 гг. как Павел Рафаилович Бермондт.

Вероятно в 1918 году, 29-го июня, в день своих именин он присутствовал в Митаве на празднике по случаю этого торжественного дня. На этом торжестве, произнося тост за Командующего армией (Западной Добровольческой), германский генерал граф фон дер Гольц удостоверил, что Павел Рафаилович Бермондт получил право именоваться своим настоящим именем князя Авалова. Одновременно с этим он переименовал и отчество и вместо «Рафаиловича» стал именоваться «Михайловичем».**

После этого он одно время именовался «князем Аваловым-Бермондтом», а потом просто князем Аваловым.

Кое-какие сведения имеются об этом вопросе в его книге, в свое время изданной в Германии на русском и немецком языках.

Ницца, 2 июля 1951 г.

Алексей Александрович фон Лампе (1885–1967гг.), генерал-майор. Участник Белого

движения, организатор белоэмигрантских объединений в Русском Зарубежье. По поручению генерала Н. Н. Врангеля занимался делами беженцев. Возглавлял после 1957 г. Русский Обще-Воинский Союз. В 1926–1927 гг. под его редакцией вышло семь томов «Летопись Белого движения». Имел большой архив и картотеку, в которую вносил сведения о персоналиях и наиболее важных событиях. В приложении даются карточки, относящиеся к биографии и деятельности князя П. М. Бермондт-Авалова.

* У фон Лампе есть и другая, более подробная запись об этом:

Эмиграция. Германия.

Как известно, Павел Рафаилович Бермондт, впоследствии переименовавший себя в Павла Михайловича князя Авалова, носил чин генерал-майора, которой он, по его словам в его же книге, принял по просьбе солдат его «армии в период нахождения ее уже в лагере в Зальцведель».

Поэтому, когда он в 1922 году через меня передавал свое обращение генералу Врангелю, то он подписал его: «генерал-майор своих солдат»...

** Фон Лампе дает еще одно описание этого эпизода:

Генерал-майор князь П. М. Авалов (Бермонт)

Интересно происхождение перехода Павла Рафаиловича Бермондта к Павлу Михайловичу князю Авалову (деньги Западной Армии одно время подписывались им фамилией Бермондт-Авалов, без титула).

В день его именин, в 1918 (проверить) году, в Митаве (проверить, не в Риге ли?) на торжественном обеде германский генерал граф фон дер Гольц, командовавший «союзными» Западной Армии германскими силами, встал и провозгласил тост за командующего Западной Армией, причем, лестно отмечая его качества, присовокупил: «...который получил из России сведение, что он имеет право именоваться своей настоящей фамилией князя Авалова». Так дело и пошло.

В это время вся Россия была в руках большевиков, кроме окраин, на пространстве которых кипела Гражданская война.

Эмиграция. Германия

Владимир Федорович Gefдинг мне рассказывал, что раз как-то попав в Гамбурге на танцевальный вечер русских, он там познакомился с генерал-майором князем Аваловым (Бермонтом), который во время танца, обернувшись к нему, с удовлетворением заявил: «Вот генерал Деникин не танцует, генерал Врангель – тоже не танцует, а я танцую!»

Ген. Майор П. Р. Бермонт-Авалов

Желая сказать приятное посетившему меня в Берлине П. Михайловичу (Рафаиловичу) Авалову, я рассказал ему, что престарелый генерал Экк говорил мне, что был свидетелем подвига Авалова, когда последний, во время войны 1904-05 гг., будучи вольноопределяющимся какого-то казачьего полка, привез генералу Экку, тогда уже начальнику пехотной дивизии, донесение. Генерал отдавал справедливость молодцу казаку, который подъехал к сопке, где был наблюдательный пункт генерала, спешил и тут же был поранен. Он

этим не смутился и, ползши, взобравшись на сопку, передал донесение по назначению.

Услышав этот отзыв, П. М. Авалов принял его совершенно как должное и не преминул мне тут же очень пространно рассказать, что он помнит этот факт (еще бы не помнить) и помнит также, как ему удалось тогда, передавая донесение, дать генералу и соответствующие указания, как дальше вести бой, на основании тех данных, которые он, вольноопределяющийся, установил из всего виденного им по пути следования с донесением.

Надо сказать, что этого мне генерал Экк, человек более чем порядочный и добросовестный, *не говорил*.

Русская эмиграция. Германия

В августе 1920 года, в первые дни моего пребывания в Германии, я познакомился с Павлом Михайловичем Аваловым (Павел Рафаилович Бермонд), который, по-видимому заметив мое несколько критическое к нему отношение, просил меня посетить генерала графа фон дер Гольца и спросить мнение относительно его, князя Авалова, достоинствах!

Меня визит к генералу фон дер Гольцу, известному по его действиям в Финляндии, вообще интересовал; кроме того, велением случайности, мы жили с ним почти что в одном квартале в Вильмерсдорфе, и потому я просил Авалова передать графу мою просьбу принять меня.

Сказано – сделано. Я в кабинете генерала графа фон дер Гольца, довольно интересный разговор течет плавно, но о Бермондте – ни слова.

Наконец я не выдерживаю и спрашиваю графа о предмете моего визита. Тот несколько задумывается, пристально смотрит на меня и произносит: Скажите, полковник, вы – офицер Генерального штаба? – Да, – отвечаю я. – И я тоже. Так не стоит нам о нем и говорить, – заканчивает спокойно граф.

4. БЕРМОНТ-АВАЛОВ – ВО ГЛАВЕ РУССКИХ ГИТЛЕРОВЦЕВ*

(Газета «Сегодня», Рига, 19 сентября, 1933 г.)

Берлин. 18 сентября. После заметной у русских гитлеровцев подавленности, вызванной явной немилостью к ним со стороны германского правительства, в деятельности РОНДа за последнее время произошли перемены. Неудачливый вождь Светозаров-Пельхау отбыл в продолжительный отпуск, а на его место «назначен» небезызвестный Бермонт-Авалов, пока, однако, еще ничем себя не проявивший. Собрания по-прежнему происходят в Берлине по четвергам, менее пышно и истерично, чем при Светозарове, но такие же многолюдные. Последнее обстоятельство объясняется не столько интересом к РОНДу, потерявшему всякое значение после того, как члены его были лишены права носить форму и значки, сколько прибытием в Берлин американского миллионера-фашиста Вонсяцкого. С появлением «богатого гостя», известно-

го своими щедрыми субсидиями правым организациям, в том числе «Братству Русской Правды», а также попытками насадить фашизм среди русских американцев, – естественно оживились надежды русских гитлеровцев. Поможет Вонсяцкий или нет, еще неизвестно, но зато выступление его в РОНДе очень подбодрило русских штурмовиков.

ВОНСЯЦКИЙ – БЕРМОНД – КАЗЕМ-БЕК. ТРИУМВИРАТ

(Отрывок из статьи А. И. «Последние новости», Париж, 31 декабря 1933 г.)

...Для полной яркости картины надо осветить полным светом фигуру главного вождя русского эмигрантского фашизма Бермонда, под знамя которого должны слететься русские воины. Русская политическая жизнь знает множество псевдонимов. Большевистская гвардия до них была до страсти охоча, но всё же такого псевдонима, как «генерал князь Павел Михайлович Бермонт-Авалов», никогда еще в русской политической жизни не было. Оказывается, из всех шести слов – «генерал князь Павел Михайлович Бермонт-Авалов» – действительности соответствует лишь одно слово – Павел. Всё остальное выдумки. В Берлине старые военные, знающие Бермонда еще по мирным временам, рассказывают о нем действительно захватывающие вещи. Никогда, конечно, никаким князем Бермонд не был. Бермонд – сын скромного владивостокского ювелира, крещеного еврея Рафаила Бермонда, и до эмиграции и балтийской карьеры все всегда знали Бермонда как Павла Рафаиловича. Отчество «Михайлович» присвоил в Германии, перед главнокомандованием. Тогда же на недоуменные вопросы кой-кого из генералов, знававших главнокомандующего «Рафаиловичем», Бермонд отводил спрашивавшего в сторону и с таинственным достоинством говорил генеральским баритоном: «Ээ, батенька, какой же вы! Да разве ж не знаете?» – и понижал голос до полупшепота: «Я же сын Великого князя... Только раньше, знаете, скрывал, а теперь к чему ж скрывать?» Бермонд не уточнял, сыном какого Великого князя он является, но спрашивавшие понимали, что дальнейшее любопытство неуместно. Тогда же в Германии Бермонд «украл» из своей собственной фамилии букву «д». Он – Бермонд. Но немецкое происхождение фамилии ему казалось не к лицу. И Бермонд поставил на место буквы «д» – «т». И фамилия получилась уже не немецкого происхождения. Но этого «завоевания» было мало. Бермонду захотелось в Германии стать еще «кавказцем». Не рискуя взять подлинную кавказскую фамилию, он взял русифицированную «Авалов», к тому же из-за кинематографических вкусов заодно добавил «князь». Правда, в Берлине проживает до сих пор профессор князь Авалов, но, как Бермонд ни предлагал профессору «вспомнить родство», профессор наотрез отказался. Не менее колоритно и производство в генералы этого ландскнехта Гражданской войны. Прохождение военной службы Павел Рафаилович Бермонд начал во время

Японской войны вольноопределяющимся. Состоял при штабе генерала Мищенко ординарцем, то есть просто-напросто на побегушках. Но ген. Мищенко его любил и под конец войны представил к чину прапорщика. Любитель поз и фанфарон прапорщик Бермонд хотел поступить в какой-нибудь казачий полк, но ни один казачий полк Бермонда не принял. И только по протекции генерала Мищенко Бермонд определился в один из полков армейской кавалерии. Но военная карьера Бермонда всё равно далеко не пошла. Вскоре же он принужден был оставить полк и выйти в отставку. Будучи в отставке, Павел Рафаилович во Владивостоке занимался одно время ювелирным делом своего отца, позднее служил капельмейстером в армейском полку. Потом вспыхнула Мировая война и призванный на войну Бермонд на обозных должностях дослужился до представления его в штаб-ротмистры. В таком виде он прибыл с одним из беженских эшелонов в Германию, где совершенно неожиданно его ждала «мировая слава»! В Германии Бермонд внезапно кое-кому понадобился. Его свели с майором Геллингом и генералом графом фон дер Гольцем. Бермонд оказался чрезвычайно подходящим, и на немецкой почве капельмейстер и штаб-ротмистр мгновенно превратился в «главнокомандующего армией генерала князя Павла Михайловича Бермонд-Авалова». Разумеется, фон дер Гольцу, майору Геллингу и всем вдохновителям балтийского действия о Бермонде всё известно, и без сдерживаемого смеха в немецком штабе о нем не говорят. Но многие дамы немецкого света всерьез принимали этого хлыща с пышными усами и необычайной опереточной выправкой за «генерала и князя». Большой друг и покровитель Бермонда – герцогиня Мекленбургская, и именно в ее имении после неудачи балтийского похода и «до наших дней» 13 лет проживал этот герой. Играли же некоторую роль в истории России «балтийские конюхи Бироны», почему же не сыграть роль «балтийскому ландскнехту Бермонду», которому уже отведено первое место в триумвирате русского фашизма? Но тут приходится перейти к последнему триумвиру, Казем-Беку. Дело, конечно, не в сиятельных «верхах» младороссов. Они-то знают, что делают. Но у младороссов есть «низы», есть немногочисленная искренняя русская молодежь. Так вот, хотелось бы знать: насколько крепка «братская связь» Казем-Бека с Бермондом? В Берлине ведь прямо говорят, что человек, называющий себя «генерал князь Павел Михайлович Бермонт-Авалов», в концерте вождей русского фашизма уже взял дирижерскую палочку.

ПИСЬМА ИЗ БЕРЛИНА

(«Царский вестник», Белград, 15 октября 1933)

В среду 27-го сентября, вечером, русский Берлин был ошеломлен разнесшимся по городу слухом о закрытии Российского Национал-социалистического движения. Лишь в прошлый четверг состоялась собрание, оставив-

шее у всех присутствовавших неизгладимое впечатление. Единый фронт Национальной революции была тема дня... Р.Н.С.Д., возросшее за короткое время своего существования в мощную организацию, имело в одной лишь Германии 28 отделов и более 20 отделов в других странах и издавало две газеты на русском и на немецком языках. Внезапный запрет Движения казался невероятным... Вышедшие 28 утром немецкие газеты подтвердили, однако, этот слух. Мы обратились за разъяснением к руководителям движения, от которых узнали следующее. 27-го в 4 часа дня в помещение штаба Р.Н.С.Д. явился наряд тайной государственной полиции. Присутствовавшим членам Главного Совета был прочитан приказ прусского Министерства внутренних дел о запрете и роспуске Движения и о запрещении обоих издававшихся Движением органов. Чины тайной полиции увезли с собой всю хранившуюся в штабе переписку, деловые бумаги и пр. Обыскам и арестам никто не подвергся. Никаких объяснений о причинах запрета дано не было. В некоторых германских газетах к краткому официальному сообщению о запрете РОНДа были прибавлены довольно туманные комментарии о том, что в движение «стали проникать лица, не русские по крови (?) и не национал-социалисты по убеждению...» Все это вызвало у нас надежду, что запрет является плодом недоразумения, т. к. в официальном сообщении говорится о РОНДе, в то время как движение наше уже давно было одновременно с внутренней реорганизацией переименовано в РНСД. Запрет касается пока одной лишь Пруссии, и все Отделы в других странах Германии никаким репрессиям не подверглись.

* Несколько заметок из эмигрантской прессы, ярко иллюстрирующих жизнь князя Бермондт-Авалова в Берлине, его нахождение в РОНД (Российское национал-социалистическое движение) и этапы его отношения к национал-социализму.

5. «МОГЛИ, НО НЕ СОБИРАЛИСЬ»*

Письмо Д. Масальского в газету «Новое русское слово»

Многоуважаемый Господин Редактор!

Жаль, что г. Павловичу попалась извращенная и пристрастная литература о событиях в Прибалтике 1919 г. (НРСл, 11 января). Претензии Германии на Прибалтику были предъявлены Сов. России еще в начале мирных переговоров в Брест-Литовске. Германский мин. иностр. дел фон Кюльман, пользуясь большевицкими лозунгами о самоопределении народов и прикрывая истинные цели, через уполномоченного германского прав[ительства] в Прибалтике фон Стрика предписал немецкому дворянству принять постановление об отделении от России, что и было сделано. 28 января 1918 г. Кюльман об этом сообщил сов. послу в Стокгольме Воровскому, а через 4 недели в Брест-Литовске между Кюльманом и Троцким произошел

серьезный словесный поединок. Троцкий указывал, что такое постановление есть не более, как замаскированная военная оккупация, но впоследствии условия принял, и 27 августа 18 г. мирный договор подписал. Сов. Россия обязалась не вмешиваться в дела Литвы, Латвии, Эстонии и т. д., предоставив Германии свободу действий («Брест-Литовский мир». — Г. Сокольников. 1920). Ген. фон дер Гольц вступил в командование оккупационной армией 14 февраля 1918 г. Впоследствии в своих мемуарах он писал, что у него были четыре фронта: против большевиков, Либавского совета солдатских (немецких) депутатов, немцам враждебного полубольшевицкого правительства Улманиса и союзников, и что по старому закону стратегии он решил не воевать против всех разом, а разбить каждого отдельно. (Три последних «фронта» явились позже.) В конце 1918 г. большевики, воспользовавшись поражением Германии на Западном фронте и последовавшей германской революцией, односторонне аннулировали договор и двинули свои войска в Прибалтику. В то время 8-ая германская армия находилась в стадии ликвидации и поэтому немцы приступили к формированию армии из добровольцев, открыв в Германии 12 вербовочных пунктов и заручившись поддержкой т. н. Западно-русского Совета в Берлине, возглавлявшегося бывшим российским послом бароном Кноррингом (для вербовки русских военнопленных). Они же, а не Улманис, обещали добровольцам земли. В начале мая 1919 г. Гольц разогнал находившееся в Либаве правительство Улманиса. Тот успел скрыться с некоторыми министрами под охрану союзников на пароходе «Саратов». Было сформировано прогерманское правительство во главе с пастором А. Ниедра. Гольц разогнал и Совет солдатских (немецких) депутатов. Из местных немцев были укомплектованы части ландвера, а из остатков 8-й армии и прибывших из Германии добровольцев сформирована т. н. Железная дивизия. Искателями приключений нельзя считать русских военнопленных, особенно солдат и большинство младших офицеров, которые сами своей судьбой не могли распоряжаться. При занятии Риги 22 мая 1919 г. кроме немцев и отряда Ливена (400 чел.) участвовали в операции и латыши (2500 чел.) под командой полк. Балодиса. Немцы продолжали продвижение по Лифляндии к северу, к Эстонии, несмотря на то, что сев. часть Латвии и Эстония от большевиков уже были освобождены эстонцами и нац[иональными] латышскими войсками. В 70 км. от Риги эти войска преградили дальнейший путь немцам. В результате боев под г. Цесис немцы отступили, под давлением союзников заключили перемирие в им. Стразды 3 июля и, оставив Ригу, 5 июля ушли обратно в Курляндию. Ливен со своим отрядом переправился под Нарву 18 июля. 12 июня 1919 г. в Курляндию (Митаву) явился со штабом Бермонт-Авалов, будущий номинальный командир корпуса. 14 августа Бермонт вступил в связь с адм. Колчаком, который подчинил его (не зная задуманной немцами интриги) ген. Юденичу. Ген. Юденич дважды приказывал Бермонту явиться со своими войсками на Нарвский фронт, но Бермонт не подчинился, за что

был объявлен предателем и исключен из армии. Понятно, что Бермонт не был хозяином положения, а служил вывеской Гольцу. Чтобы покончить с немецкой оккупацией, союзники потребовали увода корпуса из Прибалтики, но Гольц и тут перехитрил их, заключив фиктивное соглашение с Бермонтом о подчинении немецких войск русскому командованию и о переименовании их в Западно-Русскую армию. Союзники, как видно, поверили, и немцы остались вместе с Гольцем на месте. С 8 июля 1919 г. в Риге находилось правительство Улманиса и латышский гарнизон. Не было там ни одного немецкого или русского командира и таковые не могли быть допущены. Поэтому версия о каком-то совещании 26 августа отпадает. Совещание с участием Гольца, Бермонта, А. Ниедра, Ванкина и др. состоялось 1 октября в Митаве. Было постановлено оккупировать Ригу и остальную часть Латвии, а также Эстонию, свергнуть латвийское и эстонское правительства, назначить генерал-губернатором А. Ниедра, запретить латышам и эстонцам иметь свои армии, но предоставить им автономию. 4 октября Бермонт послал донесение ген. Деникину, который, вероятно уже зная затею немцев, наложил оскорбительную резолюцию: «к чёрту Бермонта со всеми его немцами». 6 октября Бермонт издал приказ войскам начать наступление на Ригу 8 октября. Тогда же в Митаве Гольц произвел смотр войскам. Его ассистентом был Бермонт. Эта «Западно-Русская армия» продвинулась до Двины и была остановлена латвийской армией при помощи двух эстонских бронепоездов. 14 октября Гольц посетил Берлин для получения подкреплений и снабжения. 18 ноября командиром немецко-русской армии был назначен немецкий генерал Эбергард, который пытался в Митавском районе перейти в контрнаступление, но потерпел неудачу и в течение следующих 12 дней очистил всю Курляндию. Из всего хода событий вывод только один: немцы создали упомянутый корпус исключительно для захвата Прибалтики, а не для завоевания Петрограда. Но контроль союзников заставил их маскироваться именем Бермонта и корпус «окрестить» русским. Нельзя даже допустить мысль о подчинении немецкой армии в 40 тыс. человек русскому командованию, и если в какой-то литературе фальшивка принята за истину, то это сделано по незнанию политики немцев или факты скрыты с целью. Еще интересно упомянуть, что немцы ввели в обращение «русские» денежные знаки за подписью Бермонта и с русским государственным гербом – двуглавым орлом. Текст на лицевой стороне русский, на оборотной – немецкий. Хотя эти денежные знаки (марки) официально были Бермонтовскими, Германия впоследствии обменяла их на свои. Зачем же она выкупила чужие деньги? Этим прекращаю полемику и на возможные возражения оппонентов отвечать не буду и советую вместо советской литературы ознакомиться с соответствующей западной: *A. A. Winnig. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik* (1921); *Du Parquet. L'Aventure allemande en Lettonie* (1926); *N. Niessel. L'Evacuation Des Pays Baltiques Par Les Allemands* (1935); *R. von der Goltz. Als politischer*

General im Osten (1936); Darstellungen a. d. Nachkriegskaempfen deutscher Truppen und Freikorps, I-II (1936), Der Bolschewismus und die baltische Front 1918-19 (1939); *Gl. Grimm*. Jahre deutscher EntScheidung im Baltikum (1943); *St. Tallent*. Man and Boy (1943).

Уважающий Вас Д. Масальский

*Письмо было написано в связи с развернувшейся полемикой о личности князя Бермондт-Авалова и оценке его деятельности.

6. ШТАБ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КОРПУСА СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ ЛИВЕНА ЛЕТОМ 1919 г. в МИТАВЕ

(Статья барона Будберга Н. А. «Военная быль», № 70. 1964. Сс. 29-32)

За эти два летних месяца мне несколько раз пришлось встретиться с Бермондтом. Части его дивизии были расквартированы в самом городе, где также находились его штаб и собственная квартира. Политически не всё обстояло благополучно. Наши бывшие союзники, теперь победители в Мировой войне, весьма недружелюбно смотрели на оставшиеся еще здесь германские войска под командой фон дер Гольца. С другой стороны, сами латыши обещали этим немецким добровольцам за оказанную ими помощь при изгнании большевиков из пределов Латвии наделы земли в своей автономной республике. Под давлением англичан латвийское правительство взяло это свое обещание назад и таким своим поступком возбудило неудовольствие среди германских частей. В Митаве начались волнения. Русского коменданта города как будто не было, так же начальника гарнизона. Помню, однажды вечером мне позвонил полковник Беккер и задал вопрос, кого бы я предложил на это место. Исходя из тех соображений, что Бермондт в данное время располагает достаточной вооруженной силой в самом городе, я предложил его. Был отдан соответствующий приказ, и уже на следующий день на столбах и заборах красовались распоряжения нового коменданта, которые грозили строгими взысканиями за непослушание и бунт.

К нам в штаб Бермондт жаловал очень редко. Я его там встречал всего раза два, и то незадолго до нашего отъезда. Он был мужчина видный, но, к сожалению, своими несколько театральными, как бы заученными, манерами делал из себя что-то похожее на марионеточную фигуру. Всегда в черной черкеске, сам брюнет, усы а ля Вильгельм, затянутый, он мог производить эффект и на этом, конечно, много играл. О его карьере мне доподлинно ничего не известно, только, если память не изменяет: в 1917 году, в одной из больших газет, думаю, это было «Новое Время», был небольшой портрет поручика Бермондта. Отчего и почему он был там изображен, сказать теперь не могу. Каким образом он в 1919 году летом сделался полковником – и того

меньше. Кажется, в июле Бермондт праздновал, и весьма шумно, свой день рождения. Были приглашены корпусный командир князь Ливен и я. Вместо князя поехал его заместитель полковник Беккер. Подъехав к штабу дивизии, на ступеньках крыльца мы были встречены начальником дивизии, причем последний порывался меня обнять, приветствуя как своего старого сослуживца по Нижегородскому драгунскому полку. Я должен был его разочаровать, так как всю войну проделал гвардейским стрелком. Он, возможно, спутал меня с одним из моих родственников, тоже Николаем Будбергом. Но самое интересное, даже сценически забавное, произошло на самом торжестве. Я сидел за одним столиком с Георгиевским кавалером генералом Альтфатер. Генерал граф фон дер Гольц, здесь же присутствовавший и сидевший по правую руку от Бермондта, поднял свой бокал и предложил выпить за здоровье «Его Светлости князя Авалова». Еще несколько лет спустя я видел в немецком журнале «Ди вохе» снимок графа фон дер Гольца вместе с Бермондтом верхом, причем тут последний был уже генералом.

Последний раз я видел Бермондта за несколько дней до нашего отъезда из Митавы. Он пришел к нам в штаб пообедать, а заодно завербовать одного-другого к себе. В это время уже был получен приказ генерала Юденича о переброске всего корпуса на Нарвский фронт. Было ли это целесообразно или нет – вопрос другой, но князь Ливен, как истый офицер, знающий дисциплину, приказал собираться. Бермондт и полковник Вырголич, к которому я по этому делу заходил лично, отказались ехать, и корпус распался. Переброшена была только Ливенская дивизия, получившая в Северо-Западной армии наименование «5-ой Ливенской дивизии».

До нашего отъезда князь собрал весь штаб, объявил еще раз приказ генерала Юденича и в кратких словах разъяснил положение корпуса, причем напомнил его добровольческий статус в целом и касательно каждого офицера в отдельности, предоставив выбор ехать или оставаться. Произошел краткий обмен мнениями, причем я лично сказал, что наша прямая обязанность не только перед Великой Россией, которой мы, несмотря на всё, что было, продолжаем служить, но и перед вашим начальником, Светлейшим князем, пролившим свою кровь за родину и за нас всех, не оставлять его и следовать за ним, куда будет приказано. А главное – мы солдаты, и нам не рассуждать и выбирать, что лучше, а исполнять приказ. Большинство согласилось со мною без каких-либо возражений.

Следующие дни прошли в сборах, и вскоре дивизия князя, с ней и штаб, были морским путем из Риги переброшены в Нарву. Князь проехал туда же.

В Нарве Штаб корпуса снова собрался. Помещен он был в доме Бек, недалеко от понтонного моста. Дом этот принадлежал родственникам нашего военного чиновника Максимилиана Бека, упомянутого выше. Просуществовав короткое время, Штаб был, за ненадобностью, расформирован, и его офицеры получили новые назначения в других частях Северо-Западной

армии. Я лично попал в штаб 2-ой стрелковой дивизии генерала Ярославцева, где начальником штаба застал, как уже упомянуто было, полковника Прокоповича. В Митаве осталось очень немного из бывших офицеров Штаба корпуса, главным образом, по семейным причинам.

барон Николай Будберг

* Будберг Николай Анатольевич (1894–1971), штабс-капитан Лейб-гвардии 1-го стрелкового полка. С февраля 1919 барон Н. А. Будберг находился в отряде ген. Ливена; с лета 1919-го – в качестве старшего адъютанта штаба отряда. Статья дается в сокращении.

7. ОБРАЩЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ

Послано:

Ген. А. В. Бордзиловскому

Пол. А. Д. Гардееву

Ген. Г. А. Дубяга

Ген. В. Г. Науменко

Ген. И. А. Полякову

Пол. А. И. Рогожину

Пол. В. Г. Самсонову

Ваше превосходительство,

Препровождаю Вам при сем два экземпляра обращения к американскому народу, написанного по поводу заявления, сделанного новым начальником пропаганды господином Т. Стрейбертом*. Предлагаю Вам, если Вы согласны с его содержанием и готовы поставить под ним свою подпись, подписать один экземпляр и вернуть мне в знак того, что я могу напечатать Ваше имя под этим обращением.

Это обращение будет разослано членам Правительства и Конгресса, а также во все крупные американские общественные и политические организации и газеты. Этим обращением старших военных начальников я хочу попытаться положить основание организации систематичной защиты русского имени и русских интересов. Если будет добрая воля у русских патриотов и помощь Божия, то такая организация могла бы развиваться в Русское Пресс-Бюро, которое так необходимо в настоящее время для опровержения клеветы и диффамации на русский народ, распространяемых его врагами.

* Первый директор The United States Information Agency (USIA), 1953, Томас Стрейберт инициировал основные проекты развития деятельности агентства. Он создал организационную структуру, организовал процесс отбора зарубежных участников программ США, занимался вопросами радиопропаганды. Он оставил пост директора в 1956 г. В 1960-е гг. возглавлял радиостанцию «Свободная Европа». Таким образом, Обращение м. б. датировано нач. 1950-х гг. На письме нет даты.

Если моя идея находит у Вас отклик, то прошу ее популяризировать среди Ваших друзей и знакомых для создания моральной и материальной базы для задуманного предприятия. Необходимо помнить, что в Государственном Департаменте в настоящее время производится большая работа по выработке окончательных решений по русскому вопросу.

Важно поэтому предложить вниманию правящих кругов нашу точку зрения и стремиться повлиять на решение русского вопроса в нужном для борьбы с коммунизмом направлении.

Если Вы подпишете обращение, то не откажите в любезности точно указать Ваше звание или должность, которую Вы занимаете сейчас в Вашей воинской организации, или последнюю должность, которую Вы занимали в Армии. Имя и фамилию и также Вашу должность и организацию прошу написать по-английски. Они без изменения будут поставлены в английском тексте под обращением.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и уважении.

Подпись:

Генерал-майор князь П. М. Авалов

8. ПИСЬМО В. П. ПАВЛОВИЧА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ А. П. РОДЗЯНКО

19 июля 1961 года

Ваше Превосходительство Александр Павлович!

Занимаясь ряд лет вопросами войны 1917–22 годов (иные зовут ее Гражданской войной), я оказался в весьма затруднительном положении. Разрешите говорить об этом. Войска, подчиненные ген[ералу] Юденичу, перешли в конце сентября 1919 года в решительное наступление. Оно кончилось трагической неудачей...

По соглашению от 26 сентября 1919 года с Бермонт-Аваловым, последний обязался выступить в Нарву и принять участие в наступлении. Это значилось в директиве ему генерала Юденича. Бермонт-Авалов не выступил. Силы, ему тогда подчинявшиеся, были огромны: вся западная русско-немецкая Добровольческая Армия, насчитывавшая 51000 человек, где собственно русских было 10000 при 16 орудиях, 100 пулеметах, 12 минометах, 12 самолетах. Я осведомлен, откуда у Бермонта оказалось столько войска. Я знаю, как пытались воздействовать на Бермонта англичане (флот у Рижского взморья)...

В бой за Петроград были введены такие силы у красных: 43380 штыков и 1335 сабель. Силы генерала Юденича: 18500 штыков и сабель. Если бы Бермонт выполнил директиву Главнокомандующего (я знаю, что Бермонт предназначался генералом Юденичем в главноначальствующие всех войск в

Латвии), если бы его войска втянулись бы в бой, Петроград был бы взят: латыши – страшный таран, брошенный против корпуса генерала Кутепова, – были бы возвращены назад к Пскову (и открыли бы бой – реванш против мощных сил генерала Юденича), и из наступления большевиков на Южном фронте (против сил генерала Деникина) ничего не вышло бы. А значит, победоносное движение его на Москву продолжилось бы...

Но мне не ясно одно. Почему Бермонт-Авалов отказался от своих обязательств?

Я покорнейше прошу Ваше Превосходительство разъяснить эту неясность. А ежели о ней уже где было сообщение, не откажите в любезности указать мне источник. И в том, и в другом случае не сочтете ли Вы удобным дать понять, имею ли я моральное право обращаться с каким-либо вопросом о прошлых событиях к Бермонт-Авалову (он, очевидно, значится у наших инвалидов как генерал).

Уважающий Вас – кадет, юнкер Павловского училища, подпоручик Императорской Армии и дроздовец. Павлович.

9. ОТВЕТ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. П. РОДЗЯНКО В. П. ПАВЛОВИЧУ

17/IX.61. Воскресенье

Lt. Jeneral A. Rodzianko

Personal Post Office

Ipswich, Massachusetts.

Любезный Вячеслав Павлович,

Простите, что не ответил сразу на Ваше любезное письмо от 19/VI-61, но дело в том, что меня не было в Far Hills, когда Ваше письмо получили, и почта за мной не [проследовала. – НРЗБ]. На днях, находясь здесь, где я останусь до 15 октября 1961, я получил почту, и отпишу Вам ответ, насколько это возможно, на все поднятые в Вашем письме вопросы. Я вернусь к себе в Far Hills NY после 15 октября 1961 г. Я не знаком с полковником Бермонтом, который называет себя почему-то князем Аваловым. Одно это доказывает, что он чистой воды авантюрист Смутного времени, так как он не имел права называть себя Аваловым, а тем более князем, но он, должно быть, это делает из-за своей мелкой выгоды, считая, что с ним больше будут считаться, будучи князем!!!

Я никогда не видел полковника Бермонта и не могу понять, кто его произвел в генералы, так как до конца действий Северо-Западной Армии, когда я ею командовал, он называл себя полковником. Если вы читали мою книжку, изданную после ликвидации Северо-Западной Армии, то в ней ясно сказано, что генерал Юденич не посвящал меня ни в какие разговоры, которые он вел как с англичанами, так и с полковником Бермонтом. К нам в армию

влились только отряды князя Ливена, приблизительно около и не больше 1500 бойцов. Сколько было штыков у полк[овника] Бермонта – не знаю, но если у него было, как вы пишете, 43380 штыков и 1335 сабель, то конечно, мы взяли бы легко Петербург, так как нам не хватало живой силы, чтобы окончательно закрепить за собой площадь разбитых частей большевиков и занять Петербург. Про переговоры полковника Бермонта с немцами я тоже не знаю. Как Вам пишу выше, меня ген[ерал] Юденич в свои разговоры не посвящал, не только с полковником Бермонтом, но и даже с нашими союзниками англичанами, которые якобы нас снабжали всеми видами оружия. Всё это сказано в моей книге воспоминаний о Северо-Западной Армии. Конечно, если мы захватили бы Петербург, мы развернули колесо истории. Расчет был бы совсем иной, чем теперь. И мы были так близки к цели нашей спасения Родины, и это доказывает измену Бермонта нашей Белой Идее. Повторяю, что я с Бермонтом не знаком и не желаю его знать, так как считаю его чистым авантюристом и изменником Белой Идеи спасти Родину от наемников. Результаты налицо. Остаюсь уважающий Вас

Генерал-лейтенант А. Родзянко

10. ПИСЬМО В. П. ПАВЛОВИЧА

(Адресат не установлен)

Милый Борис Владимирович!

Сегодня посылаю Вам статью о Бермонте. В последние дни о нем много говорил с людьми, знавшими его. Княжна В. К. (Вера Константиновна Романова. – Ю. С.) рассказала мне случай с ее племянником, князем Багр[атионом]-Мухранским, которого Б[ермонт] спас (при Гитлере) в Югославии; Молодой Михеев – как Б[ермонт] помог югославским кадетам в Германии... Кто-то меня спрашивал: а к чему писать о нем?

Прошу Вас учесть следующее. Бермонт оставляет после себя воспоминания, фундаментальные (уже изданные). Лично он производит – и до сего дня – приятное впечатление, обвораживая своего собеседника. Далее. Многие из старых белых бойцов о нем почти ничего не знают: им было в те годы и в первые годы эмиграции не до него (тяжкий труд, поиски работы...). Молодежь (сужу по Михееву) знает его только с хорошей стороны. Молодежь и новая эмиграция из СССР – ровно ничего. В историю он входит приукрашенным, едва ли не героем. Б[ермонт] примыкает к монархистам-легитимистам, даже присутствует на некоторых собраниях («Не угодно ли Вам, г. Бермонт-Авалов, что-либо сказать?»). Кому же, как не нам, внести поправки? Теперь, пока мы живы! Тем более, раз мы начали, «переругавшись», пересмотр взгляда на «Гражданскую войну». А[валов]-Б[ермонт] виноват в главном. Жму руку. В. П.

Из статьи я выбросил всё, что может его компрометировать (личное: кантонист, трубач-капельмейстер, выход из полка, неудачная женитьба и его роман не то с г. Зубовой, не то с кн. Лихтенбергской, и другое).

11. ИЗ СТАТЬИ Л. СЕРДАКОВСКОГО «НЕВОЗМОЖНАЯ МИССИЯ»

(«Новый Журнал», № 141, декабрь, 1980. Сс. 130-131)

Авалов, для других Бермонт, для третьих Бермонт-Авалов, был красочным, единственным в своем роде персонажем на эмигрантском горизонте. Его отец был капельмейстером 1-го Уланского Петербургского полка. Авалов участвовал с этим полком в войне против Германии и затем командовал вместе с генералом фон дер Гольцем русско-немецким Добровольческим корпусом, застрявшим в Прибалтике из-за несогласий между союзными представителями. Авалов мало дрался с большевиками, но чуть-чуть не взял Ригу, чем возбудил к себе ненависть латышей. Он долго жил в Германии, где постепенно превратился из Бермонта в Авалова. Он был очень красив, держался с большим достоинством и был на редкость добрым и отзывчивым бессребренником. Пользовался громадным успехом у женщин, и в Германии говорили, что в него была влюблена какая-то владетельная немецкая герцогиня. Любили его и бывшие его подчиненные, немцы, и все, кто с ним встречался. Приобрел он преданных друзей и в Америке. Каждый год в день его смерти в нью-йоркской газете «Нов. Русс. Слово» появляется короткая заметка его памяти.

Авалов переехал в Белград в самом начале Второй мировой войны. Когда зарождалось национал-социалистическое движение, он по антибольшевистскому признаку ему сочувствовал и был близок с рядом старых партийцев. Потом он резко с ними разошелся и возненавидел Гитлера. Этой своей ненависти он в Белграде не скрывал и был объектом пристального внимания со стороны Гестапо, несколько раз приглашавшего его на малопривятные разговоры. Только покровительство военных спасало Авалова от этого учреждения.

Бывшие подчиненные Авалова в Прибалтике превратились из молодых офицеров в заслуженных генералов, и его знал чуть ли не весь Вермахт. Авалов был настолько против гитлеровской Германии, что решил остаться в Югославии. Большую роль в этом сыграла его поверхностность: добряк и шармер, он не был ни умным, ни образованным человеком. Под влиянием советской пропаганды, на которую клюнули некоторые его русские и сербские друзья, он поверил в эволюцию советской власти – погоны, ордена и пр. В последнюю минуту за ним приехал немецкий военный автомобиль с тремя офицерами, бывшими его подчиненными. Без разговоров его силой посадили в машину и увезли, чем спасли ему жизнь. Советы бы его судили и ликвидировали, как других белых генералов, вопреки его антинемецким взглядам.

ПЕРСОНАЛИИ

1. Вырголич Евгений Павлович (Верголич. 1883 – ?), участник Белого движения. До 1917 года – офицер Отдельного корпуса жандармов. В 1919 г. возглавлял русскую офицерскую организацию в Польше, затем командовал белогвардейским отрядом в Митаве. Занимал непримиримую позицию по отношению к самостоятельным Латвийскому и Литовскому государствам. В июле 1919 г. отряд Вырголича вошел в состав Западного Добровольческого корпуса Бермондта-Авалова. Полковник, командир 2-го Западного Добровольческого корпуса.
2. Рюдигер фон дер Гольц, граф (1865–1946), немецкий генерал-майор. В годы Первой мировой войны дослужился до должности командира «Остзейской дивизии», находящейся в Прибалтике. Оказывал помощь в организации Финской армии. В начале 1919 г. возвращается из Финляндии в Прибалтику, где участвует в создании прибалтийского ландесвера. С 1 февраля 1919 года командовал антибольшевистскими силами в Латвии, разоружил в Либаве латышские национальные войска и сместил правительство К. Улманиса. Сторонник создания Балтийского герцогства. Штаб фон дер Гольца находился в Либаве. Формально его войска были включены в армию Бермондта-Авалова.
3. Десио Константин Николаевич (Дессино. 1857–1940), русский военачальник, генерал. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878, Китайской кампании 1900–1901, Первой мировой войны, Белого движения. Генерал для поручений при Главнокомандующем Северо-Западной армией. В 1919 г. – представитель армии в Риге. В эмиграции в Англии.
4. Егоров Александр Ильич (1883–1939), офицер Русской Императорской армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Награжден многими орденами и медалями Российской империи. После Октябрьского переворота примкнул к большевикам. Арестован по обвинению в шпионаже и военном заговоре. Расстрелян в 1939 году.
5. Граф Келлер Федор Артурович (1857–1918), генерал от кавалерии. Военачальник Русской Императорской армии. После Февральской революции отказался присягать Временному правительству. Уходит в отставку, передав свой корпус генералу А. М. Крымову. В то же время, будучи не согласен с политической платформой А. Деникина, отказался ехать на Дон в Добровольческую Армию. Недолго побыв на посту Главнокомандующего Украинской и Северной Армий, уходит в отставку. Убит в 1918 году петлюровцами у памятника Богдану Хмельницкому на Софийской площади в Киеве.
6. Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921), советский военачальник. Командарм Второй конной армии. В 1917 году примкнул к большевикам. Один из первых награжденных орденом Красного Знамени (№ 3). Выступил против политики расказачивания. Поднял восстание на Дону. Убит в 1921 году во дворе Бутырской тюрьмы.

7. Ф. Д. Марч, генерал, английский военный представитель; инициировал проведение в Риге совещание всех антибольшевистских сил региона. Было принято решение о совместном наступлении на большевиков. О формировании Северо-Западного правительства генерал Н. Н. Юденич сообщил в специальном донесении А. В. Колчаку: «Генерал Марч, представитель генерала Гоф, прибывший 10 августа в Ревель, пригласил к себе по составленному списку двенадцать человек и объявил им в присутствии военных миссий Америки и Франции, что ввиду критического положения Северо-Западной Армии он предлагает, не выходя из комнаты, к 7 часам вечера – через 40 минут – образовать правительство Северо-Западной области России, которое тут же подписало бы соглашение с эстонским правительством о совместных действиях. Если это не будет сделано, то союзники теперь же прекратят всякую помощь».

8. Мищенко Павел Иванович (1853–1918), генерал от артиллерии. Участник Туркестанских походов, командующий туркестанским ВО, затем – командир отдельной Забайкальской казачьей бригады. Во время Русско-японской войны в 1904 г. бригада сдерживала наступление японцев на Гайджоу и Сахотан, прикрывала отход русской армии к Мукдену. Во время Великой войны – командующий 2-м Кавказским армейским корпусом, затем – на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. После Февральской революции покинул армию, уехал на родину в Дагестан. В 1918 году П. И. Мищенко застрелился.

9. Родзянко Александр Павлович (1879–1970), генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения на Северо-Западе России. С 19 июня и по 2 октября 1919 года – командующий Северным корпусом, позднее переформированным в Северо-Западную Армию. У Родзянко были сложные отношения с генералом Н. Н. Юденичем, Главнокомандующим фронтом. Родзянко настаивал на наступлении из Пскова на Новгород с последующим окружением Петрограда, тогда как Юденич был сторонником скорейшего взятия Петрограда с помощью удара на нарвском направлении. Противоречия в принятии решений закончились тем, что Юденич для реализации своего плана лично вступил в командование Северо-Западной Армией. А. П. Родзянко он назначил своим помощником с производством в генерал-лейтенанты. После поражения белых Родзянко был командирован генералом Н. Н. Юденичем в Англию с целью добиться финансовой и материальной помощи для восстановления боеспособности Северо-Западной Армии. Однако он не получил ни командировочного удостоверения, ни дополнительных указаний, что сделало его миссию невыполнимой. В эмиграции в США. Похоронен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря.

10. Прюффинг – полковник Генерального штаба, начальник штаба у генерала Н. Н. Юденича. Неоднократно встречался с князем Бермондтом-Аваловым по поручению генерала Н. Н. Юденича, с требованием явиться в Ригу и дать свои объяснения о невыполнении приказов вышестоящего командира.

11. Улманис Карл (Карлис. 1877–1942), политический деятель Латвии. Получил образование в Германии и США. Один из организаторов, а впоследствии лидер «Крестьянского Союза». Возглавил борьбу против большевиков в Латвии. Возглавлял Латвийское правительство. Путем государственного переворота в 1934 году установил личную власть. После оккупации Латвии советскими войсками в 1940 году был арестован. Умер в заключении.

Юрий Мандельштам

Три статьи

РУССКИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

За последние годы во французской литературе дебютировал целый ряд наших соотечественников, большей частью под псевдонимами. Некоторые из них имели столь решительный успех и в данный момент настолько вошли в литературную жизнь Франции, что их уже нельзя считать дебютантами. Назовем несколько имен, уже известных широкой публике: Эммануэль Бов², Игнатий Легран³, Жозеф Кессель⁴. Выдвинулись и писательницы русского происхождения, среди которых на первое место надо поставить Ирину Немировскую⁵, автора нашумевшего «Давида Гольдера». Наконец, в этом году блестяще начал свою деятельность талантливый, хотя еще не вполне определившийся Анри Труайя⁶, первый роман которого недавно получил премию «популистов».

Эти успехи, сами по себе радостные, заставляют призадуматься. Не тревожный ли это знак, не симптом ли денационализации русских эмигрантов? Перейдя на французский язык, не лишили ли эти писатели русскую литературу возможных достижений? И не надо ли нам скорее грустить, чем радоваться таким явлениям? Разрешить этот вопрос совсем нелегко, но нам думается всё же, что радоваться естественнее, чем печалиться. Денационализации человеческой такие «переходы» отнюдь не означают: можно писать по-французски, оставаясь русским по существу. Вряд ли пострадала и наша литература: столь различны языковые стихии, что почти, наверное, можно утверждать, что талантливый русский писатель по-русски писать не перестанет и во французскую литературу войти не сможет. Те же, кому суждено было стать писателями французскими, вряд ли бы написали по-русски что-нибудь значительное.

За последний месяц по-французски вышли еще две книги русских авторов. Одна из них – роман, носящий несколько неожиданное название «Австралийка»⁷. Он принадлежит перу г-жи Эргаз⁸, впервые выступающей с оригинальным произведением, но уже известной

Статьи публикуются по нормам современной орфографии.

в качестве отличной и добросовестной переводчицы. Ей мы обязаны переводами гоголевского «Портрета», «Преступления и наказания» Достоевского, романов Сирина и Алданова. Дебют ее в роли романистки следует тоже признать удачным. Конечно, «Австралийка» далеко не шедевр, действие ее довольно путано, характеры героев обрисованы приблизительно, построение сбивчиво и неровно. Основная мысль автора – вера в преображающую мечту и воплощение ее в жизнь – только угадывается нами за огромным количеством психологических деталей, часто совершенно излишних. Но сами по себе эти детали очень интересны. У госпожи Эргаз несомненный психологический талант, она умеет подметить и передать мельчайшие черточки, тончайшие нюансы. Если в романе из этих черточек и не складывается цельный портрет, то можно предполагать, что впоследствии автор сумеет подчинить свое дарование сознательной творческой воле; тогда те же самые детали могут приобрести первостепенное значение. Отметим, что романистка куда лучше справляется с моментами драматическими, чем с идиллическими сценами. Во всяком случае, возможность собственного пути у нее, несомненно, есть.

Совсем иного порядка книга Пьера Брежи «Земля крайности». Вот как он сам себя рекомендует: «Меня зовут Пьер Брежи. Мои предки французского происхождения, эмигрировали в Россию во время французской революции. Сам я русский. Мои дети станут снова французами до новой революции; они эмигрируют в Германию, в Китай, может быть, опять в Россию». По профессии Брежи агроном, и в 1921 году стал директором совхоза. На этом посту он пробыл три года, пока его не «вычистили» за «буржуазное происхождение». Его книга и резюмирует его совхозные впечатления. Таким образом, она принадлежит к мемуарной литературе, и совершенно непонятно, почему Брежи иногда пробует «романизировать» свои воспоминания. Попытки «писать художественно», несомненно, снижают ценность книги, которая сама по себе не лишена достоинств. Правда, Брежи не сообщает каких-либо совершенно неизвестных фактов, не дает нового освещения, но всё же его воспоминания – лучшее свидетельство об экономической и моральной разрухе России во время революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Возрождение», № 3683, 4 июля 1935.
2. Бов Эммануэль (фр. Emmanuel Bove, настоящее имя Эммануэль Эммануилович Бобовников, 1898–1945) – французский писатель и художник русского происхождения. Входил в первый ряд французской литературы

1920–1930-х годов, был почти полностью забыт после Второй мировой войны. Стал снова известен только в 1970-х гг.

3. Легран, Игнатий (фр. Ignace Legrand, наст. имя Фердинанд Игнатий Альберт Варшавский, 1884–?) – французский писатель русского происхождения. Родился во Франции.

4. Кессель Жозеф (1898–1979) – французский писатель, автор многих романов и повестей, кавалер ордена Почетного легиона, член Французской Академии, участник Первой и Второй мировых войн, награжденный двумя крестами за боевые заслуги.

5. Немировская Ирина Львовна (фр. Irene Nemirovsky. 1903–1942) – французская писательница. Уехала из Киева в 1917 г. с семьей в Финляндию. Во Франции с 1919 года. Автор 15 романов на французском языке. Погибла в Освенциме.

6. Труайя Анри (фр. Henry Troyat, наст. имя Лев Асланович Тарасов, 1911–2007) – французский писатель, биограф, историк.

7. *Ergaz D. L'Australienne*. – Paris: Grasset, 1935.

8. Эргаз Дуся (Дарья Эргаз, Ида Михайловна, 1899/1904–1967) – родилась в Санкт-Петербурге. Дед со стороны отца был министром юстиции при Александре II; дед со стороны матери был президентом Академии медицинских наук. Отец участвовал в работе Думы. В 1919 году семья уехала из России сначала в Англию и Германию, потом во Францию. Дарья – переводчица, прозаик, поэтесса. Она была литературным агентом Набокова в Европе и представила его «Лолиту» к публикации. Автор романов «L'Australienne» (Париж, 1935) и «Bonheur mérité» («Заслуженное счастье». – Париж, 1938). После войны занималась переводами, в том числе Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Горького, В. В. Набокова, К. А. Федина и других.

«ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ» К «ДЕМОНУ»¹

Ценнейшие историко-литературные открытия – подобно ценнейшим научным открытиям – нередко делаются благодаря счастливому случаю. Любопытно, однако, что такая счастливая случайность происходит именно тогда, когда они нужны ученым, т. е. в тот момент, когда наука созрела для открытия и когда без него она в каком-то направлении не могла бы двинуться вперед. Именно такое открытие удалось сделать любителю-библиофилу В.Л. Ячиновскому², нашедшему в Париже, в эмигрантских условиях, рукопись Лермонтова, тщетно разыскивавшуюся специалистами-лермонтоведами.

История открытия воистину поразительна. В 1934 г. В. Л. Ячиновский, интересующийся редкими изданиями начала и середины прошлого века, узнал, что на аукционе в зале Друо будет производиться, среди других книг, ценнейшее издание сочинений

Лермонтова – издание Смирдина 1847 г.³, первое полное собрание стихов и прозы. Ячиновский, знавший об издании по библиографическому справочнику, оказался единственным покупателем – книга досталась ему за бесценок, за начальную ставку. Перелистав свое приобретение, Ячиновский сразу же заметил, что оно еще ценнее, чем по описаниям справочника, в книге оказался литографический портрет Лермонтова по рисунку Горбунова⁴. Однако это библиографическое открытие было вскоре отодвинуто на второй план, ибо Ячиновский заметил вложенную в книгу рукопись, судя по почерку, принадлежащую самому поэту. Наведенные Ячиновским справки установили не только подлинность автографа, но и его большую ценность для лермонтоведов: в его руки попал список так называемого «второго посвящения» к «Демону», о существовании которогоистики литературы знали, но который считался потерянным.

«Вторым посвящением» впервые заинтересовался П. А. Висковатый, один из самых заслуженных лермонтоведов. Значение этого посвящения для творчества Лермонтова вполне оправдывает этот интерес: действительно, во всех первых вариантах «Демон», носивший в большей мере характер автобиографической поэмы, сопровождался лишь одним личным посвящением В. А. Бахметьевой, урожденной Лопухиной, двоюродной сестры Лермонтова и его юношеской любви. В окончательной редакции поэма стала «восточной повестью» – и посвящение, обращенное к Кавказу, как бы делает последний одним из ее героев. Теперь это посвящение, факсимиле рукописи которого здесь впервые воспроизводятся, можно найти в любом издании «Демона». Оно известно всем. Это – знаменитые стихи: «Тебе, Кавказ, суровый царь земли».

При жизни поэта оно, однако, напечатано не было. Впервые оно появилось – в виде отдельного стихотворения – в 1844 году, в украинском литературном сборнике «Молодиц», изданном И. Бецким в пользу Харьковского детского приюта (на стр. 8-ой).

В виде посвящения к поэме отрывок был впервые помещен в отдельном издании «Демона» 1857 года, вышедшем в Карлсруэ⁵. Именно эту редакцию Висковатый воспроизвел в редактированном им Полном собрании сочинений Лермонтова 1891 года. В статье «Несколько слов по поводу поэмы 'Демон'» он объясняет свой выбор, основываясь на рассказе Столыпина Мартьянову и на письме прот. Базарова из Штутгарта к самому Висковатому.

Окончательную редакцию «Демона» Лермонтов привез в Петербург с Кавказа в 1841 году для прочтения бабушке, Е. А. Арсеньевой («За что она и сделала предупредительному внуку хороший денежный подарок»). Но по цензурным условиям поэту пришлось

выкинуть диалог Тамары с Демоном. Первые русские издания были сделаны с так называемой «придворной копии», но полный текст сохранился в двух рукописных списках, один из коих принадлежал Арсеньевой, а другой – Бахметьевой⁶. Этот Бахметьевский список был подарен баронессе Гюгель (урожд. Верещагиной)⁷, а последняя передала его в 1856 году А. И. Философову⁸, который и отпечатал поэму в ограниченном количестве экземпляров в Карлсруэ придворным типографом баденского двора Гаспером при содействии прот. И. Базарова.

Дальнейший след Бахметьевского списка был утерян⁹. «Куда девалась сама рукопись, – пишет Висковатый, – до сих пор трудно сказать. Если она не осталась забытой в типографии Гаспера, то ее еще можно поискать у наследников А. И. Философова.» Эти поиски остались безрезультатными. Полный текст, по-видимому, пропал в типографии. У наследников Философова сохранилось одно посвящение. Однако и это посвящение впоследствии ускользнуло из рук лермонтоведов. Известно было лишь, что оно находится за границей. Каким образом оно попало в томик Смирдинского издания и в зал Друо – остается загадкой. Несомненно только, что Ячиновский купил единственный уцелевший листок Бахметьевского списка.

Рукописи поэта интересны не только как историко-литературные памятники. По ним можно проследить методы работы поэта, каждая поправка помогает нам понять авторские склонности и что-то уяснить в его творчестве. Конечно, к автографу «Второго посвящения» это относится меньше, чем к другим рукописям, ибо они – не черновой вариант, а окончательная редакция. Всё же и в нем имеются авторские поправки.

Их – три. В первой строке Лермонтов изменил эпитет. Вместо первоначального «холодный царь земли» он поставил «суровый». Эту поправку можно истолковать как уточнение мысли или чувства автора.

Значительно переделана седьмая строка второй строфы. Сначала она читалась: «И я туда летал мечтой послушной» (причем вместо «мечтой» стояло «мыслью»). Потом Лермонтов придал этому стиху несравнимо большую легкость и образность, поставив: «Я в гости к ним летал».

Может быть, наиболее важная переделка относится к пятой и шестой строкам той же строфы, хотя в них всего-навсего наречие «где» дважды заменено на наречие «там». При чтении автографа, однако, ясно, сколь существенна эта замена, меняющая всю структуру строфы. Первоначальная ее неуклюжесть благодаря этой поправке исчезает, и весь отрывок становится более стройным – и по-своему даже более связным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Станица», № 32, 1940. Сс. 7-8.
2. Ячиновский Василий Лукич (1891–1949, Франция) – мичман, служил в Белых войсках Северного фронта, библиофил.
3. В 1847 г. издательство А. Ф. Смирдина выпустило двухтомник «Сочинения Лермонтова»; первый том содержал лирику, а второй – драматургию (из драм Л. тогда был известен только «Маскарад») и прозу: роман «Герой нашего времени», сказку «Ашик-Кериб», два неоконченных отрывка – «У графини В... был музыкальный вечер...» («Штосс») и «Я хочу рассказать вам историю женщины...».
4. Горбунов Кирилл Антонович (1822–1893) – русский художник, литограф, академик Императорской Академии художеств.
5. Издание «Демона», выпущенное в Карлсруэ в 1856 г. (и его переиздание 1857 г.), представляет особый интерес. Оно носит название «Демон. Восточная повесть. Сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым». Это был текст последней редакции поэмы. А. И. Философов был переписчиком, который и подготовил поэму к изданию.
6. Бахметьева Варвара Александровна, урожденная Лопухина (1815–1851), – возлюбленная поэта.
7. Верещагина Александра Михайловна (по мужу Гюгель, 1810–1873) – родственница Лермонтова: ее родная тетка по матери, Екатерина Аркадьевна, урожденная Анненкова, была женой брата бабушки Лермонтова, Д. А. Столыпина. По отцу А. М. Верещагина была двоюродной сестрой В. А. Лопухиной. По свидетельству дочери баронессы, этот листок с посвящением хранился в их библиотеке после смерти баронессы.
8. Философов Алексей Илларионович (1800/1–1874) – русский военный, генерал-адъютант, генерал от артиллерии. Известен как воспитатель младших сыновей Николая I. Был женат на Анне Григорьевне Столыпиной. Анна Григорьевна приходилась двоюродной сестрой матери Лермонтова и была его детской любовью. Философовы скончались в Париже.
9. По письменному свидетельству дочери покойной баронессы Гюгель, т. н. «Бахметьевский список» из их семейной библиотеки был утерян.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ¹
(К СОРОКАЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

В воскресенье, 3 июня, на бульваре Сен-Мишель, рядом со школой горных инженеров происходила церемония, внимания парижан не привлекавшая: прибавали памятную доску к дому, в котором 40 лет тому назад скончался Леконт де Лиль². Чествование требует присутствия официальных лиц, и к назначенному часу на бульвар Сен-

Мишель прибыл президент республики. И всё же публики собралось немного. Надо признаться: Леконта де Лиля забыли основательно. Кто из присутствовавших на торжестве понимал, что празднуют память одного из крупнейших французских поэтов? Может быть, лишь два человека, два поэта. Один из них, старейший французский писатель Анри де Ренье³, вспомнил в своей речи, как в ранней молодости, робея и стесняясь, входил в этот самый дом на прием к своему учителю. Другой поэт речи не сказал. Но слишком похожа его участь на судьбу Леконта де Лиля, чтобы он мог не подумать об этом сходстве. Ведь и Поля Валери сейчас ценят немногие, а толпа знает о нем понаслышке, как о холодном, бездушном, безупречном мастере.

Легенду о Леконте де Лиле, каким его представляют, отчасти создал сам поэт. Он хотел писать для немногих, для избранных; вкусами широкой публики он сознательно пренебрегал.

Горациевское «*odi profanum vulgus*»⁴ было девизом всей его жизни. Легкости, лирического наплыва чувств он избегал и в стихах, и в жизни. Какое ему было дело до того, считают ли его бездушным стихотворных дел мастером грубые профаны? Поэт – не истерик и не «площадей актер, играющий перед пьяницами и проститутками». Пусть лучше его называют ремесленником. Дальнейшее было предопределено: поэты-символисты отреклись от холодного парнасца (хотя многие из них в «Парнасе» начинали); академики засушили его образ, признав его «интеллектуальным поэтом»; неопарнасцы XX века превозносили его формальное мастерство. Но для всех он был «гордым креолом с лебединой душой», изысканнейшим стихотворцем, лишенным чувств. Стихов же его не читает почти никто.

Теперь, в песках прибрежных и сухих,
Под мерный шум морей,
Ты спишь среди могил, мне дорогих,
Любовь мечты моей.

Эти строки написаны не романтиком Альфредом де Мюссе⁵ и не мечтательно-нежным Верленом. Ими заключает Леконт де Лиль стихотворение «Паланкин», вошедшее в одну из самых зрелых его книг «Варварские поэмы». Читал ли кто-нибудь из врагов или поклонников его хотя бы это стихотворение? Как мог автор «Паланкина», «Христины», «Последней иллюзии» и многих других стихов того же порядка прослыть мертвенным, бесчувственным? Леконт де Лиль был не только поэтом-философом, но, в первую очередь, прекрасным лириком. Современники и потомки этого не заметили. Только историк литературы Эдмон Эстев, теперь уже покойный, заговорил об

этом с университетской кафедры. Но кто прислушивается к мнению профессора Сорбонны?

Еще одна поправка к установившемуся представлению. Леконт де Лиль совсем не был креолом, хотя и родился на острове Согласия. Его родители были чистокровными французами, поселившимися на острове в детстве. Отец его был врачом, как и дед, медицина была наследственной профессией старшего в роду Леконтов. Но на чужбине Шарль Леконт практикой занимался мало; он стал плантатором, и сахарный тростник принес ему немалое состояние. Когда в октябре 1818 года у него родился сын Шарль-Мария-Рене, он был одним из богатейших жителей острова. Туземцев Леконты чуждались. Когда брат г-жи Леконт, некий Лянюкс, женился на креолке, его родные порвали с ним всякие отношения. Этот разрыв предопределил первую драму Шарля-Мари.

Когда драма разыгралась, ему было лет шестнадцать. Он уже побывал на родине отца, в Бретани, но с островом был связан всей своей душой. Хотя он и жил в городе Сен-Пол, но тропическая природа с детства заворожала его. Так как воспитывался он дома (и, главным образом, на романах Вальтера Скотта и стихах Парни), то прогулки по окрестностям занимали почти все его время. В прибрежных тростниках проводил он часы, мечтая и сочиняя стихи, которые дома заносились в тетрадку под заглавием «Поэтические опыты Шарля Леконта де Лиля». Во время одной из таких прогулок он увидел роскошный паланкин, который несли на плечах цветные слуги, — но не креолы, а индусы: по-видимому, он принадлежал богатому владельцу. «Морской ветер играл тростниками, паланкин мирно покачивался, и я мог видеть только кончик твоей ноги». Но в другой раз он увидел не только ногу. Каждый день стал он подстерегать прогулку своей кузины, прелестной дочери Лянюкса. «Более очаровательного цвета кожи никогда не существовало на свете», — писал он позже в повести «Моя первая любовь в прозе». Но этот очаровательный цвет навсегда запрещал ему знакомство с предметом его желаний: сын Леконта не мог иметь никаких отношений с креолкой. Молодой поэт поневоле любил платонически, но любовь эта под влиянием южной природы всё же приобрела характер страстного поклонения. «Поэтические опыты» разрастались, прогулки навстречу паланкину продолжались. Прелестная креолка принимала молчаливое поклонение.

Однажды на глазах влюбленного Шарля один из индусов сбился с ноги. Госпожа Лянюкс стала кричать, грозить побоями. Какое разочарование для воздыхателя. Леконт де Лиль впервые заговорил со своей возлюбленной: «Мадам, — воскликнул он, — я больше не люблю

вас». Поэт поторопился с признанием: «любовь своей мечты» он не забыл до самой смерти...

Любовные разочарования способствуют поэтическому творчеству. Но поэту надо печататься, а для этого только один выход: поехать в Европу. Родители настаивали, чтобы Шарль выбрал себе карьеру. Он решил стать адвокатом, так как для этого его согласились отпустить во Францию. В 1837 году он отбыл в Ренн, в Бретани, где существовал юридический факультет. Жить он, впрочем, должен был в Динане у своего дяди. Жизнь эта оказалась не сладкой, Шарль грезил стихами и какой-то прекрасной Анной, а дядя обо всем этом не желал и слышать. Он торопил племянника сдать экзамен на бакалавра. К частым поездкам в Ренн относился он подозрительно; ему мерещились студенческие кутежи и разврат. Однако Шарль в Ренне не кутил и не развратничал. Двадцатилетний юноша вообще не любил шумного общества, держался в стороне от товарищей, чувствуя превосходство поэта над «непосвященными». Но гордость его смешивалась с робостью: он не решался послать куда-нибудь свои стихи. Зато когда он познакомился с другим поэтом, Руффе, он проникся к нему искренне дружеским чувством. Руффе знакомит его со стихами Гюго, Виньи, Готье – а он-то всё еще считал Парни большим поэтом. Знания и вкус его развиваются быстро, но проделать свой путь в рядах романтиков он не хочет. Он мечтает создать собственную школу. Где уж тут заниматься науками: экзамены он сдает посредственно. Но право его совсем не привлекает, и ни одного юридического экзамена он так и не сдал. Зато прослушал цикл лекций по литературе, ходил в театры, влюблялся в актрис и, главное, работал над стихами. Формой своей он недоволен; надо выработать новую, кое в чем вернуться к классикам, и непременно порвать с романтической легкостью.

В 1840 году студент Александр Никеля задумал издавать журнал «Варьетэ». Леконт де Лиль стал близок к нему и – такова уже тогда была сила его влияния – скоро сделался редактором и главливелем его. Пробует он издавать и сатирический журнал «Скорпион», но тут возмущенный дядя отказывает ему в какой бы то ни было помощи. Леконт голодает, борется с бесчисленными препятствиями и, наконец, решает вернуться на родину. Притягивает его, впрочем, не только родительский кров: на острове осталась его кузина.

Возвращение блудного сына было грустным. Диплома он не привез, плантатором быть не желал. Что ему делать на острове? Госпожу Лянюкс он не увидел. Ее уже не было на свете. Леконт де Лиль предается мрачным мыслям, и скорбно-философский ум его вдруг обращается к религии. Любовь его не погибла, раз существует

другой мир. Так прелестная креолка привела его к Богу. Познать Бога поэт может, однако, лишь познав природу и людей. И Леконт де Лиль изучает историю, которая представляется ему путем человечества к Абсолютному. Из этой философии родились его «Древние поэмы». В 1845 году один из его реннских приятелей, Вильнев, устраивает его рукопись в одно парижское издательство – и поэт снова едет во Францию, на этот раз навсегда.

Книга его, однако, не появляется. Зато он становится сотрудником «Мирной Демократии» и «Фаланги», органа фурьеристов⁶, возглавляемого Виктором Консидераном⁷. Хотя литературный сотрудник не обязан заниматься политикой, Леконт де Лиль вдруг увлекается теорией Фурье. Увлечение это недолговечно: революция 1848 г. разочаровывает его, и он политику бросает. Тогда он сходится с литераторами, сближается с «поэтом-ученым» Луи Менаром⁸, который вводит его в литературный круг «Мэтр». Теодор де Банвиль⁹ обращает на него свое внимание, Виктор Гюго удостоивает одобрительного отзыва. В 1852 г. наконец выходят «Древние поэмы», Леконт де Лиль признан опытным мастером стиха.

Среди поэтов двое заинтересовывают его лично: мрачный, болезненный Шарль Бодлер и блестящий светский молодой человек, испанский выходец Жозе Мария де Эредиа¹⁰. Оба они восстают против романтизма. Вокруг них понемногу собирается группа человек в пятнадцать, и в 1859 году выходит первый сборник новой школы «Современный Парнас». Леконт де Лиль становится главой парнасцев, пишет статьи, декретирует линию поведения. Всё же никто пока не отходит от него, даже Бодлер. В трех сборниках «Парнас» Леконт де Лиль открывает публике и новые имена – Верлена, Анатоля Франса, Ги де Мопассана. Все они рады стать парнасцами. Лишь один молодой поэт, открытый Леконтом де Лилем, упорно не примыкает к нему – Артур Рембо.

Личная жизнь Леконта де Лиля протекает одиноко и однообразно. Кроме друзей, собирающихся у него раз в неделю по субботам, он никого не хочет видеть. Были у него, впрочем, два романа, протекавших одновременно. Один из них был страстным и мучительным – но страсть длилась недолго, и Леконту де Лиллю оставалось порвать слишком банальную, безлюбовную связь. Другое его чувство было платонической, почти отеческой нежностью: не мог же 50-летний замкнутый литератор жениться на молоденькой девушке. Да и уверенности в этой любви у него не было. Не лежала ли где-то среди дорогих могил «любовь его мечты»? В разгаре страстной и нежной путаницы он пишет «Паланкин».

Другое разочарование ждет его: «Парнас» рушится. Бодлер дер-

жится в стороне, а большинство молодых сотрудников следуют за Верленом и Рембо в лагерь символистов. Эредиа, Менар, немногие другие – вот всё, что осталось от парнасской мечты. Собственные его стихи публика не понимает, не любит. Над его позой смеются. Хорошо еще, что правительство Третьей Республики устраивает его на место библиотекаря Сената: не пускаться же ему на старости лет в жизнь литературной богемы. Службу свою Леконт де Лиль воспринял как sineкуру. Никто никогда не видел, чтобы он выдал хотя бы одну книгу.

Впрочем, еще один триумф ожидает его. Виктор Гюго перед смертью завещает ему свое место в Академии. Академики выбирают его в первом туре. «Только бы не за мои формальные достоинства. Еще начнут цитировать стихотворение ‘Полдень. Король Лета’». Действительно, академик, произносивший приветственное слово, привел именно эти стихи.

Леконту де Лиллю около семидесяти. Свою славу он пережил. Но по субботам всё еще собираются у него на бульваре Сен-Мишель друзья и молодые поэты, пришедшие на поклон к «патриарху». В одну из суббот кто-то привел к нему начинающего Анри де Ренье. Старик обласкал его – не потому ли теперь, через сорок с лишним лет, вспомнил его Ренье в любовной и благодарной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Возрождение», № 3306, 22 июня 1934 г.
2. Леконт де Лиль, Шарль-Мари Рене (фр. Charles-Marie René Leconte de Lisle, 1818–1894) – французский поэт, глава Парнасской школы.
3. Ренье Анри Франсуа Жозеф де (фр. Henri-Francois-Joseph de Régnier, 1864–1936) – французский поэт и писатель, член Французской академии (1911). Автор стихов, новелл и романов. В поэзии следовал средней линии между парнасцами и символизмом, экспериментировал со свободным стихом, вместе с тем нередко обращаясь к сонетной форме и продолжая линию «песенок» в духе Нерваля и Верлена. В прозе развивал стилистику «галантного» XVIII века.
4. «Odi profanum vulgus et arceo» (*лат.*) – «Я ненавижу непосвященную чернь и держу себя вдали от неё», цитата из «Од» Горация.
5. Мюссе, Альфред де (фр. Alfred de Musset, 1810–1857) – французский поэт, драматург и прозаик.
6. Фурьерист – поклонник учения Фурье (Fourier). Шарль Фурье – французский философ, социолог, один из представителей утопического социализма, основатель системы фурьеризма.
7. Консидеран Виктор (фр. Prosper Victor Considerant; 1805–1893) – французский философ и экономист, социалист-утопист, глава школы фурьеристов;

выступал с идеей «примирения классов» путем создания ассоциации производителей. Как депутат Национального собрания Франции вносил предложение признать за женщинами избирательное право (1848). Стоял за привлечение рабочих к участию в доходах капиталистических предприятий.

8. Менар Луи-Николя (1822–1901) – французский писатель, также известный своими ранними открытиями по химии (коллодий). Занимался химией, поэзией, живописью и историей.

9. Банвиль Теодор де (фр. Théodore de Banville, 1823–1891) – французский поэт, драматург, критик, журналист и писатель.

10. Эредиа Жозе Мария де (José-Maria de Heredia; 1842, Сантьяго-де-Куба – 1905, Иль-де-Франс) – французский поэт кубинского происхождения. Учился во Франции.

Публикация, комментарий – Елена Дубровина

«Меря жизнь гармонией небесной...»

Письма Бориса Чичибабина к Полине Брейтер

Часть 1. 1976–1978

Со дня смерти Бориса Алексеевича Чичибабина (1923–1994) прошло ровно двадцать пять лет.

«Мне надо помолиться», – сказал он, когда ему стало плохо. И это, насколько мне известно, были едва ли не последние его слова, сказанные на земле. Дальнейшее – молчание... А впрочем, почему молчание? Разве не говорил он с нами все эти двадцать пять лет? Разве и сегодня не говорит он с нами? Разве не продолжают звучать стихи, которые при жизни автора так долго, до самой перестройки, распространялись только в рукописных тетрадках и машинописных копиях и которые так щедро издавались и продолжают издаваться все 25 лет после его смерти? Разве не звучат сегодня его мысли, его размышления о Главном, как любил он говорить?

У каждого человека есть что-то, о чем он вспоминает как о самом большом своем счастье в жизни. Для меня таким самым большим счастьем была дружба и переписка с поэтом Б. А. Чичибабиным. Мне посчастливилось слушать и слышать Бориса Алексеевича много раз. Задавать ему свои вопросы, получать ответы, дерзать не соглашаться с ним и дискутировать, но главное – учиться у него, вслушиваться в его мысли, вчитываться в его письма. Они всегда были радостью и праздником, о чем бы он в них ни говорил.

«Значительной и интересной» назвала нашу переписку вдова поэта Л. С. Карась-Чичибабина. И она действительно была и значительной, и интересной. Ведь это не бытовая переписка, а эпистолярные размышления о том, что поэт Чичибабин считал важным и существенным. По сути, это эссе на самые разные темы, и они, несомненно, представляют собой ценность и как литературный, и как человеческий документ.

В 2013 году в московском издательстве «Время» вышла книга Б. Чичибабина «Уроки чтения», составленная по материалам этих писем. В книгу вошли фрагменты писем о литературе и писателях.

А начиналась наша переписка в далеком 1976 году после того, как Борис Алексеевич и его жена Лиля гостили у нас в Одессе...

Полина Брейтер

26 октября 1976

...А мы приехали – и сразу окунулись в суету. Уже на следующий день нужно было идти в гости. А еще через пару дней была комсомольско-показательная свадьба – женился мой племянник – в помещении институтской столовой, с музыкой и речами. Музыка, кажется, даже была электронная. Потом пошла работа, служба, да еще беда – Лиля уже три раза была в колхозе. Оказывается, пока мы легкомысленно и безыдейно проводили время нашего отпуска, в оставленном нами Харькове происходили исторические события. Трудящиеся области пообещали государству (в официальном, всенародно опубликованном письме) собрать какое-то небывалое количество сахарной свеклы, и, может быть, в тот самый день, когда мы так безответственно шатались по одесскому «привозу», в Харьков приезжал сам Щербицкий¹ благодарить население от имени еще более высокого лица. Ну, письмо-то написать написали, такие письма в обкомах пишутся, а погода взяла и подвела. Кто ж мог ожидать, что ударят холода в октябре? И вот с разных работ на весь месяц услали на поля ни много ни мало, а 28 тысяч народу, это на целый месяц, а оставшихся мало-помалу посылают каждый день, вот так и Лилю посылали – один раз в рабочий день, а два раза в субботу; у них, правда, что хорошо – что отгулы дают. Вот такие у нас дела.

Среди всей этой суеты мы успели посмотреть «Зеркало» Тарковского, о котором пока еще ничего сказать не можем, вернее, можем сказать с уверенностью, что фильм безусловно великий, едва ли не гениальный, но, по всей вероятности, «не наш» (есть у нас с Лилей такие слова – «наш» и «не наш», то есть, близкий и нужный нам или не очень близкий и нужный). «По всей вероятности» – потому что ни одного фильма Тарковского мы сразу не приняли, понадобилось какое-то время, так было и с «Рублевым», и с «Солярисом». В отличие от них, «Зеркало» – фильм почти камерный, в какой-то мере автобиографический, исповедальный: это история женщины, точнее, двух женщин, которых играет одна артистка и которые «зеркально» повторяют судьбу друг друга, – матери героя, когда-то оставленной мужем, и его любимой, которую он сам оставляет, причем сам герой в кадре ни разу не появляется, слышен только его голос. Вся эта история разворачивается отдельными кусками жизни, внешне вроде бы ничем не соединенными, на фоне событий века: 37-й год, Испания, Отечественная война, наши дни и пр. Понять все это – не сюжет, а смысл – с одного раза просто невозможно, но о фильме хочется и интересно думать.

Сдуру через какой-то промежуток времени мы посмотрели

«Рабу любви»², о которой думать совсем не хочется и которую мы никому смотреть не советуем...

Теперь мы будем ждать Вашего письма. Передавайте привет и любовь тете Лизе и всем, кого мы узнали благодаря Вам. Не грустите, не тоскуйте.

Ваши Лиля и Борис

1. В. В. Щербицкий – советский партийный государственный деятель. С 1972 по 1989 гг. – Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Украины.

2. Фильм Н. Михалкова, 1976.

7 ноября 1976

...Как бы мне хотелось передать Вам мое умение принимать все временное, суетное, житейское – ежедневную службу, КГБ, военкомат, милицию, дачу – где-то на уровне кожи и верхних нервных окончаний, чисто механически, сразу же забывая об этом, как только кончилось и можно вернуться к мысли, книгам, мечтам. Может быть, Вам поможет Ваша Индия, а может быть, Вы и так уже умеете это, как было б хорошо!

Простите, что я так много пишу о себе, пожалуйста, поверьте, что это не из-за самовлюбленности, а всей душой желая помочь Вам, а помочь я могу только тем, что есть во мне, что я знаю и могу, – но, Вы знаете, даже 5 лагерных лет не оставили во мне никакого следа, ни «лагерных слов», ни «лагерных мыслей», и мне всегда неловко встречаться с людьми, которые, как и я, были там, мне всё кажется, что они принимают меня за самозванца, потому что я не могу разделить с ними их память, а я и в самом деле ничего не помню оттуда.

Прочитанная книга, встреченный друг, какая-то мысль, пришедшая в голову, увиденные города, деревья для меня в сто раз реальнее, значительнее, памятнее всего, что было со мной в лагере, или всех вызовов во всякие неприятные учреждения, или всех неприятностей на службе и дома. Причем именно из-за этого, потому что я такой, всё это для меня не легче, а труднее, чем большинству «нормальных» людей: мне мучительней, неестественней, чем, например, даже Вам, разговаривать с начальством, ругаться с врагами и близкими, просто «общаться» с сослуживцами, и я знаю, что со стороны я выгляжу при этом жалким, наивным, неумелым, – но мне и трудней, и легче, потому что всё это меня как бы и «не касается». Как было б хорошо, здорово и радостно, если бы, не беря, конечно, моей жалкости и

«теряемости», Вы сумели бы перенять у меня это умение относиться к неизбежному суете и низменности жизни, не обременяя и не ранив душу, да Вы и должны это уметь, ведь это, вероятно, и есть то, что Вы называете «жить в Сказке», только это не сказка, а Реальность, и, наоборот, все эти жэки, соседки, начальники – всего только сказка (с маленькой, конечно, буквы) – жуткая, дурацкая, бездарно выдуманная кем-то, пошлая сказка. Да, плотные, грубые, сильные – но не живые, не настоящие, Вы ведь это знаете. Дай Вам Бог и всегда знать, и ни на секунду не забывать. Вы скажете: «От этого не легче», – неправда, легче. Должно быть легче.

Мне очень хотелось бы написать Вам о превосходном фильме, который мы недавно видели, и о еще более превосходном человеке, поставившем его (он приезжал к нам на премьеру фильма), но Вы не видели ни одного фильма Отара Иоселиани, и поэтому я ничего Вам пока не напишу. Если Вам попадется где-нибудь фильм «Жил певчий дрозд», я Вас очень прошу, постарайтесь его посмотреть, и тогда я расскажу Вам об авторе и его последнем фильме, который вряд ли выйдет на всесоюзный экран¹.

Раз зашел разговор о кино, я хочу подарить Вам все мои любимые фильмы², всё великое, значительное и прекрасное, что принесло людям неожиданное искусство кино. Его внезапность, отверженность и наглость, его «массовость», зависимость, с одной стороны, от контроля властей и господствующей идеологии (гораздо большая, чем у литературы или живописи: ведь на кино отпускаются деньги – государством или богатыми людьми, оно не только искусство, но и промышленность), с другой – от вкусов черни делает его неприемлемым для какой-то части умных и зорких людей, и в этом есть резон. В то же время киношники, и тоже не без основания, считают, что величайшие, самые чуткие и щедрые художники нашего времени, наши Рембрандты, Шекспиры и Толстые, могут раскрыть, проявить, выразить себя именно в кино: ведь были же эпохи архитектуры, живописи, музыки, романа, вот теперь эпоха кино. Я не стану дарить Вам классических шедевров этого искусства: все равно Вы их не сможете увидеть, их изредка показывают в специальных кинотеатрах, и по преимуществу в Москве, – но вот сейчас мы купили и у нас пойдут несколько лент Чаплина. «Цирк» Вы уже пропустили – и напрасно, это не тот глупый Чарли, которого показывают по телевизору, а настоящий Чаплин, тот, которого любил Олеша и который совсем неплохо чувствует себя даже в компании Данте и Сервантеса, трогательный, трагический, нежный и мудрый Чаплин. Среди купленных картин, скорей всего, выйдет на экраны не лучшая – «Король в Нью-Йорке», но впереди еще «Золотая лихорадка», включенная в список

десяти лучших фильмов всех времен (есть такой), «Огни большого города» и, может быть, еще что-то. Постарайтесь их увидеть. Мне хотелось бы подарить Вам несколько любимых и великолепных картин мирового кино, которые мне повезло увидеть: фильмы Феллини, несколько жестоких и добрых фильмов Куросавы (даже в нашем «Дерсу Узала» видны его величие и религиозность), «Земляничную поляну» Бергмана, несколько польских фильмов – Вайды, Кавалеровича и особенно «Структуру кристалла» Кшиштофа Занусси (в нашем прокате он шел под названием «Размышление»).

Ну и, конечно, мне хотелось бы подарить Вам несколько отличных отечественных фильмов – естественно, что я видел их больше всего и лучше всего знаю. Пропуская великую классику, я хотел бы подарить Вам ленты двух любимейших моих режиссеров старшего поколения – уже покойных Ромма и Козинцева. У Ромма я подарил бы Вам три лучших, на мой взгляд, картины: «Мечту», «Обыкновенный фашизм» и «Все-таки я верю» (последний его фильм, законченный уже после его смерти Хуциевым и Климовым), а у Козинцева, кроме «Дон Кихота», – оба шекспировских фильма. Я хотел бы подарить Вам потрясшие меня в разное время «Июльский дождь» Хуциева, «Вступление» и «Дневные звезды» Таланкина и маленькую и красивую ленту Образцова (кукольную) «Удивительное рядом». Я подарил бы Вам имевшие обильную и шумную прессу фильмы Глеба Панфилова с Чуриковой – «В огне брода нет» и «Начало» (последнего фильма «Прошу слова» я еще не видел) и прошедшего совершенно незамеченным «Фокусника» Тодоровского.

Я знаю, что Вы любите «Айболита-66», – и все-таки дарю Вам этот фантастически, сумасшедше талантливый фильм изумительного Быкова, и дарю Вам, не зная, как Вы к ней относитесь, швейцеровскую экранизацию «Золотого теленка», которая показалась мне печальнее и глубже не любимой мной книги.

Вместе с этими двумя комедиями я подарил бы Вам еще целую серию хороших и умных комедий, неожиданно появившихся в последние десятилетия на наших экранах. Самые лучшие из них – это «Берегись автомобиля» Рязанова и «Не горюй!» Данелия, но это еще и «Зигзаг удачи», и «Тридцать три», и «Афоня», и «Белое солнце пустыни», и «Ожерелье для моей любимой», и «Мелодии Верийского квартала». Я подарил бы Вам все фильмы великого режиссера Андрея Тарковского и полную горечи и грусти «Осень» Андрея Смирнова, его второй после «Белорусского вокзала» фильм, который мы со своим клубом ездили смотреть в Белгород, потому что в украинском прокате его не будет, и который Вам начинала, но так и не

успела пересказать Лиля, и тоже очень грустного «Пирсмани» Шенгелая, лучшую кинобиографию, которую я видел.

1. Фильм Отара Иоселиани «Пастораль».

2. Когда Борис Алексеевич и Лиля гостили у нас в Одессе, я водила их по городу, показывала любимые места, заводила в любимые дворики – «дарила» им свой город. В своих письмах Борис Алексеевич тоже щедро «дарил» мне свое любимое – писателей, поэтов, стихи, книги, кинофильмы.

23 ноября 1976

...Я поторопился признаться в преклонении перед силой духа как перед единственной из сил, достойной преклонения. Как будто, когда мы пытались спорить в Одессе и я говорил, что не люблю и боюсь Силы, я имел в виду какую-то другую силу, уж не физическую ли, тогда о чем бы спорить? Я, наверное, путаю силу духа и силу воли, интеллекта, души, силу деятеля и действующего. Но разве это не одно и то же, и если не одно, Вы умеете отделить и разграничить? Я не умею.

Вы знаете, то ли потому, что больше всего на свете и всегда и единственно любя книги, искусство, мечты и мысли (а все это предметы любви несильных людей), я и сходить-ся старался с одиночками, думающими, знающими и любящими то же, что и я, то ли так уж мне везло и так уж выходило в моей жизни, но среди близких мне людей сильных или хотящих быть сильными не было, я никогда не тянулся к ним, по возможности избегал, а если уж нельзя было избежать, то никогда не подпускал их к своей душе и думал о них чаще всего с неприязнью и уж всегда с отталкиванием и без восхищения.

...Это не игра словами, не словоблудие. Это важно для меня, и, думаю, не только для меня, потому что имеет отношение к Пути, к Истине.

Можно ведь и так повернуть, это лежит на поверхности, можно сказать, как и попытался было сказать Саша (Ваш), да мы уж слышали эту песню, что из двух качеств – силы и слабости – безнравственна и безусловно безнравственна именно слабость, что в ее доброте, смирности и кротости нет величия и подвига перед Богом и людьми, что это вынужденные, невольные, безусильные доброта, смирение и кротость.

У Силы есть подвиг выбора и подвиг отречения, отказа, самоограничения, ей есть что смирять и укрощать, а раскаяние грешника

милее Богу, чем незапятнанность праведника. Всё это правда или похоже на правду (как, впрочем, всё, что может быть сказано или написано словами). Ну а теперь подставьте-ка вместо слов «вынужденные», «безусильные», «невольные» слово «естественные» и подумайте: не истиннее ли это? – и, положа руку на сердце, можете ли Вы подумать или вообразить, что для Силы смирение и кротость естественны (для силы духа, конечно, ибо физическая сила, особенно чрезмерная, огромная, как раз часто бывает добродушной и кроткой, и глуповатой, правда?)? У Силы много апологетов и воспевателей. У Григория Соломоновича Померанца¹, которого я во многом и главным считаю своим Учителем и на которого, как и на его жену Зину Миркину², молюсь, есть превосходная статья о «неэвклидовом» разуме у Достоевского, изящная и глубокая, весь смысл которой неизмеримо глубже и больше, но в которой тоже очень доказательно, со ссылками, между прочим, на буддийские тексты и предания (он – специалист и знаток), убеждающе проводится всё та же идея Силы, Подвига, Искупления и т. д. Я люблю эту его статью, как люблю каждое написанное или сказанное ими обоими слово, но я и сейчас все-таки не понимаю, зачем непременно убивать старушку (или проливать кровь на большой дороге или в темном лесу, или обижать слабого, или развратничать).

Ладно, я боюсь, что Вам это уже, правда, неинтересно... Никаких выводов я не делаю, да и пока живут люди и думают об этом, никто не сделает, а чтобы поскорей покончить с этим, еще напишу, что боюсь и не люблю я не Силы, а Дела, Действия, в котором только и может высказаться, выразиться, выявиться Сила. Силы без Дела не бывает, без Дела она превратится в слабость, переродится. Дело же, по моему глубочайшему пережитому, продуманному и прочувствованному убеждению, всегда если и не зло, то суета и соблазн, хотя бы потому даже, что оно не вечно; плоды Дела могут принадлежать Вечности, само же оно преходяще, временно, сиюминутно. Вопреки Фаусту, я думаю, что «В начале было Слово» истинно и хорошо. Слово – не просто слово, сказанное или запечатленное, а и словотайна, слово-Дух. И, вероятно, для меня правильной было бы делить людей не на сильных и слабых, а на людей Дела и людей Слова, опять-таки относя к Слову и созерцание, и тайну, и мудрость, только б не Дело...

1. Г. С. Померанц (1918–2013), философ, культуролог, писатель. Его довоенные работы были посвящены творчеству Ф. М. Достоевского (не опубликованы по политическим причинам); кандидатская диссертация была посвящена течениям восточного религиозного нигилизма; после того, как Померанц выступил с защитой участников

демонстрации 25 августа 1968 г. против введения советских войск в Чехословакию, защиту отменили. Позднее режиссер Андрей Тарковский использовал материалы диссертации для работы над фильмом «Сталкер».

2. З. А. Миркина (1926–2018), переводчик, литературовед, поэт. Жена Г. С. Померанца.

28 декабря 1976

Дорогой друг! Древние, святые и милые зимние праздники и всей нашей цивилизации, пусть и невнятно, всё еще говорят о вечном и обещают чудо, и всеми людьми этой цивилизации особенно жданы и любимы своей подлинной праздничной сказочностью, «детской» неприуроченностью к случайным и сомнительным годовщинам недобрых человеческих дел. Для Вас же, единственной из наших друзей и близких, этот Новый год воистину нов и, еще не начинаясь, уже победен и радостен, потому что начинается на новом месте, а это вовсе не пустяк. Пусть же он и продолжится для Вас светлым, чистым и счастливым, а мы от души поздравляем Вас с Рождеством, с наступающим (или наступившим, если письмо опоздает в дороге) Новым годом, с новосельем и со всеми Вашими победами и полетами. Поздравляем и желаем доброго здоровья и счастья тете Лизе и всем общим знакомым.

Мы собирались – и обязательно нужно было написать большое письмо, да всё не было времени, на работе сейчас не бывает ни минуты свободной, а после работы тоже были всякие встречи, радостные и нерадостные, нужные и ненужные.

Вы прекрасно придумали писать свои письма неторопливо, свободно и долго, с перерывами во времени и мыслях. Я тоже попробую писать Вам так. А вот это неизбежно будет писаться торопливо и наспех, и Вы, пожалуйста, простите нас за эти опоздание и спешку.

Ваше длинное, умное, прекрасное письмо полно вопросов, которые – мы понимаем – Вы задаете не нам и ответить на которые нельзя (нельзя, кстати, не потому, что ответов на них нет, – ответы есть, и Вы их сами знаете, но как тот мальчик из Вашего письма, что держит Вас за руки и заглядывает в глаза, не хотите их, потому что они для Вечности, а Вам нужно на сейчас). Я и не буду пытаться, а просто попробую поделиться некоторыми мыслями так, как они сейчас будут приходить в голову.

По поводу одних народовольцев можно было бы говорить и спорить несколько ночей. В Одессе, если бы зашел о них разговор, я сказал бы (да, кажется, что-то подобное и говорил) просто, что не люблю их. Тогда я еще не знал Вашего «уровня» и еще очень боялся огор-

чить Вас, и такое категорическое признание в нелюбви (я еще мог бы добавить – «в противоположность декабристам») для меня тогда было бы вполне достаточным. Сейчас я понимаю его недостаточность, но для того, чтобы объяснить, потребовалось бы не несколько строк письма, а большая статья, может быть, книга.

Мы с Вами читаем разные книги¹, и те, что читаем мы (это наше счастье, случай, которого могло бы и не быть), Вам просто недоступны. В прочитанных же Вами излагается одна точка зрения и написаны они с одних и тех же позиций².

Большинство из народовольцев были, по всей вероятности, прекрасные люди, святые, и тем не менее все они объективно принесли стране, народу, истории колоссальное, непоправимое зло. Беда не в том, что все они поставили служение земному, временному, внешнему выше и первее служения вечному и глубинному, это-то понятно и неизбежно, а в том, что из своего служения они сделали культ, навязав его нескольким поколениям русской интеллигенции, ослепив и погубив духовно цвет и соль России на целую историческую эпоху. В этом отношении последующее революционное поколение, являясь внешне их противниками и отрицателями, было по сути прямым наследником и продолжателем. Вам, наверное, трудно будет с этим согласиться сразу, и, может быть, мы еще вернемся к этому разговору. Не знаю, помните Вы или нет, у меня были стихи «Вся соль из глаз повывекала...» о людях, которых я не очень точно и очень широко называю «физиками», там есть такие слова: «Вы сделали достойный вывод, что эти славные дела людское племя осчастливят, на зло накинута удила». Вот это можно прямо адресовать героям «Нетерпения»³, хотя, когда я писал эти стихи, думал не о них.

В своем письме Вы мимоходом, к слову, упоминаете о том, что Ваше «Самое» с некоторых пор видоизменилось и даже переменялось. Это сказано не очень вразумительно, но Ваша обмолвка насчет «видоизменения» очень неслучайна.

Простите мне, если я ошибаюсь (что, в общем, было бы вполне естественно), но мне кажется, что одно, прежнее, Ваше «Самое» еще очень живо в Вас, а другое, открытое, еще не стало единственным истинным, перечеркивающим прежнее. Поэтому и две столь неравноценные книги в двух Ваших руках⁴ и поэтому мука – как совместить. Но ведь Ответ есть во всех Священных книгах всех великих религий: ответ этот в том, что отвечать на зло должно только добром, отвечать на зло злом нельзя, это только порождает новое и умножает прежнее зло. Пророки обличали Словом Истины, но не поднимали меча и не проливали крови. Существует, правда, много красивых

легенд (а может быть, и даже наверняка, это и не совсем легенды) о новообращенных людях большой физической силы, которые – а дело происходит в первые годы христианства, во времена страшных и жесточайших гонений, мучительств и казней, – проникшись духом веры, долго терпели от своих мучителей поношения, истязания, надругательства и, подавив в себе гнев, сносили это все с кротостью и добродушием, но потом не выдерживали и пускали в ход свою богатырскую силу и поражали десятками и сотнями своих истязателей. Легенды эти очень утешительны и, повторяю, красивы. Вам бы они пришились очень по сердцу, но они апокрифичны, по сути своей языческого происхождения и прямо противоречат духу Евангелия. Я уж не говорю о буддизме, который не только Дело, но и Желание считает соблазном и злом, от которых нужно уметь отказываться. Другое дело, что все мы люди, и смиряться перед злом – это еще большее зло, и поэтому вопрос, как совместить, всегда будет стоять перед людьми. И все-таки воевать со злом можно только в сфере Духа, не выходя из нее, – словом, поведением своим, примером своей жизни, в крайнем случае, отдавая на жертву себя, но не принося и не требуя (и не желая) других кровавых жертв.

О силе я, и когда писал Вам, знал, что пишу неточно, потому что и в Одессе мы уже почти договорились, что мы чуть ли не одно и то же называем, Вы – силой, а я – слабостью. Сейчас я подумал еще вот что, может быть, немножко уточняющее. Вы, наверное, знаете, что в теологии существуют понятия не только Тела и Души, но еще и Духа. Я никогда не разбирался в этих теологических тонкостях и премудростях (думаю, что мне это – на моей тропинке – и ни к чему), но по-своему, «по-детски», «по-дурацки» понимаю это так, что Душа – это всего-навсего наш внутренний мир, мысли, чувства, подсознательное, то есть сама по себе Душа не обязательно нравственна и, тем более, совсем не религиозна. Дух же – это высочайшее и глубиннейшее Души, ее нравственное и религиозное. Можно еще, наверное, сказать, что если Душа – это духовное Тела, то Дух – духовное Души, проявление в ней Бога. Душа может быть доброй и злой, светлой и темной, Дух – только Добро и Свет. Так вот, если вернуться к разговору о силе, то я признаю единственно доброй и святой силу Духа, не с маленькой буквы силу духа, потому что в житейском обиходе силой духа мы называем одно из проявлений душевных сил: сил разума, воли, чувств, творческих возможностей и т. д., но с большой – силу Духа, силу Святого Духа, силу кротости, доброты, смирения, жертвенности. Именно эту силу и можно увидеть как слабость.

Я думаю, мне так видится, что Иисус был героем только в глазах тех, кто шел за ним, той, при жизни его, горсточкой, которая поверила

ему и видела в нем силу, и красоту, и правоту, и мудрость, в глазах же большинства тогдашних людей он был слабее слабого, юродивым, блаженненьким, ничтожным и жалким проповедником. Ведь время-то было Рима, Державной Силы. Это в Средние Века он был бы героем для многих, для большинства, а тогда – нет. И вот только эта Сила и есть несущая Добро, всякая иная – от лукавого. Дело не в том, что сила обязательно приносит или может приносить зло ближним, но ведь грех – это не только то, что приносит зло ближнему, грех – это и то, что умаляет, унижает, губит собственную душу, что мешает исполнить назначение и долг, и в этом смысле всякая сила грешна и греховна. Кроме единственной Той.

Я, должно быть, очень неумело попытался рассказать Вам о моем «добром Средневековье» и не смог передать Вам своего видения и понимания. Впрочем, Бог с ними, история литературы Вас мало интересует. Но мне грустно, что Вас не соблазнили – по крайней мере, Вы оставили без внимания, – мои слова о том, что в эту эпоху Европа была ближе всего к Вашей любимой Индии. А между тем это не моя выдумка. Вы вообще очень неохотно принимаете то, что входит в противоречие с Вашим сложившимся, тут Вы всячески изворачиваетесь и лукавите. Вы ведь сами догадались об «уемности» и «мерности» в делании добра и все-таки хотите спорить и дальше. Да ведь само по себе делание добра как дело, как занятие, то есть если сказать себе: мое назначение в мире, мое призвание – делать добро людям, – это ведь тоже дьявольский соблазн, как и всякое дело, как писание стихов хотя бы.

Нельзя из делания добра делать профессию, то есть, наверное, можно, но это тоже профессионализм, то есть порок, то есть грех. Нужно думать о своей душе, ее растить и слушать, и слушать Дух, а его голос слышен только в тишине. Ищите Царства Божия, а всё остальное дастся Вам. Делание добра не может быть ни путем, ни целью, оно должно быть естественно и незаметно, как дышать, без упоения и гордыни. Тем более, что, еще раз скажу, не дано человеку знать, что есть добро и где есть добро для ближнего твоего, – по крайней мере, не всегда и не часто дано.

А вот то, о чем спрашивает Вас мальчик, который держит за руки и заглядывает в глаза, как раз прямого отношения к глубинному пути и не имеет⁵. Это ведь житейские вещи, и медлить с ответом, говорить о глубине не имеет особого смысла. Я бы только сказал ему, что в любом случае из всех голосов, которые говорят внутри него, того, который громче других, и настойчивее, и соблазнительнее, и уговорчивее, вот того-то и не надо слушаться ни в коей мере, потому что это голос эгоизма. И тут слабость праведнее силы. А больно кому-то всё

равно будет, так пусть будет ему и еще тому, кто понимает или поймет. Понимающему легче, боль не меньше, но легче. Ребенок годовиков до двух воспринимает все предметы как живые и враждебные: он упадет – и плачет, ударится об стол или табуретку – и плачет, плачет не только от боли, но еще больше от обиды и злости на эти живые и враждебные пол и табуретку. Ему говорят: «плохой стол, бяка стол, побей его», он побьет и перестанет плакать. Взрослый человек падает и ударяется, и ему еще больней, потому что кости уже не те, но он знает – и не плачет. Вот такие дела.

Простите за торопливость и небрежность этого письма. Времени на исправления и отделку уже нет. Наверное, я не на все Ваши вопросы попытался ответить, наверное, что-то пропустил, за это тоже простите. На Ваши письма отвечать интересно и хочется. И еще очень хорошо Вы написали про свою деревню. Радуемся за Вас и немножко завидуем. Оставайтесь счастливой, раз Вы уже и так счастливы, берегите и растите это счастье. Еще раз, с Новым годом, с Рождеством – с елкой или без елки, это не так уже важно, было бы празднично и свято в душе. Пишите, пожалуйста. До следующего письма.

Ваши Лиля, Борис

-
1. Борис Алексеевич имеет в виду, что они с Лилей читают самиздатские книги.
 2. Борис Алексеевич находился под надзором КГБ, его переписка перлюстрировалась, и он старался проявлять в ней некоторую иносказательную осторожность.
 3. Роман Ю. Трифонова «Нетерпение» о жизни и деятельности Андрея Желябова и других народовольцев вышел в 1973 году.
 4. Юрий Давыдов, «Глухая пора листопада» – роман о распаде народовольческого движения в России. Ауробиндо Гхош – самодельное собрание произведений. Книги этого индийского философа в Советском Союзе тогда не издавались.
 5. Речь шла об эмиграции. Родители настаивали на выезде в Израиль. Любимая девушка категорически отказывалась.

Январь 1977

А теперь несколько отрывочных мыслей, совсем не окончательных и – упаси Бог – не категорических, вызванных Вашим последним письмом. Вы пишете о любви к людям. Я сказал бы по-другому. Я не знаю, надо ли любить людей. Я сказал бы, что надо любить Бога в людях, Святого Духа в людях. Это не одно и то же.

Я как-то мимоходом и вскользь написал Вам о гуманизме, что, может быть, это и не так уж хорошо – гуманизм. Вы тогда не услы-

шали и не поняли меня, это совершенно естественно, и опять-таки из-за того, что мы читали разные книги. Вы ответили тоже мимоходом, что гуманизм может быть разный – плотский и духовный.

Но дело не в этом, дело в том, что гуманисты эразмовского (ролановского!) толка любят именно людей, они исходят из того, что человек первоначально добр, а злым его делают обстоятельства, условия и т. д. Гуманисты верят, что если освободить рабов, накормить голодных, излечить больных, научить неграмотных грамоте, то все остальное (а остальное – это, по-видимому, то самое царство Божие) приложится, образуется, устроится само собой. Не может же быть свободный, здоровый, сытый, грамотный человек злым и несчастным.

А мы сегодня знаем, что может.

Больше того, мы знаем, что несвободные, насытые, неграмотные люди были добрее, нравственнее и – ей-Богу же – умнее освободившихся, нажравшихся и получивших даже высшее образование.

Я не верю, что человек по своей природе добр и светел, я не верю, что он рождается с Богом, с Духом Божиим. Бога нужно выстрадать, вырастить, заслужить. А слова «выстрадать» гуманисты очень боятся.

Если Вы сами пойдете дальше, додумаете до конца, Вы придете неизбежно к очевидной мысли, что гуманизм, всякий гуманизм, принципиально антирелигиозен (если даже гуманисты говорят о Боге и ходят в церковь).

Я как-то сказал, что не люблю людей. Это и правда, и неправда. Я люблю их в том смысле, что всем в себе знаю, что они, в общем-то, такие же, как я, что им так же больно, грустно, одиноко, радостно и т. д., как и мне, и поэтому я не желаю им зла – войны, мора, рабства и опять-таки и т. д. Но я не могу любить всех людей или даже многих людей так, как я люблю Христа, или Пушкина, или хотя бы как своих друзей. Это было бы кощунством и мерзостью. И это не может быть нужно Богу именно потому, что кощунство и мерзость.

А вот Бога в человеке (если Он только есть там, пусть задавленный, распятый, неузнанный, но лишь бы не убитый, не уничтоженный) можно и нужно любить одинаково – в любимой, в Пушкине и в последнем пошляке, в насильнике, в убийце.

Но ведь нужно же, чтобы Он был. А если Его нет (а ведь это сплошь и рядом бывает)? Что тогда любить? Плоть? Мясо? Пустые и мутные глаза (я видел такие), которые никогда не зажгутся ни состраданием, ни жалостью, ни раскаяньем? Руки, которые могут задушить или изуродовать просто из-за удовольствия и скуки?

Да и зачем брать такие крайности? А просто подлецы, подонки, которых полно всюду и везде, в которых никакой силой не воскресить (не пробудить?) души, – почему, за что, во имя чего любить их?

Поэтому мне кажется несколько преувеличенной Ваша тоска (тоска всех гуманистов) по поводу того, что люди не слышат друг друга. Для того, чтоб услышать, надо, как минимум, чтобы было что слышать. Конечно, ужасно, когда «свой» не слышит «своего». Но ведь такое случается нечасто; как правило, единомышленники всегда находят друг друга. А слушать всех и всё?..

Мы с Вами в этом, наверное, разойдемся, но мне, например, совсем не хочется слушать героиню «Белой стены»¹, мне неинтересно ее слушать. Я понимаю, что это не совсем о том, о чем с такой тоской вырвалось у Вас. Человеческая разобщенность, всеобщее одиночество (у меня в стихах: «все одиноки – без уединенья»), конечно, есть и в наше время воспринимаются особенно мучительно и болезненно при всеобщей скученности «впритирочку». Об этом много пишут и говорят, но, на мой взгляд и слух, тут и путаницы много.

Любить людей, всех людей, как хотите Вы, любить Бога в людях, как назвал бы это я, легче всего, удобнее всего (ужасные слова, Вы можете заменить их более уместными) в одиночестве, в уединении, в пустыне. Кстати, и слышать их лучше там же, потому что как же услышать в шуме и суете.

В старые, почти уже сказочные времена люди, ощущавшие в себе силу любви ко всем людям, удалялись в пустыню: в леса, в скиты, в кельи – и там молились за всех людей. В миру, среди людей, видя их постоянно перед собой и слыша их ложь и злость, это удавалось гораздо хуже. В наши времена пустыни не найдешь, значит, нужно создавать ее внутри себя. Видите, как получается: для того чтобы полюбить, нужно уйти, защититься, обрести одиночество и свободу. Не верите? А Вы попробуйте, проверьте.

Думать о любви к людям трудно и страшно. Страдание необходимо людям. Но ведь любимых так естественно хотеть уберечь, защитить от страданий. Вот вам еще одно противоречие, еще одно «как совместить?». Сейчас много кричат о мире, громче всех – самые плохие, самые страшные люди. Я пережил войну, это, конечно, очень страшно. Но ведь и все лучшие качества душ раскрывались в то время, как никогда потом. Видите, до чего можно додуматься, дописаться.

Не смотрите на меня как на чудовище. Когда я молюсь перед сном, я всем желаю добра и счастья. Я никому не хочу ни войны, ни болезни, ни тюрьмы. Но я, например, обрел высшую душевную, духовную свободу именно в тюрьме, и никогда потом я уже не был так полно свободен. Так, может быть, когда мы хотим «всем людям добра и счастья», в нас говорит наследие неизжитого, нерелигиозного гуманизма? Но ни у кого же не повернется язык пожелать страдания.

А знаете, почему это кажущиеся противоречия? Потому что к Богу у каждого путь свой и единственный, и только для себя. Он включает любовь ко всем, любовь к Богу во всех, но выбирать могу я только для себя одного и желать страданий и не уклоняться от них могу только себе, только для себя. И только так, в моей духовной пустыне, в моем единичном, единственном можно добиться того, что «я» перерастет (перерастет ли? может быть, какое-то другое слово, потому что перед Богом «мы» не больше чем «я») в «мы», как Вы хотите. Но насчет «я» и «мы» мы еще будем разговаривать, потому что тут я еще плохо Вас слышу.

А вот когда Вы в вымышленном споре со мной говорите, что и слово может быть злом, тут Вы меня плохо услышали. Господи, да конечно же, сплошь и рядом и может, и есть! Но я ведь специально оговаривал, специально подчеркивал, что я не о слове из уст человеческих, не о житейском, не о разговорном слове, а о чем-то противоположном Делу. О молчании, о созерцании, об углублении, о Слове, Которое Было В Начале. Назовите это не Словом, назовите это Неделом, чтоб было яснее. Но и об этом мы еще тоже будем разговаривать.

А о том, что люди не слышат друг друга, еще стоит добавить, что мы сами часто бываем виноваты, если тот, кто нам дорог, кто так должен был услышать, не услышал. Значит, плохо сказали, невнятно, неточно, поторопились, недотерпели. И, может быть, для того чтобы услышать, надо прислушаться, надо меньше любить себя и слушать не только себя?

1. «Белая стена» — фильм шведского режиссера Стига Бьёркмана. Вышел на экран в 1975 году.

Июль 1977

...Я понимаю, как Вы могли прийти к этой страшной, ложной мысли: если есть свет, то должна быть и тень; для того чтобы возник электрический ток, нужны положительный и отрицательный полюсы; для того чтобы жизнь человечества (а значит, и жизнь Духа) не прекратилась, нужны одинаково добро и зло, а раз так, если зло необходимо, то и носители зла необходимы, а кто же захочет быть «палачом», кто же захочет быть Иудой!

У Леонида Андреева есть очень талантливая, почти (а может быть, и не почти, а совсем) гениальная повесть об Иуде, не знаю, читали ли Вы эту повесть, если читали, то она должна была бы еще

и укрепить Вас в этой страшно ошибочной мысли. У Андреева Иуда *знает*, что он предаст, причем ему это страшно и больно, но вот именно – должен же кто-то сыграть и эту роль в развертывающейся священной трагедии. Ему не нужны сребреники, он предаст, потому что так предначертано. И Иисус это знает, поэтому он перед предательством Иуды целует его, как бы благословляя на этот страшный, действительно жертвенный подвиг. Там, в повести, между Иисусом и Иудой таинственная связь, этим знанием о предначертанности они близки друг другу, ближе, чем остальные апостолы. В своем поэтическом вымысле Андреев логичен и прав, и если бы и в действительности убийцы, насильники, лжецы, предатели, садисты, погромщики выбирали свою «роль» с трагическим сознанием ее предопределенности и необходимости, то можно было бы говорить об их «жертвенности». Это еще не тот большой разговор о палаче и жертве, который у нас с Вами когда-нибудь будет, у меня еще нет для него слов и мыслей. Мне пока хотелось бы, чтоб Вы задумались вот над чем. По моему, Ваша страшная ошибка в том, что как-то незаметно для себя, увлекшись рассуждением, Вы философскую, метафизическую, «научную» правду о необходимости и неизбежности зла подменили нравственной, совестной правдой о его жертвенности (потому что жертвенность – категория нравственная, как доброта, нежность, милосердие). У Вас получается, что палача надо любить даже не потому, что Бог заставлял нас любить всех людей – и добрых и злых, и друзей и врагов, а еще и особенно потому, что он палач, потому что эта «роль» труднее, чем «роль» жертвы. Но «благословлять» зло нельзя даже святым, «благословлять» зло можно (если можно) с какой-то нечеловеческой, надчеловеческой высоты – Богу. Бог скрыл от нас тайну и смысл своих «путей» (как известно, они *неисповедимы*), но оставил (вернее, подарил) нам право выбора, единственное, что есть у человека: выбора между палачом и жертвой, «буйволом» и «агнцем» (это из беллевского «Бильярда», перечитайте его когда-нибудь), Иудой и верным апостолом, Марией-проституткой (до встречи с Христом) и святой Марией (у ног его)...

Ноябрь 1977

О Воле Божьей (в старом письме от 29/X) Вы написали бесспорные и искренние слова, но написали – как бы Вам сказать – не путано, не мало, – Господи, я знаю, какая пропасть между тем обилием, потоком мыслей, которые переполняют Вас, а слова «прыгают друг на друга», и все хочется успеть сказать и кажется жизненно важным

или только что открытым, только что добытым, и малостью и бедностью и «неправдой» слов, записанных на листке бумаги, я знаю эту пропасть, сам каждый раз чуть не плачу над ней, но Ваше письмо я читал, зная это всё и угадывая ход и путаницу Ваших мыслей, так что беда не в том, что путано и мало, тем более, что и не путано и не мало, но недостаточно глубоко, недостаточно трагично, с недостаточным пониманием и чувствованием таинственности и противоречивости того, о чем дерзнули размышлять. Легко ли сказать «Божья воля», а откуда Вы знаете, когда она – Божья, а когда – нет? «На все воля Божья», «без Божьей воли и волос не упадет» – это одно, а вот Зинино¹ любимое, мучительное и радостное, вечное: «Господи, да будет Воля Твоя, а не моя» и Ваше, в этом же письме: «Пусть будет, как Ты хочешь, а не как я хочу». Значит, может быть и Божья воля и не Божья, моя, человеческая, значит, я могу выходить из Его воли и не знать, не слышать, не угадать ее?

Я Вам уже говорил как-то, что религиозный разум – разум «незвклидов», всеобъемлющий, противоречивый, «абсурдный», что в нем две взаимопротивоположные правды, обе истинны и совмещаются в гармонии. Причем (и это крайне важно, это для Вашего рассуждения, для моего в чем-то несогласия с Вами первостепенно, необходимо важно) эти противоположные правды иногда (не всегда, но иногда) располагаются как бы на двух этажах, на двух уровнях – человеческом и нечеловеческом, надчеловеческом, непостижимо надчеловеческом.

Когда я не соглашался с Вами о «палаче» и «жертве» – другими словами, о необходимости Зла, о божественном начале Зла, – я проповедовал уже говорить об этом, но Вы, кажется, не поняли тогда. Есть один этаж, один уровень – моего человеческого, для моей земной жизни единственного сознания и бытия: это что Бог – Добро и Любовь, что Бог и Зло несовместимы, что в моей земной жизни я должен бороться – или (тут Вы, наверное, правы) не бороться, это понятие уже исключает Добро и Любовь, но не должен принимать зла, греха, насилия, блуда, лжи, жестокости, – это мой долг, мое Богом данное и внушенное назначение. И есть этаж высший, уровень горний, о котором я могу только догадываться, но постигнуть которого до конца вполне я никогда не смогу: что и зло, и ложь, и тьма тоже от Бога, для каких-то таинственных, только в исторической, абстрактной перспективе отчасти понятных (ну хотя бы именно для того, чтобы мне не принимать их, чтоб в этом неприятии рос мой дух) целей, что если допустить существование дьявола (а я в него не верю), то и дьявол с Божьего попущения, в конечном итоге, псевдоним Бога. Но об этом, высшем уровне земные, смертные люди

могут только догадываться. Те из них, вроде Вас, кто привык и любит думать, могут позволить себе додуматься до этого (ибо разум, если он имеется, все равно ведь не остановится – и до самого страшного додумается), но принимать правду этого высшего этажа как земную, повседневную, как закон, по которому жить, не только нельзя, но и противоречит Богу. Если вернуться к размышлению о воле Божьей, то Ваше (и народное) «на всё воля Божья» – это высший этаж; то, что воля Его – на всё, знать человеку негоже, хотя это и правда, но эту правду только Ему и знать. В каком-то высшем смысле, когда человек выходит из Его воли или не слышит ее, то и на это Его воля, но это Ему и решать, а не вышедшим и не услышавшим. Иначе у каждого убийцы, властолюбца, насильника, предателя и т. д. будет оправдание, что он исполняет волю Божию и, может быть, еще и покается.

Это, конечно, почти невыносимо для нормального, эвклидова разума, но можно сказать, что то, что и Зло – от Бога и что воля Его – на всё, хотя и истинная правда, но и противоестественная правда, по которой грешно и безбожно жить человеку в его земные годы. Это – правда для Вечности, правда для «той жизни», но не правда для человеческого бытия. Для нас с Вами, для всех людей на земле единственная правда – это «Пусть будет как Ты хочешь, а не как я хочу». Когда люди живут «как они хотят», когда они живут дурно, бессовестно, бессветно, они выходят из Его воли, оставляют Его, и тогда Ему больно и плохо (хотя это Он сам оставил людям право выходить из Его воли и жить по своей, и даже, хотя и в том, что они вышли из Его воли, в этом тоже как-то таинственно проявилась Его же воля, но это, вот именно, тайна, которой нам никогда не узнать, а Ему-то всё равно больно и плохо).

Может ли человек – Вы, я – знать Божью волю? Имеет ли он право решать, по Его воле он живет или уже не слышит ее? Я думаю, что если бы мы все могли жить, освободясь от суеты, лжи и зла, от соблазнов и желаний, или даже не освободясь вполне, но хотя бы пусть постепенно и медленно, но непрерывно, по восходящей, освобождаясь от них, мы бы всегда слышали Его в себе. Для того, чтобы слышать, нужна тишина, внутренняя тишина, когда умолкают обиды и вожделения, алчба и вражда, отчаянье и гордыня. Пока они не умолкли, их голоса всегда слышнее Его тихого голоса, а иногда еще нам и хочется принять один или несколько из этих голосов за Его голос.

Вы можете сказать, что каждый живой человек (живой по-настоящему, живой духом) знает же, в чем зло и грех, и поэтому худо ли, бедно ли, но какие-то несомненные ориентиры у него есть. Да, но только ориентиры. Можно сказать и так, что если бы мы все были

просты душой, если бы мы были как дети или юродивые, если бы мы не погрязли во лжи и грязи самими же нами устроенной жизни или даже в измышлениях собственного разума, то как все было бы просто: есть Его заповеди, записанные в священных книгах, в Евангелии записанные, там всё сказано, и это навсегда и безусловно: никогда не убий, никогда, ни за что не солги, никогда не прелюбодействуй, — живи по этим заповедям, и ты никогда не выйдешь из Его воли.

Но, во-первых, «если бы», а во-вторых, и не так просто. Ну вот человек живет, исполняя все заповеди, живет вроде бы хорошо и правильно, но он успокоился, остановился, душа перестала расти, и может быть, он тоже вышел из Божьей воли. Откуда нам знать? А святые, истинные святые — Франциск, Рамакришна — жили тоже «хорошо и правильно» и бездейственно (можно скаламбурить: «неподвижной жизнью подвижников»), но душа у них росла, и они, несомненно, от рождения до смерти исполняли Его волю. Это мы теперь так знаем о них, а сами они, при своих смиренности и целомудрии, никогда бы не дерзнули подумать о себе такое.

Поэтому, когда Вы так смело решаете, что и Ваше «хорошее, светлое, ладное», и то, что наступило потом, «грустное, тоскливое, унылое» — от Него, что и на то, и на то Его воля, мне невольно хочется спросить Вас: «откуда Вы это знаете?» (по законам, по правде нашего нижнего, земного, человеческого «этажа»). Разве Вы так уверены, что живете по Его воле, что слышите и угадываете ее всегда правильно, всегда подчиняетесь ей с радостью и без ропота, никогда не выходите из нее и не пытаетесь жить по своей? А если не уверены, то ведь может быть такое, что Свет — от Него, а Тьма — от себя, а может быть, Тьма — от Него, а Свет — не от Него, а вовсе соблазн и гордыня, а может быть, и Свет и Тьма не от Него, а только от себя, вышедшей из Его воли. Не дано нам это знать...

1. Зинаида Миркина.

1978

Вам будет очень трудно отвечать на письмо, о котором Вы мне упомянули¹. Дело не в том, что оно умно, этого я как раз не знаю. Я никогда не знал, что значит «ум», «умно». Я расходился в этом со многими, со всеми. Я уже, наверно, говорил Вам, что всем понятно, когда я говорю «хлеб», «траву», «губы», и никому не понятно или понятно по-разному, и поэтому сразу вызывает недоумение и споры, когда я

говоря «добро», «зло», «Бог», «хорошо», «плохо», «грех», «должен», «свобода», «правда», «ум». Говорят о «практическом», «природном» уме русского мужика. Есть такая песенка из оперетты, что «женский ум лучше всяких дум». Мой хорошо знакомый академик Усиков (лауреат Ленинской премии!)² – абсолютно невежественный человек в вопросах искусства, религии, нравственности, крестьянин, дикарь, но вот же академик и, стало быть, умен. Когда я читаю или слышу всякие рассказы – уже не об Усикове, а о сверхгениальном Ландау, – так и подмывает воскликнуть: «Господи, какой идиот!» (отнюдь не в «достоевском» понимании). И в то же время не вызывает никаких сомнений, когда говорят об уме Пушкина, Эйнштейна, Толстого (даже когда они говорят заведомые «глупости» или поступают совсем «не по-умному»). Я (но это только я) вряд ли могу назвать умным человека, который, как автомат, робот, говорит именно то, что от него и ожидаешь, что в нем запрограммировано – характером, темпераментом, обстоятельствами, – то, чего он не может не сказать, то, что он должен сказать. Никаких поворотов, никаких неожиданностей. Таков автор письма. Если бы я Вам рассказал об этом человеке и сказал бы, что вот я пишу роман и мне нужно по ходу романа сочинить письмо такого человека, и попросил бы Вас об этом, Вы написали бы – почти слово в слово – именно такое письмо. И все-таки отвечать на него трудно.

Она (я не хочу, не могу, не имею права называть ее «Талой», а говорить «он» – человек, автор письма – тоже не хочу и смешно) говорит то, чего опровергнуть нельзя.

Вы почти никогда не отвечали на мои письма, когда дело касалось «добра» и «зла», «слабости» и «силы», «долга» и «свободы». Помните, я говорил Вам о гуманизме, о том, что с религиозной точки зрения (это как раз не моя мысль, мне ее подсказали Достоевский и Померанц) гуманизм – это совсем не так хорошо, как мы привыкли думать. Гуманизм (в его подлинном смысле, гуманизм Возрождения, гуманизм просветителей, гуманизм Чернышевского) – это вовсе не любовь к человеку (хотя буквально «гуманизм» означает человечность, любовь к человеку), это любовь к человеку физическому, плотскому, земному, мирскому, т. е. к тому, который Вас как личность, как индивидуальность, не то что не интересует, но который прямо враждебен Вам, враждебен Богу. «Накормить голодного», «дать силу слабому» – это как раз лозунг и идеал гуманистов. Но что дальше? Она правильно пишет (не потому что умна, а потому что на своей шкуре узнала), что они (с которыми Вы, потому что они – слабые) вовсе не слабы, что они – будущие стрелки. Но они и сейчас, и сегодня – не слабые. Они сильнее Вас именно своей животностью, своей темно-

той, отсутствием сомнений, своим «абсолютным» знанием, что им нужно для жизни, для счастья (в их, конечно, понимании). Вы видели или читали сценарий «Забриски поинт»³. Там есть сцена, когда героиню чуть не насилует (она спасается чудом) толпа именно детей, американских школьников. Попадись Вы Вашим в каком-нибудь глухом месте, Вас бы чудо не спасло. Я знаю, что Вы скажете, что я – дурак, что Вы совсем не об этом, не о физической же силе и слабости. Я знаю. Но им не нужна духовность. Вы, конечно, никогда не примете этого категорического утверждения, никогда не согласитесь с ним. Вы скажете, что, если да, если на 99 лицах из 100 будет, действительно, отпечаток вырождения, жестокости, тупого, рабского равнодушия, но на одном-единственном детском или взрослом лице будет если не ум, если не доброта, то хотя бы любопытство, заинтересованность, желание узнать, то ради этого лица стоит любить их всех, нести им хлеб духовный, служить им. И потом пусть вырождение, пусть жестокость, пусть бездуховность, тупость, гыгыкающее равнодушие, но ведь и «они плачут, когда им больно». Да! Так я же и не говорю, что Вы неправы. Я говорю, что спорить Вам будет трудно, отвечать на письмо будет трудно, потому что когда спор ведется с позиций ума, такого ума, то одно лицо из 100 в расчет не принимается и жалость к Каину тоже.

Тем более, что она (автор письма) может сказать Вам еще вот что. Все эти разговоры о «служении» имели какой-то разумный, основательный смысл, – ну, скажем, в прошлом веке, когда интеллигенту – учителю, врачу, ученому, художнику, вообще образованному – жилось лучше, чем крестьянину или рабочему. Поэтому у русского интеллигента всегда было чувство вины перед народом, долга перед ним. Тогда все эти гуманистические фразы «накормить голодного», «научить неграмотного» были, во всяком случае, не смешны. (Правда, и тогда, в самые страшные для народа, для «маленького человека» времена, были мудрые люди, которые смотрели дальше других. У меня всегда вызывало удивление какое-то недоброе отношение Гоголя к своим героям: вроде и любит, и жалеет, но и издевается. А это потому, что – не разумом, а Бог его знает чем – он предвидел, что будет, когда все эти «чудища» станут сытыми, обеспеченными, равноправными.) Но сейчас, сегодня все переменялось. Сейчас бесправнее нас, униженнее нас, рядовых интеллигентов, не «привилегированных», не членов Союза писателей, не физиков, не лауреатов, нет никого. Мы беднее всех. И они, те, кого Вы жалеете, за кого Вы заступаетесь перед автором письма, они ведь, в отличие от медведей или австралийских дикарей, имеют все возможности учиться, читать, думать. Кто им не дает, кто им мешает? Они же сами не хотят. Им не

нужно это. Вам кажется – еще не нужно, пока не нужно, еще не проснулась душа, но есть же она и может проснуться. Я так не думаю, но это и неважно, проверить нельзя, не доживем, не увидим. Дело опять-таки не в этом.

Дело совсем в другом, и совсем с других позиций надо отвечать на такое письмо. Я ведь довольно часто, это Вы просто не помните, говорил Вам примерно то же, что она пишет. Почти теми же словами – о «людях», о «них», о черни. И все это разумно и верно, но когда это написано в ее письме, всё во мне наеживается против. Дело именно в том, что «они плачут, когда им больно». Дело именно в том, что жалко Иуду, Каина, палача, австралийского дикаря, медведя, гусеницу, тополек на балконе, жалко даже когда они и не «плачут», жалко, потому что кто же еще пожалеет Каина, палача, Ваших дофиновских «скотоложцев», ту костромскую проститутку. Не всегда жалко, даже Вам не всегда жалко, и Вы, наверное, испытываете, должны испытывать чувство отвращения, гадливости, если не ненависти, то активного, всей душой, неприятия, отталкивания. Испытываете ведь. И, может быть, даже чаще, чем жалость, сострадание, милосердие. Но Вы знаете, что Бог – это любовь, это милосердие, это доброта, это бесконечное прощение всему и всего, это в идеале, в том, что невозможно осуществить, но к чему по мере сил и возможностей должно стремиться, любовь ко всем и всему – и к палачу, и к доносчику, и к насильнику, убийце, не к абстрактному насильнику и убийце, а вот к тому, кто Вас насилует и убивает.

Она этого не услышит и не поймет. Но есть правда ума, мы все ее знаем, и Вы знаете, когда плачете из-за того, что не можете заступиться за «генерала»⁴, не можете ответить идиотам на их ложь и глупость, или когда, читая Фриша⁵, догадываетесь, почему Вам сейчас «не летается», «не молится». И есть правда сердца, когда Дон Кихот освобождает каторжников, которые потом побивают его камнями и издеваются над ним, а он, очухавшись, опять продолжает свой путь, и опять будет освобождать каторжников, и защищать ребенка, и воевать с ветряными мельницами. И правда сердца выше, больше, божественнее правды ума. И есть правда души, которая еще больше, еще выше, еще божественнее. Христос не был безумцем, как Дон Кихот, и в своей Истине он вместил все – и знание того, что знает ум, и подвиг любви и сострадания, продиктованный сердцем, но еще и мудрость, отличающую добро от зла и святость от греха, но свободную от ненависти и насилия.

Это как Ваша Тишина, которая не отсутствие звуков, а полнота, или как буддийская Нирвана – не смерть, не отсутствие жизни, а сверхжизнь, такая полнота, в которой гармонически, светло и бла-

женно все желания и страсти сливаются в один Покой и Свет. Христос знал всё то, что знает автор письма, еще и как знал, но он и знал это всё не так, совсем не так, совсем по-другому. А время, когда он жил, было похоже на наше время: это тоже был «конец света» (в самом буквальном, в историческом, в самом научном смысле этих ужасных слов, которые я все-таки заключил в кавычки), конец римского мира, конец иудейского мира, гибель цивилизаций, невероятное, почти сегодняшнее, цветение «цветов зла» – жестокости, насилия, разврата. И вот представьте себе, что он, Христос, ответил бы Вашей Тале на ее умные и злые слова. Он ответил бы ей так, как отвечал всем, словами кротости, милосердия, мудрости, любви. Она бы не захотела их слушать, это ее дело. Но иначе ответить ей нельзя. Просто нельзя – и не старайтесь.

Я знаю, что правда на Вашей стороне. Тоже не так просто, не так всецело, как Вам часто кажется. «Вы не принимаете Божьего мира», – сказали Вы мне как-то, помните? Я не считаю его Божиим. Все священные книги не считают. «Не от мира сего» – сказано в Евангелии прямо и не однажды. Этот мир, земной, человеческий, «государственный», для христианина (и для буддиста, вообще для верующего) – мир зла, мир лжи, мир обмана и несовершенства. Нужно, должно ненавидеть зло, ложь, грех, порок, но, ненавидя зло, не переносить эту ненависть на существо, которое творит зло. Видите, как трудно? Немыслимо. Невозможно. Да и мир, хоть он и не Божий, и я в этом уверен, и так получается по заповедям Иисуса, и вот как легко и просто, он же все-таки и Божий, Им сотворенный на радость всему живому, и в этом я тоже уверен, и про это тоже можно вычитать в святых книгах. Он – Божий, когда он с Богом, в Боге, мир деревьев, травы, земля, небо, море, воздух, наши лучшие мечты, наша доброта, любовь, отвращение и страх перед грехом. И он – не Божий, злой, дьявольский, когда он без Бога, мир городов, заводов, базаров, тюрем, колючей проволоки, атомной бомбы, наша алчба, наша жестокость, наша подлость из трусости или жадности, наше равнодушие, да почти все наше, почти все мы, когда мы не одни с Ним, а с другими людьми. Видите, как всё трудно, страшно, несовместимо, неразрешимо. И тоже неправда. Потому что с Богом всё легко, и всё нестрашно, и всё совместимо, и всё разрешимо, – но только с Ним. Вы это знаете, и я это знаю, поэтому мы, такие в чем-то разные, в этой вашей переписке-споре на одной стороне.

У меня так сложилась жизнь, так сложилось мое представление о ней, что я не смогу, наверное, полностью принять, полюбить мир, о котором Вы думаете и говорите, что он – Божий. Я не смогу ни полюбить, ни просто пожалеть Каина, убийцу, насильника, даже костром-

скую проститутку. Но я знаю, чувствую, понимаю, что Ваше приятие Божьего мира, Ваша любовь к нему, Ваша слава ему выше и прекраснее моего непринятия, моей нелюбви. Я знаю, что Ваша жалость к Каину святее и прекраснее моих проклятий всем каинам мира. Ваша правда лучше моей, полнее моей, ближе к правде Христа. Я уже говорил Вам это не однажды. Всякий раз, когда Вы говорите, что «Вам легче сказать *да*, чем *нет*», у меня сердце больно вздрагивает. Но я всё равно давно знаю, что это хорошо, и прекрасно, и свято. В этом мы даже, наверное, похожи (не в прекрасности и святости, это так смешно получилось на словах, а в том, что и мне – только в дру-гих, конечно, ситуациях – легче, радостнее, желаннее сказать «да», чем «нет»).

-
1. Письмо из Израиля от Тамилы Тялянкер, бывшей учительницы и друга П. Брейтер.
 2. Александр Яковлевич Усиков (1904–1995) – физик, директор Института радиофизики и электроники АН УССР с 1955 по 1973 гг., лауреат Ленинской премии и Государственной премии УССР.
 3. Фильм итальянского режиссера Микеланджело Антониони вышел в прокат в 1970 г.
 4. Генерал П. Г. Григоренко (1907–1987) – правозащитник, диссидент, неформальный лидер многих правозащитных групп, в том числе Хельсинской группы, и многих правозащитных акций. Дважды арестовывался, а с мая 1970 года по май 1974-го подвергался принудительному лечению в психиатрических больницах. В 1977 году выехал в США для необходимой ему операции и свидания с сыном. Был лишен советского гражданства.
 5. Макс Фриш (1911–1991) – швейцарский писатель и драматург.

Октябрь 1978

Дорогая Полина! Ваша обида на нас должна быть ужасной. Наше молчание – в ответ на Ваши приветы и подарки – не может быть ничем оправдано. И всё, что я попытаюсь сказать, будет не попыткой самооправдания, а попыткой какого-то необходимого объяснения нашей вины, объяснения, которое ее ничуть не уменьшает, но, может быть, ослабит боль и тоску Вашей обиды на нее. Многие годы наша – Лилина и моя – жизнь протекает очень однообразно и неподвижно, мы привыкли к этой – изо дня в день, из месяца в месяц – неподвижности и поэтому привыкли не торопиться отвечать на письма: неделей или месяцем позже – какая разница. К Вам это не относится. Вы ведь не знаете этой нашей особенности, да и не ответить сразу на Ваши письма, подарки, рассказы, предложения было невозможно. У нас было решено, что ответит Вам Лиля (очки-то для нее), и поэтому

я и не брался за ответ, а она, бедненькая, весь месяц, если не больше, не могла высвободиться из колхозной «лямки»: колхоз был почти каждый день, сначала неделя с ночевкой, а потом ежедневные поездки, вставала в 6 утра и возвращалась совсем усталая. А ко мне пристала старая болезнь – шейный радикулит, который обостряется как раз по вечерам и от боли никакие мысли в голову не идут. Так ответ Вам все откладывался и отодвигалась его непереносимость и немедленность.

Всегда стыдно благодарить за подарки, особенно за вещи. Мы только вернувшись домой оценили Ваши одесские подарки, какие они дорогие и нужные нам. И, конечно, Лилия довольна очками, и виноград был красивый и вкусный (тем более, что мы почти и не пробовали его этим летом), и папиросами Вы меня просто выручили – «Севера» в Харькове таки нету, а к другим я никак не мог привыкнуть – и противно, и кашель. Но я и сейчас не представляю, как же так можно написать или сказать: «Полина, спасибо Вам за очки, за папиросы, за виноград, за книжки»? Ведь не в них же дело, а в Вашей дружбе, в Вашей памяти, в доброте Вашей, в Вашем желании подарить радость – Вам это слышно в нашем *спасибо*? У меня когда-то выходили книжки, и поэтому я могу представить, сколько Вы затратили своего труда, своего времени и своих денег на печатание стихов – на бумагу, на переплет¹. За всю мою жизнь мне никто не делал таких подарков – по своей инициативе, без всякой моей просьбы. И опять же, не в книжечках дело, не мечтал я о них и не думал, и не так уж я люблю себя и свои стихи, хотя книжечки эти уже и сейчас очень намгодились, и давно мы с Лилей говорим, что пора когда-нибудь собрать мои стихи, но не в них же дело – а опять – в Вашей дружбе, в Вашей душе, в Вашем желании доставить радость, одарить. А еще же – и Мастер Экхарт, и Мандельштам, и все, чего хотелось и что нужно.

И за Ваш подробный рассказ о летнем путешествии – спасибо. О старых русских городах мы мечтаем давно, Ваш рассказ разбудил эти давние мечты, «подстегнул» их, но у нас, особенно у Лили, такая работа, что мы никогда не знаем заранее, в какое время – летом или ближе к осени – будет у нас очередной отпуск, и поэтому сейчас преждевременно выпрашивать у Вас адреса и детали. В этом году, как Вы знаете, мы тоже повторяли какие-то кусочки Вашего прошлого-годнего маршрута, и очень рады, что на всю жизнь открыли для себя, для души чудесный Каменец, да и Черновцы нам запомнились хорошим и добрым. У нас неожиданно объявился знакомый, который был старым, давнишним знакомым, но на долгие годы пропал, а появился у нас в один день с вернувшимся из Одессы – с Вашими подарка-

ми – Юрочкой². Этот знакомый, который живет в Вильнюсе, имеет полковничье звание и собственную автомашину, соблазняет нас на следующий отпуск приехать в Вильнюс (что само по себе уже прекрасно), а оттуда совершить автомобильное путешествие не только во Владимир и Суздаль, но и в Вологду и Ферапонтово. Для этого, правда, требуется, чтобы время отпусков – нашего и его – совпало. И, вообще, всё это еще и не планы, а пока только сказка и утопия, очень неустойчиво опирающаяся на реальную почву, – но, может быть, и сбудется. Во всяком случае, не ближайшим летом, так через год, но рассказ Ваш все не пропадет.

О местах, где Вы побывали этим летом, Вы рассказали хорошо, но никак не могу ни согласиться, ни помириться с Вашей мыслью о том, что «кровь высохнет». Я понимаю, как это сказано, я и сам мог бы, рассказывая, употребить те же слова, а лет двадцать назад всерьез декларировал и отстаивал то, что «кровь высохнет» и что «дело прочно, когда под ним струится кровь». Но я был слепым дураком, а слова эти, что «кровь высохнет» – неправда и зло. Вы смотрите на эти древние города, мы все на них сегодня смотрим, как смотрят на экзотику или как в музее смотрят, как туристы, как иностранцы, со стороны, оттого и не чувствуется кровь, пролитая и не высыхающая. Для Вас, да и для всех нас, приезжающих, эти города, красота и духовный свет которых для Вас несомненен, – не живые города, где живут люди, с домами, с базарами, с магазинами, с учреждениями, а большие музеи под открытым небом, открытые для обозрения и восторгов. Для людей, населявших землю, на которой стоят эти города, они были чем-то иным; ни восторга, ни гордости, ни умиления они в них не вызывали.

Вы немного знаете русскую литературу, можете ли Вы вспомнить в старой литературе строки стихов или страницы прозы, посвященные этим городам, в ключе и стиле Вашего рассказа о них, Вашей памяти о них? Русская нация, вся, от мужика до мыслителя (можете ли Вы представить Льва Толстого, в умилении восхищающегося Ростовом или Владимиром?), не знала, не любила, не берегла своей старины: церкви, иконы, дома, улицы начали перестраиваться, уродоваться, уничтожаться за триста лет до революции, ни один из тех городов, о каких Вы пишете, не сохранился в целостности и неприкосновенности, как Париж, Таллин, Львов. Это проклятие невысыхающей крови, оно и сейчас на нас, а Вы говорите – «высохнет». «Высохнет» – это ведь значит, что на крови, на жестокости, на беззаконии, на зле можно построить и утвердить что-то осмысленное, прекрасное, великое, – но с этим не мирится ни совесть человеческая, ни простой здравый смысл. Другое дело, что ни Рублев, ни

Дионисий, ни строители прекрасных Божьих храмов ничуть не повинны в пролитой крови, но тогда не надо было и говорить о том, что она высохнет.

В этой моей реплике на Ваши неосторожные слова, конечно, много непродуманного, запальчивого, прямолинейного и путаного, но тема о крови и зле в человеческой истории и не может исчерпаться репликой. В свое время, после моего «Проклятия Петру», у нас велся на эту тему долгий – и в письмах, и устно – спор с Померанцами. Он был не только долгим, но и ненужным, потому что убеждать меня в том, что этот зверь, садист, палач выполнял какое-то исторически необходимое предназначение, было не нужно. Я и сам это знаю и знал. А все-таки он был зверь, Антихрист, своими руками рубил головы, мучил, истязал. Я не могу об этом спокойно думать и говорить.

За Вашей спокойной информацией о Ваших «мальчиках», покидающих Вас, чувствуется скрытая грусть и тревога. Конечно, появятся новые, но на это потребуется время, а прощаться всегда грустно. Мы очень мало и бегло видели их, почти не узнали, но все они запомнились нам по-хорошему, по-доброму. Мы очень рады, что у Вас есть Жанночка, рады и за Вас, и за нее, нам она понравилась. Юре я по Вашей просьбе написал о кино, но, поскольку кроме Вашей просьбы и приложенного списка кинофильмов я ничего не знаю ни о нем, ни о том, что, как, за что он любит в кино, то, что я написал, будет, наверное, не очень нужно ему. Письмо это я вкладываю в этот же конверт. О жизни нашей, как всегда, писать совершенно нечего. Ходим на службу, Лиля ездит в колхоз, друзей остается всё меньше и с оставшимися видимся всё реже и случайнее, на днях рожденья, когда в многословье и застолье и поговорить толком не удастся. Стихов не пишу. Несколько раз были за городом в лесу, и это было прекрасно и памятно. У нас очень красивая осень: стоят ясные теплые дни, и деревья – золотые, желтые, красные. Дольше всех держались тополя, все стояли зеленые, но и они уже пожелтели. Киска наша – настоящая зверушка, мы считаем, что она прекрасна, что нет на свете другого такого изящного, грациозного, красивого существа, но нет и другого такого нахального и дикого.

Мы будем очень рады увидеть Вас во время Ваших зимних каникул, но что я должен делать со стихами? В Ваших книжечках – всё, что я помню, всё, что я считаю достойным чтения (кроме нескольких попавших туда случайно). Если отбирать заветное, то и эти книжечки нужно почистить, сделать их раза в два тоньше. Можно попробовать «издать» маленький однотомничек «избранного», куда вошло бы и лучшее или характернейшее из тех книжек, что у меня выходили в

издательствах. Постараюсь к Вашему приезду что-нибудь придумать³.

[Приписка Лили:]

Полиночка, еще раз благодарю и преклоняюсь перед Вашим человеколюбием (разборчивым, конечно) и добротой. Большое спасибо Саше за заботу о здоровье Бориса (вот кончатся колхозы, и я возьмусь за лечение) и счастья ему и Наташе. Большое спасибо Жанночке (я знаю, там одни очки для Бориса). Спасибо, что помните и любите. Мы Вас тоже всех любим и всегда рады видеть в Харькове. Что за смута у Вовы? Как тетя Лиза, ей большой привет от мамы и нас. Целуем Вас – Лиля, Борис⁴.

1. Я работала в то время над изготовлением самодельных книжек стихотворений Бориса Алексеевича. Потом книжки распространялись по разным городам Украины и России.

2. Юрий Тамойко – приятель Бориса Алексеевича и Лили.

3. Такой однотомник был вскоре «издан» и разошелся, как и остальные наши одесские «издания».

4. Жанночка, Юра, Саша, Наташа, Вова и др. – молодые ребята, с которыми Борис Алексеевич и Лиля познакомились во время пребывания в Одессе в 1978 г.

Ноябрь 1978

...А откуда Вы взяли, что у прекрасного человека все должно «получаться»? Разве Вы не знаете, – из книг, из жизни, больше из жизни, чем из книг, – что скорее наоборот, у «плохих», у «взрослых» людей все получается «успешнее», чем у хороших и прекрасных.

Вам хочется быть удачливой? Но ведь и сам Иисус в каком-то смысле потерпел «банкротство».

Недавно в той стране, откуда Вы иногда получаете письма, покончил с собой, повесился прекрасный человек Толя Якобсон, которого я, к сожалению, знал совсем немного. Я не знаю, какой у Вас Лорка, но в некоторых сборниках есть его переводы – А. Якобсон. Он очень добрый, очень горячий, страстный, душевно чистый, он написал лучшую, по-моему, книгу о Блоке (не напечатанную, конечно). Ему не надо было, нельзя было уезжать, у него была уже одна попытка самоубийства, но тогда его спасли. Его заставили уехать. И вот – повесился. Дон Кихот, князь Мышкин, Толя Якобсон, Зина Миркина – все они «банкроты», так что Вы не в самой плохой компании (это если Вы брезгуете моим обществом, обществом заведомо и осознанно «последнего и чужого»).

Человеческая история – и не только та, что в Библии, летописях, учебниках, книгах, но и никем не записываемая, повседневная, житейская, – так полна жестокости, грубости, преступлений, пороков, жертв.

Вы спросили о жестокости, но что же я могу сказать о ней? Я ненавижу и боюсь зла, ненавижу и боюсь жестокости. Вы ничего не ненавидите и ничего не боитесь. Поэтому и наши «детские» вопросы, несмотря на внешнюю одинаковость, звучат по-разному: дыхание в них разное, волнение, нервность.

Я спросил Вас о мире, помните, Божий ли он, и если Божий, почему, зачем, для чего в нем столько зла, жестокости, крови, грязи? А Вы ответили Зиниными словами об Иове, выбирающем между Сатаной и Богом. Это правильно и спокойно, но это не ответ на мой вопрос: я не о том страшном, не так спрашивал.

Я Вам в разное время говорил, что добро слабо, хрупко, ненадежно перед злом, что человек по своей «генной» природе, по своему Божьему замыслу несовершенен, порочен, низмен, слаб, жесток. Такова глина, из которой он замешен и слеплен. Для чего это? Никто не знает. И Зина не знает и писала об этом, что никто не знает, – зачем зло, только всегда прибавляла при этом, что знает одно: что Бог добр. Но, если он добр, зачем зло, зачем жестокость? Нам не дано знать. Вероятно, в этом какая-то высшая и таинственная мудрость.

Когда я спокоен и светел, я спокойно говорю (и в этом, по-моему, есть какая-то правда, часть правды, может быть, много правды, но не вся, которой и не дано знать), что не надо вмешивать Бога в человеческую низость и мерзость, что Бог ни при чем, когда речь идет о зле, об убийстве. Бог действительно всемогущ, но он не всё может без нашей человеческой помощи. А мы не хотим помогать. Мы не закаляем свою «глину», не улучшаем ее, не приближаем ее к Его замыслу, а наоборот, размягчаем, развращаем, удаляем от Него.

Мы с Вами всегда по-разному думали о людях. Вы, вероятно, в какой-то очень большой мере считаете (вместе со многими прекрасными и святыми людьми, вместе с Чернышевским, которого Вы сейчас перечитываете, вместе со всеми гуманистами и революционерами), что человек – по природе своей, по своей сути – хорош, добр, светел, что зло в нем «со стороны», «извне», от обстоятельств жизни, от воспитания, от социальных условий, от среды; стоит переменить это, стоит помочь тому добру и свету, которые в нем заложены от рождения, и он станет прекрасным. Я в это не верю, я вижу и знаю другое. Вы ведь всё равно не поверите мне. Это долгий разговор, и у меня сейчас просто нет времени писать об этом сколько-нибудь связно и толково.

Что такое Божье всемогущество? Всемогуща природа, она в миллионы раз сильнее, мудрее, надежнее человека. Но разве могучий лес, бескрайнее море, само солнышко могут противостоять человеческому злу, спасти жертву от убийцы, от насилия, от греха? Всесильна любовь. Но даже она – может сделать что-нибудь с лагерями, казнями, убийствами?

Каждый из нас хоть раз в жизни испытал состояние, когда чувствуешь себя Богом, или близкое к этому: ясный день, ясность в душе, ты любим или любишь, ты сделал что-то доброе и высокое, растворен во всем и во всех. Но и тогда ты ничего не сделаешь с Освенцимами и Воркутами, с войнами, с ежедневным, ежеминутным злом.

Божье всемогущество – это не всемогущество силы, которая может выбить нож из рук убийцы, оторвать насильника от жертвы. Бог может остановить занесенную с ножом руку изнутри, из души самого убийцы. В этом смысл Бога, если можно так выразиться. Вы же знаете это.

В Вас еще очень сильно Ваше прежнее «самое», никуда Вы от него не денетесь, Вам очень хочется активного дела, доброго дела, и все Ваши слова о тишине, о Неделе, о слабости – это только слова, которыми Вы себя уговариваете.

Вы еще не ощутили, что возможно из двух одно: или Бог – или земное, человеческое, народное; или Вечность – или Время, Сейчас, Сегодня, Завтра; или Вечность, или Тишина молитвы, созерцания, мысли, Духа – или Дело, Деяние, Борьба, Труд, Страсть; или Сила Духа, та сила, которая не выбивает ножа из рук, а разжимает пальцы, сжимающие нож, изнутри, – или Сила Силы, Сила Дела. «Третьего не дано».

Вы хотите совместить? Давайте попробуем. Этого хотели многие европейские умы и души. Роллан хотел совместить Неделание Ганди и Революцию, Революционное действие. Он видел выход в жертвенности, в героической жертвенности: я не убиваю, а отдаю себя во имя идеи, во имя Добра. Но это же ложь, это стихи. В жертву может принести себя один, а дальше всё равно пойдут баррикады и резня. Одна жертва не спасет мира.

Декабрь 1978

Почему я написал, что Вы – язычница? Это очень серьезный вопрос, хотя Вы спрашивали мимоходом, но с испугом: Вам кажется ужасным, если это правда, что Вы учите язычеству. Очевидно, мы

очень разный смысл вкладываем в это понятие. Вам почудилось, что раз язычница, значит, безбожница. Но разве Вы не любите древнегреческого искусства, их Афродит и Артемид? У Вас висит копия с «Мадонны Литты» – это ведь не икона, во всяком случае, в нашем, русском понимании. Леонардо был язычником, как и наш Пушкин. И то, что Вы когда-то сказали мне с укором и страхом за меня: «Вы не принимаете Божьего мира» – это был языческий укор и языческий страх. И Ваша любовь к этому миру, к земному, телесному, зримому, осязаемому, чувственному, к земным красоте и радости, к сладости земной – языческая любовь, как у древних греков, как у Гёте, как у Пушкина.

Такое язычество совсем не враждебно религиозности, настоящей, истинной религиозности, не враждебно ни Христу, ни Будде. Оно враждебно слепым и угрюмым «святым», которых мы с Вами не любим, да и не верим в глубине души, что они святые, и невежественным и темным фанатикам «веры», которую они понимают чисто обрядово и не рассуждая. Поэтому, ради Бога, будьте себе на здоровье язычницей, это вполне может быть и прекрасно, и безгrehовно.

Но тут есть другая сторона, есть то, что тревожит меня с самых первых дней нашего знакомства. То, что меня тревожит – в Вас и за Вас, – это Ваше отношение к *делу*. Оно у Вас тоже языческое, от прежнего Вашего «самого», а по сути, от Вашего постоянного, всегдашнего, свойственного Вашей «языческой» природе «самого».

Вы много говорите о тишине, Вы чувствуете ее святость и необходимость тоньше, лучше, чем я, говорите и пишете о ней всегда прекрасно. Но мне кажется, что Вы именно потому и говорите о ней так хорошо, молитвенно и красиво, именно потому и чувствуете ее так религиозно и тонко и любите и тянетесь к ней, что она чужда Вашей природе, что Вы, может быть, даже неосознанно, бессознательно знаете, что тишина никогда не будет Вашим уделом, никогда не будет дана Вам надолго, а если и будет, Вы сами убежите от нее, будете искать «живого дела», живых людей, с которыми нужно вступать в какие-то отношения, что-то делать с ними и для них.

Меня это с самых первых дней грустно и огорчительно удивляло в Вас: Вы говорили – и, Господи, как говорили, мне бы так! – о тишине, о небе, о полете, о том, как Вам тяжело с людьми, как Вам хочется домой. Но как только Вы попадали в тишину дома, Вас уже опять тянуло в мир, к людям, к «живому делу». Вы говорили о безусильности, о ненужности борьбы, сопротивления, усилий (даже когда речь заходила о грехе, об отчаянье, о зле), о «неделании», а любимый Ваш вопрос – «так что же делать?».

Понимаете, вопрос о «деле» и «неделе» — очень сложный, трудный, по сути, неразрешимый при нашей жизни, один из тех вопросов, о которых я, помните, писал, что на них и нельзя получить ответа на земле, при жизни.

Не делать на земле вообще нельзя — никому, даже самым распросвятым йогам. Молитва, мысль, пост — это тоже дело, деяние. По самой распространенной вере получается, что, если Бог послал нас на землю в нашей земной, телесной, человеческой оболочке, значит, живя на земле, участвуя в земной жизни, мы исполняем Его волю. Другое дело, что эта земная жизнь — неподлинная, временная, что в ней мы должны готовить себя к иной, не знаемой, но истинной, лучшей, высшей. Но пока мы живем на земле и поскольку мы живем на ней и тем самым исполняем Его волю, уклонение от земных дел не только неестественно и безнравственно по земным законам, но и безбожно, кощунственно, нерелигиозно, грешно перед Богом.

Значит, когда мы говорим о «деле» и «неделе», эти понятия условны. Я так и поступал, когда называл Неделом созерцание, раздумье, молитву, любовь и т. д., когда противопоставлял Делу Слово (это, конечно, даже по науке чисто условно: чтобы произнести слово, нужно сделать физическое усилие, — слово это тоже дело, деяние, работа).

У меня нет точного «научного» определения, словесной формулировки, но для каждого из нас, для Вас, для меня очевидна огромная «пропастная», вселенская разница между тем, что «взрослые» (то есть все нормальные, земные, смертные люди) называют и считают делом, и тем единственным нужным человеку Делом, которое я условно называл Неделом или Словом, — делом роста и совершенствования души, делом Духа, делом Христа и Будды, Божьим делом, тем, что делается в тишине, смирении и любви.

Но кроме этого явного Божьего дела — созерцания, раздумья, молитвы, растворения себя во всем этом и в Тишине, в Вечности, в Боге — есть еще то, что мы называем *добрыми делами*.

Это не Божье дело, это вполне земные дела: лечить, учить, помогать, утешать, писать книги, музыку, картины — как видите, вполне мирские, человеческие дела, но в то же время это дела *добрые*, такие, над которыми большинство «взрослых» смеется, или которые не считает «делом», или, пользуясь которыми и поэтому вынужденно считаясь с их необходимостью, все-таки в глубине души считает предназначенными для каких-то особенных людей, может быть, и святых, но, в общем, чудаков, бездельников, несчастных, непонятных и т. д. Вот эти *добрые дела* (давайте назовем их для удобства *добрым делом*, мы ведь до сих пор говорили в единственном числе: Дело,

Неделю, Слово), вот это Доброе Дело, как я понимаю, и есть Ваше настоящее, природное «самое», вероятно, Ваше призвание и назначение, – и, повторяю, это очень тревожно и грозно.

Это тревожно и грозно потому, что дело есть дело, это мы только называем его Добрым, потому что так видим, чувствуем, понимаем его, потому что по каким-то своим результатам оно в первую очередь и больше всего действительно доброе, но оно ведь тоже земное, мирское, человеческое дело, и, значит, в нем обязательно есть что-то и недоброе.

Я и не буду повторять Вам банальностей, которые, кажется, говорил еще и в Одессе, вроде того, что, спасая от смерти, от неизлечимой болезни, от несчастья человека, мы, может быть, спасаем для новых преступлений убийцу, насильника, предателя, погромщика, что труд врача, учителя, инженера, по крайней мере, в тех условиях, какие мы с Вами знаем, обязательно является службой, то есть сопряжен с ложью, суетой, явным злом, что даже настоящее искусство, настоящий талант могут служить неправому делу, лжи и злу и т. д. Это общеизвестно и скучно, гораздо проще сказать, что уже потому, что Доброе дело делается во имя телесного, временного, суетного человека, во имя его земной, временной, суетной и недоброй жизни, а не во имя Бога, Вечности, Тишины и Света, – это дело непременно недоброе или всегда грозящее обернуться недобрым.

Делая свои *добрые дела*, Вы неизбежно делаете и зло. Или кому-то, или себе. Всякое делание непременно связано с суетой, гордыней, чувственностью, алчностью, несправедливостью, ошибками. Вы же должны это знать.

«Так что же делать?» – зададите Вы свой неизменный любимый вопрос. Ничего. Продолжать делать то, что Вы делаете, жить, как Вы живете, потому что в этом, наверное, Ваше призвание, Ваше послушничество Божьей воле. Но стараться расслышать именно Его волю. Стараться, чтоб в делании было как можно меньше суеты, гордыни, личной заинтересованности.

Это я неуклюже сказал, мы же с Вами знаем, что без личной заинтересованности делание вообще или невозможно, или тем более кощунственно и грешно, но Вы понимаете, что я имел в виду: нужно услышать, не подменить вечной Божьей воли минутным личным капризом. Без зла никому обойтись, наверное, нельзя в этой жизни.

В Одессе меня немножко раздражал Ваш вопрос о деревьях и гусеницах, мне он показался слишком и неуместно наивным. Я его плохо услышал и радостно прошу прощения за это. Эти бедные гусеницы – везде и всюду. Когда Иисус уводил своих учеников от их

ближних, этим ближним тоже было больно. Я бы не смог. А Вы бы смогли, Вы можете.

Но тогда, чтоб не повторяться, помните обо всем, о чем я уже сказал. И не бойтесь того, что Вы назвали «обанкротиться», приучайте себя к мысли, что без этого тоже не обойтись, что этого будет много в Вашей жизни...

(Продолжение в следующем номере)

КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ

Елена Дубровина

Русская литературная диаспора во Франции

Межвоенная эмиграция

В своих критических статьях Юрий Владимирович Мандельштам, поэт и литературный критик первой волны эмиграции, затрагивал целый ряд важных тем, порой еще недостаточно исследованных. Одна из них – о вкладе поэтов, прозаиков, философов русской эмиграции во французскую литературу. В «Новом Журнале» (№ 286, 2017) были напечатаны эссе Юрия Мандельштама под общим названием «Статьи о франко-русских прозаиках» – рецензии на книги известных, малоизвестных и полностью забытых сейчас авторов Русского Зарубежья, писавших по-французски. Сведений о некоторых из них – например, о Наталье Френкель и Славе Поляковой, чьи книги вышли во французских издательствах, – найти не удалось, в то время как Ю. Мандельштам пророчил им литературный успех. В очерке о Наталье Френкель Юрий Мандельштам пишет: «Таких 'русских французов' уже немало, и в современной французской литературе они сыграли довольно значительную роль – начиная с Эммануэля Бова и Игнатия Леграна и кончая Анри Труайя. Войдет ли Наталия Френкель в эту блестящую плеяду или хотя бы в эту линию, которая представлена Ириной Немировской?»¹. Не исключено, что и Н. Френкель, и С. Полякова исчезли во время войны в одном из нацистских лагерей.

Среди «русских французов» было много действительно талантливых прозаиков, на что Ю. Мандельштам часто указывал в своих статьях. Он обратил внимание на таких французских писателей русского происхождения, как Ирина Немировская, Вениамин Горелый, Слава Полякова, Михаил Матвеев, Эммануэль Бов, Игнатий Легран, Валентин Франчич, Наталья Френкель, Константин Грюнвальд, Николай Брянчанинов, Дориан Райцын, Надежда Городецкая, Андрей Трофимов, Жорж Агаджанян, Анри Труайя, Жан Фревилль, Павел Тутковский, Анатолий Шайкевич и др. И это далеко не полный список. Тема, затронутая Юрием Мандельштамом еще в 1930-е годы, на самом деле очень обширна и требует более внимательного рассмотрения.

В представленной в этом номере НЖ небольшой статье Ю.Мандельштама «Русские во французской литературе»² он снова возвращается к вопросу, волновавшему многих русских литераторов, оказавшихся в эмиграции: «За последние годы во французской литературе дебютировал целый ряд наших соотечественников, большей частью под псевдонимами. Некоторые из них имели столь решительный успех и в данный момент настолько вошли в литературную жизнь Франции, что их уже нельзя считать дебютантами». Людмила Стравинская (жена Юрия Мандельштама) в письме к отцу, композитору Игорю Стравинскому, впервые попав в литературную среду русской диаспоры, отметила с удивлением, что многие из них свободно владели французским языком. (Кстати, и для самого Юрия Мандельштама французский язык был почти родным – он приехал в Париж в двенадцатилетнем возрасте.) Очерки Ю. Мандельштама о Белом, Шмелеве, Куприне, Тэффи, Зурове и других писателях часто печатались и во французских журналах, в частности, в журнале *La revue de France*, возглавляемом Марселем Прево.

Литературные связи России и Франции имеют давнюю историю. Петр Великий, уезжая из Парижа в 1717 году, увез с собой и «будущую культуру России». Посещение Франции русским царем вызвало интерес французов к русской культуре. В 1727–1730 гг. в Сорбонне обучался Василий Тредиаковский – здесь, в маленькой тесной квартирке, писал он свои «французские» стихи. Графиня Софья де Сегюр, урожденная Ростопчина, дочь московского градоначальника Ф. Ростопчина, переехала во Францию в 1817 году вместе с отцом и стала знаменитой детской писательницей, на книгах которой выросло не одно поколение французских детей. Другой «живописной» фигурой была графиня Юлия Апраксина, русско-венгерская аристократка, покорившая французскую публику своими романами. В 1880-х годах она выпустила роман по-французски «Две страсти», к которому написал предисловие Александр Дюма-сын. Тем не менее, когда Тургенев попал во Францию, о русской литературе там известно было очень мало. Ему приходилось начинать с Пушкина и самому переводить поэта на французский язык. В статье «Толстой и европейская литература» Ю. Мандельштам с юмором замечает: «Лет пятнадцать тому назад русскую литературу на Западе знали еще очень несовершенно. Характерен случай известного французского критика, рекомендовавшего читателям роман ‘Господа Гончаровы’»³.

Появление русских писателей во французской литературе 1920–1930-х годов можно считать исторически важным фактом. Дыхание России просочилось во французскую литературу.

Просматривая старые источники, понимаешь, какой огромный

вклад внесли русские прозаики в литературу Франции – страны, ставшей для многих из них второй родиной. «Сейчас положение вообще изменилось. Сыграло ли роль соприкосновение с русской эмиграцией, или снобистическое увлечение советской Россией, или, наконец, усилия отдельных писателей (напр., Моруа, ‘открывшего’ Тургенева и Чехова)? Во всяком случае, с русской литературой Европа ныне знакома вполне прилично», – заметил Ю. Мандельштам в той же статье «Толстой и европейская литература». Надо отметить, что романы Л. Толстого широко обсуждались в это время на страницах французских журналов и привлекали к себе пристальное внимание французского читателя.

В 1928 году из советской России вернулась жена мексиканского дипломата, знаменитая в Париже танцовщица и писательница армянского происхождения, Армен Огонян. По возвращении она выпустила книгу на французском языке о жизни в России ⁴. Однако, несмотря на то, что в книге она проявила свое сочувствие к большевикам, в интервью, данном корреспонденту газеты «Возрождение», госпожа Огонян созналась, что русским писателям живется нелегко при новом режиме и что на них особенно влияет цензурный гнет. Она отметила также, что там страшно произносить такие «метафизические» слова, как «Бог», «свобода», «любовь», и что большевики всячески искореняют всякую индивидуальность в русской литературе. Книга вызвала интерес не только у французов, но и у читателей русской диаспоры.

Свобода творчества в эмиграции и отсутствие цензуры формировали новое направление русско-французской литературы. Русские литераторы искали выход к свету из темного лабиринта нищеты и одиночества, но на пути их стояли определенные трудности. Читательская русскоязычная аудитория убывала, круг читателей был ограничен, что сказывалось как на творчестве, так и на психологическом состоянии эмигрантских писателей. Все это стало одной из причин, по которой многие русские литераторы ушли во французскую литературу. «Назовем несколько имен, уже известных широкой публике: Эммануэль Бов, Игнатий Легран, Жозеф Кессель. Выдвинулись и писательницы русского происхождения, среди которых на первое место надо поставить Ирину Немировскую, автора нашумевшего ‘Давида Гольдера’. Наконец, в этом году блестяще начал свою деятельность талантливый, хотя еще не вполне определившийся Анри Труайя, первый роман которого недавно получил премию ‘популюстов’» (Ю. Мандельштам. «Русские во французской литературе»).

К списку Мандельштама мы можем добавить, наверное, еще около 50 имен. Но дело даже не в количестве, а в том, что приход рус-

ских во французскую литературу обогатил ее новыми талантливыми авторами, внес не известную ранее некую «достоевщину» и «толстовщину», привлекая французского читателя не только авторским мастерством, но и умением показать и дать почувствовать новому читателю всю тонкость и глубину русской души. Так, по словам Ю. Мандельштама, в романе Анри Труайя «Мнимые величины» угадывалось некоторое влияние Достоевского, а герои романа Бова «Прощай, Фамбон» как бы повторяли в миниатюре путь Толстого.

Немаловажно отметить, что многие романы новых русско-французских авторов были о России или о жизни их соотечественников в эмиграции. Такие сюжеты привлекали французского читателя, часто помогая ему ближе познакомиться с Россией, а порой и с теми бесчинствами и террором, которые происходили в послереволюционной стране. Юрий Мандельштам в одной из своих статей высказывает интересную мысль, что, возможно, именно причастность к русской культуре оказалась причиной некой необычности писаний авторов-эмигрантов, мешавшей некоторым из них слиться с современной французской литературной традицией. Взять хотя бы роман Городецкой «Дети в изгнании», где она затрагивает тему молодежи, покинувшей Россию в раннем детстве или родившейся уже в изгнании. По словам критика, книга явно была рассчитана на французского читателя, чтобы привлечь его внимание к проблемам жизни русского эмигранта во Франции.

Однако Ю. Мандельштам интерпретирует эту тему гораздо глубже. В статье «Русские во французской литературе» он задает несколько вопросов: «Эти успехи, сами по себе радостные, заставляют призадуматься. Не тревожный ли это знак, не симптом ли денационализации русских эмигрантов? Перейдя на французский язык, не лишили ли эти писатели русскую литературу возможных достижений? И не надо ли нам скорее грустить, чем радоваться таким явлениям?» Вопросы, на которые историку литературы еще предстоит ответить.

Появление русских прозаиков во французской литературе заставило Францию, обладавшую своей собственной развитой литературой, поддаться влиянию пришельцев. Казалось бы, что французов ничем не удивишь, — и все-таки приток новых «русских» романов, и особенно новой переводной литературы, был замечен как читателями, так и французскими литераторами.

Переводы на французский язык русской классики эмигрантскими авторами серьезно обогатили французских читателей знаниями русской поэзии и прозы. «Сейчас всякий, кто хочет ознакомиться с нашей словесностью во французских переводах, имеет возможность соста-

вить себе о ней довольно полное представление. Не только Тургенев, Толстой и Достоевский, но даже столь трудно переводимый Гоголь, даже Чехов, даже Гончаров, не говоря уже о наших современниках (Бунине, Мережковском, Горьком), представлены почти полностью», — отмечает Юрий Мандельштам в статье «Лермонтов по-французски»⁵. Вот только небольшой перечень авторов: Модест Гофман переводил Л. Толстого и был удостоен Французской академией наук премии Бордена за труд «Жизнь Льва Толстого» (1935); Дюся Эргаз перевести Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Горького, В. В. Набокова, К. А. Федина и других (кстати, она была литературным агентом и помогала В. Набокову напечатать в Париже «Лолиту»); Ольга Гутвейн познакомила французов с М. Лермонтовым; Эльза Триоле переводила на французский язык книги Гоголя, Чехова, Маяковского, а в 1934 г. перевела на русский язык «Путешествие на край ночи» Л. Ф. Селина. Николай Александрович Пушкин, внук поэта, познакомил французского читателя с биографией своего деда, а для «Revue Belge» выполнил французскую версию повестей Пушкина. Следует упомянуть и ряд исторических исследований внука поэта — о Рюрике, «Слове о полку Игореве», Куликовской битве, Лжедмитрии, часть из которых была опубликована во французской и бельгийской печати. Поэт Константин Льдов издал на французском языке книги о Тютчеве, Фете, Полонском, Герцене, А. К. Толстом; Вениамин Горелый переводил И. Эренбурга, Б. Пастернака, В. Хлебникова, В. Маяковского. В 1954 г. он выполнил перевод писем Л. Н. Толстого (1842–1860); Александр Трубников переводил на французский язык Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и т. д.

В 1930-х гг. в нескольких парижских газетах было напечатано обращение французских писателей к публике, описывающее трудную жизнь русских эмигрантских писателей. Тон статей был сочувствующим и под ними стояли подписи таких известных литераторов, как Монтерлан, Мориак, Моруа, Марсель Прево, Шардонн, Марсель Эме и другие. «Особое внимание обращают они на судьбу более молодого писательского поколения, так сказать, эмигрантского призыва, еще не успевшего создать себе в России имя и известность. Подчеркивая, что почти все молодые поэты и романисты должны зарабатывать второй профессией, французские писатели отмечают, как безнадежно сурово отозвался на них кризис», — пишет Юрий Мандельштам в статье «Французские писатели о русских»⁶.

В 1937 г. в журнале «Кандид» Анри де Монтерлан напечатал статью под названием «Соучастие в свободе», в которой он не только заступает за русских литераторов, вынужденных творить вне родины, но и восхваляет их национальную литературу, обращая особое

внимание на эмигрантскую среду. Более того, известный французский критик и публицист Шарль Ледре, большой друг России и, в частности, русской эмиграции, автор нескольких ценных книг по «русскому вопросу», выпустил книгу под названием «Три русских романиста – Бунин, Куприн, Алданов»⁷. Значение этого труда для знакомства французского читателя с русской литературой было в то время действительно велико. В 1939 году Николай Брянчанинов напечатал в парижском издательстве «Меркюр де Франс» книгу под названием «Трагедия русской литературы» (*La tragedie des Lettres russe*). Тема, которую затронул Брянчанинов, была одной из самых волнующих и самых таинственных. Характерно, что в судьбе иного художника часто присутствует элемент трагичности, однако жизнь и творчество русского писателя на чужбине были отмечены трагизмом особым.

В 1929 году по инициативе русского писателя, журналиста и переводчика Всеволода Борисовича Фохта и французского писателя Робера Себастьяна, а также при финансовой поддержке французского Общества гуманитарных знаний, была создана Франко-русская студия. Раз в месяц в ней проходили встречи эмигрантских писателей с представителями французской культурной элиты. Студией издавались совместные сборники, куда, по установившейся традиции, наряду с французскими входили и русские писатели. Глеб Струве в книге «Русская литература в изгнании» отмечает, что «на пороге 30-х годов молодые писатели тоже делают попытки войти в общение с французской литературой. Молодой поэт и журналист Всеволод Фохт, один из редакторов недолго просуществовавшего журнала ‘Новый дом’, совместно с редакторами малоизвестных французских журналов ‘France et Monde’ и ‘Cahiers de la Quinzaine’, организует Франко-русскую студию и устраивает публичные собрания с докладами на разные темы (‘Тревога в литературе’, ‘Проблема Достоевского’, ‘Достоевский и Запад’, ‘Толстой’, ‘Поэзия Поля Валери’, ‘Взаимное влияние современной французской и русской литературы’ и т. п.), причем обычно содокладчиками выступают русский и француз»⁸.

На этих собраниях присутствовали известные в эмиграции русские поэты, прозаики и философы. Часто принимал в них участие Борис Зайцев, о чем он написал в главе «Русские и французы» («Дневник писателя»), напечатанной в «Возрождении». С наблюдательностью и чувством юмора, характерными для Зайцева, он замечает, что большей частью споры шли спокойно, но были моменты, когда французские писатели явно нервничали и «нервно, почти невравестично между собой схватывались, что уже действительно становилось похоже на Россию»⁹.

В сентябре 1929 года в газете «Возрождение» появилось объ-

явление о том, что редакция французского литературно-философского журнала «Кайе де 1928–1929–1930...», «желая содействовать созданию и укреплению связи между духовными и художественными течениями, намечающимися в произведениях русских зарубежных писателей младшего поколения и их французских сверстников, намерена начать в ближайшем будущем печатание ряда стихов, рассказов и статей русских авторов в переводе на французский язык». Редактировать этот раздел в журнале был приглашен Всеволод Фохт. Так был сделан еще один шаг в укреплении отношений между русскими и французскими соратниками по перу.

Первое собрание Франко-русского общества состоялось 29 октября 1929 года. Стал издаваться ежеквартальный журнал «Франция и мир», где печатались произведения таких русских эмигрантских писателей и поэтов, как М. Цветаева, Тэффи, Б. Зайцев, Г. Кузнецова и т. д. Предполагали даже издать совместную антологию, но план этот осуществлен не был. Часто проводились поэтические вечера, в которых участвовали и французские поэты – Поль Валери, Жорж Бернанос, Андре Моруа, Рене Гиль, Станислав Фюме, Андре Мальро и французский философ Жак Маритен, женой которого была Раиса Уманская, поэтесса и философ. Со стороны русских на собраниях часто выступали известные философы Б. Вышеславцев, Н. Бердяев, Г. Федотов, а также поэты и писатели М. Цветаева, Б. Поплавский, В. Вейдле, Г. Адамович, Б. Зайцев, М. Алданов, М. Слоним и др.

В это же время сформировалось новое метафизическое направление в литературе, идеи которого были почерпнуты из философских учений 1920–1930-х годов. Популярность учений известных русских философов Николая Бердяева, Бориса Вышеславцева, Николая Лосского, а также французских философов Жака Маритена, Анри Бергсона, австрийца Рудольфа Штайнера (Штейнера) и многих других не оставила в стороне и русскую творческую диаспору.

Многие поэты и писатели стали на путь обращения к вере и Богу. На заседаниях студии часто обсуждалась волнующая всех тема пробуждения религиозного сознания. Одной из духовных задач, вставших перед молодым литературным поколением, была задача метафизического оправдания искусства «как дисциплины служения жертвенного, требующего от художника беззаветной самоотдачи и не меньшей способности к самоограничению», – отмечал А. Бибиков в статье «В поисках нового направления»¹⁰. Именно тема метафизической направленности молодой эмигрантской литературы часто звучала в докладах не только философов, но и прозаиков и поэтов.

29 апреля 1930 года состоялось еще одно собрание на тему, которая волновала многих литераторов, – «Роман после 1918 года».

Собрание велось на французском языке. Согласно статье, напечатанной в газете «Возрождение» как отчет о собрании, в зале было много русских и французских писателей. Горячо обсуждался вопрос, в чем истинный путь современного писателя – в мистицизме или гуманизме? В. Б. Фохт в своем блестящем докладе ознакомил присутствующих французов с русской эмигрантской литературой и дал обширную характеристику эмигрантских писателей. Он обратил внимание на тот факт, что положение эмигрантской литературы совершенно особое, т. к. живет она как бы в пустыне, «неся факел свободы, потушенный на родине». За границей эмигранты исполняли особую миссию, показывая всему миру на примере России, к чему приводит преклонение перед материализмом. Заключил он свое выступление выводом: можно быть писателем-христианином, не принося в жертву искусства и не совершая при этом греха. Он отметил, что интегральное воссоединение человека возможно именно через христианство, а не через гуманизм, который как раз несет в себе ограничение, отрицая мистицизм. С возражениями Фохту и восхвалением советской литературы выступил Владимир Познер. Совершенно неожиданным для присутствующих оказалось заявление Георгия Адамовича о том, что эти собрания не принесут никакой пользы, так как русские и французы никогда не поймут друг друга.

Июньское собрание того же года было посвящено теме «Восток и Запад». И опять зал был переполнен. Доклад делал Н. Бердяев. Его речь вызвала широкие прения, причем разговор шел не о различии между Востоком и Западом, а наоборот, – о единстве этих двух миров. Бердяев указал на то, что Россия совмещает в себе Восток и Запад: с одной стороны, «влюбленность в Запад», с другой – «восточное богоборчество». В блестящей заключительной речи французский католический писатель Станислав Фюме подчеркнул, что «величайший символ нашего времени – крест».

На собрании 26 ноября 1930 года прошло обсуждение докладов Ю. Сазоновой – о влиянии французской литературы на русских писателей, и Жана Максана – о влиянии русской литературы на французских писателей. Была объявлена тема следующего собрания: доклады Ренэ Лалу о том, «как понимают Достоевского французские писатели», и Бориса Зайцева – о том, «как понимают его русские».

Последнее собрание студии состоялось в апреле 1931 года. Оно было посвящено теме духовного возрождения в России и во Франции в последнем десятилетии.

К сожалению, Франко-русская студия просуществовала только до 1931 года. На протяжении 14 открытых вечеров русские писатели и их французские коллеги «обсуждали по-французски широкий спектр

литературно-философских тем», – писал Юрий Фельзен в статье «Парижские встречи русских и французских писателей»¹¹. Последний сборник Франко-русской студии вышел в апреле 1932 года. В нем французский писатель Станислав Фюме писал о начале духовного обновления Франции. Некоторое внимание в статье было уделено христианской философии, а именно теософии, особенно популярной среди русских поэтов и писателей. Профессор Г. Федотов в этом же издании писал о духовном развитии русской мысли после Вл. Соловьева.

«Книга эта – последнее интеллектуальное содружество, несшее своей целью сближение русских и французских писателей, – [которое] прекратило, к нашему сожалению, свое существование», – писал в мае 1932 года Илья Голенищев-Кутузов. Заканчивая свою статью о последнем сборнике, Голенищев-Кутузов говорит с надеждой: «В работах Франко-русской студии за сравнительно недолгое ее существование принимали участие лучшие французские и русские культурные силы. Будем верить, что культурное сближение русских и французских писателей оставит след на развитии русской и французской религиозно-философской и общественной мысли»¹².

Итак, постепенно русские писатели-эмигранты стали входить во французскую литературу. К списку Юрия Мандельштама можно добавить следующие имена: Эльза Триоле, Натали Саррот (Черняк), Владимир Волков, Ален Боске (Анатолий Биск), Владимир Янкелевич, Александр Кожев (Кожевников), Элен Каррер д'Анкосс (Зурабишвили), Ромен Гари (Карцев), Мирра Ивановна Бородина-Лот, Жозеф Кессель, Зинаида Волконская (Alessandra Tosi), Реми Саундрей, Анник Моранд, Сара Энтони, Андре Беклер, Мария Кудашева-Роллан, Сергей Оболенский, Пьер Брежи, Морис Дрюон, Антуан Володин, Леон Бродовикофф, Вера Шарнасс, Петр Равич, Александра Рубе-Янски, Анна Таль, Серж Голон, Всеволод Голубинов, Борис де Шлёцер, Борис ВIAN, Юлия Сазонова-Слонимская, Доминик Десанти, Михаил Астров (Мишель Ансе), Зоя Ольденбург. И это еще не полный список.

Однако здесь можно привести совершенно справедливую точку зрения А. Ремизова, когда, отвечая в 1931 году на анкету «Новой газеты», он отмечал: «Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут в один прекрасный день по-французски и не канут в тысячах французской литературы»¹³. Эти слова Ремизова оказались все-таки пророческими, так как имена многих из них затерялись в потоке. Тем не менее, каждый из этих писателей имеет свою удивительную биографию и требует отдельной статьи.

Только немногим русским писателям удалось обрести имя во французской литературе, среди них: Ромен Гари, дважды лауреат Гонкуровской премии; Ирен Немировски – известна благодаря 15 романам, наиболее популярный из них – «Французская сюита»; Игнатий Легран, роман которого «À salumière» («В ресторане», 1934) был представлен на Гонкуровскую премию; Михаил Матвеев – за роман «*Entrange Famille*» («Странная семья») получил в 1936 году *Prix des Deux Magots*; Эммануэль Бов (Бобовников) – один из его романов «*La Coalition*» («Коалиция», 1927) был выдвинут на Гонкуровскую премию, а в 1928 году за свои романы он получил приз *Figuière*. Эльза Триоле (сестра Лили Брик) была лауреатом Гонкуровской премии 1944 года; Анри Труайя, член Французской академии, был лауреатом многочисленных литературных премий, автором более сотни томов исторических и художественных произведений; Натали Саррот – известна как родоначальница французского «антиромана» или «нового романа». Пьесы Артюра Адамова ставили лучшие режиссеры тогдашней Франции. Оригинальное истолкование философии Гегеля Александром Кожевым (племянник В. Кандинского) имело значительное влияние на интеллектуальную жизнь Франции и европейский философский климат XX века, а Морис Дрюон стал не только известным писателем и членом Французской академии, но и министром культуры Франции.

Надо отметить, что и французские писатели успешно переводили русских классиков. На это Юрий Мандельштам неоднократно обращает внимание в своих критических статьях, отмечая важность таких переводов. Так, например, о переводе французом Дени Рош Чехова он пишет: «Теперь любой француз может составить себе о нем полное представление, ибо многолетний труд Дени Роша приближается к концу: в издании Плона ныне существует полное собрание сочинений Чехова из двадцати томов, в которое пока не вошли лишь его письма и записные книжки – пробел, который Дени Рош обещает заполнить в ближайшем будущем»¹⁴.

И хотя слияния двух культур – русской эмигрантской и французской – не произошло, и в большинстве своем русская литературная диаспора оставалась вне поля зрения французов, вклад русских писателей, вошедших во французскую литературу, нельзя недооценивать. «Вопрос о русских писателях, перешедших в ряды иностранных литераторов, не раз затрагивался в зарубежной прессе. Надо ли нам радоваться или огорчаться их успехам? Ответы предлагались разные, да общего решения и не может быть»¹⁵, – вопрос о месте русского писателя во французской литературе, поставленный Юрием Владимировичем Мандельштамом в 1936 году, остается и сегодня актуальным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Возрождение», № 4066, 20 февр. 1937.
2. «Возрождение», № 3683, 4 июля 1935.
3. «Возрождение», № 3822, 20 нояб. 1935.
4. *Ohonian Armen*. Dans la C-me partied u monde. – Paris: Grosset, 1928.
5. «Возрождение», № 4133, 27 мая 1938.
6. «Возрождение», № 4069, 9 янв. 1937.
7. *Ledre Charles*. Trois romanciers russes – Bounine, Kouprine, Aldanov. – Paris: Nouvelles Editions Latines, 1935.
8. *Струве Глеб*. Русская литература в изгнании. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова. 1956.
9. «Возрождение», № 1981, 4 нояб. 1930.
10. «Возрождение», № 2116, 19 марта 1931.
11. Газета «Сегодня», № 252, 12 сент. 1930.
12. «Возрождение», № 2550, 26 мая 1932.
13. «Новая газета». № 3, 1 апр. 1931.
14. «Возрождение», № 4041, 29 авг. 1936.
15. «Возрождение», № 3956, 2 апр. 1936.

Ренэ Герра

Апокалипсис Гражданской войны

*«Солнце мертвых» Ивана Шмелева –
«Окаянные дни» Ивана Бунина*

Иван Шмелев – защитник обездоленных, тех, кого Достоевский называл «бедными людьми», «униженными и оскорбленными», – с энтузиазмом и надеждой встретил Февральскую революцию. И совсем другие чувства вызвал в нем Октябрьский переворот, который он воспринял как апокалиптическую трагедию, – и безоговорочно осудил. В 1918 г. писатель с семьей уехал в Крым. Его сын, демобилизованный офицер, присоединился к частям Белой армии генерала Деникина в Туркестане. Отказавшись уехать за границу после разгрома и эвакуации армии генерала Врангеля, с ноября 1920 по февраль 1922 г. писатель пережил страшные месяцы голода и «красного террора», разразившиеся в Крыму с приходом туда венгерского коммуниста Бела Куна, увидел поток непрекращающихся зверств – сто двадцать тысяч смертей. Единственный сын писателя, двадцатипятилетний офицер, так же как и многие белые офицеры, в январе 1921 г. был арестован и без суда расстрелян ЧК. Гибель любимого сына вынудила писателя покинуть Россию, которую он страстно любил, но не идеализировал.

Благодаря вмешательству Бунина, Шмелев получил французскую визу и в январе 1923 г. через Берлин приехал в Париж. Спустя годы французский писатель, академик Анри Труайя подведет итог этой трагической драме жизни писателя, оторванного от родных корней. Он напишет: «Иван Шмелев испытал это одиночество и непонимание, являющееся уделом изгнанников. Он страдал от этого, и может быть, больше, чем другие. Потому что жестокая судьба распорядилась так, что этот русский писатель, обосновавшийся во Франции, мог писать только о России. Разлученный с ней, он думал только о ней одной. Лишенный ее, он не переставал говорить только о ней в своих книгах, говорить с любовью, с каким-то мистическим неистовством. И в самом деле: ничего в этом человеке не приготовило его к тяжелой участи изгнанника: его характер, склад его натуры, его прошлое, – все пред- указывало ему жить и умереть на земле своих предков»¹.

В Париже Шмелев снова встречается Бунина, Куприна, Мережковского, Гиппиус, Бальмонта, Ремизова, Зайцева... Против всех ожиданий, эти долгие годы эмиграции оказались для Шмелева в высшей степени плодотворными, так же как для Бунина, Зайцева, Ремизова или Бальмонта. И к восьми томам, изданным в Москве с 1910 по 1917 гг., прибавилось более четырнадцати книг. И, что поразительно, именно в ссылке творческий гений Шмелева достиг высшей точки своего развития.

В марте 1923 г. в Париже Шмелев начинает писать «Солнце мертвых», которое закончит у Бунина в Грассе, в сентябре. Эта «Эпопея» вышла в свет на русском языке в 1924 г.², была очень быстро переведена на французский³, немецкий⁴, английский⁵ и другие языки. Это именно то произведение, которым восхищался всемирно известный немецкий писатель Томас Манн, назвав его страшным, но одновременно напоенным и светящимся поэзией документом.

Более чем кто-либо, писатель-эмигрант ощущает потребность и считает своим долгом – свидетельствовать. Шмелев становится свидетелем своего времени. И поскольку революция оказалась для него не только общественной, но и личной трагедией, в изгнании он чувствует себя обремененным «миссией». Так, 16 февраля 1924 г. в Географическом обществе на бульваре Сен-Жермен 184, он вместе с Буниным и Мережковским принимает участие в памятном литературном вечере, посвященном «Миссии русской эмиграции». 16 марта того же года «Правда» отреагировала на произнесенные речи в высшей степени ядовитой статьей под заголовком «Парад мертвых»!

В «Солнце мертвых» описаны месяцы, прожитые Шмелевым в Крыму под «красным террором» после разгрома Белой армии, и отражена вся его ненависть по отношению к советской власти и Красной армии.

Рассказчик, пожилой интеллигент, оставшийся в Крыму после эвакуации оттуда Добровольческой армии генерала Врангеля, повествует о плачевной участи жителей полуострова, парализованных страхом и обреченных на голод. В этой книге, которая по сути является дневником, автор описывает, как голод постепенно разрушает всё человеческое, что есть в людях, – сначала чувства, затем волю. И мало-помалу всё умирает под лучами «смеющегося солнца».

Этот роман – беспощадное свидетельство не только медленной гибели людей и животных, но и, главным образом, нравственного одиночества, человеческой беды, разрушения всего живого и духовного в униженном, обращенном в рабов народе. Шмелев обнажает в своей книге все бесчисленные раны русского народа, ставшего одновременно и жертвой, и палачом.

Тридцать пять глав этой эпопеи – так автор называет свое произведение – пропитаны неуголимой любовью и душераздирающей болью за растерзанную Россию. Эта потрясающая книга, автобиографический и исторический документ, мучительное прощание со всем ушедшим миром, обреченной и уничтоженной цивилизацией, отражает весь ужас одиночества этой оставленной Богом эпохи, достойной греческой трагедии и ужасов Данте. Сила страдания, напоминающая многим литературным критикам Достоевского, сопереживание и сочувствие по отношению к *любому* страданию, повсюду, где бы оно ни воцарялось, находят в «Солнце мертвых» свое в высшей степени законченное выражение. Бесчеловечность Красной гвардии – основной мотив этих страниц – и, как по поводу совсем других исторических событий сказал Марсель Пруст, это безразличие по отношению к страданию есть чудовищная и непрменная форма проявления жестокости. Прямолинейность и реализм, с которыми описаны уродства и извращения советского режима, должны заставить дрожать от ужаса даже самого черствого читателя.

Изредка в Шмелеве проявляется лирический поэт, но его лиризм – это, если можно так сказать, написанные и описанные его кровью стоны агонизирующей родины.

«Солнце мертвых» – это не только, хотя и прежде всего, бесценный исторический документ, как определил его Томас Манн, но и эпическое произведение великого писателя, переведенное на двенадцать языков. Необходимо также понимать, что эта книга стала для новоиспеченной советской критики чем-то вроде символа всей русской эмигрантской литературы, о чем, среди прочего, свидетельствует желчная статья критика Н. Смирнова: «Солнце мертвых. Заметки об эмигрантской литературе»⁶. Для большинства русских изгнанников этот роман стал криком всего терзаемого человечества и гибнущей цивилизации.

Неудивительно, что эта трагическая эпопея, настоящая молитва и реквием по России, была по достоинству оценена не только Томасом Манном, но и столь различными писателями, как Герхарт Гауптман, Сельма Лагерлеф и Редьярд Киплинг; и так же неудивительно, что в 1931 г. Томас Манн выдвинул Шмелева в качестве кандидата на получение Нобелевской премии.

Свое абсолютное неприятие революции выразили многие русские писатели и представители интеллигенции, которые увидели крушение всех дорогих для них моральных и эстетических ценностей. Не менее сильные произведения других авторов как эхо перекликаются с «Солнцем мертвых». По всей вероятности, именно «Солнце мертвых» побудило Бунина написать свою хронику – «Окаянные

дни», которую он начал печатать в Париже в первом номере газеты «Возрождение» (3 июня 1925) и почти до конца года тексты хроники регулярно появлялись на страницах газеты со словами «Продолжение следует». Отметим, что безжалостный в своей правдивости и откровенности, а потому особенно «неудобный» для советской власти дневник Бунина, который писатель вел с января 1918 по июнь 1919 г., был запрещен в СССР на протяжении более шестидесяти лет; как ни странно, и на французский язык он был переведен и издан только в конце 1988 г.⁷ Можно также вспомнить «Петербургский дневник» З. Гиппиус (июнь–декабрь 1919 г.), переведенный в 1921 г. на французский язык Анри Монго как «Mon journal sous la terre»⁸, и две книги А. Ремизова – «Слово о гибели Русской Земли» и «Взвихренная Русь»⁹ (переведенную и изданную на французском только в 2000 г., – комментарии излишни!).

Триумфальное возвращение в постсоветскую Россию И. А. Бунина произошло в конце восьмидесятых годов. В 1989 г. почти одновременно литературно-художественный журнал «Даугава» (Рига) и журнал «Слово» (Москва) опубликовали фрагменты из «Окаянных дней», которые в 1990–91 гг. вышли в свет не одним, а шестью изданиями, общим тиражом почти миллион экземпляров¹⁰. И это редкий случай в русской и вообще в мировой литературе, свидетельство того, насколько писатель был нужен России, какое воздействие на общественное сознание россиян оказывал его авторитет, – я бы еще добавил: его взыскующая совесть.

Когда читаешь произведения Шмелева, написанные в эмиграции, в первую очередь поражает стремление автора, верного памяти о потерянной родине, вновь обрести и оживить Россию – то лучшее в ней, что прячется за ее столь разными ликами.

Сначала в статьях и речах, направленных против советского режима, Шмелев являлся певцом Белой армии, ее подвигов, ее самопожертвования и, в самом высоком смысле, защитником национального сознания, духовной сущности русского народа, его души – одним словом, «русскости», защитником и художником которой автор стремился быть. Шмелев – либеральный демократ, некогда близкий к социалистам и Горькому, в эмиграции превратился в ревностного борца за патриархальную Россию, православие и «белый» консерватизм.

Первые проведенные во Франции годы Шмелев посвятил описанию послереволюционной России; его рассказы «Каменный век» и «Это было» полны ненависти и злобы по отношению к большевикам.

Шмелев, для которого за проклятой советской Россией продолжала жить вечная Святая Русь, станет в изгнании художником рели-

гиозной жизни и набожности русского народа. Он терпеливо берется реабилитировать прошлое своей страны.

Теперь, когда посткоммунистическая Россия пытается вновь найти свои корни и самое себя, вновь обрести свою Историю, переосмыслить свое прошлое, обычаи и традиции, существовавшие до революционной катастрофы, книги великих изгнанников – Шмелева, Бунина, Зайцева, Ремизова и др. – особенно актуальны и могут помочь их соотечественникам вновь обрести источник русской духовности, так как их авторы были одними из тех, кто унес с собой Россию и сумел наперекор всем стихиям сохранить этические и гуманистические традиции великой русской литературы XIX века.

Вслед за событиями, потрясшими СССР в конце 80-х годов, вышли в свет несколько сборников избранных произведений Шмелева, причем один из них – ирония судьбы! – в 1989 г. тиражом один миллион семьсот тысяч экземпляров был выпущен издательством «Правда»! Что касается «Солнца мертвых», то впервые вышедшая в России в полном варианте лишь в 1990 году, книга была четырежды переиздана, и общий тираж всех этих изданий составил более двухсот пятидесяти тысяч экземпляров. Таким образом, за последние 25 лет в России вышло 30 книг Шмелева, общий тираж которых превышает три миллиона экземпляров. Добавим, что в 1989 г. в Москве появилось собрание сочинений Шмелева в 2-х томах, а в 2000 г. последовало новое издание, и на этот раз это был солидный восьмитомник.

Какой блестящий реванш для того, кто предал анафеме советский режим, для автора, который был отвергнут Историей, но признан равным великими иностранными писателями, а во Франции – стране, которую он выбрал для продлившегося более тридцати лет изгнания, – оставался «великим неизвестным», и лишь три романа были переведены на французский язык при жизни писателя и ни одного после смерти. Жизнь в эмиграции стала для Шмелева не только драмой, но и школой смирения. Безусловно, он, как и его коллеги, страдал от равнодушия со стороны большинства французских писателей и читающей публики. Доказательством этому служат слова известного французского академика Жана-Мари Руара: «Эти изгнанники нашли столь мало сочувствия и понимания со стороны принявших их стран. Чудовищность положения русских эмигрантов состояла в том, что к ним, сбежавшим из ада большевистской революции, относились с таким презрением и опаской, будто бы они были прокляженными или отбросами истории»¹¹.

Февральскую революцию и падение Империи Иван Бунин, в отличие от большинства русской интеллигенции, встретил без всякого энтузиазма. В крушении самодержавия он видел конец России не

потому, что считал этот строй замечательным, а потому, что не верил в быстрое построение демократии на «голом месте», среди народа, который даже не знает, что означает это слово. У Бунина (как и у В. Набокова) отвращение к большевикам носит, пожалуй, не только моральный, но и, так сказать, эстетический характер. В этом проявилось его коренное свойство: видеть в основе трагизма мира не контраст добра и зла, а контраст красоты и уродства.

Сохраняя внешне, на людях, самообладание «парнасца» и академика, Бунин наедине с собой, в дневниках, изливает со страстной неистовостью всё, что кипит у него в душе: «Я просто погибаю от этой жизни и физически, и душевно. И записываю я, в сущности, черт знает что, что попало, как сумасшедший». Но именно эта ненамеренность и случайность придают этим записям достоверность документа, а неумеренность и неистовость выражений даже как бы прибавляют им в наших глазах убедительности, а вовсе не то, что беспристрастно, – беспристрастность в суждениях о такой трагедии аморальна. «Я никогда не думал, что могу так остро чувствовать», – удивляется сам себе Бунин. Но самое ценное для нас в этих записях сегодня – это, конечно, то, что Бунин, с его чувственным восприятием мира и необыкновенным умением передать увиденное, запечатлел навсегда образ России тех дней. «Для большинства даже и до сих пор ‘народ’, ‘пролетариат’ только слова, а для меня это всегда – глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге – всё естество происходящего ее». Поэтому эти записи Бунина дают нам лучше почувствовать, что на самом деле происходило тогда в России, чем тома исторических исследований.

Почти полгода, до конца мая 1918 года, Бунин прожил в Москве под властью большевиков, с каждым днем всё более ощущал, что «дышать с большевиками одним воздухом невозможно» и что «старый мир, полный недосказанной красоты и прелести, уходит в лету!» Его возможность жить полноценной жизнью постепенно сходит на нет. В конце мая 1918 г. Бунину удается получить разрешение на выезд из Москвы в Одессу, еще свободную от большевиков. В Одессе бежавшая от большевиков столичная интеллигенция старается наладить нормальную жизнь; создаются газеты, издательства, кружки, читаются публичные лекции. Бунин участвует в создании Товарищеского книгоиздательства на паях, пишет статьи в газету «Новое слово», участвует в «Средах», которые возобновились в Одессе, т. к. здесь оказались многие члены этого московского литературного кружка.

В конце марта 1919 г. Одессу захватили большевики, и Бунин наблюдал те кровавые оргии, в которых гибли тысячи лучших людей

России. Бунин пишет тайком ночами при свете коптящей керосиновой лампы и прячет написанное под половицу или засовывает писания в щели карниза. Удивительная наблюдательность Бунина как будто еще больше обостряется. Он с напряженным вниманием вглядывается в ту великую историческую драму, свидетелем которой ему довелось быть. Записи его для нас теперь имеют неизмеримую ценность. 11 августа 1919 г. Добровольческая армия освободила Одессу от большевиков. Едва прекратилась стрельба, в 6 часов утра, Бунин выбежал на улицу и с волнением наблюдал вынос Георгиевского знамени из алтаря. На улицах «масса цветов, единодушное ура, многие плакали. Лица у добровольцев утомленные, но хорошие».

7 сентября 1919 г. Бунин читает публичную лекцию «Великий дурман», в которой высказывает свои взгляды на революцию. «Он так увлекся, что забыл сделать перерыв, – пишет Вера Николаевна Муромцева, – и так овладел вниманием публики, что 3 часа его слушали, и ни один слушатель не покинул зала... Когда он кончил, то все встали и долго, стоя, хлопали ему. Все были очень взволнованы»¹². 20 сентября Бунин вторично прочел свою лекцию еще при большем стечении народа, зал был переполнен, многим желающим даже не нашлось места. В своих газетных статьях этого времени Бунин также высказывает свои выстраданные, выношенные в горьких раздумьях мысли о революции. Из Одессы 26 января 1920 г. Бунин навсегда покинул Россию на французском корабле, трагически понимая, что России конец (рассказ «Конец», 1921).

Свои дневниковые записи, датированные 1 января (старого стиля) 1918 – 24 марта 1919 в Москве и 12 апреля – 20 июня 1919 в Одессе, он собрал впоследствии в книге, озаглавленной «Окаянные дни», которые включил в 10-й том своего Собрания сочинений¹³, в которое не попали многие из его произведений. К тому же, только для десятого тома было сделано два варианта обложки: один с заголовком «Окаянные дни», а другой – «Собрание сочинений И. А. Бунина. X». За несколько месяцев до смерти, в июне 1953 года, Бунин перечитал «Окаянные дни» и внес исправления для нового издания.

«Конец» и «погибель» – лейтмотив «Окаянных дней». Не могу не процитировать известного буниноведа О. Н. Михайлова: «Без ‘Окаянных дней’ невозможно понять Бунина. Книга проклятий, расплаты и мщения, пусть словесного, она по темпераменту, желчи, ярости не имеет ничего равного в ожесточенной белой публицистике. Потому что и в гнев, аффект, почти исступлении Бунин остается художником: это только его боль, его мука, которую он унес в изгнание... Идеальный противник Октября, Бунин был и оставался великим патриотом своей страны в пору величайшей национальной трагедии –

Гражданской войны, уроки которой нам предстоит еще долго и мучительно осмыслять. И в этом отношении значение книги 'Окаянные дни' огромно. Без таких книг Гражданской войны мы, потомки ее, не поймем и смысла ее не осознаем... 'Окаянные дни' – монолог о революции, страстный и предельно искренний, написанный человеком, ее не принявшим и проклявшим. Гигантская общественная катастрофа, постигшая Россию, нашла здесь прямое и открытое выражение и, в то же время, отразилась на всем художественном мире Бунина...»¹⁴.

В «Автобиографических заметках»¹⁵, предворяющих первый том его Собрания сочинений, Бунин пишет: «Я был не из тех, кто был <...> застигнут врасплох, для кого <...> размеры и зверство были полной неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания. Во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия». Для Бунина русская революция означала конец исторической России, ее культуры, веками установившихся традиций, ее духовного облика.

В 1934 г., через год после получения Нобелевской премии, отвечая на анкету, разосланную Российским Общественным комитетом в Польше, Бунин четко выразил свое кредо: «Дорогие соотечественники! Только что получил Вашу открытку, спешу ответить на Вашу анкету – только на первый вопрос: 'Почему мы непримиримы с большевизмом?' – После того, как большевизм так чудовищно ответил сам на этот вопрос своей деятельностью своего пятнадцатилетнего существования? Я лично совершенно убежден, что низменной, лживее, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена. Ив. Бунин 26.X.1934 Grasse, Alpes Maritimes»¹⁶.

В заключение хочу сказать: у первой волны русской эмиграции своя история – сопротивление, отступление, хождение по мукам, встреча с чужбиной, осмысление прошлого и осознание миссии: *быть не в изгнании – а в послании*. Ее феномен уникален, так как нет аналогов в мировой истории; лучшее оправдание этой волны – ее культурное наследие. Сколько было разоблачителей и хулителей Русского Рассеяния, которое по праву можно назвать Зарубежной Россией, ибо она сумела сберечь и приумножить достояние дореволюционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Анри Труайя*. Статья, опубликованная в газете «Русская мысль», № 491. – Париж, 15 окт. 1952.

2. *И. Шмелев*. Солнце мертвых. – «Возрождение». Париж. 1924. / Солнце мертвых. Второе издание. – «Возрождение». Париж. 1949.
3. *Ivan Chmélov*. Le soleil de la mort. Traduit du russe par Denis Roche. – Paris, Librairie Plon, 1929. / Le soleil des morts. Второе издание с пред. Т. Манна и послесловием Р. Геппа. – Paris, Ed. des Syrtes, 2001.
4. *Iwan Šmelev*. Die Sonne der Toten. Deutsch von Käthe Rosenberg. – Berlin, Fischer Verlag, 1925.
5. *Ivan Shmelev*. The Sun of the Dead. Translated by C. J. Hogarth. – London, J. M. Dent & Sons, 1927. / The Sun of the Dead. Второе издание: London–Toronto–New York: E. P. Dutton & Co. 1928.
6. «Красная новь». 1926. №3 (20). – Сс. 19-21.
7. *Ivan Bounine*. Jours maudits. Traduit du russe, préfacé et annoté par Jean Laury. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1988.
8. *Dmitri Merejkowsky, Z.Hippius*. «Мой дневник под террором». – Paris: Le Règne de l'Antéchrist. 1921.
9. *Alexis Rémizov*. La Russie dans la tourmente. Traduit du russe et annoté par Anne-Marie Tatis-Botton. – Lausanne: L'Age d'Homme, 2000.
10. И. А. Бунин. Окаянные дни. Библиотека журнала «Слово». – М.: Советский писатель, 1990. (тираж 400000 экз.) / Рига: Изд. ЦК КП Латвии, 1990 (тираж 100000 экз.) / М.: Советская Россия, 1990 (тираж 50000 экз.) / Тула, 1991 (тираж 75000 экз.) / М.: Молодая гвардия, 1991. Составление и предисловие О. Михайлова, который мне надписал эту книгу: «Может быть, дорогой Ренэ, это первая и более или менее честная статья о Бунине – без эквивалентов и недомолвок. 4.03.93» (тираж 200000 экз.).
11. «Oubli», éditorial du Figaro littéraire, 16 (244), cahier 2, jeudi 7 novembre 1996 («Забытое», передовица «Фигаро Литерэр», 7 ноября 1996 г.).
12. «Устами Буниных». Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин. В трех томах. Том 1. – Франкфурт: Посев. 1977. – С. 315.
13. Собрание сочинений И. А. Бунина. В XI томах. – Берлин: Петрополис. 1935–1936.
14. *О. Н. Михайлов*. Литература Русского Зарубежья от Мережковского до Бродского. – М.: Просвещение. 2001. – Сс. 35, 37, 38.
15. Собрание сочинений И. А. Бунина. Том I. – Берлин: Петрополис. 1936. – С.11.
16. «Под русским стягом». – «Новое русское слово», № 22 (932). – Нью-Йорк. 27 марта, 1973. Публикация Сергея Войцеховского.

ЭССЕ. ЗАМЕТКИ

Олег Заславский

От темы к структуре

О стихотворении Б. А. Чичибабина «Смутное время»

Исследование поэтики Б. А. Чичибабина, по сути, только начинается¹. В данной заметке мы через внутритекстовый анализ попытаемся проследить основные приемы его поэтики, выстраивание структуры стиха в зависимости от развития темы. Обратимся к раннему стихотворению Б. Чичибабина «Смутное время».

По деревням ходят деды,
просят медные гроши.
С полуночи лезут шведы,
с юга – шпыни да шиши.

А в колосьях преют зерна,
пахнет кладбищем земля.
Поросли травой черной
беспризорные поля.

На дорогах стынут трупы.
Пропадает богатырь.
В очарованные трубы
трубит матушка Сибирь.

На Литве звенят гитары.
Тула точит топоры.
На Дону живут татары.
На Москве сидят воры.

1. Безусловно, самым серьезным анализом его поэзии стала статья Г. С. Померанца «Одинокая школа любви: Поэзия Бориса Чичибабина» («Дружба народов», 1995, № 12); можно также отослать читателя к сборникам: Борис Чичибабин в статьях и воспоминаниях. – Харьков: Фолио, 1998; Ф. Д. Рахлин. О Борисе Чичибабине и его времени. – Харьков, «Фолио», 2004.

Льнет к полячке русский рыцарь.
Захмелела голова.
На словах ты мастерица,
вот на деле какова?..

Не кричит ночами петел,
не румянится заря.
Человечий пышный пепел
гости возят за моря...

Знать, с великого похмелья
завязалась канитель:
то ли плаха, то ли келья,
то ли брачная постель.

То ли к завтрему, быть может,
воцарится новый тать...
«И никто нам не поможет.
И не надо помогать»².

1947

Главное, что обращает на себя внимание, – появление «смазанных» элементов, из-за чего общая картина Смутного времени сама становится «смутной» и теряет четкость, иконическим образом воплощая в себе свойства эпохи.

В 1-й строфе упоминаются *медные гроши*. На монетах традиционно изображался царь³, что отсылает к столь актуальной для Смутного времени проблеме идентичности царя (подлинный царь или ложный, самозванец). Далее мы убедимся, что «смутная» идентичность – соседство двух или более сходных элементов – оказывается воплощением самого Смутного времени в стихотворении.

Строфа наполнена шипящими (гроши, шведы, шпыни, шиши); подразумевается и слово нищие. Можно предположить, что здесь реализуется мотив шипения, отсылающий к змеям, которые «лезут» со всех сторон. Шведам (народу) противопоставляются *шпыни* и *шиши*. «Шпынь» – «колкий насмешник» (юж., зап. диал.). У слова «шиш» –

2. Цитируется по: Б. А. Чичибабин. В стихах и прозе / Ред.-сост. Л. С. Карась-Чичибабина, Л. Г. Фризман. Отв. ред. Б. Ф. Егоров. – М.: Наука, 2013. С. 25.

3. Это обстоятельство сыграло существенную роль в сцене с юродивым в пушкинском «Борисе Годунове». См. об этом: Листов В. С. Судьба коренного поэта. Монография. – Арзамас, 2013. – Сс. 51, 52.

целый ряд значений: бродяга, вор (вят. диал.)⁴. Здесь намеренно используются малопонятные, устаревшие, а потому мало отличимые слова, которые как бы расплзаются; образ теряет четкие очертания – что соотносится со смутными временами. В той же 1-й строфе *полуночь* противопоставляется *югу*. Интересно, что «полуночь» здесь в значении «север» – от украинского *pівніч* («полночь» – и «север») Таким образом, Смута смазывает языковую четкость; сравнивается русское и украинское, перепутываются характеристики времени и пространства. Кроме того, при буквальном понимании данное слово как бы указывает на половинчатую, неполноценную ночь.

Во 2-й строфе упоминается: «преют зерна». Такое словосочетание актуализует более привычное «зреют зерна», на фоне которого *преют* воспринимается как отрицание *зреют*. В данном контексте из двух вариантов реализуется лишь один – отрицательный, указывающий на *смерть* зерна. Соответствующий оттенок смысла приобретает и слово «беспризорные» – как бы указывающее на гибель не только полей, но и самого зерна. Зерно – символ жизни – смешивается со смертью. То же происходит и с *травой черной*, которая превратилась в примету *умирания*: эпитет «черная» стирает различие между травой и землей, действует общая тенденция к стиранию контрастов, что вообще характерно для *смутных времен*.

В 3-й строфе упоминается «пропадающий богатырь». Это напоминает ситуация из фольклора, когда богатырь стоит перед камнем на распутье трех дорог: «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – жизнь потеряешь, прямо пойдешь – жив будешь, да себя позабудешь». Надпись обещает разные исходы, но все они – отрицательные. Так и здесь, в стихотворении, значимы разные направления, но друг другу не противопоставленные, – мотив смутности. Пространство в стихотворении оказывается задействованным со всех четырех сторон: с севера, юга, запада (Литва) и востока (Сибирь).

В той же строфе упоминается Сибирь, традиционное место ссылки в Российской империи. «Сибирь» упрочена в национальнейшей культурной памяти как отрицательный троп. «Первыми сибирскими ссылными считаются жители Углича, сосланные в Пелымский острог по делу об убиении царевича Димитрия в 1593 году – через год после основания самого Пелыма» (Википедия). То есть речь идет об обстоятельствах Смутного времени!

В этой же 3-й строфе упоминаются *трубы*, в которые трубят «матушка Сибирь». Сразу за этим – начальные строки 4-й строфы: «На Литве звенят гитары». И то, и другое воплощает мотив *зова*, в

4. Б. А. Чичибабин. В стихах и прозе, с. 485.

свою очередь, связанного с мотивом самозванства. Исторически, при этом, Литва действительно играла существенную роль в сюжете о самозванце. В «очарованных трубах» слышится и отсылка к иерихонским трубам – к тем, что сокрушили *царство, царя*.

Обратимся к 4-й строфе, к строке про Тулу. С одной стороны, Тула – город оружейников, производство оружия – норма для этих людей. Но с другой – по контексту – ясно, что Тула готовит восстание. Здесь же присутствует звукопись: *Тула точит топоры*. Причем, с рассматриваемой точки зрения, важно, что эта звукопись создается небольшими звуковыми вариациями в словах, идущих друг за другом подряд. В результате и здесь работает тот же принцип, выражающий Смутное время в самой структуре: смазывание различий между сходными элементами. (Помимо чисто структурного аспекта здесь также присутствует и непосредственное звукоподражание, воспроизводящее атмосферу Смутного времени напрямую: звук набата, тревоги, сигнала для сбора народа...)

«На Дону живут татары» также содержит сочетание нормы и аномалии. С одной стороны, там действительно жили татары. С другой – нахождение татар (с которыми на протяжении веков русские воевали) в *русской* области в контексте тревожной атмосферы всего стиха может восприниматься как намек на военную опасность.

В 5-й строфе (намек на Марину Мнишек и Григория Отрепьева) *русый* рыцарь одновременно отсылает и к цвету волос, и к национальной принадлежности (русы, русские). Даже слово «льнет» не намек ли на льняной цвет волос полячки?... То есть и здесь звуковой строй стиха несет явную смысловую нагрузку. Вопрос «вот на деле какова?...» одновременно относится и к делам государственным («дело» – союз самозванца и Польши), и к сексуальным.

В 6-й строфе упоминаются «гости». Стандартное выражение «звать в гости» в данном контексте перекликается с мотивом самозванства. К тому же, «гости» – традиционное наименование купцов. Однако в данном контексте слово предполагает не приход (привоз заморских товаров), а уход, *вывоз* (за моря). Противоположности опять смешиваются, мутнеют.

«Человечий пышный пепел / гости возят за моря...» Надо полагать, что это – своеобразная реализация формулы «пройти через огонь и воду» – лишь в отрицательном значении: здесь *пройти* не получается – в результате возникает лишь *пепел*. Что же касается «медных труб» – как мы видели, в третьей строфе трубы действительно упоминаются. «Не кричит ночами петел, / не румянится заря...» Приход зари отменяется – в результате четкая граница между противоположностями смазывается.

В 7-й строфе встречается сразу несколько различных со/противопоставлений. Плаха и келья объединяются как угроза физической смерти и уход от реального мира (в том числе в результате насильного пострижения), причем здесь и то и другое оказывается актуальным как раз в связи с обстоятельствами Смутного времени. С другой стороны, келья и брачная постель противопоставляются в связи с безбрачием монахов. Между плахой и брачной постелью прямые противопоставления отсутствуют. В результате вся триада в целом к однозначным дуальным противопоставлениям не сводится. Причем на такие противопоставления накладывается мотивировка похмельем (упомянутым в 1-й строке): *в голове все путается*.

В 8-й строфе в заключительных строках разные части речи объединяются мотивом отрицания: подлежащее («никто»), сказуемое («не поможет») и предикативное наречие («не надо»). В этом смысле различие между ними смазывается. А поскольку это – цитата из Г. Иванова, то получается еще и переплетение чужого текста и своего. Более того, «выдавая» чужие стихи за свои, автор демонстрирует мотив *самозванства* в самой структуре текста!

Как известно, Чичибабин вначале написал здесь текст без кавычек⁵. Заметим, столь четкое разделение своего и чужого разрушает эффект смазанности – содержательный в этом стихотворении о Смутном времени, занижается и тема самозванства. Остается пожалеть, что авторская правка (видимо, из соображений щепетильности по отношению к предшественнику) сработала в данном случае против художественного приема.

Таким образом, характер Смутного времени действительно воплощается в самом построении стихотворения, элементы которого расплываются и теряют четкость. Отмеченные свойства проявляют себя в том, что в ряде случаев рифмующиеся слова отличаются друг от друга минимально, всего лишь парой букв. Сюда относятся пары «зерна – черной», «трубы – трупы», «гитары – татары», «петел – пепел», «может – поможет». Однако все эти слегка отличающиеся элементы оказываются связаны с опасностью и размытостью смутных времен: этот мир потерял способность к различению добра и зла.

5. «Строки 'И никто нам не поможет. / И не надо помогать' в итоговой книге Чичибабин взял в кавычки, так как обнаружил аналогичные в стихотворении Георгия Иванова 'Хорошо, что нет Царя...'. По предположению Л. Аннинского, Б. Чичибабин мог услышать эти строки в тюрьме и запомнить их со слуха – возможности прочесть их у него не было. Книгу Г. Иванова 'Из литературного наследия' (М., 1989) он приобрел в 1990-е годы и, увидев совпадение, поставил кавычки.» (Чичибабин. Указ. соч. Сс. 484-485).

ОБ АВТОРАХ

АРУТЮНОВА Каринэ. Художник, прозаик, поэт. Автор книг «Пепел красной коровы», «Скажи: красный», «Нарекаци от Лилит», «Падает снег, летит птица», «Цвет граната, вкус лимона» и др. Финалистка литературного конкурса «Малая проза» (2009, Израиль). Лауреат литературного конкурса памяти поэта Ури Цви Гринберга в номинации «Поэзия» (2009). Лауреат премии НСПУ им. Владимира Короленко (2017).

БАРАШ Александр (1960, Москва). Поэт, прозаик, эссеист. В 1980-е годы – редактор (совместно с Н. Байтовым) независимого литературного альманаха «Эпсилон-салон», куратор группы «Эпсилон» в клубе «Поэзия». С 1989 года – в Иерусалиме. Автор пяти книг стихотворений, последняя – «Образ жизни» (2017), двух автобиографических романов, последний – «Свое время» (2014), двух книг переводов израильской поэзии, последняя – «Помнить – это разновидность надежды...» (2019).

ВОЛОСЮК Иван (1983, Дзержинск, Донецкая область). Окончил филологический факультет ДНУ. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Новая Юность», «Юность», «Новый берег», «Интерпоэзия». Участник ряда Форумов молодых писателей России, стран СНГ, Фестивалей Фонда СЭИП в Украине и в Беларуси. Стихотворения переведены на итальянский и болгарский языки. Живет в Донецке.

ВОЛЬТСКАЯ Татьяна (С.-Петербург). Поэт, эссеист, соредактор журнала «Постскриптум». Автор десяти сборников стихов, в том числе: «Стрела», «Тень», «Cicada» (London, Bloodaxe, 2006), «Trostdroppar» (Стокгольм, 2009), «Угол Невского и Крещатика» (Киев, 2015), Избранное (2015), «В легком огне» (Ridero, 2017). Стихи переводились на английский, немецкий, шведский, голландский и др. языки. Лауреат Пушкинской стипендии (Германия, 1999), премии ж. «Звезда» (2003) и «Интерпоэзия» (2016). Победитель Волошинского конкурса (2018). Публикации в журналах «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Этажи», «Новый берег», «Крещатик» и др. Корреспондент радио «Свобода / Свободная Европа»

ГАРБЕР Марина (Киев). Поэт, эссеист. Магистр искусств, преподаватель английского, итальянского и русского языков. Автор четырех книг стихотворений, последняя – «Каждый в своем раю» (2015).

Поэзия, проза, переводы и критические очерки публиковались в журналах «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крепцатик», «Литература», «Нева», «Урал», «Эмигрантская лира», «Шо» и др. Эмигрировала в США в 1989 году. В настоящее время живет в Лас-Вегасе, штат Невада.

ГЕРРА Ренэ. Литературовед, искусствовед, коллекционер-исследователь, издатель. Зав. кафедрой русского языка и литературы Университета г. Ницца, доктор филологических наук. В своем изд-ве «Альбатрос» выпустил больше сорока книг писателей первой и второй волн русской эмиграции. Президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции. Почетный член Российской Академии художеств. Автор свыше 250 научных и публицистических работ по культуре русской эмиграции, в т. ч. книг: «Младшее поколение писателей Русского Зарубежья»; «Они унесли с собой Россию (Русские эмигранты – писатели и художники во Франции: 1920–1970)», «Жаль русский народ», «Биобиблиография Б.К. Зайцева» и др. Лауреат Царскосельской художественной премии, (2009) и Литературной премии им. Антона Дельвига (2010).

ДУБРОВИНА Елена (Ленинград) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Автор книг стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», романа «In Search of Van Dyck»; составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile. 1917–1975. A Bilingual Anthology» (2013). Печаталась в «Гранях», «Континенте», «Встречах», в НРС и др. Состояла в редколлегии альманаха «Встречи»; гл. редактор ж. «Поэзия: Russian Poetry Past and Present» и «Зарубежная Россия: Russia Abroad Past and Present» (США). Стихи вошли в антологию английской поэзии «Liquid Gold». Награждена Национальной литературной премией им. Шекспира за мастерство переводов. В США с конца 1970-х. Живет в Филадельфии.

ЗАСЛАВСКИЙ Олег Борисович (1954, Харьков). Физик-теоретик, автор нескольких десятков работ о поэтике русской литературы.

КАРЕТНИКОВ Брайан Петрович (1987, Эдинбург). Литературовед, переводчик, специалист по литературе Русского Зарубежья. Преподает в University College London (UCL). Автор многочисленных переводов на английский произведений писателей диаспоры, в том числе: Гайто Газданов, Ирина Одоевцева, Марк Алданов и Юрий Фельзен. Под его редакцией вышла антология «Russian Émigré Short Stories from Bunin to Yanovsky» (Penguin, 2017). Печатался в «Times

Literary Supplement», в «Spectator» (Лондон), в «LA Review of Books» (Лос-Анджелес).

МЕКЛИНА Маргарита (1975, Ленинград). Прозаик, эссеист, журналист. Окончила филологический факультет Педагогического университета им. Герцена, СПб., и Университет Сан-Франциско. Автор книг «Сражение при Петербурге», «У любви четыре руки», «РОРЗ» (совм. с А. Драгомощенко), «А я посреди», «Моя преступная связь с искусством», «Вместе со всеми». Лауреат премии Андрея Белого (2003), Русской премии (2008), «Вольный Стрелок: серебряная пуля» (изд-во «Franc tireur», 2009). Финалист премии «Нос» (2014); Лауреат премии им. Марка Алданова (2018). Автор многочисленных публикаций в англоязычных журналах. Живет в Дублине, Ирландия.

МУСАЯН Ара (1946). Переводчик, прозаик. Вместе с родителями в 1947 году переехал из Франции в Советскую Армению, с 1948 по 1952 гг. семья жила в Абхазии. В 1964 г. вернулся во Францию, учился на философском факультете Сорбонны. Публиковался в журнале «Орти» в 1979–1984 гг. Пишет по-французски и по-русски. Живет в Париже.

НЕМИРОВСКИЙ Александр (Москва). Поэт, писатель, хай-трек антрепренер. Основоположник поэтического стиля «Джаз-поэзии». Автор семи книг стихов и прозы. Многочисленные публикации в США, Франции, Финляндии, Германии, России. Лауреат Канадской премии имени Э. Хемингуэя, журнала «Новый свет» (2007). Член Петербургского СП. Основатель и редактор первого звукового литературного журнала «Западное Побережье».

ПЕСТЕРЕВ Станислав Константинович, (1988, Томск). Преподаватель английского языка, литературовед. Защитил кандидатскую диссертацию по малой прозе М. Алданова в 2017 г. Доцент кафедры иностранных языков УрФУ. Архивист-исследователь в Ельцин-центре. Автор статей в российской периодике, в том числе: «Вестник ТГУ», «Сибирский филологический журнал». Живет в Екатеринбурге.

РОЗОВСКИЙ Исаак (1951, Москва). Психолог по образованию. Стихи, повести, рассказы, эссе публиковались в различных бумажных и интернет-изданиях России, Израиля, США. Автор книг «Пособие для беззаботных» (стихи, 2000), «Эвтаназия, или Путь в Кюсснахт» (проза, 2019). Лауреат премии им. Марка Алданова (2019). Живет в Иерусалиме.

РАХМАН Виталий (Херсонес). Поэт, художник, издатель, С 1962 года учился и работал в Москве. Лауреат нескольких Всесоюзных выставок по промышленному дизайну. За участие в Измайловской выставке нонконформистов был сослан в Алтайский край. В 1980 иммигрировал в США. Участник антологий «Филадельфийские страницы. Проза. Поэзия» (1998), «Украина. Русская поэзия. XX век» (2008), альманахов «Встречи» и «Побережье». Художественный редактор издательства «The Coast». Издатель ряда русскоязычных газет на Восточном побережье. Имел персональные выставки в США. Несколько работ в коллекции Zimmerli Art Museum, США. Сборники стихов: «Времени чаша без дна» (1991), «Встречный экспресс» (2007).

САНДУЛОВ Юрий (1953, г. Артемово). Историк, коллекционер. Окончил философский факультет ЛГУ, там же аспирантуру и докторантуру. Работал гл. редактором изд-ва «Лань», преподавал. Печатается в периодических изданиях Русского Зарубежья. Составитель книг по истории русской эмиграции, среди них – «Русские места захоронений в США» (2016). Президент общества «Северный Крест», занимается историей Русского Зарубежья.

УЛАНОВСКАЯ Елена (1960, Пермь). Образование техническое, окончила курсы для продюсеров в New York Film Academy. Книги: «Пальмы на асфальте», (2016), «Апокалипсис» (2017), «Формула семьи» (2019). Автор сценария и продюсер документальных фильмов: «Русский тяжелый язык» (Израиль), «Из России с математикой» (США), «Новые протоколы Сионских мудрецов». Живет в Бостоне.

The New Review / Novyi Zhurnal is the oldest continuously published Russian-language literary quarterly

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends:

Patron: Mr. S. Hollerbach; The Tcherepnine Society, Mr. P. Tcherepnine; Russian Nobility Association in America; Association of Russian-American Scholars in the USA;

Sponsors: American-Russian Aid Association “Otrada”; Capital Builders Group, Mr. & Mrs. G. Lukin; Mr. A. Nemirovsky;

Fellows: Mr. & Mrs. B. Pushkarev; Mr. & Mrs. J. Vulfin;

Friends: Mr. & Mrs. M. Averbuch; Ms. Ye. Dubrovina, Ms. N. Faynberg, Mr. A. Gritsman, Ms. N. Kossman, Mr. A. Moussaïan; Mrs. Obolensky-Flam; Ms. C. Raeff.

It requires the support of loyal friends for year 2020:

Patron – \$ 5,000 and up

Benefactor – \$ 2,000 and up

Sponsor – \$ 1,000 and up

Fellow – \$ 500 and up

Friend – \$ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to

THE NEW REVIEW

1216 Broadway, 2nd floor

New York, NY 10001

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Андрей Красильников – 111024 Москва, а/я 61

Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-921-940-0421

Париж, Франция: Виталий Амурский: vitaly.amoursky@gmail.com

Израиль: Марина Кособок-Полонски: Polonskybooks@gmail.com

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ:

Дом Русского Зарубежья: 109004 Москва, Нижняя Радищевская, д. 2

Магазин «Фаланстер»: Москва, Тверская 17; тел.: 7-495-629-88-21

Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France

RBC Video / Bukinist: 269 Brighton Beach Ave, Brooklyn, NY, USA

Polonsky Books: Haifa, Huri Street, 2, Migdal ha Nevi'im, Israel; +972 55 968 24 16
на сайте журнала через PayPal (кнопка: Подписка)

Вы можете оформить электронную подписку на журнал. Подробности на сайте: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка)

STATEMENT OF OWNERSHIP, MANAGEMENT AND CIRCULATION 2018

- 1.Publication title – The New Review
- 2.Publication No. – 596680
- 3.Filing date – [as published]
- 4.Issue frequency – Quarterly
- 5.Number of issues published annually – 4
- 6.Annual subscription price – \$ 76.00
- 7.Complete mailing address of known office of publication – 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
- 8.Complete mailing address of headquarters or general business office of the publishers – 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
- 9.Names and complete address of publisher, editor, managing editor:
 Publisher – The New Review Inc., 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
 Managing Editor – Marina Adamovitch, 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
10. Owner – The New Review Inc., 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
11. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1% or more of total amount of bonds, mortgages, or other securities – None
12. Tax status (For completion by nonprofit organization authorized to mail at nonprofit rates) The purpose, function, nonprofit status of this organization and the exempt status for federal income tax purposes: Has not changed during preceding 12 months
- 13-14. Issue date for circulation data – September 2019
15. Extent and nature of circulation

	Average number of copies each issue during preceding 12 months	Copies of Single issue published nearest to filing date
a) Total number of copies	500	400
b) Paid circulation (by mail and outside)		
(b1) Mailed outside-county paid subscriptions stated on Form 3541	125	110
(b2) mail in-county subscriptions stated on Form 3541	18	15
(b3) sales through dealers and carriers, other non-USPSpaid distribution	185	139
(b4/ other classes mailed through the USPS	70	56
c/ Total paid and/orrequested circulation	398	320
d/ Free distribution by mail		
(d1) outside county (Form 3541)	0	0
(d2) in-county (Form 3541)	0	0
(d3) other classes mailed through the USPS	33	34
e/ Free distribution outside the mail	15	11
f/ Total free distribution	48	45
g/ Total distribution	446	365
h/ Copies not distributed	54	35
i/ Total	500	400
j/ Percent paid and/or	89.2	87.7

I certify that the statements made by me above are correct and complete – (Signature of editor, publisher, business manager or owner) – Marina Adamovitch, Managing Editor